

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й. СЕНТЯБРЬ. 1901 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1901.

IX-я книга „Русской Старины" вышла 1-го сентября 1901 г.

Библіографическій листокъ.

Великій князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки. Спб. 1901 г.

Каждая историческая эпоха, — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — выдвигаетъ историческихъ дѣятелей, личность которыхъ, ихъ жизненная обстановка и міросозерцаніе налагаютъ отпечатокъ на событія эпохи, даютъ имъ краски, тонъ, живо чувствуемые, хотя и не поддающіеся иногда точному опредѣленію.

Нельзя не согласиться и съ дальнѣйшими словами Великаго Князя, что біографическія подробности объ историческихъ дѣятеляхъ даютъ ключъ къ уразумѣнію истиннаго характера и хода событій, и въ этомъ случаѣ біографія приходитъ на помощь трудамъ общеисторическаго содержанія, имѣющимъ предметомъ не лица, а эпоху.

«Для русской исторіи XVIII и начала XIX вѣка біографическія данныя объ историческихъ дѣятеляхъ имѣютъ въ особенности важное значеніе, такъ какъ руководящая роль въ правительствѣ принадлежала въ это время массѣ избранниковъ и случайныхъ людей, свѣдѣній о которыхъ сохранилось сравнительно очень мало: блеснувъ яркимъ метеоромъ среди своихъ современниковъ, они обыкновенно исчезали въ ихъ памяти съ тою же быстротой, съ какой совершалось ихъ возвышеніе».

Первоначально біографическіе очерки князей Долгорукихъ, сподвижниковъ императора Александра Павловича въ первые годы его царствованія, были написаны Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ для «Біографическаго Словаря», издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ обществомъ. Но въ очерки эти не могли войти многія подробности о Долгорукихъ, не отвѣчавшія задачамъ и размѣрамъ «Словаря». Это побудило высокаго автора издать свой трудъ въ болѣе полномъ видѣ, съ приложеніемъ документовъ, извлеченныхъ имъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, и снимковъ въ миніатюръ членовъ семьи Долгорукихъ Александровскаго времени.

Разсматриваемая книга состоитъ изъ четырехъ біографическихъ очерковъ, снабженныхъ двѣнадцатью прекрасными снимками съ миніатюръ, частію изъ собственной коллекціи автора, частію принадлежащихъ князю П. В. Долгорукову; вслѣдъ за очерками помѣщена родословная таблица Долгорукихъ, а за нею напечатаны очень цѣнныя приложенія на русскомъ и преимущественно французскомъ языкахъ.

Первый очеркъ знакомитъ насъ съ жизнію и дѣятельностью князя Петра Петровича Долгорукова, родившагося въ 1744 году и скончавшагося, въ отставкѣ, въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, въ своемъ помѣстьѣ Слѣпневѣ, Тульской губерніи, въ 1815 г.

Службу свою онъ началъ въ Берлинскомъ посольствѣ, но по открытіи войны съ турками отправился въ Морею и командовалъ тамъ Спартанскимъ легіономъ. При императорѣ Павлѣ князь П. П. Долгорукій былъ назначенъ начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода; онъ возстановилъ этотъ заводъ, пришедшій въ упадокъ по удаленіи отъ службы генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа.

По отзыву современниковъ, князь Петръ Петровичъ былъ мужъ ума обширнаго, учености всеобъемлющей, твердъ и возвышенъ духомъ, безкорыстенъ и пламенно любилъ свое отечество.

Во второмъ очеркѣ дана біографія старшаго сына генерала-отъ-инфантеріи князя П. П. Долгорукова—Владиміра Петровича, родившагося въ 1773 г. и скончавшагося 24-го ноября 1817 г. Въ чинѣ подполковника онъ участвовалъ съ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ въ походѣ противъ турокъ въ числѣ войскъ князя Потемкина; въ 1794 г. сражался подъ знаменами Суворова въ Польшѣ, а въ 1796 г. участвовалъ, въ чинѣ полковника, въ Персидскомъ походѣ въ корпусѣ графа Валеріана Зубова. По прекращеніи этого похода императоромъ Павломъ, В. П. Долгорукій, въ числѣ прочихъ четырехъ кавалерійскихъ полковниковъ, былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ разныхъ злоупотребленіяхъ; но обвиненія эти оказались ложными, и всѣ четверо были оправданы. 23-го ноября 1798 г. императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ въ свою свиту и лично возложилъ на него орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго.

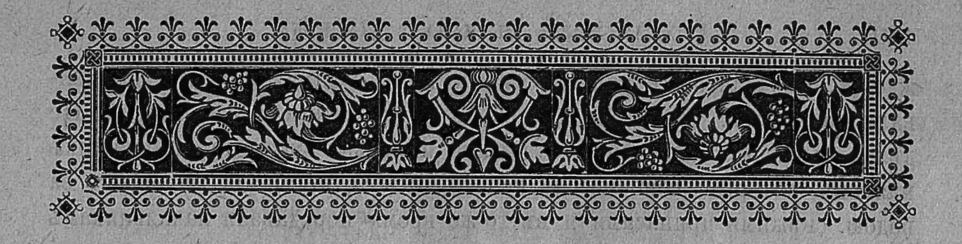
При открытіи кампаніи 1805 года князь Владиміръ Петровичъ просилъ разрѣшенія участвовать въ ней и получилъ согласіе. Онъ прибылъ въ армію наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, но не успѣлъ принять въ немъ дѣятельнаго участія. Желая оправдать милость новаго императора, онъ отправился въ 1806 году, при открытіи войны съ Турціей, въ Молдавскую армію. Здѣсь онъ получилъ бригаду въ корпусѣ Милорадовича; взялъ

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ

КОРНИЛОВЪ.

(См. „Рус. Стар.“ августъ, стр. 321 и 322).

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XII [1]).

Толки о политическихъ событіяхъ.—Записка М. М. Сперанскаго.—Попытки правительства руководить общественнымъ мнѣніемъ.—Основаніе газеты „Сѣверная Почта".—Положеніе императора Александра I.—Секретный рескриптъ главнокомандующему въ Москвѣ графу Гудовичу.—Объявленіе о заключеніи мира съ Австріею.—Поѣздка императора въ Москву.

Въ началѣ 1809 года императоръ Александръ, по соглашенію съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ, сталъ готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, чтобы помочь ему разгромить Австрію. Хотя впослѣдствіи война эта оказалась безкровною [2]), но приведеніе войскъ на военное положеніе и движеніе ихъ къ границамъ стоило значительныхъ суммъ и разстраивало и безъ того плохіе наши финансы. Послѣдніе ухудшались еще болѣе и отъ другой войны, которую можно назвать бездымною—войны съ Англіею. Никто не слыхалъ британскихъ выстрѣловъ, но всѣ чувствовали тяжесть разрыва съ этою державою. Балтійское море и Финскій заливъ были заняты англійскими крейсерами. Наши военныя суда не выходили изъ портовъ, и англичане безнаказанно и безъ всякаго снисхо-

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1900 г.

[2]) „Другаго названія,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—нельзя присвоить этому странному и небывалому походу русскихъ войскъ. Достаточно сказать, что въ дѣлѣ при Подгуржѣ, 2-го (14-го) іюля, важнѣйшемъ въ продолженіе всей войны 1809 года съ Австріею, были убиты два казака и ранены подполковникъ Стакельбергъ и казачій сотникъ" („Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе", т. II, стр. 240 и 241).

жденія обходились съ нашими купеческими судами: экипажъ высаживали на берегъ, грузъ брали себѣ, а судно сжигали или топили. Не дѣлая высадокъ, англичане отдавали приказы смотрителямъ нашихъ маяковъ, которые, конечно, не исполнялись [1]), посылали на берегъ за водою, свѣжими припасами и въ то же время передавали начальникамъ нашихъ постовъ англійскія и нѣмецкія газеты съ извѣстіями о томъ, что̀ происходило въ Австріи [2]).

Такое неопредѣленное положеніе наше съ Англіею, запрещеніе ввоза и вывоза товаровъ тяжело отражалось на внутренней жизни Россіи. Народъ ропталъ на увеличеніе повинностей, купечество банкротилось вслѣдствіе совершеннаго прекращенія торговли, упадка курса и дурнаго состоянія финансовъ. Къ 1810 году серебряный рубль былъ доведенъ до 4 руб. ассигнаціями [3]). «Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову [4]), что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ-трети; мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, дрова отъ 12 до 15 р., сукно отъ 35 до 50 р. аршинъ и т. д. Я не говорю о сахарѣ [5]), такъ какъ можно обойтись безъ завтрака, но не безъ обѣда. Такимъ образомъ живущіе въ странѣ (Россіи), теряютъ еще больше, чѣмъ тѣ, которые выѣзжаютъ изъ нея, въ виду разницы образа жизни въ Россіи и въ другихъ странахъ. Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣріе, которое еще сохранялось къ мѣрамъ правительства».

Чиновничество было недовольно экзаменами, возвышеніемъ цѣнъ на всѣ жизненныя потребности и обвиняло въ томъ купечество, желавшее

---

[1]) Во время лѣтнихъ свѣтлыхъ ночей, англичане въ плаваніи не подвергались опасности, но съ наступленіемъ темныхъ осеннихъ ночей крейсерство въ Финскомъ заливѣ, наполненномъ множествомъ опасныхъ мелей и островковъ, было сопряжено съ большими трудностями и тѣмъ болѣе, что наше правительство запретило зажигать маяки. Въ такомъ затруднительномъ положеніи англичане разсылали разныя угрозы нашимъ смотрителямъ маяковъ. Одинъ изъ такихъ былъ написанъ по-русски слѣдующаго содержанія: „Вицеадмиралъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Яковъ Сомаресъ, главно-начальникъ надъ Велико-Британское флота надъ Балтійское море, прикажетъ, что Кахшкоръ маякъ былъ соженъ въ ночію, и за то эта приказаніе будетъ довольное, и наградитъ будутъ людей, а на сопротивъ будутъ наказаны, и маякъ розеренъ, и вы отвезены въ полену въ Англію. Августа 30-го числа 1809 г.“. („Сынъ Отечества“ 1842 г., № 1. Смѣсь, стр. 4).

[2]) Воспоминанія А. П. Бутенева („Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. III (1), стр. 51.

[3]) Записки графа Толстого, „Русская Старина“ 1873 г., № 2, стр. 128.

[4]) 26-го марта 1810 г. изъ Парижа. Арх. князя Воронцова, т. XIX, стр. 168.

[5]) За пудъ сахара платили по 80 и даже по 100 рублей.

возмѣстить свои потери на потребителяхъ. При такомъ положеніи по Петербургу ходили вирши подъ заглавіемъ «Плачъ здѣшнихъ жителей» [1]):

Лишь съ Англіей разрывъ въ коммерціи открылся,
То внутренній нашъ врагъ на прибыль и пустился.
Враги же есть всѣ тѣ безстыдные глупцы,
Грабители людей, безчестные купцы,
На сахаръ цѣну вновь тотчасъ и наложили.
Полтины стоилъ фунтъ, рублемъ ужь обложили.
Не иностранный здѣсь, но внутренній грабежъ.
Потребно симъ плутамъ назначить тотъ рубежъ,
Чтобъ сахаръ прежнею цѣною продавали
И противъ совѣсти двойной цѣны не брали.
Сей мерзкій родъ не чтитъ ни вѣры, ни креста,
Гдѣ есть барышъ продастъ и самого Христа.
Начальство свѣтское вонми сіе моленье,
И отъ злодѣевъ сихъ подаждь намъ избавленье.

Избавленія ждать было не отъ кого; правительство не вмѣшивалось въ подробности торговли, и Карамзинъ писалъ, что «Россія наполнена недовольными. Жалуются въ палатахъ и хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правительству, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры».

Высшій классъ былъ недоволенъ потерею преобладающаго вліянія Россіи въ Европѣ и войною съ Австріею, свидѣтельствовавшей о подчиненіи нашемъ Наполеону.

«Участіе,—писалъ фельдмаршалъ, князь Прозоровскій князю С. Ѳ. Голицыну [2]),—пріемлемое мною въ вашемъ сіятельствѣ, проистекаетъ отъ усердія моего къ монарху и отечеству и отъ искренняго желанія, чтобы въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ удержать Россію—Россіею, поелику то возможно. Министрамъ у двора надлежитъ теперь быть весьма проницательнымъ, дабы рѣшиться, къ которой сторонѣ пристать для сохраненія государства; ибо всякая ошибка произведетъ вредъ невозвратимый. Надлежитъ взять въ примѣчаніе, что если Наполеонъ свергнетъ Австрію, то останется Россія одна, дабы бороться противъ сего непримиримаго воина и самодержца почти цѣлой Европы».

«Теперь,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]),—и послѣдняя преграда (Австрія), раздѣлявшая насъ отъ всемірнаго завоевателя, приближается

---

[1]) Рукопись Императорской публичной библіотеки F IV, № 547.

[2]) Въ письмѣ отъ 1-го мая 1809 г. изъ Браилова, „Русскій Арх." 1876 г. № 6, стр. 157 Князь С. Ѳ. Голицынъ былъ въ то время главнокомандующимъ арміи, назначенной для дѣйствія противъ Австріи.

[3]) Князю С. Ѳ. Голицыну 23-го іюля 1809 года изъ Галаца. Тамъ же, стр. 57 и 58.

*

къ паденію, вслѣдствіе чего уже Россія должна будетъ приносить жертвы, или бороться съ самодержцемъ цѣлой Европы. Начало несчастія ея (Россіи), какъ и вы заключаете, ознаменовано будетъ возстановленіемъ королевства Польскаго. Но кому сіе исправить, если уже не поздно; неужели графу Румянцову?.. Коленкуръ имъ руководствуетъ по собственному произволу. Прочихъ министровъ вы также знаете...

«Я пользуюсь всѣми возможными случаями и даже всѣми мѣрами выискиваю оные (случаи), дабы безъ всякой воздержанности обнаруживать двору нашему то, чего мы ожидать должны. Хотя мнѣ на сіе не отвѣчаютъ, однако же примѣчаю я, что начинаютъ у двора открываться глаза и видѣть, что союзъ съ французами для насъ вредъ; но не въ состояніи они основать плана къ полезной перемѣнѣ. Слѣдовательно, все въ замѣшательствѣ, и они, не рѣшаясь ни на что, употребляютъ только самыя малыя и, можетъ быть, даже неприличныя интриги... Я, несмотря ни на что, пишу правду, почитая сіе обязанностью вѣрнаго сына отечества... Впрочемъ, какому бы правленію Россія ни подверглась, мы собственность свою удержимъ, хотя бы съ нѣкоторою перемѣною. Но Голштинскій домъ все потерять можетъ».

Мнѣніе князя Прозоровскаго раздѣляли многіе, и императору Александру были извѣстны многочисленные толки, пересуды и слухи, распространяемые въ обществѣ. 20-го апрѣля 1809 года была сообщена министрамъ и другимъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ правленія, секретная записка, составленная М. М. Сперанскимъ, подъ заглавіемъ: «О составѣ статей для напечатанія въ газетахъ [1]).

Въ этой запискѣ говорилось, что для сообщенія публикѣ нужныхъ свѣдѣній, для направленія общественнаго мнѣнія на путь истины, для отраженія неправильныхъ и вредныхъ слуховъ и для предупрежденія ложныхъ толковъ о разныхъ происшествіяхъ,—полагается составлять и издавать по временамъ въ вѣдомостяхъ статьи, каждому случаю и обстоятельству соотвѣтствующія на слѣдующемъ основаніи:

1) Составленіе этихъ статей, для связи и единообразія, поручается одному лицу—статсъ-секретарю Сперанскому.

2) Министры «по наблюденію случаевъ и происшествій» и по соображенію ихъ будутъ доставлять къ Сперанскому записки, означая въ нихъ кратко «разумъ» статей и гдѣ нужно прилагая и выписки изъ самыхъ бумагъ, по коимъ онѣ должны быть составляемы.

3) Статсъ-секретарь, составивъ надлежащіе проекты, будетъ представлять ихъ на высочайшее усмотрѣніе и по утвержденіи отправлять для напечатанія, увѣдомляя въ то же время и министра, отъ котораго статья поступила.

---

[1]) Изъ собранія нашихъ автографовъ.

«Исполненіе сего,—сказано въ запискѣ,—принадлежитъ къ министрамъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ и къ здѣшнему военному губернатору, коимъ и сообщить съ сего начертанія списки».

Для приданія этимъ сообщеніямъ большей достовѣрности и подъ предлогомъ необходимости доводить до свѣдѣнія публики извѣстія, относящіяся не только до политики и «государственной полиціи», но и государственнаго хозяйства вообще, 5-го августа 1809 года было высочайше повелѣно основать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особую правительственную газету подъ заглавіемъ: «Сѣверная Почта или новая С.-Петербургская газета».

«Главнѣйшая цѣль сего изданія,—писалъ императоръ Александръ графу Аракчееву [1]),—есть та, чтобы, сообщая публикѣ приличныя обстоятельствамъ времени свѣдѣнія, заслуживающія ея вниманіе, содержать всегда умы народные въ томъ направленіи, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ благонамѣреннымъ видамъ правительства».

Первымъ редакторомъ и цензоромъ этой газеты былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ, которому поручено было въ случаяхъ, требующихъ высочайшихъ указаній или разрѣшеній, «непосредственно» докладывать императору [2]). Первый нумеръ «Сѣверной Почты» вышелъ 3-го ноября [3]).

Ожидая скораго появленія газеты, болѣе скораго, чѣмъ это осуществилось, М. М. Сперанскій въ концѣ августа составилъ новую записку, которая и была высочайше утверждена 29-го августа 1809 г. [4]).

---

[1]) Отъ 18-го октября 1809 г., „Русская Старина" 1870 г., т. I, стр. 485 (по третьему изданію).

[2]) Рескриптъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину. Полн. Соб. Законовъ, т. XXX № 23768. Министерство внутреннихъ дѣлъ приглашало начальниковъ губерній, почтъ-директоровъ и губернскихъ почтмейстеровъ къ немедленному доставленію извѣстій о всемъ томъ, что будетъ признано приличнымъ для внесенія въ газету. О. П. Козодавлевъ съ своей стороны писалъ петербургскому губернатору Бакунину, что въ „Сѣверной Почтѣ" будутъ помѣщаемы „извѣстія о происшествіяхъ достойныхъ свѣдѣнія публики: необыкновенныя происшествія въ натурѣ (т. е. въ природѣ) съ подробнымъ онаго описаніемъ, открытіе какого-нибудь полезнаго заведенія, устроеніе фабрики, распространеніе хлѣбопашества или какого другаго хозяйственнаго предмета, извѣщеніе объ ярмаркахъ и о случившихся въ оныхъ происшествіяхъ и сему подобныя свѣдѣнія, паче до народной промышленности и нравственности касающіяся, равно о хлѣбныхъ уражаяхъ".

[3]) Газета выходила два раза въ недѣлю, въ среду и субботу. См. Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, т. I, стр. 250. Газета прекратила свое существованіе въ 1819 году.

[4]) Собственноручный подлинникъ этой записки Сперанскаго находится въ нашемъ собраніи автографовъ. Записка была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 31-го августа 1809 года, а потомъ перепечатана въ „Русской Старинѣ" 1875 года № 3, стр. 632.

«Въ предостереженіе легковѣрности,—сказано въ ней,—признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени, прилежнымъ надзоромъ, открыты и обнаружены здѣсь затѣи праздныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ въ разныя времена происходили разные нелѣпые толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, потомъ сами собой исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всѣ происшествія служатъ предлогомъ къ страшнымъ предвѣщаніямъ.

«Возстанетъ ли война въ предѣлахъ отъ Россіи удаленныхъ?—они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія и, если имъ повѣрить, то кажется, война уже въ Петербургѣ. Одержана ли войсками нашими побѣда?—по разсказамъ сихъ добрыхъ патріотовъ тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ Багратіонъ. Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ?—Кронштадтъ пылаетъ по ихъ слову, а Ревель обращенъ уже въ пепелъ.

«Но внѣшнихъ происшествій для нихъ еще не довольно: дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предметы и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле для новостей: сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки, завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное, а 1-го сентября сего года непремѣнно послѣдуетъ указъ, изпровергающій всѣ отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противился и за то впалъ въ немилость; а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, а потому онъ в силѣ.

«Если бы люди благонамѣренные знали истинные источники сихъ нелѣпыхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злонамѣренности и игралищемъ страстей, для нихъ чуждыхъ.

«Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ разсказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастія; но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣянію».

Изобрѣтателямъ слуховъ наибольшую пищу давали, конечно, военныя дѣйствія. Поэтому «въ пресѣченіе сего зла и въ отвращеніе могущихъ быть отъ того непріятныхъ послѣдствій», императоръ Александръ приказалъ военному министру графу Аракчееву доставлять редактору «Сѣверной Почты» всѣ тѣ извѣстія «по воинской части, которыя приличнымъ образомъ и въ надлежащее время могутъ быть объявляемы публикѣ».

Но ни эта мѣра, ни угрозы придать посмѣянію имена разсказчиковъ новостей не дѣйствовали, и слухи самые нелѣпые по-прежнему распространялись не только въ Россіи, но и за границею. Въ главной квартирѣ эрцгерцога австрійскаго Фердинанда серьезно разсказывали,

что императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство Сенату [1]).

Всѣ эти слухи, главнѣйшимъ образомъ, исходили изъ Москвы.

«До свѣдѣнія моего дошло,—писалъ государь главнокомандующему въ Москвѣ генералъ-фельдмаршалу графу Гудовичу [2]),—что въ Москвѣ между торговцами носятся весьма нелѣпые о правительствѣ слухи. Утверждаемо было, между прочимъ, что будто въ Совѣтѣ, въ моемъ присутствіи, сдѣлано мнѣ отъ всѣхъ членовъ онаго сильное представленіе о бѣдствіяхъ, грозящихъ Россіи отъ настоящей политической системы, и что представленіе сіе вынужденъ я былъ принять и съ нимъ согласиться.

«Хотя разглашенія сему подобныя, какъ сами въ себѣ, по нелѣпости ихъ, такъ и по роду людей, между коими они разносятся, не заслуживали бы уваженія; но восходя къ источнику ихъ, нельзя не признать, что они происходятъ не отъ одной праздности и невѣжества, но паче отъ внушенія людей злонамѣренныхъ, пользующихся для собственныхъ своихъ видовъ легковѣрностью простаго народа.

«Въ семъ уваженіи, я считаю нужнымъ обратить вниманіе ваше на сіи слухи. Опровергая ихъ благоразумными внушеніями вашими, по мѣрѣ какъ они рождаются, стараться наипаче должно дойти до перваго ихъ источника. Дѣйствіемъ непримѣтнаго, но точнаго надзора, перехожденіемъ отъ одного разглашенія къ другому, можно безъ огласки достигнуть до перваго и тогда не трудно уже будетъ все обнаружить. Первый опытъ сему вы сдѣлаете въ разглашеніи вышеприведенномъ и о послѣдствіяхъ его мнѣ донесете.

«Само собою, впрочемъ, разумѣется, что во всѣхъ дѣлахъ сего рода должно употреблять мѣры непримѣтныя, дабы изысканія таковыя не обратились въ настоящее слѣдствіе, коего гласность усилитъ только слухи, а не приведетъ къ ихъ началу».

Графъ Гудовичъ отвѣчалъ [3]), что, черезъ оберъ-полицїймейстера, онъ зорко слѣдитъ за всѣмъ происходящимъ въ Москвѣ и часто внушаетъ населенію, «сколь мы счастливы подъ мудрою державою вашего величества, что, при столь смутныхъ въ другихъ частяхъ Европы обстоятельствахъ, мы ничѣмъ не стѣснены, но ниже малѣйшихъ своихъ выгодъ и прихотей не убавили». Фельдмаршалъ просилъ государя положиться во всемъ на него и на «извѣстія о справедливости которыхъ я доносить вашему величеству не упущу, ибо нѣкоторые, можетъ

---

[1]) Меттернихъ и его внѣшняя политика. „Русская Стар.“ 1900 № 9, стр. 532.

[2]) Въ секретномъ рескриптѣ отъ 14-го сентября 1809 года.

[3]) Собственноручнымъ рапортомъ отъ 27-го сентября 1809 г.

быть, стараясь оказать нѣкоторую услугу, могутъ тревожить васъ, всемилостивѣйшій государь, несправедливыми извѣстіями».

Положиться на слова и обѣщанія московскаго главнокомандующаго, по словамъ графа Ростопчина, совершенно бездѣятельнаго [1]), было трудно и надо было пріискать другіе способы къ уничтоженію ложныхъ слуховъ.

Между тѣмъ политическія обстоятельства измѣнились. 5-го сентября 1809 года гр. Румянцевъ подписалъ Фридрихсгамскій миръ, по которому Финляндія съ Аландскими островами были присоединены къ Россіи, а 2-го октября Наполеонъ заключилъ съ Австріею Шенбрунскій миръ, по которому Россія получила Тарпонольскую область, а большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству.—Оба событія не были встрѣчены изъявленіями общей радости... Только немногіе понимали всю важность присоединенія Финляндіи. Уступка же намъ Тарпонольской области вызвала полное неудовольствіе со стороны общества. Въ ней видѣли простую подачку Наполеона.—«Общее мнѣніе Россіи,—говоритъ Гречъ [2]),—порицало Александра. Наполеонъ осрамилъ его, давъ ему изъ земель, отнятыхъ у Австріи, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысячъ душъ, какъ, бывало, у насъ цари награждали своихъ клевретовъ». Н. И. Гречъ повторяетъ слова своихъ современниковъ, говорившихъ, что «Россія французамъ не помогла, а австрійцевъ обидѣла. Полумѣры безсовѣстныя и вредныя».

Необходимо было возстановить общественное мнѣніе и убѣдить его въ пользѣ пріобрѣтеній. Съ этою цѣлью 1-го ноября были разосланы рескрипты почти тождественнаго содержанія: министру внутреннихъ дѣлъ, московскому главнокомандующему и другимъ лицамъ [3]).

«На сихъ дняхъ,—говорилось въ нихъ,—получено извѣстіе о размѣнѣ ратификацій мирнаго трактата, между Францію и Австріею заключеннаго, съ чѣмъ вмѣстѣ и война Россіи съ сею державою прекратилась.

«По основаніямъ сего мира Австрія остается по-прежнему сосѣдомъ нашимъ въ Галиціи; польскія провинціи вмѣсто предполагаемаго ихъ соединенія пребудутъ навсегда раздѣленными между тремя державами.—Россія пріобрѣтаетъ вновь знаменитую часть сихъ областей.—Другая

---

[1]) Графъ Иванъ Васильевичъ (Гудовичъ),—писалъ гр. Ростопчинъ,—дѣлаетъ противное калифу Гарунъ-Альрашиду, которому всякое утро напоминали для уничиженія, что онъ человѣкъ. А нашему, хотя онъ и не вантрилокъ, но собственный утробный гласъ кричитъ ежесекундно:—Ты фельдмаршалъ! Гудовичъ! графъ! Главный! Грозный! Герой! Посему извольте себѣ представить, какъ онъ милъ для просителей и посѣтителей. („Русскій Арх." 1876 г., т. I, 375).

[2]) Записки о моей жизни Н. И. Греча. Изд. 1866 г., 267.

[3]) Сборникъ Археологическаго института 1879 г., кн. II, отдѣленіе II, стр. 46 и 47. Арх. минист. внутрен. дѣлъ 1809 г. дѣло № 35.

часть ихъ, смежная съ герцогствомъ Варшавскимъ, присоединяется къ владѣніямъ короля Саксонскаго.—Такимъ образомъ, окончивъ благополучно Шведскую войну, слагаемъ мы вслѣдъ за тѣмъ бремя войны австрійской.—Всѣ мечтанія объ отторженіи польскихъ областей исчезаютъ.—Настоящій вещей порядокъ преграждаетъ(?) ихъ и на будущее время.—Вмѣсто потери, Россія расширяетъ въ сей странѣ свои обладанія.

«Возславъ Господу Богу благодареніе за столь счастливое сей войнѣ окончаніе, мы поспѣшаемъ возвѣстить вамъ о семъ радостномъ происшествіи, бывъ удостовѣрены, что всѣ вѣрные подданные наши соединятъ съ нами благодарныя ихъ моленія ко Всевышнему, сугубо благословляющему Россію славнымъ и вожделѣннымъ миромъ».

Министру внутреннихъ дѣлъ поручено было сообщить объ этомъ всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, съ приложеніемъ записки, составленной министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Румянцевымъ и высочайшее утвержденной, но отправленной отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ.

Записка эта, составленная 8 ноября, была отправлена губернаторамъ 18 ноября 1809 г. и была слѣдующаго содержанія [1]):

«На сихъ же дняхъ г. государственный канцлеръ графъ Румянцевъ сообщилъ мнѣ: во-первыхъ, письмо, полученное его императорскимъ величествомъ отъ императора Наполеона, писанное прежде нежели оный миръ заключенъ былъ, въ которомъ увѣдомляетъ онъ его величество, что мирные переговоры, начатые между Франціею и Австріею, приведены почти къ окончанію, и что сообразно съ желаніемъ государя императора большая часть Галиціи останется за Австріею,—поручаетъ въ милостивое благорасположеніе его величества герцогство Варшавское, изъясняя, что благоволеніе его величества нужно для благосостоянія сего владѣнія, и заключаетъ, что онъ примиряется съ Австріей вообще на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, зная, что сіе послужитъ къ благоугодности его величества; во-вторыхъ, письмо къ нему, государственному канцлеру, отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Шампаньи, писанное уже послѣ заключенія того мира. Въ семъ письмѣ оный министръ изъясняется между прочимъ положительно, что императоръ, государь его, не только не намѣренъ питать надежды о возстановленіи бывшаго королевства Польскаго и не имѣетъ о томъ никакого помышленія; но расположенъ даже содѣйствовать, дабы память онаго изгладилась въ умахъ прежнихъ польскихъ подданныхъ, и что императоръ Наполеонъ, согласуясь, чтобы названіе Польши и поляковъ уничтожилось не только въ публичныхъ актахъ, но и въ самой исторіи,

---

[1]) Архивъ министерствъ внутрен. дѣлъ 1809 г. дѣло № 35.

повторяетъ увѣренія, что его величество употребитъ всякое со стороны своей содѣйствіе, дабы укоренить между жителями бывшей Польши тишину, спокойствіе и повиновеніе властямъ существующимъ, въ полномъ убѣжденіи, что сіе послужитъ не только къ отвращенію отъ нихъ новыхъ бѣдствій, но и къ прочному ихъ благосостоянію.

«Вмѣстѣ съ сими письмами, графъ Н. П. Румянцевъ сообщилъ мнѣ также свое заключеніе, что, основываясь на толь положительныхъ увѣреніяхъ о расположеніяхъ императора Наполеона, онъ не сомнѣвается, что французское правительство не замедлитъ приступить къ особому съ нами постановленію, по которому навсегда исчезнутъ надежды и мечты людей легкомысленныхъ о возстановленіи королевства Польскаго и пресѣкутся всѣ нелѣпыя о томъ разглашенія.

«Сіи свѣдѣнія я почитаю нужнымъ сообщить вашему превосходительству съ тѣмъ, чтобы вы могли руководствоваться ими въ вашихъ отзывахъ, гдѣ нужно будетъ, а также употребить и въ руководство общаго мнѣнія о тѣхъ предметахъ внушеніями вашими, основанными на семъ изложеніи и посредствомъ людей, которыхъ сіи свѣдѣнія интересовать могутъ. Долгомъ однако же считаю примѣтить, что копій съ сего письма отнюдь никому раздавать не должно».

Зная, что Москва въ то время была головою и сердцемъ русской жизни, императоръ Александръ рѣшился самъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, посѣтить первопрестольную столицу.

Въ концѣ августа 1809 года принцъ Георгій Ольденбургскій, назначенный новгородскимъ, тверскимъ и ярославскимъ генералъ-губернаторомъ, отправился для постояннаго жительства въ Тверь, вмѣстѣ съ супругою Екатериною Павловною, любимою сестрою императора Александра I. Бывшій дворецъ, въ которомъ помѣстилась молодая чета, былъ наскоро отдѣланъ, и Александръ объявилъ, что желаетъ лично посмотрѣть, какъ устроились сестра и зять. Онъ намѣренъ былъ прибыть въ Тверь къ 24-му ноября,—дню именинъ великой княгини, но обстоятельства сложились такъ, что онъ могъ выѣхать изъ Петербурга только 28-го ноября [1]). Въ этотъ день государь отправилъ рескриптъ главнокомандующему въ Москвѣ графу Гудовичу, въ которомъ писалъ [2]):

«По отличному уваженію моему къ древней россійской столицѣ, я всегда желалъ сколь можно чаще посѣщать ее. Разныя обстоятельства и положеніе дѣлъ политическихъ, призывавшихъ вниманіе мое на другіе

---

[1]) М. И. Богдановичъ въ своей „Исторіи царствованія императора Александра“ и Ф. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ говорятъ, что Александръ пріѣхалъ въ Тверь къ 24-го ноября, что не вѣрно.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 28-го ноября. Сборникъ Археологическаго института 1879 г. книга II, отдѣленіе II, стр. 49 и 50.

предметы, доселѣ были сему препятствіемъ; нынѣ съ удовольствіемъ срѣтаю первую къ тому удобность. Мнѣ пріятно дать ей личный знакъ особеннаго вниманія моего къ обывателямъ Москвы; чувство приверженности ихъ и усердія, столь кратные опыты любви ихъ къ отечеству требуютъ сей справедливости. Я вмѣняю себѣ особеннымъ удовольствіемъ лично ихъ въ семъ удостовѣрить».

Черезъ два дня государь писалъ ему же [1]) изъ Твери: «Будучи столь близко Москвы, я желаю посѣтить сей древній первопрестольный градъ. Я предполагаю въ будущій понедѣльникъ, 6-го числа, по утру пріѣхать въ Петровскій дворецъ и оттуда прибыть къ часу по полудни прямо въ Успенскій соборъ. Никакой встрѣчи мнѣ въ Петровскомъ дворцѣ не нужно; распорядитесь, чтобъ меня ожидали въ соборѣ. Пребываніе мое въ Москвѣ я намѣренъ продлить до 12-го числа вечера».

Между тѣмъ жители столицы, не зная о намѣреніи Александра, который не былъ въ Москвѣ со времени коронаціи, и воспользовавшись близкимъ его пребываніемъ, отправили въ Тверь двухъ депутатовъ: графа Ивана Андреевича Остермана и князя Петра Алексѣевича Голицына просить императора посѣтить первопрестольную столицу. Просьба эта была принята благосклонно, ибо соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе видамъ самого государя.

Въ 9 часовъ утра, 6-го декабря, императоръ Александръ I, вмѣстѣ съ принцемъ Ольденбургскимъ и его супругою, прибылъ въ Москву и остановился въ домѣ отставнаго генералъ-поручика князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, такъ какъ Петровскій дворецъ оказался не отопленымъ и помѣщенія его были сыры. Несмотря на запрещеніе встрѣчи, жители запрудили всѣ улицы. Сопровождаемый принцемъ и многочисленной свитою, государь и принцъ верхами, а великая княгиня Екатерина Павловна въ придворной каретѣ подъѣхали къ заставѣ, гдѣ были встрѣчены фельдмаршаломъ графомъ Гудовичемъ, при громадномъ стеченіи народа. Толпа была такъ велика, что трудно было ѣхать.

— Берегитесь, берегитесь,—часто повторялъ государь,—чтобы не зашибла лошадь.

— Батюшка!—кричалъ народъ;—мы на плечахъ и тебя и лошадь твою понесемъ; намъ подъ тобою легко.

Съ большимъ затрудненіемъ ѣхалъ Александръ среди толпы; народъ цѣловалъ его ноги, платье и даже лошадь, на которой онъ ѣхалъ; многіе стирали платками потъ съ лошади и говорили: «мы дѣтямъ, внукамъ и

---

[1]) Отъ 30-го ноября изъ Твери. Тамъ же, стр. 50. Рескриптъ этотъ перепечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 г. т. III, стр. 371.

правнукамъ оставимъ это на память». Вспоминая этотъ день, Александръ говорилъ: «C'était le plus beau jour de ma vie» [1]. При вступленіи въ Кремль прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятіи Браилова. У входа въ Успенскій соборъ собралось духовенство съ митрополитомъ Платономъ во главѣ, привѣтствовавшимъ императора краткою рѣчью. По вступленіи въ соборъ, военный министръ графъ Аракчеевъ, по приказанію государя, прочиталъ донесеніе о взятіи Браилова, а затѣмъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Приложившись къ св. мощамъ и иконамъ, Александръ вышелъ изъ собора при громѣ пушекъ, крикахъ «ура!» и, середи колокольнаго звона всѣхъ сорока-сороковъ московскихъ церквей, отправился въ Слободской дворецъ, причемъ при каждой церкви, находившейся на пути слѣдованія, его встрѣчало духовенство съ крестомъ и хоругвями. Во дворцѣ его ожидали служащіе и вся знать Москвы. Войдя въ залу, государь со многими разговаривалъ и особенно долго съ Н. С. Мордвиновымъ [2], а затѣмъ особы первыхъ двухъ классовъ были приглашены къ столу. Въ тотъ же день вечеромъ Александръ посѣтилъ театръ, гдѣ давалась піеса «Старинныя святки». При входѣ въ ложу государь былъ встрѣченъ крикомъ «ура!», а когда запѣли арію «Слава царю», то публика встала со своихъ мѣстъ и, обратившись лицомъ къ Александру кричала: «слава нашему царю».

На другой день, 7-го декабря, государь, проѣзжая по одной изъ улицъ, уронилъ платокъ. Народъ бросился поднимать его и просилъ подарить ему платокъ.

— Батюшка! у тебя платковъ много, а ты у насъ одинъ—пожалуй намъ его.

Лишь только государь изъявилъ свое согласіе, какъ платокъ былъ разорванъ на мелкіе куски, и каждый получившій кусочекъ несъ его домой какъ святыню.

Въ тотъ же день вечеромъ былъ балъ въ Дворянскомъ собраніи, куда съѣхалось болѣе 2.000 человѣкъ. Тѣснота и духота были ужасныя.

— Здѣсь жарко, какъ въ банѣ,—замѣтилъ императоръ, обращаясь къ предводителю дворянства,—а весело какъ въ раю.

Слова эти привели всѣхъ въ восторгъ, и на другой день, 8-го декабря, старшины Дворянскаго собранія явились благодарить Александра, остававшагося на балѣ до часа по-полуночи. Государь принялъ ихъ ласково, изъявилъ желаніе записаться въ члены собранія, на общихъ

---

[1] Это былъ лучшій день въ моей жизни.

[2] Вскорѣ послѣ разговора Н. С. Мордвиновъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ департамента экономіи.

правилахъ [1]), и пригласилъ старшинъ къ обѣду, а вечеромъ—всѣхъ дворянъ на балъ.

Москвичи были въ восторгѣ отъ государя, а государь отъ москвичей. «Кто жъ изъ владыкъ земныхъ когда-либо былъ такъ встрѣчаемъ?—спрашивали они съ самодовольствомъ.—Какой побѣдитель, съ тріумфомъ входящій, осыпаемъ былъ столь простыми выраженіями сердечныхъ чувствованій [2])?

Императоръ Александръ не скрывалъ, что чистосердечная преданность москвичей произвела на него глубокое впечатлѣніе и выражена была всѣми классами народа въ такой трогательной формѣ, что у него невольно навертывались слезы на глазахъ [3]).

9-го декабря императоръ Александръ обѣдалъ у гр. Остермана и былъ на балу у гр. Гудовича. На слѣдующій день онъ присутствовалъ въ маскарадѣ, данномъ купечествомъ, гдѣ было до 3.000 человѣкъ. 11-го декабря онъ посѣтилъ Московскій университетъ, обѣдалъ у гр. Гудовича, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Московскіе праздники закончились днемъ рожденія государя 12-го декабря. Въ этотъ день былъ съѣздъ при дворѣ, обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ, на который было роздано до 20.000 входныхъ билетовъ. Въ 12-мъ часу ночи, прямо съ маскарада, Александръ въ открытыхъ саняхъ выѣхалъ въ Петербургъ, о чемъ жителямъ Москвы было возвѣщено пушечными выстрѣлами; 14-го декабря, въ десять часовъ вечера, онъ былъ уже въ Зимнемъ дворцѣ.

---

[1]) Въ 1810 году онъ возобновилъ подписку. „Господа старшины Россійскаго благороднаго собранія!—писалъ Александръ отъ 29-го декабря 1810 г.— Мнѣ всегда пріятно вспоминать время, когда личнымъ моимъ среди васъ присутствіемъ могъ я дать Московскому благородному обществу новый опытъ отличнаго моего къ нему вниманія. Принявъ тогда званіе члена благороднаго собранія, нынѣ съ удовольствіемъ оное возобновляю. Симъ желаю я означить, сколь много цѣню я чувства приверженности, коими сословіе сіе всегда отличалось. Союзъ, полагаемый усердіемъ его членовъ и моимъ къ нимъ благорасположеніемъ, пребудетъ неразрывенъ. И въ отсутствіи моемъ среди васъ я находиться буду". Получивъ этотъ рескриптъ, старшины Благороднаго собранія „усердно" просили П. И. Голенищева-Кутузова „сочинить на сей случай хоръ".—„Я,—писалъ онъ гр. Разумовскому,—и по внушеніямъ сердца моего и по ихъ желанію, сіе исполнивъ, имѣю честь послать къ вашему сіятельству нѣсколько экземпляровъ, прося, буде заблагоразсудите, довести сіе до свѣдѣнія ихъ императорскихъ величествъ". (Письмо отъ 9-го января 1811 г. Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. II, стр. 328).

[2]) Журналъ посѣщенія Москвы императоромъ Александромъ I и краткаго пребыванія въ семъ первопрестольномъ градѣ въ 1809 г. Москва, изд. 1810 г. Воспоминанія гр. Мордвиновой, изд. 1873 г., стр. 47. Арх. Синода, д. № 1040. Исторія жизни и царствованія Императора Александра, С. Глинки. Изд. 1828 г., стр. 65.

[3]) Слова, сказанныя имъ Коленкору послѣ возвращенія изъ Москвы. Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ", т. II, стр. 304, прим. 433.

Замѣчательно, что почти въ одно и то же время и на двухъ противоположныхъ концахъ Европы, въ Москвѣ и Парижѣ, два друга-недруга праздновали плоды своихъ нравственныхъ побѣдъ. Но какая была между ними разница!

— Теперь недостаетъ только того, — говорили свидѣтели встрѣчи государя въ Москвѣ, — чтобы Наполеонъ взглянулъ на Александра и на русскій народъ.

Въ то время когда Александръ «былъ затѣсненъ народомъ и сердцами россіянъ», Наполеонъ при въѣздахъ своихъ въ Парижъ «прячется среди грозной стражи; онъ страшится лицомъ къ лицу встрѣтиться съ народомъ французскимъ» [1]).

Закончивъ самымъ блестящимъ образомъ политическій 1809 годъ, Наполеонъ съ особымъ торжествомъ праздновалъ 3-е декабря (21-е ноября)—день своей коронаціи.

Шествіе изъ Тюильрійскаго дворца въ соборную церковь Богородицы, начавшееся въ половинѣ 11-го часа утра, продолжалось цѣлые два часа, между поставленными въ два ряда войсками. Императоръ ѣхалъ въ великолѣпной каретѣ съ королемъ Вестфальскимъ. Карету окружали знатнѣйшіе чиновники верхами. У входа въ церковь Наполеонъ былъ встрѣченъ всѣмъ духовенствомъ и, въ предшествіи его, подъ балдахиномъ взошелъ на приготовленный тронъ. Ниже по обѣ стороны заняли мѣста короли Вестфальскій и Неаполитанскій, принцы, министры и проч. Императрица стояла противъ императора и по обѣ стороны ея находились: короли Саксонскій и Вюртембергскій, королевы Голландская и Вестфальская и принцесса Боргозе. Двѣнадцать кардиналовъ и множество епископовъ присутствовали при богослуженіи. При входѣ въ церковь и по выходѣ изъ оной императоръ передъ алтаремъ колѣнопреклоненно молился.

По окончаніи божественной службы Наполеонъ отправился въ законодательное собраніе, гдѣ были ему представлены вновь избранные члены и приведены къ присягѣ. Затѣмъ императоръ обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой исчислилъ «всѣ свои дѣянія, со времени послѣдняго засѣданія совершенныя». Онъ говорилъ о покореніи Аррагоніи, Кастиліи, постановленіи французскихъ орловъ на стѣнахъ Вѣны, и присоединеніи къ Франціи Тосканы, Рима, провинцій Иллирійскихъ, о расширеніи земель, принадлежащихъ союзнымъ съ Франціею королямъ и проч. Потомъ упоминалъ о неудачахъ Англіи и союзныхъ съ нею державъ; о потеряхъ Швеціи, терпимыхъ отъ союза съ Англіею,

---

[1]) Исторія жизни и царствованія императора Александра I, С. Н. Глинки. Изд. 1828 г., стр. 65 и 66.

и бѣдствіяхъ Порты отъ того же. При этомъ не стѣсняясь Наполеонъ сказалъ, что съумѣетъ наказать Порту, если она не перестанетъ слѣдовать внушеніямъ Англіи. Въ заключеніе своей рѣчи онъ упомянулъ о союзѣ съ Россіею и выразилъ, что чувства расположенія его къ императору Александру вполнѣ согласуются съ политическими его видами [1]).

Русскій императоръ не раздѣлялъ этихъ послѣднихъ словъ и былъ другаго мнѣнія. Хотя онъ и возвѣстилъ своимъ подданнымъ о выгодѣ для Россіи мира, заключеннаго Наполеономъ съ Австріею, но не могъ не сознать, что основы этого мира противны его желаніямъ и пользѣ Россіи.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

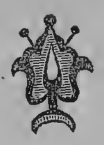
[1]) „Вѣстникъ Европы" 1810 г. № 1, стр. 7—79.

Похищеніе изъ церкви флигель-адъютантомъ Клейнмихелемъ своей невѣсты.

Рескриптъ императора Александра I С. К. Вязмитинову.

25-го августа 1816 г.

Сергѣй Козьмичъ! Изъ рапорта вашего о происшествіяхъ въ С.-Петербургѣ увидѣлъ я, что тамошній плацъ-маіоръ, флигель-адъютантъ мой Клейнмихель увезъ изъ церкви дочь г-жи Кокошкиной и противъ воли матери ея на ней женился. Поступокъ предосудительный тѣмъ болѣе, что онъ по должности обязанъ охранять то благочиніе, правила коего имъ нарушены и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ самая святость должна была остановить его. Таковымъ поступкомъ заслужилъ онъ всю мѣру законнаго взысканія. Я повелѣваю вамъ арестовать его на двѣ недѣли, замѣтя ему, что онъ строжѣе не наказывается единственно изъ уваженія къ безпорочной и ревностной прежней его службѣ. Пребываю вамъ благосклонный.

Императоръ Николай I въ Римѣ

въ 1845 году

(Разсказъ Н. А. Рамазанова) [1].

Еще задолго до прибытія императора Николая I въ Римъ, этотъ городъ наполнился слухами объ его пріѣздѣ. Каждый итальянецъ, исполненный удивленіемъ предъ славнымъ именемъ Николая I, по-своему рисовалъ образъ богатыря Сѣвера.

По слухамъ, дошедшимъ до нашей художнической братіи, русскіе дворяне, бывшіе въ Римѣ, встрѣтили государя спѣтымъ въ стихахъ привѣтствіемъ, въ посольскомъ дворцѣ подлѣ Пантеона. Посланникъ же А. П. Бутеневъ выѣзжалъ на время присутствія государя въ Римѣ, въ Hôtel de Russie.

Государь пріѣхалъ въ Римъ изъ Чивита-Веккіи, въ страшно бурную ночь съ 12-го на 13-е декабря (нов. ст.), такъ что порывы вѣтра ломали деревья и заставляли римлянъ ранѣе обыкновенной поры возвращаться къ своимъ домашнимъ очагамъ.

Вотъ что мы слышали чрезъ служащихъ въ нашемъ посольствѣ о посѣщеніи императоромъ Николаемъ I папы Григорія XVI. При первыхъ привѣтствіяхъ со стороны обоихъ вѣнценосцевъ, папа выразилъ сожалѣніе, что пріѣздъ высокаго гостя сопровождался яростной бурей.

---

[1]) Извѣстный ваятель Николай Александровичъ Рамазановъ былъ въ то время посланъ Академіею художествъ за границу для усовершенствованія въ искусствѣ ваянія. Въ примѣчаніи къ разсказу авторъ говоритъ: „Написалъ правдиво, сохраняя въ совершенной памяти всю точность словъ, сказанныхъ государемъ, безъ вычуръ и прикрасъ. 2-го февраля 1855 года“.

Ред.

— Не безпокойтесь, ваше святѣйшество,—отвѣчалъ государь,—я къ бурямъ привыкъ.

Дальнѣйшій разговоръ двухъ владыкъ и представителей православія и католицизма, длившійся слишкомъ часъ, замеръ въ стѣнахъ Ватикана и извѣстенъ одному Богу.

Государь пріѣхалъ къ папѣ въ парадномъ, если не ошибаюсь, конногвардейскомъ мундирѣ въ двухмѣстной каретѣ посланника, на сѣрыхъ бойкихъ лошадяхъ. Я видѣлъ его мелькомъ на площади Св. Петра при самомъ въѣздѣ на Ватиканскій дворъ. При видѣ государя, сердце мое рвалось наружу. «Полюбуется ватиканскій старикъ»,—подумалъ я,—«каковъ нашъ царь!» и тутъ же бросился въ Петропавловскій соборъ, выжидать тамъ появленія нашего монарха; но вышло иначе. Пришлось увидѣть императора при торжественномъ выходѣ изъ ватиканскихъ залъ, что подъ Бертиліевской колоннадой. Послѣдняя была наполнена множествомъ городскихъ обывателей и пріѣзжихъ иностранцевъ всѣхъ націй; широкія ступени сходовъ подъ колоннадой были засыпаны красивыми щеголеватыми офицерами папской гвардіи и пестроодѣтыми швейцарцами. Эта грубая наемная стража безпрестанно пугала столпившійся народъ своими блестящими алебардами, для очищенія свободнаго схода царя къ коляскѣ. И вотъ завидѣли мы вдали спускавшаго съ лѣстницы вѣнценоснаго красавца, и все смолкло. Самые швейцарцы, дотолѣ сдерживавшіе любопытныхъ, были поражены величественнымъ видомъ нашего монарха и тѣмъ дали возможность одному старому молодцоватому транстеверинцу просунуться между ними и почти въ глаза воскликнуть приближавшемуся государю:

— О, какъ бы хорошо было, если бъ ты былъ нашъ государь!

Въ эту минуту восторгъ мой не имѣлъ предѣловъ. Представитель Транстевера, великорослый дородный старикъ, съ прядями сѣдыхъ волосъ по плечамъ, въ чистой рубахѣ, съ перекинутой чрезъ плечо синею бархатной курткой, съ звучнымъ своимъ голосомъ, прямой потомокъ истыхъ римлянъ, созерцая бѣлаго царя, дотого былъ пораженъ его видомъ, что забылся въ преддверіи дворца своего государя и главы своей Церкви.

Дверцы посольской кареты захлопнулись, и изумленная толпа долго провожала глазами удалявшійся экипажъ, въ который сѣлъ государь.

До пріѣзда императора въ Римъ, намъ отъ князя Волконскаго велѣно было сбрить бороду и усы. Мы оголились такъ, что никто насъ не узнавалъ. При этомъ иностранные художники, обѣдавшіе съ нами въ отелѣ Лепре, украдкой подсмѣивались надъ нами, а мы смѣялись надъ ними въ-явѣ, гордясь тѣмъ, что ожидаемъ нашего высокаго гостя,

въ угоду которому способны жертвовать не только бородою и усами, но въ случаѣ нужды и жизнію.

Въ тотъ же день государь переодѣлся въ статское платье и поѣхалъ въ соборъ Св. Петра. Мы всѣ, т. е. пенсіонеры его величества и проживавшіе здѣсь на свой счетъ русскіе художники, собрались за завтракомъ у того же Лепре. Вдругъ посланный вице-призедента, графа Толстаго, объявилъ намъ, чтобы мы немедленно ѣхали въ Петропавловскій соборъ для представленія его величеству. Мигомъ мы долетѣли въ колясках до римскаго каменнаго чуда и вошли въ этотъ необъятный храмъ; но послѣдній—насъ уже не занималъ, а все наше вниманіе было сосредоточено на колоссальной фигурѣ человѣка, одѣтаго въ коричневаго цвѣта пальто, застегнутаго на всѣ пуговицы. Съ нимъ ходилъ графъ Ѳ. П. Толстой. Медленно мы приблизились къ нашему государю въ числѣ слишкомъ двадцати человѣкъ. Онъ обернулся, привѣтствовалъ насъ легкимъ наклономъ головы и мгновенно окинулъ насъ своимъ быстрымъ, блестящимъ взглядомъ.

— Художники вашего величества,—сказалъ графъ, указывая на насъ.

— Говорятъ, гуляютъ шибко.

— Государь,—отвѣтилъ графъ,—какъ работаютъ, такъ и гуляютъ.

— Посмотримъ!—замѣтилъ царь.

Обратившись снова къ вице-президенту, онъ указывалъ ему то на одно, то на другое произведеніе, съ которыхъ желалъ имѣть снимки и копіи.

Не могу при этомъ не замѣтить слѣдующаго:

По стѣнамъ, окаймляющимъ средину храма Петра и Павла, примкнуто большое число деревянныхъ будочекъ, назначенныхъ для исповѣди католиковъ всевозможныхъ націй; на каждой будочкѣ есть надписи, такъ: lingua spagnola, lingua illirica, и проч. Когда государь, сопровождаемый графомъ Толстымъ и нами, вышелъ на середину храма, ни въ одной изъ многочисленныхъ будочекъ не было ни поповъ, ни монаховъ, лишь въ исповѣдницѣ, съ надписью lingua polaca, зашевелился, весь одѣтый въ бѣломъ, капуцинъ. Царъ пошелъ прямо къ нему... Мы всѣ были поражены этимъ движеніемъ монарха и неожиданнымъ присутствіемъ поляка. Государь облокотился рукою на выступъ будочки и въ этомъ положеніи говорилъ съ польскимъ капуциномъ минутъ десять. На какомъ языкѣ и что было говорено, мы не слыхали.

Когда императоръ отходилъ отъ будочки, капуцинъ благоговѣйно и долго кланялся ему вслѣдъ. Мы снова послѣдовали за нашимъ монархомъ, который, быстро обозрѣвая украшенія храма, отдавалъ приказанія графу Толстому поручить сдѣлать копіи то съ того, съ другаго произведенія и много восхищался великолѣпіемъ храма.

*

— Вотъ такой бы храмъ у насъ построить!—замѣтилъ государь.

— Онъ строился вѣками и до сихъ поръ еще не совсѣмъ оконченъ,— возразилъ графъ.

— Ну, полно, вы всегда одно и то же говорите!—сказалъ царь.

Потомъ онъ обратилъ вниманіе на линію, поведенную, вдоль храма, на полу съ обозначеніемъ длины самыхъ большихъ церквей въ Европѣ и въ томъ числѣ петербургскаго собора Св. Исакія. Дѣйствительно, послѣдній оказался очень малъ въ сравненіи съ колоссомъ Браманте, Рафаэля, Микель Анжело, что, повидимому, не мало поразило императора.

Во все это время въ нишахъ и малыхъ алтаряхъ сновали фигуры монсиньоровъ и священниковъ католическихъ.

Предъ выходомъ изъ церкви императоръ Николай сотворилъ православное крестное знаменіе, поклонился храму апостоловъ и уѣхалъ домой.

О выставкѣ русскихъ живописцевъ для императора заимствую изъ письма покойнаго Ставассера къ своимъ родителямъ въ Петербургѣ, писаннаго въ январѣ 1844 года.

«Нашъ директоръ Киль—человѣкъ преупрямый (по-моему просто глупый вообще и въ особенности большой невѣжда въ искусствахъ), который не слушаетъ никакихъ резоновъ. Затѣялъ выставку русскихъ художниковъ; оно, кажется, резонно, но живописцевъ въ Римѣ немного. Историческихъ только два: Михайловъ, который только недавно пріѣхалъ, и тотъ теперь въ Неаполѣ, занимается копіей, которая очень понравилась его величеству [1]), и Ивановъ, котораго прекрасная картина, по огромности своей, не можетъ быть выставлена. Ландшафтистъ Воробьевъ въ Палермѣ, его оконченная картина отослана въ Петербургъ; Фрилье также услалъ свои работы; Мокрицкій тоже. Слѣдовательно, у нихъ остались одни этюды, но не картины. Согласитесь, можно ли сдѣлать выставку? Скульпторы хотѣли заставить нести свои

[1]) Михайловъ, копировавшій въ монастырѣ Св. Риберп, предувѣдомленный о томъ, что въ этомъ монастырѣ будетъ государь, шелъ туда пѣшкомъ. На дорогѣ его обогнала коляска, въ которой сидѣли ихъ величества нашъ императоръ и неаполитанскій король. Что дѣлать, какъ бы поспѣть быть на мѣстѣ? Михайловъ тутъ же наткнулся на осѣдланнаго осла, стоявшаго у портона одного дома; вскочилъ на него и помчался въ гору при крикахъ толпы народа, принявшей его за вора. Вслѣдъ за прибытіемъ къ монастырю государя, художникъ соскочилъ съ осла и опрометью бросился въ церковь. Царь остался очень доволенъ прекрасной копіей Михайлова и спросилъ его: Для кого ты ее дѣлаешь? — Для нашей Академіи, — отвѣтилъ Михайловъ. —Ну, ей ты сдѣлаешь другую; а эту пришли мнѣ! Слышишь?—Слышу, ваше величество!—отвѣтилъ Михайловъ и, по выходѣ изъ монастыря, высыпалъ пригоршню мелкой серебряной монеты запыхавшемуся отъ бѣготни и досады хозяину осла.

работы; но мы отдѣлались, потому что Антона Иванова оконченная статуя отослана; другая мраморная неокончена; а третья съ глинѣ, слѣдовательно, нести ее нельзя. У Рамазанова также въ глинѣ,—нести невозможно. У меня статуя мраморная къ концу; но не окончена же. Положимъ, если бъ я снесъ ее,—это можно, но глиняная группа, которую мнѣ очень хотѣлось, чтобы видѣлъ государь, также не могла быть выставлена.

Киль же настаивалъ, чтобы скульпторы непремѣнно несли на выставку и глиняныя работы. Хорошъ директоръ художниковъ въ Римѣ! Послушаться его—значитъ переломать въ переноскѣ всѣ свои работы.

Архитекторы ни за что не хотѣли выставлять, и какъ хотѣли такъ и сдѣлали; они представили свои работы во дворецъ и получили лично благодарность отъ его величества.

Спрашивается, какая же выставка могла быть?—и гдѣ же?! Въ палаццо Фарнезино, гдѣ фрески Рафаэля по стѣнамъ; какая картина можетъ выстоять противъ нихъ?! Все это было говорено Килю, но онъ не хотѣлъ слушать. Ему также говорили, что такъ какъ живописныхъ произведенiй не много, то они могутъ быть выставлены въ студiи живописца Иванова, даже избѣгнуть нариканія выставки; — нѣтъ, Киль уперся, и ни шагу назадъ. Нечего дѣлать: послушались, снесли въ сосѣдство Рафаэлевымъ фрескамъ живописные этюды, составили изъ нихъ выставку, и государь былъ приглашенъ на нее. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ быть ею доволенъ, чего мы и ожидали. Что за цѣль была у директора—не знаю! Я былъ очень опечаленъ этимъ событiемъ, какъ и всѣ наши. Сижу въ студiи и думаю: ну, прощай моя Нимфа[1]); тебя, можетъ быть, государь и не увидитъ! (это было во вторникъ утромъ въ 11-ть часовъ). Вдругъ прибѣгаютъ ко мнѣ извѣстить, что императоръ сейчасъ будетъ ко мнѣ. Я чуть было не перекувырнулся отъ радости и думаю: ахъ, если бъ понравилась!—и мое желанiе исполнилось. Царь былъ чрезвычайно доволенъ. Лишь только онъ вошелъ, взглянулъ на группу и сказалъ окружающимъ:—Voilà c'est une autre chose![2]). Хвалилъ меня такъ, что если бъ я повторилъ всѣ сказанныя имъ слова, вы бы не повѣрили. Заказалъ группу изъ мрамора и спрашивалъ, нельзя ли увеличить немножко въ мраморѣ.

— Очень легко,—отвѣчалъ я,—если угодно вашему величеству; но я держалъ величину ровно въ натуру, и самый сюжетъ не позволяетъ сдѣлать больше.

---

[1]) Превосходная группа Нимфы съ Сатиромъ, который, повязывая ей сандалiю, засмотрѣлся на красавицу.

[2]) Передъ тѣмъ онъ былъ въ мастерской какого-то иностраннаго скульптора.

Тутъ принялъ мою сторону графъ Орловъ, и государь сказалъ:

—Ну, дѣлай, какъ знаешь!

Статуя Русалки ему также понравилась; спросилъ для кого? спрашивалъ еще, которая же модель тебѣ больше нравилась, т. е. которая служила для Русалки или для Нимфы. Я отвѣчалъ, что мнѣ нравятся обѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ: должно быть, у тебя прекрасныя модели! Уходя, онъ опять посмотрѣлъ на группу и опять похвалилъ.

— Мнѣ очень нравится, старайся, я не ошибся въ тебѣ; смотри, не залѣнись!

Вышедши изъ студіи, царь сказалъ: je n'ai jamais vu une chose si gracieuse! Вотъ, дорогіе мои, все, что государь мнѣ говорилъ» [1]).

На другой день утромъ, въ среду, архитекторы были позваны во дворецъ, гдѣ его величество очень ихъ хвалилъ за работы и, наконецъ, сказалъ:

— Я доволенъ въ особенности вами и скульпторами; старайтесь, господа!

Государь посѣтилъ также мастерскія товарищей моихъ скульпторовъ Иванова и Климченко и, какъ сказано выше въ письмѣ Ставассера, остался и ими очень доволенъ; моя же мастерская, на бѣду, находилась почти совершенно на концѣ города, именно подлѣ Базилики Марія Маджіоре, въ улицѣ Св. Пуленціаны, и потому я уже терялъ всякую надежду быть осчастливленнымъ посѣщеніемъ государя, тогда какъ статуя моя Нимфа съ бабочкой была совершенно окончена въ глинѣ; грустно и больно мнѣ это было; однако вечеромъ того же дня я зашелъ къ графу Ѳ. П. Толстому и высказалъ ему о моемъ горѣ. Онъ меня утѣшилъ, говоря, что государь непремѣнно намѣревался осмотрѣть Базилику Марія Маджіоре, и какъ только его величество тамъ будетъ, такъ онъ предложитъ ему посѣтить мою мастерскую. Отблагодаривъ графа за его теплое участіе, я опрометью бросился въ мастерскую, чтобы прибрать ее; позвалъ слугу моей студіи Ченчіо и велѣлъ ему немедленно купить красноватаго песку, какимъ обыкновенно посыпаются улицы, во время выѣздовъ папы по городу. Чрезъ часъ, уже въ потемкахъ, Ченчіо распорядился молодецки, и къ утру жители квартала Monti, гдѣ была моя мастерская, были не мало поражены, что изъ-подъ воротъ моей мастерской, по направленію къ церкви Марія Маджіоре, улица была посыпана яркимъ красным пескомъ. Послѣ того въ двери студіи постучались ко мнѣ три карабинера.

---

[1]) Ставассеръ умолчалъ здѣсь о словахъ царя, съ которыми послѣдній обратился къ одному изъ своихъ адъютантовъ, не помню фамиліи, особенно близко любовавшемуся Нимфой. „Смотри,—сказалъ онъ,—не заглядывайся; а то скажу женѣ; приревнуетъ“.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я ихъ.

— По какому праву вы посыпали пескомъ улицу? Вы знаете, что это дѣлается только для выѣздовъ его святѣйшества!

— А я это сдѣлалъ для его величества, моего императора.

— Развѣ онъ будетъ къ вамъ?

— Надѣюсь!

Карабинеры смолкли, улыбнулись и оставили въ покоѣ меня и песокъ на улицѣ.

Я все утро былъ какъ на горячихъ угольяхъ. Близъ полдня меня посѣтилъ русскій путешественникъ Э., который, войдя въ студію, обратился прямо ко мнѣ съ просьбою:

— Я въ жизнь мою не видалъ близко нашего государя; позвольте остаться въ вашей мастерской!

— Да я самъ навѣрное не знаю,—отвѣтилъ я,—буду ли я удостоенъ этого счастія!

— Я былъ сегодня утромъ у графа Толстаго,—началъ Э.,—и онъ сказалъ мнѣ, что государь будетъ у васъ сегодня непремѣнно.

У меня такъ и ёкнуло сердце. Вслѣдъ за этимъ пріѣхали ко мнѣ товарищи мои Ставассеръ, Климченко и младшій секретарь посольства, которые сообщили, что его величеству угодно видѣть вечеромъ въ мастерскихъ скульпторовъ женскія модели, съ которыхъ мы работаемъ.

— Устроить это будетъ не легко; крайне хлопотливо,—замѣтилъ Ставассеръ,—и потому мы привезли Луизу.

— Предупреди исполненіемъ желаніе государя,—прибавилъ Климченко.

— Давайте,—сказалъ я,—гдѣ она?

— Она въ каретѣ, на заднемъ дворѣ.

Натурщица, вошедши, раздѣлась и разулась, а съ плечъ русскаго путешественника Э. взятъ былъ прекрасный синій бурнусъ съ капишономъ и бахрамой, который мы и накинули на обнаженную Луизу. Вдругъ двери студіи распахнулись, и вбѣжавшій стремглавъ историческій живописецъ Ивановъ, въ вѣчномъ плащѣ съ краснымъ подбоемъ, отъ поспѣшности, чуть не растянулся на порогѣ.

— Государь здѣсь близко, въ Базиликѣ Марія Маджіоре и сейчасъ будетъ къ вамъ!—вскрикнулъ онъ.

— Я знаю безъ васъ,—отвѣтилъ я ему сухо,—потому что имѣлъ до того побудительныя причины разлюбить этого человѣка. Что можно дѣлать для императора,—замѣтилъ я Иванову,—того нельзя дѣлать для всѣхъ [1]).

---

[1]) Незадолго до пріѣзда государя, Ивановъ употреблялъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства, чтобы я показалъ въ студіи мою натурщицу министру

Немедля Ивановъ скрылся изъ мастерской, послѣ чего я услышалъ шумъ коляски, подъѣхавшей къ воротамъ, и тотчасъ выбѣжалъ на встрѣчу нашему высокому и единственному покровителю искусства. Я счелъ должнымъ предупредить государя, окруженнаго гр. Орловымъ, гр. Адлербергомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, нашимъ вице-президентомъ и другими, что въ студіи моей теперь находится натурщица.

— Тѣмъ лучше: увидимъ тебя за работой!—замѣтилъ онъ.

При входѣ въ мастерскую его величество обратилъ все свое вниманіе на мою статую въ глинѣ: Нимфа ловитъ бабочку на плечѣ. Я началъ поворачивать статую на станкѣ, чтобы показать ее со всѣхъ сторонъ, при чемъ государь удостоилъ меня нѣсколькими лестными похвалами.

— Сдѣлай ее мнѣ изъ мрамора!—сказалъ онъ.

— Я уже удостоенъ заказа этой статуи изъ мрамора отъ вашего величества, чрезъ посредство нашего покойнаго директора П. И. Кривцова,—отвѣтилъ я.

— А я пріѣхалъ заказать!—возразилъ государь.

— Я приготовилъ эскизъ группы въ pendant группѣ Ставассера, также Нимфу съ Сатиромъ,—сказалъ я и поднесъ на разсмотрѣніе его величеству эскизъ.

Сюжетомъ группы былъ взятъ Сатиръ, который, поймавши Нимфу у фонтана и обхвативши ее по нижнимъ оконечностямъ, проситъ у стыдливой красавицы вытянутыми своими губами поцѣлуя.

— Но это черезъ чуръ выразительно!—замѣтилъ государь.

— Это первая мысль и первый набросокъ, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Онъ эту группу обработаетъ,—прибавилъ графъ Ѳ. П. Толстой.

— Ну, это дѣло другое; а въ такомъ видѣ нельзя будетъ поставить ее въ моихъ комнатахъ. Заказать изъ мрамора!—сказалъ царь, обращаясь къ графу Толстому, и послѣдній внесъ мое имя въ списокъ удостоенныхъ заказовъ отъ его величества.

Въ это время остальныя лица, сопровождавшія государя и подъѣхавшія позже, цѣлою толпою хлынули было въ мою студію, но государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Запри двери; здѣсь безъ того тѣсно!

Я бросился къ дверямъ, повинуясь волѣ государя, и мнѣ пришлось

двора.—У Иванова, Ставассера и Климченки министръ смотрѣлъ статуи, пусть и у меня смотритъ статую, которая кстати окончена; но натурщицы онъ у меня не увидитъ! Эти слова были постояннымъ моимъ отвѣтомъ Иванову, и я ихъ сдержалъ. Подробности этой продѣлки со стороны Иванова очень любопытны; но объ нихъ будетъ особо.

запереть двери изнутри задвижкою, надъ самымъ почти носомъ нашего посланника въ Римѣ, который и до того вообще мало былъ расположенъ къ русскимъ художникамъ, а послѣ такого случая, можно себѣ представить, какъ онъ особенно меня не любилъ!? Но мнѣ было не до него; я видѣлъ только одного государя, который спросилъ меня:

— Ты постоянно работаешь съ натуры?

— Постоянно, ваше величество.

— Это натурщица?—спросилъ онъ, указывая на женскую модель, которая, будучи окутана въ бурнусъ, была необыкновенно хороша, очаровательна и, при взглядѣ на нее государя, вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, и дотого растерялась, что осталась сидящею и не поклонилась.

— Встаньте и поклонитесь его величеству!—сказалъ я ей.

Она встала и поклонилась.

— Она раздѣвается?—спросилъ государь.

— Этимъ она добываетъ себѣ хорошій кусокъ хлѣба, ваше величество,—отвѣтилъ я.

— Вели ей раздѣться!

Въ мгновеніе ока бурнусъ, покрывавшій Луизу, скатился съ ея бѣлыхъ плечъ и упалъ къ ногамъ; она стала въ позу моей статуи.

— Очень хороша, прекрасна!—повторилъ царь нѣсколько разъ.— Скажи ей, что она очень хороша!

Я перевелъ ей слова государя и повторилъ ихъ еще два раза, по приказанію его величества.

— Ну, работай, работай!—сказалъ милостиво монархъ и вышелъ изъ мастерской.—Послѣдовавшіе за нимъ графъ Орловъ, графъ Адлербергъ, принцъ Ольденбургскій, графъ Толстой и другіе поздравляли меня съ успѣхомъ и царскимъ заказомъ. Полный восторга, который описать невозможно, я не помню, кто именно изъ приближенныхъ государя спросилъ меня:

— Я думаю, вы дорого платите такимъ моделямъ?

— Не дешево!—сказалъ я.

Кто-то другой замѣтилъ мнѣ, что я громко говорилъ съ императоромъ.

— Почему же мнѣ не говорить съ моимъ царемъ громко, если я ни въ чемъ предъ нимъ невиноватъ?!—отвѣтилъ я.

По отъѣздѣ государя и сопровождавшихъ его, вышла сцена, которой я совершенно не ожидалъ. Цѣлыя толпы зрителей бѣднѣйшаго въ Римѣ квартала Монти окружили и осадили мою мастерскую, съ требованіемъ отъ меня денегъ. Я заперъ на ключъ двери мастерской, начали стучать и ломиться въ студію. Я не могъ объяснить себѣ этой дерзости, но Ставассеръ сказалъ мнѣ, что когда наслѣдникъ, въ бытность свою въ Римѣ, посѣтилъ въ этой самой мастерской скульптора Логанов-

скаго, то велѣлъ оставить художнику нѣсколько десятковъ скудъ, для раздачи бѣднымъ жителямъ квартала Монти. Вѣроятно, они и теперь ждутъ подобной раздачи. Я тотчасъ подошелъ къ единственному большому окну мастерской, отворилъ его и закричалъ толпѣ, что ничего не имѣю имъ дать! Но крики не умолкали, а въ дверь студіи начали барабанить еще сильнѣе.

— Это невозможно,—кричала толпа,—когда сынъ императора былъ здѣсь, то оставилъ намъ деньги, а теперь былъ самъ императоръ отецъ—денегъ, денегъ!

Шумъ сдѣлался ужасный, и дверь готова была слетѣть съ петлей; я опять къ окну и началъ звать моего слугу, который блѣдный и испуганный явился въ толпѣ на дворѣ.

— Позови сейчасъ карабинеровъ, или ты самъ будешь взятъ въ полицію,—сказалъ я ему.

Крики этихъ нищихъ дошли до рева и когда до слуха ихъ коснулись мои слова о карабинерахъ, раздались угрозы и проклятія. Я со Ставассеромъ того и ждали, что толпа ворвется въ мастерскую, и тогда, безъ сомнѣнія, не уцѣлѣть бы моей статуѣ. Испуганная въ свою очередь Луиза вдругъ стала блѣдна, какъ ея манишка; но вскорѣ за дверью послышались гремящіе палаши полицейскихъ. Отворивъ двери студіи, мы пошли къ ожидавшей насъ каретѣ, подъ прикрытіемъ трехъ карабинеровъ. Толпа продолжала шумѣть, но уже гораздо тише.

Мы прослышали, что папа Григорій XVI въ разговорѣ съ государемъ очень хвалилъ ему скульптора Фабриса, дѣлавшаго бюстъ его святѣйшества. Этотъ художникъ сдѣлался скульпторомъ, кажется, точно такъ же, какъ сдѣлался директоромъ Ватикана, т. е. чрезъ протекцію папы, которому онъ доводился землякомъ по мѣсту рожденія. Этому-то бездарнѣйшему скульптору было поручено производство памятника Торквато-Тассу, назначеннаго въ римскій монастырь св. Онуфрія, мѣстопогребеніе поэта. Государь, посѣщая мастерскія иностранныхъ художниковъ, приказалъ везти себя и въ студію Фабриса. При входѣ въ нее, царь позвалъ скульпторовъ. Ставассеръ, Ивановъ, Климченко и я выдвинулись впередъ и стали за спиною государя. Старикъ Фабрисъ, ломаннымъ французскимъ языкомъ, началъ объяснять его величеству содержаніе мраморныхъ, до крайности уродливыхъ, барельефовъ, исполненныхъ для памятника Тассу; худшую же и каррикатурнѣйшую часть монумента составляла фигура поэта. На объясненія Фабриса, царь разсѣянно отвѣчалъ: «c'est charmant, c'est sublime!» и въ то же время, вполовину оборачиваясь къ намъ, говорилъ уже по-русски: «экая мерзость, экая дрянь!» Положеніе наше было самое затруднительное, смѣхъ такъ и порывался изъ насъ, но смѣяться было невозможно,—иначе мы бы измѣнили государю. Фабрисъ, восхищенный возгласами императора,

вызванными лишь одною учтивостью къ хозяину студіи, продолжалъ объяснять дѣйствительно запутанное и до ребячества наивное содержаніе барельефовъ.

— C'est superbe, superbe!—снова говорилъ царь и, опять вполовину оборачиваясь къ намъ, прибавлялъ по-русски: каковы, каковы же у нихъ скульпторы, да это просто срамъ!

При выходѣ изъ студіи бездарнаго скульптора, который лишь славно испортилъ нѣсколько глыбъ превосходнаго мрамора, мы увидѣли мраморный бюстъ папы Григорія XVI. Фабрисъ обратилъ на него вниманіе его величества; но государь взглянулъ на него мелькомъ, потому что работа бюста дѣйствительно не стоила бо́льшаго вниманія, и чрезъ секунду сидѣлъ уже въ коляскѣ, мчавшейся въ виллу Альбани. Когда мы подъѣхали къ этой виллѣ, ворота ея распахнулись настежь, и мы вслѣдъ за царемъ впервые прокатились по широкимъ дорожкамъ ея роскошныхъ садовъ до самаго палаццо виллы. Государь былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, впрочемъ, мы постоянно видѣли его въ Римѣ въ такомъ расположеніи.

Онъ многіе антики осматривалъ подробно и безпрестанно говорилъ графу Ѳ. П. Толстому о формовкѣ той или другой статуи, для доставленія въ Петербургъ. Ставассеръ и я, увлеченные красотами статуй, находящихся во второмъ этажѣ палаццо, ушли впередъ государя и всѣхъ его сопровождавшихъ. Посреди восторговъ, сообщаемыхъ другъ другу, вдругъ мы заслышали въ смежной залѣ голосъ его величества. Воротиться и присоединиться къ прочимъ уже было поздно. Почувствовавъ свою ошибку, мы плотно прижались къ окну, желая быть незамѣченными его величествомъ, но взглядъ царя, вошедшаго въ залу, въ которой мы находились, упалъ какъ нарочно прямо на насъ, и упалъ такъ, что мы невольно, въ его же глазахъ, начали пятиться ко всѣмъ вошедшимъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Я никогда не забуду этого взгляда!—сказалъ я Ставассеру.

— Да и я, братъ, тоже!—отвѣтилъ послѣдній.

Осмотрѣвъ весь палаццо, гдѣ за рѣдкость въ одной комнатѣ также показывали деревянный паркетный полъ, государь уѣхалъ, и мы провожали его, насколько хватило силъ у лошадей нанятаго нами витурина.

Когда мы послѣдовали за государемъ въ термы Каракаллы, тамъ, любуясь кирпичною кладкою огромныхъ стѣнъ, онъ вызвалъ архитекторовъ, въ числѣ которыхъ были пенсіонеры его величества Бенуа, Резановъ, Кракау, Росси и другіе. Они отдѣлились отъ насъ и вышли предъ государя.

— Вотъ какъ нужно строить!—сказалъ онъ имъ, указывая на толстыя стѣны развалинъ;—посмотрите-ка, какая кладка кирпича, точно акварелью нарисована!

— Это только наружная обшивка, государь, а внутри все мусоръ,— отвѣтилъ Бенуа.

Царь, не ожидавшій такого отвѣта, сдѣлалъ движеніе всѣмъ тѣломъ и громко, и скороговоркой сказалъ:

— Это не можетъ быть!

— Я пять лѣтъ изучаю Римъ, ваше величество, и ручаюсь за это!

И съ этими словами Николай Леонтьевичъ Бенуа подошелъ къ стѣнѣ, поднялъ съ земли камень и, найдя небольшое отверстіе въ кирпичной кладкѣ, началъ разбивать ее. Дѣйствительно оказался одинъ рядъ кирпича въ обшивкѣ, и мусоръ посыпался изнутри.

— Ну, Римъ-то вы изучаете,—сказалъ взволнованный государь,— а вотъ въ Петербургъ пріѣдете и начнете воровать.

Въ это время графъ Ѳ. П. Толстой не выдержалъ, понявъ хорошо, къ кому именно относилось настоящее негодованіе царя. Старый художникъ и вице-президентъ Академіи счелъ долгомъ оправдать предъ лицомъ монарха молодыхъ людей, честность и благородство которыхъ были ему извѣстны, и сказалъ:

— За честность этого поколѣнія, ваше величество, я ручаюсь.

— Ручайся за нихъ здѣсь, старикъ, но не въ Петербургѣ!—сказалъ государь, идя далѣе осматривать термы, и за минуту грозное лицо его снова засіяло весельемъ.

Бенуа и Резановъ объясняли его величеству устройство теплыхъ ваннъ и бань у древнихъ, и царь охотно слушалъ ихъ. Резановъ сказалъ ему, что на верху термъ сохранилась часть казармъ преторіанской стражи, гдѣ на полу видна мозаика и оттуда безподобный видъ на Римъ.

— Наверхъ сдѣлана хорошая деревянная лѣстница, и по ней удобно всходить,—прибавилъ Резановъ.

— Ну, ты прытокъ, такъ и полѣзай самъ туда, а въ мои годы не приходится ноги ломать,—отвѣтилъ государь, смѣясь.

При выходѣ изъ термъ Каракаллы, кустодъ ихъ отворилъ дверь деревянной перегородки, отдѣлявшей большую нишу отъ главнаго прохода, въ которой хранятся осколки порфира, яшмы и мрамора, и, не говоря ни слова, наклоненіемъ своей фигуры, повидимому, предлагалъ его величеству взглянуть на остатки украшеній почти уничтожившагося великолѣпнаго зданія. Государь вошелъ туда и выбралъ два куска порфира, дабы взять ихъ на память съ собою. Мы бросились къ этимъ камнямъ, чтобы донести ихъ до коляски царя; но насъ отстранили отъ этой пріятной нŏши графъ Адлербергъ и графъ А. Ѳ. Орловъ, хотя они замѣтно съ трудомъ дотащили эти тяжести до экипажа.

Историческій живописецъ Александръ Андреевичъ Ивановъ встрѣтилъ государя въ своей мастерской, съ бумагою въ рукахъ, по которой

готовился прочитать подробное содержаніе своей колоссальной картины; онъ сталъ уже въ соотвѣтствующую позу, но царь остановилъ его.

— Ты читай про себя,—сказалъ онъ,—а мнѣ покажи твою картину.

Этимъ прекраснымъ произведеніемъ его величество остался очень доволенъ.

Мы слышали, что папа, больной въ это время, былъ удержанъ самимъ нашимъ монархомъ отъ визита, который намѣревался сдѣлать ему намѣстникъ св. Петра. Государь отказался также отъ предложеній папы освѣтить римскій Петропавловскій соборъ и сдѣлать джирандолу на крѣпости св. Ангела, говоря, чтобъ его святѣйшество, во время болѣзни своей, не безпокоился. На освѣщеніе же залъ Ватикана огнями государь согласился. Если не ошибаюсь, освѣщеніе Ватикана было накануне дня отъѣзда его величества изъ Рима, именно 17-го января. Уже поздно, темнымъ вечеромъ мы отправились въ Ватиканъ, имѣя на то разрѣшеніе государя, но при входѣ въ галлереи многочисленная толпа иностранцевъ-итальянцевъ достигла крайнихъ предѣловъ. Безпорядокъ, шумъ, гамъ, давка, визготня, поступки съ публикою грубыхъ швейцарскихъ алебардщиковъ,—всё это представляло какъ бы штурмъ Ватикана; и дѣйствительно, мы, русскіе художники, собравшись въ одну группу, пошли на проломъ швейцарцамъ; нами предводительствовалъ живописецъ Ломтевъ.

— Мы русскіе!—кричали мы по-итальянски,—и намъ не только позволено, но и велѣно быть вечеромъ въ Ватиканѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ мы уже были тамъ и выжидали пріѣзда его величества. Видъ залъ, сплошь освѣщенныхъ многочисленными канделябрами, былъ чрезвычайно оригиналенъ и картиненъ; толпы народа прибывали, какъ волны. Наконецъ, вошелъ государь, опять въ постоянномъ своемъ костюмѣ инкогнито въ пальто, въ черномъ галстукѣ, безъ воротничковъ.

Простота его костюма дѣлала разительную противуположность съ пышными малиновыми костюмами ватиканскихъ слугъ, которые, человѣкъ по восьми, шли съ обѣихъ сторонъ его величества, съ большими свѣтильниками въ рукахъ. Когда царь подходилъ къ лучшимъ статуямъ, то остальные слуги Ватикана разсыпались около ближайшихъ къ намъ канделябръ и металлическими щитами закрывали ихъ свѣтъ, дабы онъ не мѣшалъ главному свѣту, сосредоточенному въ группѣ свѣтильниковъ, обращенныхъ на статую, предъ которою останавливался любоваться императоръ. Ни одна изъ лучшихъ статуй не была имъ пропущена. Раза два государь подзывалъ къ себѣ Ставассера и заставлялъ его любоваться красотами древняго міра вмѣстѣ съ собою. Предъ Аполлономъ Бельведерскимъ царь остановился, совершенно пораженный его видомъ. Дѣйствительно, сѣрый цвѣтъ вообще всѣхъ стѣнъ Ватикана крайне не

выгоденъ для античныхъ статуй и бюстовъ, вдревле помѣщавшихся почти всегда на цвѣтныхъ стѣнахъ, почему огненное освѣщеніе сильнѣе выказывало рельефность мраморныхъ произведеній и вмѣстѣ всю игру въ нихъ тѣней, свѣтовъ и рефлекцій. Когда занесли свѣтильники въ глубину ниши и Аполлонъ освѣтился сзади, то онъ, сдѣлавшись по краямъ контуровъ совершенно прозраченъ, представился какимъ-то чудеснымъ, призрачнымъ видѣніемъ, существомъ какого-то другаго, прекраснѣйшаго міра.

— Это безподобно!—воскликнулъ государь, въ восторгѣ.

Зато и самъ онъ былъ какъ-то особенно хорошъ и необыкновенно величавъ въ эти минуты.

— Аполлона-то мы еще увидимъ,—говорили мы между собою,—а вѣдь царь нашъ ѣдетъ завтра домой, и потому, глядя болѣе на государя, мы хотѣли вдоволь имъ налюбоваться.

Кажется, на третій день по пріѣздѣ его величества была обѣдня въ посольскомъ дворцѣ. Наканунѣ мы просили доктора Енохина, находившагося при царской особѣ, исходатайствовать намъ отъ государя позволеніе спѣть обѣдню, на что получили разрѣшеніе. Когда узнали объ этомъ князь Григорій Петровичъ Волконскій и первый секретарь посольства Устиновъ, то захотѣли участвовать въ нашемъ хорѣ, и Волконскій, до того никогда не удостоивавшій насъ своимъ посѣщеніемъ у Лепре, пріѣхалъ туда и предлагалъ къ нашимъ услугамъ свой басъ. Надо было спѣться, и Волконскій предложилъ свою квартиру и свой рояль. Спѣвки большой не было; Волконскій все шушукался съ Устиновымъ, а мы пили чай, да лакомились фруктами.

— Ну, если князь Волконскій дѣлаетъ все такъ, какъ эту спѣвку,— говорили мы между собою,—то съ нимъ далеко не уѣдемъ.

Утромъ, когда мы пришли въ церковь, государь уже былъ въ ней и стоялъ по правой сторонѣ отъ входа у стѣны, позади дьячка. Клиросовъ въ этой церкви нѣтъ, и потому намъ надо было пойти и стать впереди государя, ближе къ дьячку, на что Волконскій и Устиновъ, одѣтые въ раззолоченные мундиры камергеровъ, никакъ не могли рѣшиться, какъ мы ихъ ни уговаривали. Тогда Ставассеръ, Серебряковъ, Климченко, Резановъ, я и еще два-три изъ нашихъ художниковъ, подойдя къ государю, поклонились его величеству и помѣстились впереди его. Надо сказать правду, что такое близкое присутствіе государя, пріобыкшаго къ превосходному пѣнію своей капеллы, заставило насъ начать обѣдню дрожащими голосами; но вскорѣ мы свыклись съ своимъ положеніемъ и пѣли отъ глубины души и довольно стройно. Вся обѣдня прошла бы удовлетворительно, если бы мы спѣли наканунѣ «Благочестивѣйшаго». При перечисленіи новорожденныхъ въ наше отсутствіе изъ Россіи великихъ князей мы сбились такъ, что дьячекъ пѣлъ одинъ, но

потомъ мы поправились и окончили обѣдню стройно словами: «и сохрани ихъ на многая лѣта!» Мы обернулись къ его величеству, снова поклонились и вышли изъ церкви, раздосадованные на свою оплошность болѣе, нежели когда-нибудь въ жизни. Черезъ день представился случай оправиться. Мы узнали, что государь передъ отъѣздомъ хотѣлъ отслужить обѣдню, и мы снова обратились къ г. Енохину для испрошенія у государя позволенія пѣть.

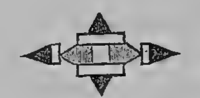
— Придите за отвѣтомъ вечеромъ!—сказалъ Енохинъ.

Когда мы пришли, почтенный докторъ сообщилъ намъ слѣдующее:

— Неудача, господа! Государь мнѣ сказалъ: «Нѣтъ, Енохинъ, ужъ мы лучше съ тобой пропоемъ обѣдню, а этихъ козловъ не нужно!»

Государь выѣхалъ изъ Рима въ часъ ночи съ 17-го на 18-ое декабря; слѣдовательно, пробылъ въ этомъ городѣ пять дней.

Сообщ. **С. Н. Великанова.**

Просьба С. Н. Глинки о выдачѣ ему пособія на изданіе его сочиненій.

Собственноручное письмо С. Глинки графу Аракчееву.

8-го февраля 1817 г. Москва.

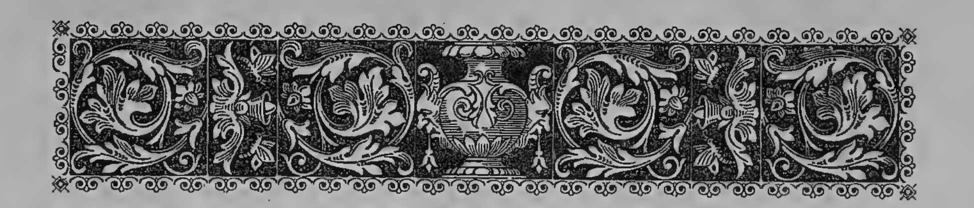
Вашему рвенію къ общей пользѣ милосердый государь поручилъ обозрѣніе состоянія смоленскихъ дворянъ, въ числѣ которыхъ и я нахожусь. Разоренія по тамошнему краю я не потерпѣлъ, ибо не имѣю никакой собственности. Отцовское наслѣдство отдалъ я въ приданое моей сестрѣ и упоминаю о семъ для того, чтобъ показать, что оно не было расточено. Все состояніе мое заключается въ трудахъ моихъ и сочиненіяхъ, погибшихъ въ Московское разореніе. Желая оныя возобновить, предлагаю подписку въ пользу моего семейства.

Сіятельнѣйшій графъ! Счастливымъ себя почту, если, ходатайствуя за меня, какъ за дворянина и уроженца смоленскаго, вы удостоите представить всемилостивѣйшему воззрѣнію увѣдомленіе о моихъ сочиненіяхъ. Къ напечатанію оныхъ весьма достаточно 5-ть тыс. руб. Здѣсь осмѣлюсь сказать, что мать дѣтей моихъ, въ пользу которыхъ предлагаю печатать мои сочиненія, а моя жена ничего не щадила для вспомоществованія неимущимъ чиновникамъ, поступившимъ въ 1812 г. въ ополченіе.—Въ сіе время она продала послѣднія свои вещи, не только по убѣжденію моему, но и по собственному усердію къ отечеству.

Не дерзнулъ бы никогда утруждать просьбою, если бы я былъ одинъ, но я одними своими трудами содержу мое семейство. — Если воля Божія прекратитъ труды и жизнь мою, тогда жена и дѣти мои пойдутъ по міру.

Сіятельнѣйшій графъ! Сопричислите и мое семейство къ смоленскимъ семействамъ, оживотвореннымъ вашимъ предстательствомъ у престола милосердаго государя! Благодарность къ вамъ навсегда запечатлѣется въ сердцѣ моемъ и въ сердцахъ моего семейства.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIII [1]).

Литературный кружокъ сороковыхъ годовъ.—В. Г. Бѣлинскій и его значеніе.—Субботы у И. И. Панаева.—И. С. Тургеневъ.—А. И. Герценъ.—Г. М. Толстой.—Ѳ. М. Достоевскій и его „Бѣдные люди".—Н. А. Некрасовъ; его прошлое и настоящее.—Д. В. Григоровичъ.—Ив. Ив. Панаевъ.—„Мертвыя души" Гоголя и ихъ значеніе.—Некрасовъ, какъ издатель „Современника". — Участіе въ немъ Н. Г. Чернышевскаго. — Славянофилы.—М. Н. Катковъ и его изданія.

После производства въ офицеры, въ 1842 году, я оставался еще, какъ было уже разсказано выше, два года въ офицерскихъ академическихъ классахъ и потому могъ чаще посѣщать Ив. Ив. Панаева. Его домъ былъ тогда сосредоточіемъ передоваго литературнаго кружка того времени. Это средоточіе являлось, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ притягательной силы, которой обладалъ Бѣлинскій, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и безкорыстно преданнаго литературѣ, а равно и привѣтливости его, какъ хозяина дома.

Изъ предшествующихъ моихъ разсказовъ уже видно, что Ив. Ив. и Бѣлинскій были искренними друзьями, при чемъ дружбу Ив. Ив. можно было сравнить съ восторженной любовью, подобной той, какую питаютъ къ женщинамъ.

Но въ чемъ заключалась притягательная сила Бѣлинскаго,—это вопросъ весьма не безъинтересный.

---

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1901 г.

Бѣлинскій въ дѣйствительности не обладалъ ни особенными знаніями, ни начитанностью, не зналъ даже иностранныхъ языковъ; а между тѣмъ, онъ пріобрѣлъ небывалый ни прежде, ни послѣ него, авторитетъ, какъ среди созидавшагося тогда свѣжаго литературнаго круга, такъ и среди интеллигентной, читающей публики.

Не столько умъ и логика обусловили его силу, сколько совокупность ихъ съ нравственными его качествами. Это былъ рыцарь, сражающійся за правду и истину. Это былъ палачъ всего искусственнаго, дѣланнаго, фальшиваго, не искренняго, всякихъ компромиссовъ и всякой неправды, гдѣ бы таковая ни являлась. При этомъ, онъ обладалъ громаднымъ талантомъ, рѣдкимъ эстетическимъ чувствомъ, страшной энергіей, жгучимъ словомъ, горячею возвышенною душою, восторженностью и теплѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и отзывчивымъ сердцемъ во всемъ. Словомъ сказать, его можно назвать: могучій критикъ-поэтъ.

По моему глубокому убѣжденію, въ перечисленныхъ-то мною свойствахъ и заключалась притягательная сила Бѣлинскаго. Я зналъ Бѣлинскаго въ теченіе девяти лѣтъ, до дня его смерти, и во все это время я не подмѣтилъ въ немъ ни одной черточки, которая показывала бы, что онъ признаетъ за собою необыкновенную силу и вліяніе на другихъ. Онъ такъ былъ естественъ во всемъ, что можно съ увѣренностью сказать, что ему и въ голову не приходило анализировать главныя причины своего вліянія, которыми и не помышлялъ кичиться. Если бы онъ подмѣтилъ въ себѣ эту кичливость, то, конечно, казнилъ бы самъ себя.

Мы можемъ гордиться не малымъ числомъ, являвшихся въ нашемъ отечествѣ, великихъ литературныхъ талантовъ, какъ Державинъ, фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ, и великихъ геніевъ, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ; но мы имѣли одного великаго критика—Бѣлинскаго.

Значеніе Бѣлинскаго и вліяніе его на литературу громадно; но это вліяніе до сихъ поръ еще не оцѣнено должнымъ образомъ. Все, что подлежитъ развитію,—требуетъ питанія. Зерно, попавшее на дурную почву, хотя и дастъ ростокъ, но затѣмъ погибаетъ. Чтобы онъ развился, надо питать его, или пересадить на хорошую почву и уничтожить растущій около него бурьянъ, который, иначе, заглушитъ ростокъ. Достоевскій, Некрасовъ, Тургеневъ, Толстой, Григоровичъ, Гончаровъ и Ив. Ив. Панаевъ суть дѣти Бѣлинскаго, его вскормленники.

Когда нѣтъ авторитетной, искренней оцѣнки прекраснаго, художественнаго, возвышеннаго и истиннаго, и, въ то же время, могучаго меча надъ фальшью, безобразіемъ и глупостью; когда критика не способна подмѣчать истинные таланты въ зародышѣ и безсильна давить возрастающую бездарность, тогда воцаряется анархія, какъ въ лите-

ратурѣ, такъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, — каковая картина и стоитъ нынѣ передъ нашими глазами.

Въ 1842 году Ив. Ив. Панаевъ жилъ у Аничкина моста въ домѣ Лопатина. Въ томъ же домѣ жилъ и Бѣлинскій. По субботамъ, у Ив. Ив. собирались литераторы, а также прилѣпившіеся къ литературѣ и, вообще, знакомые. Изъ числа литераторовъ помню князя Одоевскаго, Соболевскаго, Башуцкаго, которые бывали рѣдко; графа Соллогуба, бывавшаго довольно часто; А. А. Комарова, воспитателя юношества и преподавателя русской словесности въ военно-учебныхъ и другихъ заведеніяхъ; Вас. Петр. Боткина, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ; Кетчера, переводчика Шекспира, пока онъ не возвратился въ Москву; Анненкова, впослѣдствіи издателя сочиненій Пушкина; Бранта, писавшаго великосвѣтскіе повѣсти и романы, который, нѣсколько лѣтъ спустя, былъ изображенъ каррикатурой въ литературномъ сборникѣ, приложенномъ къ «Современнику» 1849 г., въ видѣ Наполеона I, потому что претендовалъ на нѣкоторое съ нимъ сходство.

Изъ знакомыхъ Ив. Ив. помню Ник. Петр. Боткина, брата В. П.; Маркевича, который не занимался еще тогда литературой; А. С. Комарова, инженера, профессора въ Институтѣ путей сообщенія; офицера Московскаго полка Булгакова, извѣстнаго въ то время всѣмъ своимъ остроуміемъ и оригинальными шутками; молодыхъ красавцевъ: лейбъ-гусара Полторацкаго, царско-сельскаго кирасира Ольховскаго и морскаго флигель-адъютанта Колзакова и затѣмъ поклонниковъ литературы: Маслова, Кульчицкаго, Тютчева и друга Ив. Ив.—М. А. Языкова; послѣдніе были постоянными посѣтителями субботъ.

Въ скоромъ времени, кто-то привезъ Ив. Ив. изъ Парижа краткую исторію революціи конца прошедшаго столѣтія, о которой русское общество, за исключеніемъ тѣхъ не многихъ лицъ, которымъ случалось бывать за границей, не имѣло никакого сколько-нибудь вѣрнаго представленія; даже литературный міръ пребывалъ, въ этомъ отношеніи, въ невѣдѣніи, такъ какъ, абсолютно, ни одно историческое сочиненіе, относящееся къ этой эпохѣ, не было допущено въ продажѣ въ Россіи.

Кромѣ означенной исторіи, Ив. Ив. доставлялась газета «Moniteur Universel» того времени, конечно, далеко не въ полномъ составѣ, но все-таки имѣлось множество нумеровъ, относящихся до болѣе важныхъ моментовъ революціи. Въ эти нумера были завернуты разные предметы, вывезенные изъ-за границы, и, такимъ образомъ, они и очутились въ Петербургѣ.

Когда Ив. Ив. имѣлъ уже въ рукахъ поименованные источники, у него тотчасъ же родилась мысль перевести, для Бѣлинскаго, исторію революціи, вставляя для полноты выборки изъ «Moniteur Universel». Онъ сообщилъ Бѣлинскому, что будетъ читать по субботамъ все, что

*

успѣетъ перевести и скомпилировать за недѣлю. Съ тѣхъ поръ, характеръ этихъ субботъ измѣнился; всѣ, интересующіеся вопросомъ, стали собираться раньше, чтобы успѣть прослушать чтеніе до прихода менѣе интимныхъ лицъ, которымъ, впрочемъ, такъ или сякъ, давали почувствовать, что посѣщеніе ихъ не совсѣмъ во-время, и, въ концѣ концовъ, посѣщеніе этихъ людей сдѣлалось гораздо рѣже.

Къ концу зимы переводъ Ив. Ив. подходилъ тоже къ концу, и вотъ, къ одному вечеру онъ приготовилъ переводъ знаменитой рѣчи Робеспьера: о «Существѣ высшемъ», дословно помѣщенный въ «Moniteur Universel». Замѣчу здѣсь, что впослѣдствіи я не встрѣтилъ ни въ одномъ изъ обширныхъ сочиненій о революціи полнаго текста означенной рѣчи. Даже въ громадной спеціальной исторіи Робеспьера, сочиненія Hamel'а, обнимающей болѣе 2.000 стр., означенная рѣчь помѣщена отрывками, а не дословно, при чемъ выброшены нѣкоторыя выраженія, не понравившіяся, повидимому, автору.

Упомянутая рѣчь Робеспьера произвела на Бѣлинскаго и на всѣхъ слушателей поражающее впечатлѣніе своимъ содержаніемъ, совершенно неожиданнымъ для насъ. Въ тотъ же вечеръ, я упросилъ Ив. Ив. дать мнѣ списать прочитанную имъ рѣчь. Ив. Ив. согласился съ тѣмъ, чтобы я завтра же до обѣда доставилъ ее обратно. Рѣчь была такъ велика, что пришлось переписывать ее, вслѣдствіе даннаго краткаго срока, втроемъ; принялись за это: я, мой братъ и товарищъ Кусаковъ. Я сохранилъ эти листки до сихъ поръ.

Передъ своею смертью Ив. Ив. отдалъ мнѣ на память всю составленную имъ для Бѣлинскаго компиляцію французской революціи, обнимающую 5 лѣтъ, съ 1789 г. по 1794 г., которая и хранится нынѣ у меня. Эта рукопись могла бы составить книгу до 20 печатныхъ листовъ. Кромѣ этого, Ив. Ив. передалъ мнѣ и разные другіе переводы, дѣлавшіеся имъ для Бѣлинскаго, изъ Леру, Жоржъ-Занда и другихъ писателей, которые тоже сохранились, отчасти, у меня.

Пусть же поставитъ себѣ читатель вопросъ: какова же была привязанность и любовь къ Бѣлинскому у людей, его знавшихъ, чтобы человѣкъ не праздный, а самъ для себя трудящійся, посвятилъ почти полгода безкорыстнаго труда для того только, чтобы дать возможность Бѣлинскому ознакомиться съ тѣмъ, что въ его роли писателя-критика ему нужно было знать.

Итакъ, извѣстный небольшой кружокъ здѣсь, въ Петербургѣ, ознакомился еще въ началѣ 1843 года дословно съ знаменитою рѣчью Робеспьера, тогда какъ я, впослѣдствіи, встрѣчалъ множество французовъ, даже изъ міра писателей, которые хотя и слыхали о ней и объ ея содержаніи, но самой рѣчи не читали.

Вскорѣ, появился у Ив. Ив. Панаева Иванъ Сергѣевичъ Турге-

невъ. Въ это время онъ только-что напечаталъ свою первую поэму: «Параша».

Хотя Тургеневъ написалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «Параша» появилась, впервые, въ 1849 году, но это или опечатка, или память измѣнила Ив. Сер. Какъ же согласить эту дату съ другимъ мѣстомъ тѣхъ же воспоминаній, гдѣ Тургеневъ говоритъ о статьѣ Бѣлинскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ», по поводу выхода «Параши». Бѣлинскій оставилъ «Отечественныя Записки» въ концѣ 1846 года и болѣе туда не возвращался. Ясно, что «Параша» была напечатана гораздо ранѣе 1849 г. Впрочемъ, о воспоминаніяхъ Тургенева мнѣ придется упомянуть въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ.

По внѣшности, Тургеневъ былъ очень представительный молодой человѣкъ, большаго роста, весьма пріятной наружности, съ особенно мягкими глазами, характеризовавшими его лицо. Онъ принадлежалъ къ родовитой, богатой семьѣ, получилъ блестящее образованіе, побывалъ уже за границей и посѣщалъ высшій кругъ. Помню, какъ теперь, что я увидалъ Тургенева у Ив. Ив. первый разъ пріѣхавшимъ послѣ свѣтскихъ визитовъ и одѣтымъ въ синій фракъ съ золотыми пуговицами, изображающими львиныя головы, въ свѣтлыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ, въ бѣломъ жилетѣ и въ цвѣтномъ галстухѣ. Таково рода была, въ то время, мода.

Вообще, въ Тургеневѣ замѣтна была еще тогда ходульность, а также замѣчалось желаніе рисоваться, отсутствіе искренняго жара и, тѣмъ болѣе, пыла. Во всемъ была сдержанность, но выступала одна черта— это—пренебреженіе ко всему, что отзывалось Россіей, условій жизни которой онъ, видимо, не понималъ, не зналъ и въ нихъ не вдумывался. Замѣтно было еще въ разговорахъ самое поверхностное отношеніе въ бесѣдахъ къ вопросамъ, ни на чемъ твердо не останавливающимся, нѣчто въ родѣ порханія или фланерства мыслей. Но я возвращусь къ Тургеневу болѣе подробно, когда я сталъ встрѣчать его, часто въ Парижѣ, а именно — когда я основалъ тамъ ежедневную газету: «L'Homme Libre».

Въ то время и Евгеній Онѣгинъ Пушкина служилъ образцомъ для молодыхъ людей, находившихся въ условіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ находился Тургеневъ, и потому, весьма натурально, что онъ желалъ походить на героя Пушкинской поэмы. Многіе старались ломать изъ себя Онѣгиныхъ, но они являлись по преимуществу карикатурными, чего никакъ нельзя было приписать Тургеневу. Въ немъ было столько общаго по всѣмъ условіямъ съ Онѣгинымъ, что его можно было признать за роднаго брата Пушкинскаго героя, какъ и Григорія Михайловича Толстаго, о которомъ я упомянулъ въ одной изъ предшествую-

щихъ главъ, и они, можно сказать, выдержали болѣе или менѣе эту роль до конца жизни.

Здѣсь, кстати замѣчу, что впослѣдствіи наплодились какъ муравьи, Лермонтовскіе Печорины, но скоро пропали; а позже — Тургеневскіе Базаровы, которые исчезли еще скорѣе. Но, что касается до Пушкинскаго героя, то онъ болѣе живучъ и можетъ появляться еще долгое время.

Вслѣдствіе высказанныхъ мною особенностей характера, будетъ понятно, что Тургеневъ смотрѣлъ на всѣхъ свысока, и въ манерахъ его обращенія съ людьми было замѣтно вначалѣ нѣкоторое фатовство. Это, конечно, не могло нравиться тому кружку, гдѣ онъ появился, и Бѣлинскій, по природной своей прямотѣ, не терпящій ничего дѣланнаго и искусственнаго, сталъ безъ церемоніи замѣчать Тургеневу при всякомъ подходящемъ случаѣ о томъ, что могло коробить присутствующихъ, конечно, если не было при этомъ не интимныхъ людей.

Вотъ, напримѣръ, эпизодъ, случившійся со мною. Но прежде изложенія этого эпизода, я долженъ сказать, что въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у Ив. Ив., всѣ, за исключеніемъ Бѣлинскаго, смотрѣли на людей, носящихъ эполеты, съ явнымъ предубѣжденіемъ. Одинъ Лермонтовъ не могъ разрушить въ этомъ кружкѣ предвзятаго предубѣжденія. Коль скоро офицеръ,—значитъ, не развитой человѣкъ, не знакомъ съ философіей, т. е. съ наукой. Разговоры о философіи и наукѣ подымалъ преимущественно В. П. Боткинъ. Онъ начитался Гегеля и еще кое-чего и въ виду того, что другіе были мало знакомы съ тѣмъ, чего начитался Боткинъ, онъ придавалъ себѣ видъ мыслителя, и ему многіе въ то время вѣрили на слово.

— Наука, батюшка, наука,—повторялъ онъ на каждомъ шагу.— Безъ нея нельзя ступить ни шагу ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ.

Онъ былъ положительно смѣшонъ своею напыщенностью знанія будто бы философскихъ истинъ. Вообще, разговоры о наукѣ, возбуждаемые Боткинымъ, представляли, отчасти, комическую сторону кружка. О какой наукѣ разсуждали въ немъ, это остается «темной водой во облацѣхъ». Итакъ, офицеры разсматривались въ кружкѣ какъ люди, которымъ не могутъ быть доступны таинства науки, которую, однако, никто изъ кружка не могъ формулировать хотя бы малѣйшей черточкой.

По поводу взгляда на офицеровъ мнѣ припоминаются слова Герцена, въ гораздо позднѣйшее время, а именно, въ 1858 году, которыя я кстати приведу здѣсь. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, я подробно опишу мое знакомство съ Герценомъ, а здѣсь скажу только нѣсколько словъ изъ разговора съ нимъ, при первой нашей встрѣчѣ въ Лондонѣ.

— Чѣмъ вы можете объяснить,—спросилъ онъ меня, — слѣдующій

фактъ. Надо вамъ сказать, что меня атакуютъ разные посѣтители изъ Россіи, принадлежащіе къ разнымъ сферамъ, включая и генераловъ; а на-дняхъ, явился какой-то господинъ изъ Архангельска, приплывшій сюда, за неимѣніемъ средствъ, въ качествѣ матроса. Можете ли себѣ представить, что, по моимъ убѣжденіямъ, я встрѣчаю несравненно болѣе развитыхъ и болѣе образованныхъ людей въ средѣ офицеровъ, чѣмъ въ средѣ учившихся въ университетахъ.

— Позвольте мнѣ пояснить вамъ ваше недоумѣніе, — отвѣчалъ я приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.—По обстоятельствамъ, которыя мнѣ извѣстны, вы не могли ознакомиться со всѣми отраслями русской жизни до вашего отъѣзда за границу; а съ тѣхъ поръ, Россія совсѣмъ вамъ невѣдома, а потому у васъ могли сложиться вообще воззрѣнія невѣрныя. Вамъ неизвѣстно, что императоръ Николай Павловичъ всѣми мѣрами старался поднять образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе чего начальство привлекало къ этимъ заведеніямъ наилучшія силы. Вѣдь въ Дворянскомъ полку русскую словесность преподавалъ Гребенка. Въ юнкерской школѣ и въ другихъ заведеніяхъ русскую словесность читалъ Комаровъ, о которомъ вы должны имѣть понятіе, если не знали его лично. Затѣмъ, геніальный геометръ-философъ, академикъ Остроградскій, былъ дотого отвлеченъ лекціями въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, что не имѣлъ времени читать въ университетѣ. Знаменитый математикъ, академикъ Буняковскій тоже читалъ въ нѣкоторыхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Между тѣмъ, напримѣръ, профессоръ Казанскаго университета, весьма извѣстный въ математической литературѣ, Лобачевскій, въ собственномъ сочиненіи, трактуя одинъ вопросъ, призналъ, что онъ не знакомъ по этому вопросу съ трудами молодаго Штурма. Насъ же въ заведеніи, еще до производства въ офицеры, ознакомили съ означенными трудами великаго математика, оставившаго по себѣ навсегда громкое имя.

Я упомянулъ о словахъ Герцена потому, что придаю имъ нѣкоторое значеніе, въ виду того, что Герценъ, въ прежнее время, принадлежалъ къ тому же кружку, о которомъ идетъ рѣчь, и раздѣлялъ его мнѣніе относительно людей, носившихъ эполеты, оттого-то онъ, конечно, и поставилъ мнѣ вопросъ, приводившій его въ недоумѣніе.

Послѣ изложеннаго мною замѣчанія, маленькій эпизодъ, который я разскажу теперь, явится уже понятнымъ.

Тургеневъ, посѣщая Ив. Ив., гдѣ не разъ встрѣчалъ меня, при чемъ никогда не только не здоровался, но и не кланялся мнѣ, несмотря на мои близкія отношенія къ хозяину дома. По всей вѣроятности, Бѣлинскій подмѣтилъ это. Я былъ въ то время очень молодымъ офицеромъ.

Однажды я находился у Ив. Ив., гдѣ былъ и Бѣлинскій. Во время

своихъ разговоровъ, онъ любилъ ходить по комнатѣ. Я сидѣлъ. Бѣлинскій остановился передо мною и что-то говорилъ. Въ это время пришелъ Тургеневъ, подошелъ къ Бѣлинскому, поздоровался съ нимъ, стоя глазъ на глазъ передо мною, но не поклонился мнѣ. Бѣлинскій тотчасъ же взялъ Тургенева подъ руку, прошелся съ нимъ раза два по комнатѣ и опять остановился передъ мной, продолжая держать Тургенева подъ руку.

— Знаете ли вы, Тургеневъ, кто это сидитъ?

Тургеневъ вставилъ монокль въ глазахъ, взглянулъ на меня съ высоты и выразилъ на своемъ лицѣ недоумѣніе.

— Знайте же, Иванъ Сергѣевичъ, это сидитъ Остапъ! да! Остапъ!

Затѣмъ Бѣлинскій повернулся и отошелъ. Въ то время Тарасъ Бульба чрезвычайно высоко цѣнился, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературномъ мірѣ, и будетъ, конечно, цѣниться еще долгое время. Изъ одной прежней главы читатель уже знаетъ, что Бѣлинскій меня любилъ. Болѣе деликатно, болѣе умно и болѣе находчиво нельзя было поступить, какъ поступилъ Бѣлинскій. Съ тѣхъ поръ Тургеневъ не только здоровался со мною, но сдѣлался весьма предупредительнымъ при встрѣчахъ и сталъ вступать въ разговоры.

Приблизительно къ тому же времени относится и увлеченіе Бѣлинскаго карточной игрой. Втянули его въ эту игру Капгеръ и Кульчицкій.

Бѣлинскій, какъ человѣкъ увлекающійся, увлекся этой игрой, и, по выходѣ, ежемѣсячно въ свѣтъ нумера «Отечественныхъ Записокъ», нѣсколько дней съ азартомъ придавался карточной игрѣ, которая являлась отдохновеніемъ мысли,—чтó совершенно вѣрно для людей постоянно трудящихся.

Когда я засталъ первый разъ Бѣлинскаго за зеленымъ столомъ, то ужасно удивился этому. Затѣмъ, по субботамъ, у Ив. Ив., Бѣлинскій всякій разъ игралъ въ преферансъ. Постоянными его партнерами были: Кульчицкій, Тютчевъ и Масловъ; иногда, по необходимости, замѣняли ихъ Ив. Ив. и Языковъ, которые тоже не имѣли никакого призванія къ игрѣ, какъ и Бѣлинскій, и всѣ они обучались еще игрѣ въ преферансъ.

По поводу карточной игры я приведу одинъ курьезный эпизодъ. Однажды Тургеневъ, заставши компанію за игрой, сказалъ:

— Что вамъ за охота играть въ скучный преферансъ; если хотите, я вамъ покажу преинтересную игру, квинтичъ, въ которой могутъ принять участіе, по желанію, всѣ здѣсь присутствующіе, только надо имѣть не менѣе четырехъ колодъ, и даже болѣе, смотря по числу играющихъ. Мы будемъ играть по маленькой и назначимъ кушъ въ 10 копѣекъ.

Въ предложенной Тургеневымъ игрѣ приняли участіе человѣкъ 10-ть, если не болѣе.

Послѣ перваго, пробнаго тура, безъ денегъ, для ознакомленія съ игрой, тотчасъ же назначили первоначальный кушъ въ 10 коп., при первой же раздачѣ по одной картѣ, такъ, что всякій, получившій эту карту, хотя бы, найдя ее неудобной для дальнѣйшей покупки, и бросилъ ее, былъ уже обязанъ заплатить 10 копѣекъ.

Но послѣ перваго тура настоящей игры, нѣкоторые проиграли уже десятки рублей. Игра приняла серьезный оборотъ, и въ скоромъ времени пошли куши въ 100 рублей и достигли 200 рублей. И, когда, въ одну изъ слѣдующихъ сдачъ, двумъ лицамъ пришелъ счетъ по 15-ти, и, дошедши до 200 рублей, одинъ изъ нихъ объявилъ 400 рублей, то всѣ опомнились, запротестовали, сказали, что дальше 200 рублей идти соперниковъ не допустятъ и пригласили ихъ вскрыть карты.

Играли долго, чуть не до утра, Бѣлинскій былъ въ проигрышѣ болѣе 100 рублей. Онъ игры не прекращалъ, а выигравшимъ бросить игру было, конечно, не ловко. Бѣлинскій проигралъ въ общей сложности слишкомъ 200 рублей. Онъ вскочилъ и, вынувъ сторублевую бумажку, сказалъ:

— Довольно, больше со мною денегъ нѣтъ, заплачу послѣ завтра.

Затѣмъ, схвативъ шапку, обратился къ Тургеневу:

— Ну, спасибо вамъ, Иванъ Сергѣевичъ, за вечерокъ; какъ же вы, не зная характера игры, вздумали обучать ей; кто же могъ знать, что кушъ въ 10 копѣекъ обратился въ сотни рублей и могъ обратиться въ тысячи, если бы мы не спохватились во-время.

Съ этими словами Бѣлинскій ушелъ въ сильномъ волненіи.

Вечеръ этотъ произвелъ на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Всѣ знали, что проигрышъ Бѣлинскаго въ 200 рублей равнялся жалованью за мѣсяцъ, получаемому имъ отъ А. А. Краевскаго, и что другихъ источниковъ для жизни онъ не имѣлъ и былъ уже въ это время женатъ.

Тургеневъ былъ страшно сконфуженъ случившейся бѣдой по его иниціативѣ. Всѣ стояли молча, никто не могъ еще собраться съ мыслями. Вдругъ, легендарный миротворецъ всего кружка, М. А. Языковъ сказалъ:

— Что, голубчики, не веселы, что вы головушки повѣсили?—все можно легко поправить, стоитъ лишь Бѣлинскому отыграться.

Слова эти, какъ молнія, пролетѣли въ ушахъ всѣхъ, и Тургеневъ, немедленно, пригласилъ всѣхъ присутствующихъ обѣдать къ нему на послѣ завтра, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда сыграть въ квинтичъ. Всѣ тотчасъ же сообразили, что такимъ образомъ, по характеру игры, всякій можетъ проиграть столько, сколько самъ былъ приблизительно въ выигрышѣ, и проиграть именно Бѣлинскому.

Понятно, что Тургеневъ, черезъ день пригласилъ къ обѣду Бѣлинскаго, которому, конечно, не было сообщено о предстоящей игрѣ.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ тогда съ своимъ братомъ, слѣдовательно, у нихъ было домашнее хозяйство. Послѣ обѣда, мы сѣли играть въ квинтичъ, безъ Бѣлинскаго, который не хотѣлъ играть; но, наконецъ, его уговорили.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій могъ отыграть, приблизительно, весь свой проигрышъ, не получивъ ни малѣйшаго сознанія о томъ, что играющіе дѣйствовали умышленно. Этотъ заговоръ остался, конечно, тайной навсегда. Если я высказываю этотъ фактъ теперь, то я, кажется, не компрометтирую этимъ ни памяти умершихъ, ни тѣхъ, которые, быть можетъ, еще живы изъ числа игравшихъ заговорщиковъ.

Въ ту же зиму, въ Петербургѣ, послѣ перерыва чуть-ли не въ 20 лѣтъ, впервые открылась вновь итальянская опера съ тремя величайшими артистами: Рубини, Віардо и Тамбурини. Тургеневъ сильно заинтересовался m-me Віардо и съ тѣхъ поръ остался ея поклонникомъ, и во всю жизнь слѣдовалъ за нею. Къ m-me Віардо я возвращусь по поводу впечатлѣнія, какое производила эта несравненная артистка на публику, и равно по поводу того, когда я жилъ около двухъ лѣтъ въ Парижѣ, спеціально для того, чтобы дать возможность моей дочери совершенствоваться въ пѣніи.

Весной 1844 года, субботы у Ив. Ив. прекратились, и онъ задумалъ ѣхать за границу. Мы же, т. е. я и братъ мой, окончили къ этому времени академическій курсъ и отправились на дѣйствительную службу, на постройку Николаевской желѣзной дороги.

Зиму 1845 года Ив. Ив. провелъ за границей и, вернувшись оттуда, поѣхалъ въ деревню, откуда прибылъ въ Петербургъ уже осенью того же года. Тогда опять начали собираться у него литераторы и знакомые. Въ это время появились три новыя литературныя личности, а именно: Некрасовъ, Достоевскій и Григоровичъ. Среди знакомыхъ появилось новое для литературнаго кружка лицо: Григорій Михайловичъ Толстой, котораго я зналъ съ дѣтства и о которомъ я упомянулъ выше. Это былъ, какъ я уже сказалъ, образованнѣйшій человѣкъ и въ полномъ смыслѣ джентльменъ, какъ въ жизни, такъ и по характеру, и по манерамъ. Толстой проводилъ постоянно время за границей, гдѣ и познакомился съ нимъ Ив. Ив. Онъ только-что пріѣхалъ оттуда и жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, до отъѣзда въ свою деревню Новоспасское, Казанской губерніи, Лаишевскаго уѣзда, куда и пригласилъ на лѣто Ив. Ив. съ женой, а также Некрасова, для дивной охоты на дупелей, которые водились въ неисчислимомъ количествѣ въ окрестностяхъ означенной деревни. Во время пребыванія въ этой деревнѣ,

Ив. Ив. рѣшалъ вопросъ объ изданіи «Современника» и заключилъ по этому дѣлу союзъ съ Некрасовымъ.

Въ это время Некрасовъ готовилъ уже изданіе «Петербургскаго Сборника», въ которомъ долженъ былъ быть помѣщенъ первый романъ Достоевскаго: «Бѣдные люди». Бѣлинскій, Некрасовъ и Григоровичъ знали уже этотъ романъ по рукописи, и Ив. Ив. устроилъ вечеръ, исключительно для прочтенія еще рукописи этого произведенія другимъ литераторамъ и знакомымъ.

Я присутствовалъ на этомъ чтеніи; читалъ самъ Достоевскій, тогда человѣкъ конфузливый; но его чтеніе произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

Я очень мало зналъ Достоевскаго. Быть можетъ, не болѣе десятка разъ встрѣтился я съ нимъ и никакого серьезнаго разговора вести съ нимъ не случилось. Онъ скоро пересталъ бывать у Ив. Ив.; вышелъ какой-то разладъ, въ которомъ послѣдній не былъ ни въ чемъ виноватъ. Причину разлада приписывали Тургеневу; и если я не ошибаюсь, то враждебность между этими двумя писателями продолжалась до конца ихъ жизни.

Итакъ, я не имѣю никакихъ данныхъ для того, чтобы вывести какое-либо заключеніе о Достоевскомъ изъ моихъ личныхъ къ нему отношеній. Одно только можно было замѣтить, даже въ то короткое время, когда онъ посѣщалъ Ив. Ив., что Достоевскій былъ очень раздражителенъ и щекотливъ.

Но, пользуясь случаемъ, я не могу воздержаться, чтобы не высказать въ краткихъ словахъ моего личнаго взгляда на Достоевскаго, какъ писателя.

Меня всегда нѣсколько коробило и коробитъ, когда даже поклонники Достоевскаго стремятся проводить параллель между нимъ и другими писателями: Тургеневымъ, Толстымъ и Гончаровымъ. Каждый предметъ долженъ, для сравненія съ другимъ, мѣряться соотвѣтствующей ему мѣрою. Линіи должны мѣриться линіей, площади—квадратной и объемъ—кубической единицами. Я привелъ эту метафору, чтобы лучше пояснить мою мысль, а именно, что къ одному писателю можно прилагать единицу мѣры линейную, къ другому нужно прилагать единицу мѣры квадратную, а къ третьему—единицу мѣры кубической, т. е. если одного достаточно мѣрить въ одну длину, то другаго надо мѣрить въ длину и ширину, а третьяго—въ длину, ширину и глубину.

Достоевскій былъ глубочайшій мыслитель, какъ Гоголь. Ихъ надо мѣрить не только въ длину и ширину, но и въ глубину, тогда какъ къ поименованнымъ предъ симъ тремъ писателямъ подходитъ мѣра квадратная. Вотъ почему я и сказалъ, что меня коробитъ, когда я слышу проведеніе параллелей между ними и Достоевскимъ. Я отнюдь не хочу

умалить этимъ достоинства означенныхъ писателей, но дѣло въ томъ, что они представляютъ предметы, по существу своему, не соизмѣримые съ двумя другими предметами, какъ Гоголь и Достоевскій.

Достоевскаго, до конца его жизни, признавали крайне раздражительнымъ и не общительнымъ, и нѣкоторые считали его даже не нормальнымъ. Конечно, вся предшествующая его жизнь могла перервать всѣ его нервы; но вѣдь прошло много лѣтъ, что онъ находился въ весьма благопріятныхъ условіяхъ: онъ пользовался большимъ почетомъ, особеннымъ уваженіемъ, сильною популярностью и не терпѣлъ уже нужды. И потому, можно предполагать, что его раздражительность поддерживало то обстоятельство, что къ его оцѣнкѣ прилагали мѣрку, къ нему не подходящую, и не измѣряли страшную глубину его мыслей, которыя онъ старался передать людямъ.

Конечно, мнѣ могутъ сказать, что Достоевскій не отличался художественностью въ своихъ произведеніяхъ. Но вѣдь художественность есть поверхностное условіе творчества. Дѣйствительно, не рѣдко, Достоевскій давалъ нѣкоторыхъ лицъ въ формѣ не отдѣланной, но зато онъ, мѣстами, достигалъ такой художественности и, въ то же время, глубины, какъ никто.

Перейду теперь къ Некрасову, который появился у Ив. Ив. Панаева, одновременно съ Достоевскимъ, въ концѣ 1845 г.

Я разскажу то, что передавалъ мнѣ самъ Некрасовъ о себѣ, до 1847 года, когда онъ явился уже соиздателемъ «Современника».

Отецъ Некрасова былъ ярославскій помѣщикъ средней руки, т. е. не богатый и не бѣдный. Онъ былъ человѣкъ мало образованный и грубоватый, подобный всѣмъ среднимъ помѣщикамъ того времени, съ достоинствами и недостатками, которые были присущи этой средѣ. Отецъ Некрасова, кромѣ сельскаго хозяйства, занимался содержаніемъ почтовой гоньбы и потому имѣлъ въ Ярославлѣ контору.

Когда подошло время обучать дѣтей, отецъ Некрасова отдалъ ихъ въ Ярославскую гимназію и помѣстилъ ихъ жить въ своей конторѣ подъ надзоромъ какого-то крѣпостнаго дядьки.

— Мы ученіемъ,—говорилъ Некрасовъ,—не занимались, а занимались больше кутежемъ, и я сильно пріударялъ въ картежъ и въ прочія забавы.

Прикащику въ конторѣ приказано было денегъ барченкамъ не давать, но удовлетворять ихъ требованія. Когда отецъ наѣзжалъ въ Ярославль и повѣрялъ счета прикащика, то сталъ замѣчать, что расходы на хереса и проч. для барчатъ все росли и росли; затѣмъ, Некрасовъ сталъ брать и деньги у прикащика на картежъ. Послѣдній не осмѣлился отказывать будущему своему барину. Отецъ стращалъ то тѣмъ, то другимъ, но, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и чуть не побилъ сына.

— Тогда,—разсказывалъ Некрасовъ,— я объявилъ отцу, что не хочу учиться въ гимназіи, а хочу поступить въ университетъ. Отецъ согласился отправить меня въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ жила родственница, старуха Маркова. Далъ мнѣ 500 руб. ассигнаціонныхъ и письмо къ Марковой, чтобы она оказала покровительство его сыну и пристроила его для приготовленія въ университетъ. Надо тебѣ сказать,—повѣствовалъ Некрасовъ,—что хотя въ гимназіи я плохо учился, но страстишка къ писанію была у меня сильная, такъ, что я писалъ сочиненія почти для всѣхъ товарищей. Прибывъ въ Петербургъ, я отправился къ старухѣ Марковой; жила она въ своемъ деревянномъ домѣ [1]), на Литейной, противъ Симеоновскаго переулка. Прихожу, вижу древнюю старуху, сидящую у окна и вяжущую чулокъ; подалъ я ей письмо отъ отца, она позвала приживалку прочесть.

— А, такъ ты изъ Ярославля?—спросила она.

— Изъ Ярославля, бабушка.

— Сюда въ Петербургъ пріѣхалъ?

— Сюда, бабушка.

— Учиться?

— Учиться, бабушка.

— Хорошо, учись, учись!

Сижу и жду—что будетъ дальше.

— Такъ отецъ твой живъ?—спросила она опять.

— Живъ, бабушка.

— Вѣдь ты изъ Ярославля?

— Изъ Ярославля, бабушка.

И затѣмъ пошли одни и тѣ же вопросы нѣсколько разъ. Вижу, что толку нѣтъ никакого, и ушелъ. Разочекъ еще сходилъ и опять то же.— Ты изъ Ярославля—и т. д. Плюнулъ и больше туда ни ногой.

Надо замѣтить, что я зналъ старуху Маркову и нѣсколько разъ бывалъ у нея въ домѣ. Ея сынъ былъ товарищемъ моего отца по Лейбъ-Уланскому полку, дѣлалъ съ нимъ походъ 1812-го года, и они были очень дружны, почему я и посѣщалъ этотъ домъ, приблизительно въ то время, когда Некрасовъ являлся къ старухѣ. Очень ясно помню ее, постоянно сидящую у окна съ чулкомъ. Сынъ ея былъ въ то время полковымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Высочества полка, который стоялъ въ Новгородскихъ поселеніяхъ и потому бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, поэтому Некрасовъ и не встрѣтилъ его у старухи; иначе, Марковъ, какъ человѣкъ задушевный, вѣроятно, не бросилъ бы Некрасова на произволъ судьбы.

— Такъ я и сталъ проживать,—говорилъ Некрасовъ,—въ какой-то

[1]) На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь великолѣпный дворецъ Юсуповой-Шево.

грязной гостиницѣ, шлифовалъ тротуары, да денежки спускалъ. Наконецъ, я пристроился у одного профессора, который взялся приготовить меня въ университетъ. Денегъ у меня почти уже не было, надо было писать отцу, а кто его знаетъ—прислалъ ли бы онъ или нѣтъ? Между тѣмъ, у профессора была женка смазливенькая, и я сталъ за нею приволакиваться. Замѣтилъ это профессоръ, да и вытолкалъ меня вонъ. Куда голову преклонить—не знаю? Оставалось еще нѣсколько рублишекъ, я нанялъ себѣ уголъ за два рубля въ мѣсяцъ. Пить, ѣсть надо, я и задумалъ стишонки забавные писать. Напечаталъ ихъ на листочкахъ и сталъ гостинодворскимъ молодцамъ продавать. Разошлись. Маленько оперился и комнатку на Васильевскомъ островѣ нанялъ. Вотъ послѣ этого ты и встрѣтилъ меня у Даненберга. Ну, потомъ, я сталъ уже маленькія стихотворныя книжки издавать, мало-по-малу поправляться и достигъ я знакомства съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій сталъ мнѣ работу давать, и я тогда совсѣмъ уже оправился. А потомъ познакомился съ Ив. Ив. и на твоихъ глазахъ издалъ «Петербургскій Сборникъ», а теперь, какъ ты видишь, издаемъ съ Ив. Ив. «Современникъ».

Главнѣйшая клевета, взводившаяся и повторяемая иными и теперь, состоитъ въ томъ, что Некрасовъ велъ, будто-бы, нечистую игру. Эта клевета до такой степени вопіюще-гнусна, что объ ней не можетъ быть и рѣчи. Подобное гнусное подозрѣніе явилось отъ того, что Некрасовъ выигрывалъ большія деньги, и эти выигрыши продолжались постоянно, долгое время. Не говоря объ его счастьи, умѣньи и выдержкѣ характера, я разскажу то, что знаю объ его игрѣ.

Сначала, въ первые годы изданія «Современника», Некрасовъ не велъ серьозной игры въ карты, но любилъ играть у себя дома въ одну изъ коммерческихъ игръ, которая кончалась 10—15 рублями не болѣе. Однако, и при этой игрѣ замѣтно было, что онъ большой мастеръ, пріобрѣвшій опытность.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, пріятели записали его въ англійскій клубъ, куда, вскорѣ, онъ и былъ выбранъ членомъ. Тогда Некрасовъ и сталъ похаживать въ клубъ.

Не помню, въ 1855 или въ 1856 году, у Некрасова обнаружилась горловая болѣзнь, которая постепенно развилась до того, что онъ сталъ терять голосъ, и извѣстные тогда доктора, Шипулинскій и Экъ, обрекли его на смерть. Хотя они прямо этого не говорили, но у Некрасова сложилась уже мысль, что ему не долго жить.

Вотъ однажды, въ это время, онъ отправился въ клубъ, захвативъ съ собою тысячу рублей, и выигралъ въ этотъ вечеръ, въ палки, около 5-ти тысячъ рублей. На другой день, онъ опять пошелъ въ клубъ, взявъ съ собою уже 2 тысячи рублей, и выигралъ еще болѣе. Тогда же Некрасовъ сказалъ мнѣ:

— Я, братецъ, повелъ теперь игру покрупнѣе, надоѣло канитель тянуть; своихъ я никогда много не проиграю; дальше того, что на лицо въ карманѣ, я не хожу. Если же повезетъ, то останавливаться не намѣренъ, а проигрывать чужія деньги, пока онѣ не въ карманѣ, не жаль; да мнѣ, братъ, не долго и жить.

Если я не ошибаюсь, то въ эту зиму, Некрасовъ, по его словамъ, выигралъ до 25 тысячъ.

Лѣтомъ, по совѣту докторовъ, Некрасовъ поѣхалъ за границу для лѣченія. Тамъ онъ пробылъ менѣе полугода и вернулся почти въ томъ же состояніи здоровья, въ какомъ поѣхалъ, и не переставалъ разсматривать себя, какъ не жильца на этомъ свѣтѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, Некрасовъ сильно поднялъ размѣръ своей игры.

Къ этому времени относится слѣдующій эпизодъ. Одинъ разъ, рано утромъ, я получилъ записку отъ Некрасова, весьма лаконическаго содержанія: «пріѣзжай скорѣе, мнѣ очень нужно тебя видѣть».

Обыкновенно Некрасовъ возвращался домой, послѣ карточной игры, часовъ въ 5 утра или позже, и вставалъ часу во второмъ. Я удивился его запискѣ и тотчасъ же поѣхалъ часовъ въ 10 утра. Я засталъ Некрасова одѣтымъ, ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и видимо не спавшимъ ночью.

— Я къ тебѣ съ большею просьбою, будь моимъ секундантомъ. Знаю, что по твоему видному положенію въ службѣ тебѣ это не къ лицу; но я думалъ, думалъ и ни на комъ остановиться не могъ; у меня теперь здѣсь никого изъ близкихъ нѣтъ.

— Да скажи мнѣ прежде, въ чемъ дѣло?

— Сильно сегодня ночью повздорилъ за картами съ барономъ Ф—ъ, и мы обмѣнялись съ нимъ карточками.

— Послушай, Николай Алексѣевичъ, я могу еще понять дуэль изъ-за женщины, изъ-за оскорбленія жены, сестры или матери, но дуэль изъ-за картъ,—это какъ-то гадко.

— Какъ ни толкуй, а дѣло сдѣлано, и я объявилъ, что сегодня пришлю къ барону секунданта. Если ты мнѣ другъ, то не откажи.

— Хорошо, я поѣду, но предупреждаю тебя, что я употреблю всѣ мѣры, чтобы прекратить это дѣло. Согласись, что мнѣ должно быть противно быть секундантомъ въ дуэли изъ-за карточной игры. Но что же я долженъ сказать барону объ условіяхъ дуэли и о времени ея назначенія.

— Хоть сегодня, но не позже, какъ завтра, на пистолетахъ и черезъ платокъ.

— Да это не дуэль, а убійство!

— А мнѣ все равно, вѣдь мнѣ не долго жить. Говори барону, что

хочешь, но повторяю тебѣ мои условія, которыхъ ни за что не измѣню.

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ. Баронъ жилъ въ своемъ домѣ у Пѣвческаго моста. Пріѣхавши къ барону, я заявилъ, что присланъ отъ Некрасова, который поручилъ мнѣ передать его условія дуэли. Баронъ былъ уже весьма зрѣлыхъ лѣтъ, и онъ подивился безобразнымъ условіямъ Некрасова.

Послѣ того, я повелъ барону, приблизительно, такую рѣчь:

— Не знаю, баронъ, семейный вы человѣкъ или нѣтъ, но Некрасовъ бобыль, его смерть не принесетъ никому особеннаго горя. Если же вы человѣкъ семейный, то подумайте о вашемъ семействѣ, о положеніи, которое вы занимаете въ свѣтѣ, и вдругъ дуэль изъ-за карточной игры! Я не знаю, въ чемъ заключается обида съ той или другой стороны; Некрасовъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ, а просилъ меня тотчасъ же поѣхать къ вамъ. Неужели нѣтъ возможности объясниться? Посылали ли вы секунданта къ Некрасову?

— Я еще не успѣлъ.

— А кто вашъ секундантъ?

— Вѣроятно, будетъ N.

Баронъ назвалъ человѣка, котораго я не зналъ и фамилію котораго не припомню.

— Хотя Некрасовъ поставилъ категорически главное условіе дуэли, но оно столь безобразно, что, быть можетъ, мы достигнемъ измѣненія его, а равно и срока, назначеннаго имъ для дуэли.

Подумавъ немного, баронъ сказалъ:

— Передайте Некрасову, что по вашему предложенію я согласенъ на объясненіе съ тѣмъ, чтобы онъ заявилъ свою готовность на обоюдныя съ нашихъ сторонъ извиненія.

Я вернулся къ Некрасову и передалъ ему слова барона. Послѣ того надо было установить мѣсто для объясненій. Раза два я еще ѣздилъ для того къ барону, и былъ выбранъ одинъ изъ свидѣтелей ссоры, куда должны были собраться вечеромъ и прочіе свидѣтели.

Я пробылъ у Некрасова до тѣхъ поръ, пока онъ не поѣхалъ въ это собраніе.

— Пріѣзжай пожалуйста завтра пораньше. Не знаю, чѣмъ кончится!

Когда я пріѣхалъ на другой день, Некрасовъ сказалъ:

— Обошлось все благополучно, и на мировую выпили всѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хотя я Некрасову и не отказалъ, но если бы дуэль должна была состояться, то въ такомъ случаѣ отказался бы отъ дальнѣйшаго секундантства, ибо мнѣ сильно претило явиться въ этой роли въ дуэли изъ-за карточной игры.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти И. И. Панаева, Некрасовъ, не довольствуясь уже игрой въ палки въ клубѣ, принялся за игру въ банкъ. Для этого собирались въ частныхъ домахъ, въ томъ числѣ и у Некрасова. Стали уже ворочаться сотни тысячъ рублей, и мнѣ извѣстно, что одинъ господинъ, назову его X., проигралъ Некрасову нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Однажды я пришелъ къ Некрасову около полудня; онъ еще спалъ. Вскорѣ пріѣхалъ X., и человѣкъ тотчасъ же пошелъ разбудить Некрасова. Некрасовъ не замедлилъ выйти въ халатѣ, не умытый. Пріѣхавшій, не разсуждая долго, предложилъ Некрасову сыграть теперь же.

— Да зачѣмъ?—опять проиграете,—сказалъ Некрасовъ.

— Это не ваше дѣло,—отвѣтилъ X.

— Ну, подай столъ, Василій.

Поставили столъ, и я тотчасъ же уѣхалъ.

Я знаю, что X., конечно, не въ этотъ разъ, а вообще, успѣлъ отъиграть половину своего проигрыша, а другую уплатилъ; но и эта половина составляла не одну сотню тысячъ рублей.

Съ каждымъ годомъ Некрасовъ усиливалъ игру; расходы его лились широкой рѣкою, и жилъ онъ необыкновенно роскошно. На однѣ медвѣжьи охоты, устраиваемыя имъ, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ, онъ тратилъ много тысячъ рублей и перебилъ множество медвѣдей.

Пока жила въ домѣ жена И. И. Панаева, она все-таки по возможности старалась умирять чрезмѣрную роскошь расходовъ. Когда же она уѣхала и вышла замужъ за Головачева, картина перемѣнилась, и трепаніе денегъ Некрасовымъ дошло до безобразія.

Карточная игра велась на чистыя деньги и расширилась до такой степени, что Некрасовъ завелъ у себя спеціальный столъ, во всю длину огромной комнаты, для игры въ банкъ, съ полукруглымъ вырѣзомъ въ столѣ, для банкомета.

Собственно у Некрасова собирались разъ или два въ недѣлю. Чтобы судить о трепаніи денегъ, то скажу, что ужины въ эти дни сервировалъ у Некрасова первостепенный ресторанъ, получавшій съ виномъ до 100 руб. съ персоны.

Въ эту зиму я рѣдко посѣщалъ Некрасова. Однажды получаю отъ него записку: «Давно тебя не видалъ, приходи обѣдать, будутъ еще такой-то и такой-то». Это обозначало, что карточный періодъ прекратился и что Некрасовъ собирается ѣхать въ деревню. Въ подобное время мрачность у Некрасова пропадала, и онъ являлся прежнимъ, веселымъ, остроумнымъ и наипріятнѣйшимъ собесѣдникомъ.

— Что ты давно у меня не былъ?—спросилъ меня Некрасовъ, когда я пришелъ.

— По утрамъ ты до 2—3 часовъ спишь, а по вечерамъ въ карты дуешь. Вонъ ты какой столъ выдвинулъ.

— Теперь, братецъ, забастовалъ.

— Ну что же, много ты выигралъ за это время?

— Такъ себѣ, не много и не мало.

— Скажи мнѣ пожалуйста, по совѣсти, какъ крупна твоя игра?

— Не мелкая, братецъ, вотъ, напримѣръ, на-дняхъ здѣсь, у меня, я имѣлъ на картѣ 25 тысячъ; я взялъ да и загнулъ на «пе»; думаю, какъ дадутъ, то забастую и дальше не пойду.

— Ну что же,—дали?

— Нѣтъ, лопнулъ.

И это Некрасовъ говорилъ съ такимъ равнодушіемъ, безъ малѣйшаго соболѣзнованія о томъ, что не забастовалъ на 25-ти тысячахъ, какъ будто дѣло шло о 25 рубляхъ. Во время нашего разговора легендарный человѣкъ Некрасова, Василій, накрывалъ столъ.

— Я-то лопнулъ, а вотъ онъ,—указывая на Василія,—такъ выигралъ тысячу рублей,—смѣясь, сказалъ Некрасовъ.

— Какъ, да развѣ и Василій сталъ играть въ банкъ?

— Нѣтъ братецъ, не то. Когда мы кончили игру и собирались ужинать, Василій пришелъ выметать карты на полу, да и поднялъ пачку въ 1.000 руб., въ бандеролѣ и сталъ спрашивать: кто обронилъ деньги? Одинъ говоритъ: не я, другой: не я, третій: не мои, всѣ и отказались.—Ну говорю, Василій, коли не чьи, такъ, значитъ, твои. Кто ихъ знаетъ, быть можетъ, и мои, на столѣ-то кучи пачекъ лежали.

Замѣчу здѣсь, что когда Василій отошелъ отъ Некрасова, то были слухи, что у него составился капиталъ больше 50-ти тысячъ рублей.

У Некрасова не осталось много денегъ. Въ послѣднее время онъ проигрывалъ и, затѣмъ, не могъ играть по болѣзни.

Послѣ изложенныхъ мною фактовъ относительно карточной игры Некрасова, для читателя должны, болѣе или менѣе, выясниться причины крупныхъ и постоянныхъ, долгое время, выигрышей Некрасова.

Его сила крылась въ твердомъ характерѣ и въ твердой волѣ въ отношеніи карточной игры. Некрасовъ считалъ выигрышемъ лишь то, что привезетъ домой. Положимъ, онъ выигралъ извѣстную сумму. На завтра онъ беретъ для проигрыша лишь десятую долю этой суммы и прекращаетъ тотчасъ игру, если онъ проигралъ ее. Никогда онъ не возвращался домой за деньгами, чтобы продолжать игру; въ этомъ отношеніи онъ былъ непоколебимъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ въ резервѣ 10 дней, чтобы выжидать счастливаго дня и счастливой серіи. По зимамъ, онъ игралъ каждый день, за исключеніемъ довольно частыхъ поѣздокъ на медвѣжьи охоты. Вотъ причины постоянныхъ въ результатѣ его выигрышей. Что же касается до размѣра выигрываемыхъ имъ

кушей, то въ этомъ дѣлѣ играло большую роль его убѣжденіе, что онъ, не сегодня, такъ завтра, долженъ умереть, и потому игралъ необыкновенно рѣшительно, смѣло и не считалъ выигрываемые имъ куши, во время игры, своими, пока не получитъ разсчета.

Некрасова укоряютъ за то, что его слово не сходилось съ дѣломъ; что онъ рисовалъ мрачныя картины участи простолюдиновъ и бѣдняковъ, а самъ швырялъ тысячами, какъ рублями. На это скажу, что у Некрасова не было ничего дѣланнаго и напускнаго. То, что онъ писалъ, было у него прочувствовано, и искренность этого прочувствованнаго слишкомъ выразительно выливалась въ его, зачастую, вдохновенномъ словѣ.

Что же касается до безобразнаго трепанія денегъ, то этого я оправдывать не стану. Можно лишь сказать одно, что Некрасовъ испыталъ баснословную нужду; тѣмъ, отчасти, и старался глушить въ себѣ голосъ совѣсти, подымавшійся при швыряніи деньгами.

На Некрасова, послѣ его смерти, стали клеветать, что онъ не только былъ кулакомъ въ отношеніи сотрудниковъ журнала, но будто бы не разсчитался и остался имъ долженъ. Болѣе худшей лжи, по отношенію къ Некрасову, нельзя и придумать.

Не Некрасовъ остался долженъ сотрудникамъ, а они остались должны ему не одинъ десятокъ тысячъ рублей.

Братъ мой, который завѣдывалъ бухгалтеріей и счетами по «Современнику», хранитъ до сихъ поръ денежныя книги и личные счеты сотрудниковъ, изъ коихъ и видно—кто кому долженъ.

Кромѣ того, Некрасовъ часто выдавалъ сотрудникамъ деньги безъ счета, которыя и не попадали въ кассовую книгу. Множество разъ я былъ тому свидѣтелемъ. Бывало, придутъ къ нему утромъ за деньгами и ждутъ, пока Некрасовъ не встанетъ.

— Вамъ, вѣрно, деньжонокъ нужно, господа?—спроситъ Некрасовъ.

— Да нужно бы, Николай Алексѣевичъ.

— Ну, пожалуйте!

Позоветъ тогда въ кабинетъ, отворитъ крышку стола, на которомъ лежатъ, кучками, груды сторублевыхъ, измятыхъ бумажекъ, повытасканныхъ изъ кармановъ, по возвращеніи изъ клуба наканунѣ, схватитъ оттуда столько, сколько можетъ схватить ладонь, дастъ тому, другому и росписки не возьметъ, да и самъ не знаетъ, сколько роздалъ. Конечно, это бывало тогда, когда, накануне, онъ выиграетъ хорошенькій кушикъ. Рѣдко случалось, чтобы онъ отвѣтилъ: «подождите»—и уходилъ бы за тѣмъ въ заднія комнаты.

Некрасовъ—это громадный самородокъ, какъ и Кольцовъ. Оба они самые характерные выразители абсолютно русской народной поэзіи, совершенно самостоятельные и другъ на друга не похожіе. Некрасовъ

писалъ много стихотвореній и не народнаго характера, и достигалъ иногда такой силы и такой звучности, какой не достигалъ никто. Укажу, напримѣръ, на «Старыя хоромы», гдѣ, впрочемъ, къ ущербу этого произведенія, нѣсколько строкъ при печати замѣнены другими. Съ другой стороны, въ стихотвореніяхъ народнаго характера Некрасову не удавалось выражать характеръ и пошибъ русскаго народа такими сильными и рельефными словами, какъ это удавалось, почти постоянно, Кольцову. Напримѣръ, мнѣ сейчасъ пришли на память заключительныя слова одного его стихотворенія:

„Въ ночь подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
„Безъ дороги въ путь отправился,—
„Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
„Съ злою долей перевѣдаться".

Относительно третьяго, новаго литератора, Дмитрія Васильевича Григоровича, появившагося въ литературномъ кружкѣ въ концѣ 1845 года, одновременно съ Достоевскимъ, я не имѣю права говорить собственно о личности этого пріятнѣйшаго и полнаго жизни человѣка, такъ какъ онъ еще живъ [1]. Но, пользуясь случаемъ, считаю обязанностью обратить вниманіе на то несправедливое мнѣніе, которое почему-то распространилось въ обществѣ, а именно, что будто бы Тургеневу принадлежитъ честь иниціатора въ ознакомленіи образованнаго общества съ крестьянами и простолюдинами, и что этимъ будто бы онъ, главнымъ образомъ, расположилъ общественное мнѣніе къ эмансипаціи крестьянъ. Это несправедливое мнѣніе такъ сильно пропагандировалось, что на обѣдѣ, данномъ въ честь Тургенева литераторами, художниками и артистами, одинъ изъ ораторовъ, исчисляя заслуги Тургенева, въ своемъ увлеченіи дошелъ до того, что честь эмансипаціи крестьянъ приписалъ Тургеневу, а не императору Александру II.

Приписываніе такихъ заслугъ коробило самого Тургенева. Ничего подобнаго онъ не видѣлъ за собою, и приписываніе ему великихъ заслугъ, въ вопросѣ объ эмансипаціи крестьянъ, было для него совершенною новостью. Между тѣмъ, такое мнѣніе распространилось въ извѣстныхъ сферахъ общества и какъ бы установилось.

Тургеневъ, въ «Запискахъ охотника», далъ только нѣсколько эпизодическихъ, граціозныхъ картинокъ, гдѣ попадались простолюдины, и только. Тогда такъ, раньше этого, первымъ явился Григоровичъ съ своими романами изъ народнаго быта и написалъ цѣлую серію такихъ романовъ. Онъ первый рѣшился показать образованному обществу, что въ простолюдинѣ живутъ такія же чувства, какъ и въ насъ грѣшныхъ; что между ними совершаются романы, какъ и между нами. Это былъ

[1]) Писано до смерти Григоровича.

шагъ необыкновенно смѣлый и въ высшей степени полезный, не въ смыслѣ литературномъ, а въ смыслѣ соціальномъ; и за это ему должно быть вѣчное спасибо.

Романы Григоровича читалъ покой императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ графъ Сологубъ [1]), который передавалъ, что это чтеніе не разъ вызывало у ней слезы. Такое отношеніе императрицы къ произведеніямъ Григоровича не могло не распространиться въ высшихъ сферахъ, и если чьи-либо литературныя произведенія могли предрасположить общество къ эмансипаціи крестьянъ, то, конечно, романы Григоровича. Тургеневъ тутъ ни при чемъ.

Теперь обращусь къ Ивану Ивановичу Панаеву. Конечно, читатели могутъ подумать, что мои сужденія пристрастны вслѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній. Но я постараюсь, по преимуществу, сгруппировать лишь одни факты, почти всѣмъ извѣстные, и такимъ образомъ отнесусь къ нему совершенно объективно.

По характеру, это былъ человѣкъ мягкаго и горячаго сердца, искренній, съ дѣтской душой, баснословною непрактичностью, абсолютнымъ безкорыстіемъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ самомнѣнія; напротивъ, онъ не придавалъ никакого значенія ни себѣ, ни своему таланту. Единственный упрекъ, который ему дѣлали, это тотъ, что онъ былъ баричъ. Дѣйствительно, онъ былъ избалованъ съ дѣтства и имѣлъ нѣкоторыя замашки, но онъ постоянно старался отдѣлываться отъ нихъ и, въ концѣ концовъ, отдѣлался.

Онъ обладалъ особенною наблюдательностью и природнымъ юморомъ. Онъ не выносилъ ничего дѣланнаго, ходульнаго, напускнаго и неестественнаго, и ловко подмѣчалъ самыя тонкія смѣшныя стороны въ человѣкѣ, которыхъ другіе и не замѣчали. Надо было быть очень внимательнымъ къ самому себѣ, чтобы не попасть на его зубокъ. Почти съ самаго начала своей литературной дѣятельности, Иванъ Ивановичъ сталъ выводить на посмѣяніе людей, заслуживающихъ того. Всего болѣе онъ разилъ то, что можно характеризовать: «мѣщанствомъ во дворянствѣ». Затѣмъ, онъ разилъ типъ чиновниковъ, доходя до той высоты ихъ служебнаго положенія, до котораго допускала цензура; не щадилъ онъ и литераторовъ, и всякихъ прыщей въ общественномъ строѣ. Въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ выводилъ на посмѣяніе, Ивана Ивановича не только не терпѣли, но, можно сказать, ненавидѣли его. Не менѣе того, во свое время, его произведенія читались въ обществѣ съ жадностью, и многіе стали тщательно скрывать тѣ черты, которыя были имъ осмѣяны.

---

[1]) О Сологубѣ я упомяну тогда, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ часто, во время пребыванія моего, долгое время, въ Парижѣ и въ Ниццѣ.

Вообще, въ прежнія времена, литература имѣла, положительно, воспитательное значеніе. Напримѣръ, по выходѣ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, года черезъ два, провинція сдѣлалась неузнаваема. Громадный авторитетъ, пріобрѣтенный «Мертвыми Душами», имѣлъ благотворное воспитательное значеніе для всей Россіи. Сверхъ того, болѣе или менѣе, повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ императоръ далъ средства Гоголю для его работы, дабы онъ не былъ вынужденъ быть поденщикомъ изъ-за куска хлѣба. Слѣдовательно, общество знало, что произведеніе Гоголя было санкціонировано въ высшемъ слоѣ общества.

Скромныя произведенія Ивана Ивановича дѣйствовали также воспитательно въ извѣстныхъ сферахъ.

Писалъ Иванъ Ивановичъ языкомъ простымъ, гладкимъ и вполнѣ непогрѣшимымъ. Писанное имъ полстолѣтія тому назадъ читается какъ бы написанное вчера. Пусть читатель возьметъ на выдержку любое произведеніе Ивана Ивановича, и онъ убѣдится въ томъ. Мѣткость его наблюденій доказывается уже тѣмъ, что данныя имъ клички пріобрѣли на всегда всеобщее право гражданства, напримѣръ: «приживалка», «хлыщъ».

Переставъ писать повѣсти и романы, Иванъ Ивановичъ появился въ «Современникѣ» съ Записками Новаго Поэта. И здѣсь онъ остался вѣренъ своему призванію, т. е. осмѣивать все фальшивое, напускное и безнравственное, конечно, въ болѣе легкомъ и бѣгломъ жанрѣ и въ иныхъ сферахъ. Эти его фельетоны не пропадали, въ оное время, безслѣдно. «Записки Новаго Поэта» можно назвать фельетонными chef-d'euvre'ами. Его ядовитость была тонкая, не бьющая прямо въ лобъ, но способная проникать глубже. Въ этомъ отношеніи онъ не замѣщенъ еще ни кѣмъ въ нашей литературѣ. Жаль, что нѣтъ подобнаго ему фельетониста; а сколько теперь, съ измѣненіемъ условій жизни, появилось новыхъ типовъ, подлежащихъ юмору? Ихъ безчисленное множество: адвокаты, концессіонеры, разнаго сорта чиновники, фигурирующіе нынѣ по частнымъ учрежденіямъ и правленіямъ, гласные, гешефтъ-махеры, непризванные ораторы и проч.

Иванъ Ивановичъ принесъ пользу русской литературѣ, а слѣдовательно, и публикѣ еще инымъ путемъ, болѣе существеннымъ.

Когда Краевскій основалъ «Отечественныя Записки», Иванъ Ивановичъ убѣдилъ его призвать къ дѣлу Бѣлинскаго. Ѣдетъ въ Москву, даетъ Бѣлинскому средства переселиться въ Петербургъ и содержитъ его до тѣхъ поръ, пока онъ могъ уже опериться и проявить свой могучій талантъ. Это—заслуга, но, въ то же время, этотъ фактъ доказываетъ особенную способность, которая проявлялась у него и впослѣдствіи на каждомъ шагу. Онъ почувствовалъ въ Бѣлинскомъ большую силу, возлюбилъ его и привязался къ нему безкорыстно, всею душою.

Затѣмъ, когда Бѣлинскій, работая у Краевскаго и будучи уже семейнымъ человѣкомъ, таялъ въ своемъ здоровьи, Иванъ Ивановичъ реализируетъ все свое состояніе, и все, до послѣдней копѣйки, кладетъ на изданіе «Современника» съ большимъ рискомъ, такъ какъ «Отечественныя Записки» господствовали во всемъ обществѣ. При этомъ, самою сильнѣйшею пружиною для сказанной рѣшимости было намѣреніе, и это всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ извѣстно, вырвать Бѣлинскаго изъ его батраческаго положенія. Вѣдь такая рѣшимость могла вытекать только изъ принципа полезнаго служенія литературѣ и обществу и изъ восторженнаго, горячаго сердца. Этою рѣшимостью онъ открылъ тоже ворота и для развитія таланта Некрасова.

Вскорѣ, по основаніи «Современника», Бѣлинскому даны были широкія средства для поѣздки за границу, ради отдохновенія и поправленія здоровья. Къ несчастью, змѣя уже грызла знаменитаго критика, и, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ сталъ уже сильно хворать и умеръ ранней весной 1848 года. Во время этой предсмертной его болѣзни я тоже былъ очень боленъ и три мѣсяца не могъ выходить изъ дому. Въ первый же день, когда меня выпустили, я поѣхалъ къ Бѣлинскому. Онъ жилъ тогда на Лиговкѣ, противъ Кузнечнаго переулка. Я засталъ его сидящимъ на постели, въ халатѣ, но съ спущенными ногами такъ, что когда я сталъ передавать ему мои впечатлѣнія по поводу статей Эмиля-де-Жирардена, появлявшихся, въ это время, послѣ февральской революціи, онъ моментально оживился и вскочилъ было на ноги. Худоба была поразительная, щеки ярко горѣли, руки были горячія; слѣдовательно, я попалъ къ нему въ сильный лихорадочный моментъ, а потому глаза его показались мнѣ настолько оживленными, что можно было подумать, что до конца еще далеко. Черезъ три дня Бѣлинскаго не стало.

Иванъ Ивановичъ обладалъ еще однимъ полезнымъ стремленіемъ. Это—постоянно и неутомимо пропагандировать дѣйствительные таланты, на что онъ имѣлъ возможность, посѣщая разныя сферы общества. Напримѣръ, когда Некрасовъ напишетъ, бывало, стихотвореніе, которое не пропускала въ то время цензура,—а такихъ было много,—Иванъ Ивановичъ знакомилъ съ ними общество въ рукописяхъ. Также Толстой появился черезъ 8 лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и кто же открылъ поле для Толстаго? Для писателя важенъ первый шагъ. Я помню, въ какой восторгъ пришелъ Иванъ Ивановичъ отъ перваго произведенія Толстаго. Помню, какъ онъ повсюду возглашалъ, что народился новый могучій талантъ.

Напомню здѣсь еще разъ о безкорыстныхъ большихъ трудахъ Ивана Ивановича, о которыхъ я упомянулъ уже выше, единственно для ознакомленія Бѣлинскаго съ французской литературой. Впослѣдствіи по

этому дѣлу трудился и Тургеневъ, но его труды были отрывочны и дѣлались мелькомъ, такъ какъ Тургеневъ бывалъ въ Петербургѣ только наѣздами.

Не обязанъ ли также литературный кружокъ сороковыхъ и, отчасти, пятидесятыхъ годовъ Ивану Ивановичу за то, что онъ широко отворялъ двери своего дома, гдѣ преимущественно и собирались литераторы.

Здѣсь не могу не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ. Въ литературномъ кружкѣ пріятели Ивана Ивановича, за исключеніемъ его друга Бѣлинскаго, который иначе смотрѣлъ на него, обзывали Ивана Ивановича человѣкомъ легкомысленнымъ. Этотъ взглядъ пропагандировали, по преимуществу, во-первыхъ, одинъ изъ самыхъ пустѣйшихъ и легкомысленнѣйшихъ людей, Боткинъ, и во-вторыхъ, отчасти, Тургеневъ, который, будучи великимъ художникомъ, отнюдь не отличался тоже, ни въ то время, ни позже, глубокомысліемъ, что выражалъ не разъ Бѣлинскій и что будетъ пояснено далѣе въ своемъ мѣстѣ.

Въ чемъ же обнаруживалось легкомысліе Ивана Ивановича? Развѣ привлеченіе къ дѣлу Бѣлинскаго и оказаніе ему помощи—есть фактъ легкомыслія, и отдать все свое состояніе на изданіе «Современника»—есть поступокъ легкомысленный? Почему же тѣ, которые были въ 15 или 20 разъ богаче Ивана Ивановича, не рѣшились основать журнала, а Тургеневъ сталъ брать большія деньги съ «Современника». Пожалуй, этотъ поступокъ Ивана Ивановича можно назвать легкомысленнымъ съ матеріальной точки зрѣнія,—противъ этого спорить нельзя. Развѣ привлеченіе къ изданію «Современника» такой литературной силы, какою былъ Некрасовъ,—есть дѣло легкомыслія?—Пускай будетъ побольше такихъ легкомысленныхъ людей!

Боткинъ и Тургеневъ относились къ Ивану Ивановичу какъ къ легкомысленному человѣку потому, что: могъ ли быть, въ ихъ глазахъ, человѣкъ нелегкомысленнымъ, если онъ не изучалъ Гегеля и проч. философовъ и не слушалъ лекцій въ заграничномъ университетѣ. Но, главнымъ образомъ, литературные пріятели обзывали Ивана Ивановича легкомысленнымъ потому, что онъ былъ легендарно безкорыстный человѣкъ, съ теплѣйшимъ сердцемъ, готовый помочь каждому, чѣмъ былъ въ силахъ, и относившійся къ сплетнямъ и къ отзывамъ своихъ пріятелей съ добродушнѣйшею индифферентностью, безъ злобы.

Замѣчу еще, что хотя Иванъ Ивановичъ не имѣлъ въ послѣднее время прямаго вліянія на «Современникъ», но это вліяніе, имъ самимъ не замѣчаемое и другими не сознаваемое, было вліяніе косвенное. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что послѣ его смерти журналъ зашатался, потерялъ довѣріе и вѣсъ въ правительствѣ, и потому былъ закрытъ.

Въ заключеніе скажу, что Ивану Ивановичу не отвели еще должнаго мѣста въ литературномъ мірѣ.

Въ пятидесятыхъ годахъ появлялся у Ивана Ивановича изрѣдка Фетъ. Я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что онъ былъ тучный человѣкъ. А какъ онъ попалъ въ званіе замѣчательнаго поэта, это загадка, которую пускай разгадываетъ критика. Общій жанръ его твореній очень ловко пародировалъ Иванъ Ивановичъ въ своихъ «Запискахъ Новаго Поэта».

Впослѣдствіи появились у Ивана Ивановича Дружининъ и Дудышкинъ. Это были тоже люди умные, образованные и весьма пріятные.

Некрасовъ слылъ за весьма практическаго человѣка; отчасти онъ и былъ таковъ; но, не менѣе того, онъ не спасъ «Современника», носившаго названіе журнала литературнаго и политическаго. До 1856 года, конечно, кличка: политическаго была кличкой фиктивной, но съ 1856 года цензурныя условія измѣнились, правительство стало на иной путь и искренно искало содѣйствія въ обществѣ и въ литературѣ. Некрасовъ, сдѣлавшійся уже, въ это время, главнымъ издателемъ журнала, не понялъ данныхъ обстоятельствъ, не понялъ, что надвинулась серьезно новая эра, или, если и понималъ это отчасти, то понималъ слишкомъ смутно, относился къ искреннимъ взглядамъ правительства недовѣрчиво и поэтому не придавалъ серьезнаго значенія вопросамъ политическаго свойства.

Въ это время, я, можно сказать, прожужжалъ уши Некрасову и Ивану Ивановичу, взывая ихъ открыто выставить свое политическое, соціальное и экономическое знамя, чтобы журналъ явился энергичнымъ помощникомъ правительству, просвѣтителемъ взглядовъ общества въ означенныхъ вопросахъ, и что, въ такомъ случаѣ, ихъ органъ, стоящій во главѣ другихъ, окажетъ великую благотворную для всѣхъ услугу. Если же они не встанутъ на этотъ путь, то Москва скоро перебьетъ ихъ. Увѣщанія мои остались тщетными. Редакторы выражали, во-первыхъ, сомнѣніе въ искренности правительства и, во-вторыхъ, ссылались на отсутствіе писателей, подготовленныхъ къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Мои слова скоро оправдались появленіемъ статьи профессора Казанскаго университета Бабстэ, напечатанной въ «Русскомъ Вѣстникѣ», которая была первой брешью, пробитой Катковымъ въ цензурѣ.

А затѣмъ, всѣмъ извѣстенъ быстрый ростъ «Русскаго Вѣстника» и, потомъ, «Московскихъ Вѣдомостей», издававшихся Катковымъ. И какъ же могъ быть неуспѣхъ его изданій? Катковъ обладалъ большимъ политическимъ умомъ, начитанностью, смѣлостью, твердымъ характеромъ, большою практичностью, опредѣленными взглядами и доктринерствомъ въ такой мѣрѣ, что, живи онъ въ прежнихъ столѣтіяхъ,

онъ непремѣнно былъ бы, по своему характеру, инквизиторомъ, сожигающимъ и пытающимъ людей, не поморщась, во имя доктрины.

Вскорѣ направленіемъ «Современника» овладѣлъ Чернышевскій, привлекшій съ собою, впослѣдствіи, Добролюбова для беллетристической критики. Иванъ Ивановичъ и Некрасовъ сложили оружіе, въ особенности по вопросамъ философскимъ, научнымъ, политическимъ и экономическимъ уже потому, что въ трехъ послѣднихъ они ровно ничего не понимали и, сверхъ того, не заключали въ себѣ ни малѣйшей политической жилки. Не менѣе того, со стороны Ивана Ивановича очень часто появляется протестъ. Бывало, Иванъ Ивановичъ прибѣжитъ на половину Некрасова и съ жаромъ возопіетъ:

— Да это невозможно, этого помѣщать нельзя, это невыносимо по самой формѣ.

Протесты эти оставались безъ результата.

Дѣйствительнымъ хозяиномъ «Современника» былъ Некрасовъ вслѣдствіе извѣстнаго закона общественной жизни: «у кого есть деньги, тотъ и хозяинъ».

Некрасовъ ворочалъ сотнями тысячъ, а Иванъ Ивановичъ, положивъ разъ все свое состояніе на основаніе «Современника», не имѣлъ лично ничего. До денежныхъ дѣлъ Иванъ Ивановичъ не касался и бралъ для своихъ карманныхъ расходовъ не болѣе 75 руб. въ мѣсяцъ. Некрасовъ же, имѣя всегда массу личныхъ денегъ, широко снабжалъ ими сотрудниковъ, и потому они вполнѣ зависѣли отъ него. При чемъ онъ смотрѣлъ на Чернышевскаго и Добролюбова, какъ на самые необходимые элементы для журнала, тѣмъ болѣе, что, для оспариванія Чернышевскаго въ сферахъ его писаній, Некрасовъ былъ положительно некомпетентенъ и подчинялся вполнѣ Чернышевскому. Мнѣ только однажды случилось испытать проявленіе нѣкоторой самостоятельности Некрасова.

Еще въ 1851 году, я по обстоятельствамъ сталъ изучать вопросъ о характерѣ пользованія крестьянами землею и столкнулся на практикѣ съ принципомъ общиннаго пользованія.

Проводя, по роду моихъ занятій, большую половину времени среди сельскихъ крестьянъ и рабочаго люда, въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,—и на сѣверѣ, и на югѣ, и на востокѣ, и въ центрѣ,—я вездѣ пристально наблюдалъ и изучалъ принципъ общиннаго землевладѣнія, и, ознакомившись съ нимъ въ достаточной мѣрѣ, сталъ убѣждать редакторовъ «Современника» поднять этотъ вопросъ въ литературѣ. Но мои убѣжденія остались тогда безъ послѣдствій.

Я же, поглощенный, можно сказать, по горло обязательными спеціальными занятіями по службѣ, и не проживая постоянно въ Петербургѣ,—не могъ взять на себя трудъ по этому вопросу, хотя и очень

близко мнѣ знакомому, ибо возбужденіе его должно было неминуемо вызвать горячую и продолжительную полемику.

Между тѣмъ, въ концѣ 1856 года, въ обществѣ сложилось уже убѣжденіе, что правительство, въ скоромъ времени, подыметъ вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ. Съ этимъ вопросомъ, конечно, долженъ былъ связаться вопросъ о характерѣ пользованія землею. Тогда я, съ большею настойчивостью, сталъ взывать къ редакторамъ поднять означенный вопросъ лишь съ точекъ зрѣнія: экономической, практической и сельско-хозяйственной, такъ какъ общинный бытъ съ точекъ зрѣнія: юридической, административной и государственной, въ историческомъ его развитіи, былъ блестящимъ образомъ уясненъ партіею, такъ называвшихся, славянофиловъ, пробудившихъ русское общество къ самосознанію, а вслѣдъ за ними и нѣкоторыми добросовѣстными ихъ противниками. Поэтому, я убѣждалъ также редакторовъ «Современника» бросить, недостойное серьезнаго органа, слѣпое враждованіе противъ поименованной партіи, видимо вставшей уже,—по причинѣ глубокаго, особенно серьезнаго и искренняго отношенія своего къ историческимъ наукамъ и къ народнымъ вопросамъ,—на вѣрный путь, по сравненію съ своими противниками.

Увѣщанія мои, или, лучше сказать, мои постоянныя долбленія по означенному вопросу не остались на этотъ разъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ «Современникѣ», въ 1857 году, появилась статья главнаго сотрудника журнала, Чернышевскаго, затронувшая вопросъ общиннаго пользованія землею. Статья эта вызвала полемику между «Современникомъ» и «Экономическимъ Указателемъ». Увидавъ, что авторъ статей «Современника» (ознакомившійся съ практической стороной общиннаго землевладѣнія, по преимуществу, изъ моихъ разсказовъ) не усвоилъ еще себѣ вполнѣ значенія этого принципа, не стоитъ поэтому на твердой почвѣ, черпаетъ аргументы не изъ жизни, подпалъ видимо подъ вліяніе теорій, на западѣ породившихся, и вдался, въ хозяйственномъ вопросѣ, на путь доказательствъ слишкомъ абстрактныхъ, основанныхъ на гадательныхъ разсчетахъ,—я счелъ своею обязанностью, по мѣрѣ моихъ силъ, установить истинную точку зрѣнія и потому, урвавъ время, написалъ статью: Община.

Сдавъ эту статью въ редакцію, я уѣхалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, по дѣламъ службы, изъ Петербурга. Вернувшись, я спросилъ Некрасова:

— Почему же не появилась моя статья?

— Я хотѣлъ печатать ее,—сказалъ Некрасовъ,—да Чернышевскій противится почему-то.

— А ты читалъ статью?

— Признаться тебѣ, я только мелькомъ просмотрѣлъ ее.

— Хочешь, я тебѣ прочту ее?—тогда и объясни, по какому резону статья не можетъ быть напечатана.

— Пожалуйста, прочти!

Когда я прочелъ ее Некрасову, онъ, нѣсколько раздраженный, сказалъ:

— Какъ себѣ хочетъ Чернышевскій, я сейчасъ пошлю твою статью въ наборъ. Я рѣшительно не понимаю, почему Чернышевскій противится.

Я же понялъ, что въ вопросъ замѣшалось, должно быть, авторское самолюбіе. Чернышевскій не могъ не сознать, что вопросъ изученъ мною практически со всѣхъ сторонъ, и что поэтому мои доводы въ защиту общиннаго землевладѣнія являлись болѣе вѣскими, чѣмъ его доводы теоретическаго и тенденціознаго свойства. Хотя моя статья, пролежавшая въ редакціи нѣсколько мѣсяцевъ, и появилась, по иниціативѣ Некрасова, въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1858 г., послѣ заключительной статьи Чернышевскаго по тому же вопросу; но я очень хорошо понялъ, что мнѣ не можетъ быть дѣла въ «Современникѣ», пока Чернышевскій будетъ фактическимъ его редакторомъ.

Въ то время, когда Чернышевскій постепенно захватывалъ главенство въ «Современникѣ»,—въ Москвѣ выросъ Катковъ.

Эти два писателя рѣзали глубокій слѣдъ въ современной русской печати. Я остановлюсь нѣсколько на характеристикѣ ихъ. По моему крайнему убѣжденію, каждый изъ нихъ принесъ не пользу, а извѣстный вредъ нашему отечеству. Оба были отчаянные доктринеры, а доктринерство, помимо врожденнаго лицу того или другаго свойства, налагаетъ на человѣка, непремѣнно, печать неискренности; кромѣ того, доктринеръ необходимо проявляетъ тупость пониманія во всемъ, что выходитъ изъ круга его доктрины. Оба были люди холодные и скрытные, съ тою разницею, что Катковъ былъ умнѣе, хитрѣе, смѣлѣе и много практичнѣе Чернышевскаго.

Знаменемъ доктрины Чернышевскаго было: отрицаніе всего, а слѣдовательно и отрицаніе вѣры въ добро и въ абсолютность нравственнаго начала. Я не говорю здѣсь о доктринѣ философской или религіозной, а о доктринѣ политической. Затѣмъ, само собою, являлась другая доктрина: р а з р у ш е н і е, а не созиданіе. О созиданіи не могло быть и рѣчи [1]).

Означенныя доктрины сформировались въ нигилизмъ. Но считать Чернышевскаго прародителемъ нигилизма было бы не вѣрно.

Какъ бы то ни было, нигилизмъ развивался и, при томъ, не въ одной молодежи. Такъ называемая, интеллигентная масса, конечно, заклю-

[1]) По поводу этой доктрины мнѣ придется упомянуть объ одномъ фактѣ, гораздо далѣе, при моемъ знакомствѣ съ Герценомъ.

чаетъ всегда болѣе людей невѣжественныхъ и ограниченныхъ; между тѣмъ, знаменемъ отрицанія и разрушенія можно было прикрывать и то и другое; потому-то и вербовалось множество людей подъ это знамя, которымъ и гордились: «Мы-де люди передовые, развитые, лишенные предразсудковъ и болѣе образованные; а вы-де, остальные,—недоумки и ретрограды».

Такому-то направленію и курилъ Чернышевскій, и пріобрѣталъ тѣмъ извѣстную популярность. Самъ Чернышевскій былъ человѣкъ честный и нравственный, но относился съ полнымъ равнодушіемъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ къ нравственнымъ качествамъ въ другихъ. Въ немъ не было и тѣни того огня, который загорался въ Бѣлинскомъ при всякой фальшивой или не нравственной мысли, обнаруживавшейся гдѣ бы то ни было и въ комъ бы то ни было.

Доктрина отрицанія и разрушенія относилась въ Чернышевскомъ, какъ я уже сказалъ, преимущественно къ вопросамъ политическаго и соціальнаго свойства. И вотъ, послѣдователи этихъ доктринъ явились въ большомъ числѣ фактическими жертвами ихъ.

Это одно, если можно такъ сказать, частное зло. Но такія доктрины не могли не возбудить недовѣрія къ обществу въ самомъ правительствѣ, которое, естественно, охладилось въ своихъ благихъ стремленіяхъ, не могли не вызвать ретрограднаго движенія, извѣстныхъ общихъ репрессалій, отразившихся на всѣхъ, и тѣмъ не пріостановить временно прогрессивнаго движенія впередъ. Это было уже зло не частное, а общее.

Но главнѣйшее зло, вытекающее изъ доктрины отрицанія и разрушенія, выразилось стремленіемъ къ разрушенію вообще нравственныхъ началъ. Въ данное время, доктрина эта не скрывалась и выступала съ полнымъ цинизмомъ: «хорошо лишь то, что выгодно мнѣ». Эгоизмъ открыто возводился на пьедесталъ, и христіанской истинѣ не было мѣста.

Чернышевскій не предвидѣлъ того, куда поведетъ излюбленная имъ доктрина. Отрицаніе господства нравственныхъ началъ довело массу людей до вопіющаго безобразія, какъ въ политическихъ, такъ и въ соціальныхъ воззрѣніяхъ. Конечно, нравственныя начала попирались и прежде, будутъ попираться и впредь, но я, во время моей жизни, не припомню такого открытаго циничнаго попиранія ихъ. Прежде люди все-таки старались скрывать ихъ, а въ ту эпоху, о которой я говорю, они, можно сказать, кичились этимъ попираніемъ, и глубокіе слѣды такого циничнаго настроенія остаются еще и теперь.

Обращусь теперь къ Каткову. Катковъ въ юности и въ молодости принадлежалъ къ кружку, гдѣ царилъ скептицизмъ и господствовало совершенно индифферентное отношеніе къ понятію о высшей, разумной силѣ и къ факту явленія Божественнаго Спасителя. Въ зрѣлости, такія воззрѣнія, повидимому, исчезли у Каткова изъ его міросозерцанія, но,

было ли это исчезновеніе искреннее, объ этомъ ни я и никто знать не можетъ.

Я уже сказалъ, что Катковъ былъ отчаяннымъ доктринеромъ. Онъ избралъ своей доктриной—патріотизмъ, quand-même, т. е. одну изъ самыхъ благородныхъ и благодарныхъ доктринъ.

Но патріотизмъ патріотизму рознь. Напримѣръ, патріотизмомъ воодушевлены были: Константинъ и Иванъ Сергѣевичи Аксаковы. Ихъ патріотизмъ былъ горячій, искренній, вытекавшій изъ глубокаго чувства беззавѣтной любви къ народу, къ его призванію, къ его характеру и къ его нравственнымъ идеаламъ. Патріотизмъ Каткова, по моему мнѣнію, былъ патріотизмъ холодный, дѣланный, ходульный и вытекалъ вовсе не изъ любви къ народу, котораго,—кстати сказать,—не вѣдалъ и не изучалъ, а изъ разсчета, украшеннаго соображеніями политическаго свойства.

Оставлю, однако, этотъ вопросъ въ сторонѣ и обращусь къ нѣкоторымъ фактамъ.

Вскорѣ, послѣ начатія изданія «Русскаго Вѣстника», Катковъ, однимъ весьма неожиданнымъ, смѣлымъ и ловкимъ, подходящимъ къ моменту, маневромъ, заручился сильною поддержкою въ обширной средѣ вліятельныхъ высшихъ сферъ. Совершившаяся эмансипація крестьянъ породила, конечно, массу недовольныхъ, и, въ извѣстныхъ кругахъ общества, сложилось, почему-то, убѣжденіе, что главная пружина, двигавшая вопросомъ эмансипаціи, заключалась въ одной изъ самыхъ высшихъ правительственныхъ сферъ, и потому недовольные относились къ этой сферѣ недоброжелательно.

Вдругъ разражается польскій мятежъ. Катковъ, сильный уже несомнѣнной поддержкой въ высшихъ сферахъ, смѣлый по характеру, рѣшился воспользоваться сложившимися обстоятельствами и дерзнулъ рельефно намекать, что причина мятежа кроется въ той высокой сферѣ, которая двигала вопросъ эмансипаціи крестьянъ.

Съ перваго же момента такого смѣлаго шага, несказанно угодившаго массѣ недовольныхъ, страшно загремѣла популярность Каткова:

— Вотъ такъ истинно храбрый патріотъ; вотъ такъ гражданинъ, не боящійся кары, ради служенія родинѣ,—завопили повсюду и ринулись на «Московскія Вѣдомости».

Катковъ хорошо зналъ, что ни какой карѣ за свой смѣлый шагъ онъ не подвергнется, а, напротивъ, будетъ поддержанъ, и потому всталъ на почву твердой ногой, подкрѣпившись, сверхъ того, пріобрѣтенною означеннымъ путемъ огромною популярностью. Словомъ сказать, онъ сразу явился политической силой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

Въ одной изъ статей, посвященныхъ характеристикѣ личности императора Павла I, высказано между прочимъ [1]: «Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что личность Павла Петровича возбуждаетъ у насъ не только большой интересъ, но и какое-то странное сочувствіе къ себѣ, не охлаждаемое самыми мрачными картинами его времени, набрасываемыми современниками. Сочувствіе это не можетъ быть объяснено недостаточнымъ знакомствомъ съ характеромъ и дѣйствіями Павла I: напротивъ, для запечатлѣнія въ умахъ читателей неблагопріятнаго представленія о немъ, подчасъ краски сгущаютъ слишкомъ сильно. Характеръ Павла Петровича весь состоялъ изъ контрастовъ свѣта и тѣни, въ немъ пробивались какія-то чисто гамлетовскія черты, а такіе характеры вездѣ и всегда возбуждали и возбуждаютъ къ себѣ невольное сочувствіе. Люди любятъ натуры порывистыя, страстныя и легко прощаютъ имъ ихъ заблужденія, въ особенности тогда, когда имъ приходится сталкиваться съ ними въ книгѣ и не испытывать на себѣ ихъ непріятныхъ и часто тяжелыхъ сторонъ. А Павелъ Петровичъ весь былъ порывъ, огонь, вспыхивавшій быстро, горѣвшій ярко; пламя его, подчасъ красивое, въ большинствѣ случаевъ обжигало немилосердно, перебрасываясь изъ стороны въ сторону по произволу случайныхъ вѣяній. Павелъ не зналъ середины. «Его умъ и его страсти,—пишетъ

---

[1]) „Русская Старина" 1897 г. ноябрь: „Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ".

о немъ баронъ Гейкингъ,—его чувствительность и его жестокость, его добродѣтели и его пороки, его энтузіазмъ въ дружбѣ и его упорная ненависть къ тому же лицу, его признательность за все, что, какъ ему казалось, искренно дѣлали въ его пользу, и его бѣшеный гнѣвъ при малѣйшемъ упущеніи, замѣченномъ относительно его собственной особы,—все это доходило въ немъ до крайности»...

Вполнѣ естественно, что интересъ къ личности Павла Петровича долженъ былъ проявиться съ особою силою по случаю исполнившагося столѣтія со дня его кончины, и несомнѣнно, этому обстоятельству мы обязаны появленіемъ превосходнаго труда Н. К. Шильдера «Императоръ Павелъ Первый».

Русская историческая литература богата различными воспоминаніями и тому подобными матеріалами, касающимися личности императора Павла, но до самаго послѣдняго времени не было изслѣдованія, по которому можно было бы прослѣдить, какъ постепенно слагался и развивался обликъ, встающій въ воображеніи каждаго при словахъ: Императоръ Павелъ Петровичъ.

Пробѣлъ этотъ и восполненъ нынѣ упомянутымъ выше сочиненіемъ Н. К. Шильдера, скромно названнымъ авторомъ «Историко-біографическимъ очеркомъ».

Пользуясь этимъ «очеркомъ», составленнымъ частью по неизданнымъ матеріаламъ, а также и нѣкоторыми другими данными, мы прослѣдимъ, какъ формировался характеръ Павла Петровича, жизнь котораго, по выраженію Н. К. Шильдера, отличалась трагическими чертами, подобныхъ которымъ не встрѣчается въ жизни ни одного изъ вѣнценосцевъ не только въ русской, но и во всемірной исторіи.

I.

Историки и біографы выдающихся дѣятелей, останавливаясь на ихъ дѣтствѣ, часто ищутъ въ немъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ сложился впослѣдствіи ихъ характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнымъ путемъ дѣйствительно объясняются такія стороны характера историческихъ лицъ, которыя иначе оставались бы непонятными или казались бы неестественными. Но, конечно, при этомъ необходимо удерживаться отъ увлеченій, чтобы не видѣть чего-либо особеннаго въ такихъ чертахъ, которыя присущи всѣмъ дѣтямъ вообще.

Для возсозданія дѣтскаго образа Павла Петровича, въ періодъ 10—11-лѣтняго возраста, русская историческая литература обладаетъ

столь драгоцѣннымъ матеріаломъ, какъ записки Семена Порошина, состоявшаго при юномъ великомъ князѣ «кавалеромъ» и изо дня въ день, съ 20-го сентября 1764 г. по 13-ое января 1766 года, т. е. почти за все время своего пребыванія при дворѣ, записывавшаго все, касавшееся его августѣйшаго воспитанника. По словамъ Н. К. Шильдера, того, «что завѣщало намъ честное перо Порошина, вполнѣ достаточно, чтобы сказать: предъ нашимъ взоромъ, въ лицѣ десяти и одиннадцатилѣтняго мальчика, является законченный образъ будущаго императора съ его привлекательными и дурными особенностями характера, съ его увлеченіями и намѣреніями, принимавшими фантастическій оттѣнокъ: предъ нами обрисовывается тотъ «prince adorable despote implacable», о которомъ высказался впослѣдствіи Суворовъ въ столь мѣткихъ выраженіяхъ».

Но прежде чѣмъ прослѣдить, что представлялъ собою Павелъ Петровичъ въ дѣтствѣ, посмотримъ, какія начала было рѣшено положить въ основу его воспитанія.

Съ 1758 по 1760 годъ воспитаніе Павла Петровича было поручено Ѳедору Дмитріевичу Бехтѣеву, бывшему повѣренному въ дѣлахъ при версальскомъ дворѣ, а въ 1760 году императрица Елисавета Петровна избрала для воспитанія внука новаго руководителя, Никиту Ивановича Панина, назначеннаго вслѣдъ за тѣмъ оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ и остававшагося при немъ вплоть до его женитьбы. Свой взглядъ на задачи воспитанія юнаго великаго князя Панинъ изложилъ въ особой запискѣ, названной имъ: «Всеподданнѣйшимъ предъявленіемъ слабаго понятія и мнѣнія о воспитаніи его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича». Императрица Елисавета Петровна, съ своей стороны, въ отвѣтъ на эту записку, преподала Панину особую «инструкцію». Хотя въ «инструкціи» и выражалась аппробація мнѣніямъ, высказаннымъ Панинымъ въ своей запискѣ, но въ общемъ «инструкція» стоитъ несравненно выше предъявленнаго Панинымъ «слабаго понятія и мнѣнія о воспитаніи» Павла Петровича. Правда, въ «слабомъ понятіи» проводилась мысль, что «нѣтъ народу наивящшей отъ Бога милости, какъ поданіемъ ему государя Боголюбиваго, правосуднаго и милосердаго», что «добрый государь не имѣетъ и не можетъ имѣть ни истиннаго интереса, ниже истинной славы раздѣленными отъ пользы и благосостоянія ему Божескимъ призрѣніемъ подданныхъ народовъ, которые устрояютъ ему жертвенники въ сердцахъ своихъ»; что необходимо, чтобы еще «въ дѣтскихъ хотѣніяхъ у его императорскаго высочества нечувствительно произрасла склонность и желаніе подражать добру и честности, претительность же къ дѣламъ худымъ и честности повреждающимъ»; что «несомнѣнно наиважнѣйшій пунктъ добраго вос-

питанія»—обученіе закону Божію, чуждое «всякаго предувѣренія и суевѣрства»; что «всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость», должны быть удалены отъ юнаго великаго князя. Но наряду съ этими мыслями проводилась и та, что избранные помазанные являются намѣстниками Бога во плоти.

Въ «инструкціи» же императрицы Елисаветы Петровны, какъ бы въ пророческомъ провидѣніи того вреда, который эта мысль принесла впослѣдствіи Павлу Петровичу, проводилась и подробно развивалась какъ разъ противоположная мысль о равенствѣ всѣхъ передъ Богомъ. «Добронравіе, снисходительное и добродѣтельное сердце, читаемъ мы въ инструкціи,—паче всего нужны человѣку, котораго Богъ возвышаетъ для управленія другими; ничѣмъ же больше не возбуждаются сіи внутреннія чувствія, какъ воспоминаніемъ равенства, въ которомъ мы по человѣчеству предъ Создателемъ нашимъ состоимъ. Сіе есть истинный источникъ, изъ котораго изливаются человѣколюбіе, милосердіе, кротость, правосудіе и прочія добродѣтели, обществу полезныя. Мы повелѣваемъ вамъ оное полагать главнымъ началомъ нравоученію его высочества и безпрестанно ему о томъ толковать, дабы при всякомъ взорѣ на различныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ бываетъ, обращаясь мыслію къ сему началу, его высочество побуждаемъ былъ къ помянутымъ добродѣтелямъ, къ благодаренію Всевышняго за милосердый объ немъ промыселъ и къ учиненію себя званія своего достойнымъ.

«На семъ основаніи не токмо не возбраняемъ, но паче хощемъ, чтобы всякаго званія, чина и достоинства люди добраго состоянія, по усмотрѣнію вашему, допущены были до его высочества, дабы онъ чрезъ частое съ ними обхожденіе и разговоры узналъ разныя ихъ состоянія и нужды, различныя людскія мнѣнія и способности, также научился бы отличать добродѣтель и принимать каждаго по его чину и достоинству».

Къ сожалѣнію, Панинъ, ведя воспитаніе Павла Петровича, руководился не «главнымъ началомъ», преподаннымъ императрицей, а соображеніями своего «слабаго понятія». Это отступленіе отъ программы Елисаветы Петровны не можетъ быть искуплено всѣмъ тѣмъ несомнѣнно хорошимъ и благотворнымъ, что заключала въ себѣ система воспитанія Панина.

Что касается взглядовъ, которыми руководился Порошинъ въ своей столь кратковременной дѣятельности въ качествѣ «кавалера», то онъ «наблюдалъ, чтобъ въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе, чтобъ разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностью; чтобъ любить народъ россійскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ; чтобъ тверду и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи туды, куды онымъ его высочество долженъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы не развивать въ великомъ князѣ страсти къ мелочамъ военнаго дѣла. Поэтому его постоянно радовало, когда при Павлѣ Петровичѣ происходили разговоры, способные воздѣйствовать на него въ томъ же направленіи. Всѣ подобные случаи онъ старательно отмѣчаетъ у себя въ запискахъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, передавая обѣденные разговоры, Порошинъ съ явнымъ удовольствіемъ записалъ у себя: «Графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) разсуждалъ о военномъ дѣлѣ такъ, какъ генералъ искусной; разсказывалъ... съ насмѣшкою, съ какою точностію король прусской отправлялъ военную службу, тако жъ и о нѣмецкихъ принцахъ, кои, когда въ службѣ, всю по знанію своему, которое на себя приняли, должность отправляютъ съ такимъ повиновеніемъ и съ такимъ подобострастіемъ, какъ и партикулярные въ равныхъ съ ними чинахъ по арміи. О сихъ подробностяхъ мнѣ и прежде отъ нѣкоторыхъ слыхать случалось; но не тѣмъ тономъ говорили они, коимъ говорилъ графъ Захаръ Григорьевичъ; приводили то какъ бы въ примѣръ для подражанія его высочеству. Сіе подало мнѣ причину въ себѣ подумать, каково бъ было, если бъ въ его высочество вложить охоту къ подражанію онымъ примѣрамъ? И вотъ какія разсужденія у меня обращались. Нѣмецкіе принцы имѣютъ по большей части весьма малыя владѣнія: въ разсужденіи оныхъ и намѣренія ихъ заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ; не представляются мнѣ они иначе, какъ людьми партикулярными, окруженными только государскою пышностью въ уменьшительномъ видѣ; между тѣмъ, пышность сія разжигаетъ славолюбіе; оному куды удобнѣе обратиться, какъ на Марсово поле? Своего войска, которое бы войскомъ назвать было можно, у нихъ нѣтъ; для того служатъ, стараются отличить себя въ трудахъ и подвигахъ военныхъ; таковыя старанія иногда до самыхъ излишнихъ малостей распространяютъ.

«Его императорское высочество пріуготовляется къ наслѣдію престола величайшей въ свѣтѣ имперіи Россійской; многочисленное и преславное воинство ждать будетъ его мановенія, науки и художества просить себѣ проницанія его и покровительства, коммерція и мануфактуры неутомимаго попеченія и вниманія, пространныя рѣки удобнаго соединенія требовать будутъ; словомъ сказать, обширное государство неисчетные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое, и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Таковыя ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Пренебрежено бъ тѣмъ было великое служеніе, къ коему его императорское высочество призываетъ Промыслъ Господній. Я самъ до военнаго дѣла великой охотникъ. Главнѣйшее мое упражненіе всегда было въ немъ и въ

тѣхъ наукахъ, кои ему основаніемъ служатъ, кои его освѣщаютъ и приводятъ въ систему. Но въ семъ случаѣ не своей охотѣ слѣдую, а беру въ разсужденіе званіе государя и благополучіе согражданъ своихъ. Я не говорю, чтобъ государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ! въ томъ опять было бы сдѣлано упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, кои составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ сего, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть оную видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ великихъ. Такимъ образомъ, пораздумавшись, положилъ я въ себѣ твердо, чтобъ государю къ онымъ и тому подобнымъ мелочамъ отнюдь вкусу не давать, а стараться какъ можно пріучить его къ дѣламъ генеральнымъ и государскія великости достойнымъ»...

Вотъ, между прочимъ, и образчикъ наставленій, которыя Порошинъ давалъ своему царственному воспитаннику. Такъ, однажды, онъ сталъ разсуждать съ великимъ княземъ о богатствѣ и бѣдности и при этомъ отмѣтилъ у себя въ запискахъ слѣдующее: «Изволилъ онъ входить во всѣ подробности моего разсужденія, то-есть, что богатство не придаетъ достоинства человѣку; что бѣдность въ порокъ и укоризну не служитъ, и что со всѣмъ тѣмъ она тѣмъ скучна и тягостна, кои ее чувствуютъ; что благоразумныхъ государей долгъ наблюдать того, дабы награждены были всегда прямыя только достоинства и не были бы гонимы бѣдностью; что въ бѣдности, по большей части, люди бываютъ робки и унылы; что надобно ободрять ихъ и предупреждать нужды ихъ своею щедротою и своимъ снисходительствомъ и проч.».

Послѣ всего, только что приведеннаго о программѣ и взглядахъ Порошина, невольно приходится особенно пожалѣть, что Павелъ Петровичъ такъ рано былъ изъятъ изъ-подъ его вліянія.

II.

Что же представлялъ собою мальчикъ Павелъ Петровичъ?

Въ малолѣтнемъ Павлѣ Петровичѣ прежде всего поражаетъ сила воображенія, способность создавать въ своемъ представленіи сложныя комбинаціи и затѣмъ жить съ созданными имъ самимъ образами.

«Его высочество,—отмѣчаетъ Порошинъ, — все себѣ можетъ такъ

ясно и живо представить, какъ бы предъ нимъ то уже дѣйствительно происходило: веселится тогда, попрыгиваетъ и откидываетъ, по привычкѣ своей, руки назадъ безпрестанно».

Однажды Порошинъ спросилъ великаго князя, что значитъ, «когда онъ изволилъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то пальбу, то барабанной, то литаврной бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется? Удовольствовалъ его высочество мое желаніе и изволилъ мнѣ о томъ разсказывать. Давно уже, давно, т. е. въ 1762 году, представлялось ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набрано, кои всѣ служили на коняхъ. Въ семъ корпусѣ былъ онъ, въ воображеніи своемъ, сперва ефрейтъ-капраломъ, потомъ вахмистромъ, и оную должность отправлялъ еще въ то время, какъ мы отсюда въономъ годѣ въ Москву ѣхали. Вотъ какъ мы издалека взяли исторію воображенія его высочества! Изъ онаго корпуса сдѣлался пѣхотный корпусъ въ шести стахъ, потомъ въ семи стахъ человѣкъ. Въ ономъ его высочество былъ будто прапорщикъ. Сей корпусъ превратился въ полкъ дворянъ, изъ 1.200 человѣкъ состоящій. Тутъ его высочество былъ порутчикомъ и на ординаціи у генерала князя Александра Голицына. Отселя попалъ онъ въ гвардію, въ Измайловскій полкъ, въ сержанты, и былъ при турецкомъ посланникѣ. Потомъ очутился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ. Оттуда выпущенъ въ Новгородской карабинерной полкъ порутчикомъ, теперь въ томъ же полку ротмистромъ. Такимъ образомъ, его высочество, въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ».

Павелъ Петровичъ составлялъ списокъ этимъ войскамъ, назначалъ къ нимъ полковниковъ изъ числа офицеровъ, которыхъ зналъ лично; въ число полковниковъ включилъ и самого себя подъ именемъ Павла Романова, а надъ всѣмъ «онымъ въ воображеніи пребывающимъ войскомъ изволилъ учредить шефомъ» Порошина.

Любопытно, что подъ вліяніемъ чтенія «исторіи объ орденѣ Мальтійскихъ каваровъ» великій князь представлялъ себя и кавалеромъ мальтійскимъ и мальтійскимъ посломъ, при чемъ какъ-то, въ послѣднемъ случаѣ, говорилъ даже рѣчь передъ товарищемъ своихъ дѣтскихъ игръ княземъ Куракинымъ.

Однажды, смотря на поставленную на столъ пирамиду и вспоминая о подаренной ему модели корабля, Павелъ Петровичъ замѣтилъ: «Я такъ въ свой корабль вглядѣлся, что и эта пирамида кораблемъ мнѣ кажется, когда немножко позадумаюсь».

При большой силѣ воображенія, Павелъ Петровичъ отличался въ дѣтствѣ впечатлительностью. По словамъ Порошина, всякое внезапное или чрезвычайное происшествіе «весьма трогало» его. Въ такихъ

случаяхъ, живое воображенiе не давало ему покоя и ночью. Такъ, когда онъ узналъ о казни Мировича, онъ очень плохо спалъ ночью.

Подобно всѣмъ крайне впечатлительнымъ людямъ, Павелъ Петровичъ уже въ дѣтствѣ обнаруживалъ большую измѣнчивость въ привязанностяхъ. «Его высочество,—отмѣчаетъ у себя Порошинъ, — будучи живаго сложенiя и имѣя наичеловѣколюбнѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится; но какъ никакiя усильныя движенiя долго продолжаться не могутъ, если побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ оная крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, которой имѣлъ счастье полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели на всегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость».

Въ извѣстной степени той же впечатлительностью слѣдуетъ объяснить наклонность мальчика Павла Петровича поддаваться чужому мнѣнiю. «Примѣчу, — пишетъ Порошинъ, — что часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствiе разговоры, касающiеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Неоднократно наблюдалъ я, что когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ увидя, его высочество особливо склоненъ къ нему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о комъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто въ разговорѣ мимоходомъ, то такого государь великiй князь послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется».

Уже въ дѣтствѣ Павелъ Петровичъ проявлялъ большую нетерпѣливость. Особенно часто онъ обнаруживалъ ее на большихъ придворныхъ собранiяхъ. Конечно, къ 10—11 лѣтнему мальчику и нельзя было предъявлять особо строгихъ требованiй, но Порошинъ всѣми силами старался искоренять эту нетерпѣливость, внушая ему, что его нетерпѣнiе худо и предосудительно для него; что въ публикѣ надо стараться преодолѣвать себя и слабостей своихъ не обнаруживать; что, замѣтивъ ихъ, сперва всѣ будутъ плакать и печалиться, а потомъ и возненавидѣть могутъ.

— Avec les meilleurs intentions du monde, vous vous ferez haïr, monseigneur (При самыхъ лучшихъ намѣренiяхъ, вы заставите возненавидѣть себя, государь)—сказалъ ему въ одномъ случаѣ Порошинъ.

Во всѣхъ дѣйствiяхъ цесаревича за это время сказывалась какая-то нервная торопливость. Онъ торопился ложиться спать и торопился вставать, торопился поскорѣе сѣсть за столъ и поскорѣе встать изъ-за него. Малѣйшее промедленiе въ чемъ-либо вызывало немедленно слезы. За столомъ онъ ѣлъ быстро, не разжевывая кусковъ, и это служило

даже причиною постоянныхъ заболѣваній его желудкомъ или, какъ Порошинъ называлъ ихъ, «индижестій». Вслѣдствіе этого, его часто тошнило, и приходилось переводить его на положеніе больнаго. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Павелъ Петровичъ съ раннихъ лѣтъ страдалъ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ въ такой формѣ, которая, по заключенію свѣдущихъ людей, приводитъ къ разстройству воображенія и нервной напряженности.

Повидимому, Павелъ Петровичъ сознавалъ нѣкоторыя изъ своихъ слабостей и былъ способенъ критически относиться къ нимъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующій случай, приводимый Порошинымъ. Во время одного изъ разговоровъ о Петрѣ Великомъ было упомянуто, что онъ приказывалъ съ самаго утра приготовлять себѣ студень и всегда рано садился за столъ.

— Въ этомъ,—замѣтилъ цесаревичъ,—могъ бы и я легко блаженныя памяти государю послѣдовать, и весьма бы радъ былъ, если бъ дозволили. Желаю только, чтобъ могъ послѣдовать и въ прочемъ, почему онъ великимъ названъ.

Въ характерѣ 10—11 лѣтняго Павла Петровича замѣчалось проявленіе упорства, желанія настоять на своемъ. «Его высочество,—замѣчаетъ Порошинъ,—имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственной, кои болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными, нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется, чтобъ (дѣлалось) по-нашему».

«За столомъ особливое сдѣлалось приключеніе,—записалъ Порошинъ 21-го сентября 1765 года.—Его высочество попросилъ съ одного блюда себѣ кушать. Никита Ивановичъ отказалъ ему. Досадно то показалось великому князю: разсердился онъ и, положа ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его превосходительство, въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство, вывелъ великаго князя изъ-за стола во внутренніе его покои и приказалъ, чтобы онъ остался тамъ съ дежурными кавалерами. Пожуря за то его высочество, пошелъ Никита Ивановичъ опять за столъ, и тамъ нѣсколько еще времени сидѣли. Государь цесаревичъ между тѣмъ плакалъ и негодовалъ. Пришедъ изъ-за стола, его превосходительство Никита Ивановичъ взялъ съ собою великаго князя одного въ другую (учительную) комнату и тамъ говорилъ ему съ четверть часа о непристойности его поступка, которую, конечно, никто не похвалитъ»...

— C'est une tête de fer, — сказалъ по этому случаю Сальдернъ, почти ежедневно обѣдавшій за великокняжескимъ столомъ.

Однажды утромъ, великій князь пожелалъ одѣть имѣвшійся у него зеленый бархатный кафтанъ. Камердинеръ доложилъ ему, что кафтанъ этотъ уже старъ, замшился, и что не прикажетъ ли онъ принести дру-

гой. Но онъ съ гнѣвомъ выслалъ его изъ комнаты, приказавъ принести тотъ кафтанъ, который онъ приказалъ подать первоначально. «Тутъ,— пишетъ Порошинъ,—говорилъ я великому князю: «а вѣдь Карла XII за упрямство мы не любимъ. Хорошо ли это, не принимать резону? Вы приказали прежде не вспомня, что кафтанъ старъ; а теперь, когда правильно представляютъ, для чего не перемѣнить своего мнѣнія и не согласиться?» Его высочество тотчасъ приказалъ кликнуть камердинера и изволилъ сказать ему, чтобъ ужъ того кафтана не носилъ, а принесъ бы другой, который поновѣе». «Изъ сей поступки и изъ другихъ прежде,—заключилъ Порошинъ,—сдѣлалъ я наблюденіе, что очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію добраго; надобно знать только, какъ за то браться».

Въ виду послѣднихъ словъ Порошина, особенно приходится пожалѣть, что онъ былъ вынужденъ такъ рано оставить свою должность «кавалера» при великомъ князѣ.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть о своеобразной воспитательной мѣрѣ, примѣнявшейся къ великому князю въ еще болѣе раннее время. По мысли его воспитателя Бехтѣева печатались особыя вѣдомости. Вѣдомости эти давались для прочтенія Павлу Петровичу, и въ нихъ «подъ артикуломъ изъ Петербурга», сообщалось о всѣхъ его поступкахъ и погрѣшностяхъ. Вѣдомости эти, конечно, дальше дворца не шли, но великаго князя увѣрили, что онѣ разсылаются по всей Европѣ, и такимъ путемъ надѣялись воздѣйствовать на него, непосредственно затрогивая его самолюбіе.

Что касается учебныхъ занятій, то, повидимому, они шли не особенно успѣшно. «Не могу изобразить я,—записалъ Порошинъ 14-го іюля 1765 года,—какъ внутренно терзаюсь, когда въ немъ такую легкость и отвращеніе отъ полезныхъ знаній примѣчаю. Сверхъ того, и то неприятно, когда человѣкъ, съ усердіемъ и неусыпными трудами наилучшее и наисущественнѣйшее изъ нужныхъ ученій выбирая, предложить старается, а учащійся, ни мало къ тому не прилѣпляясь, совсѣмъ въ дѣло не входитъ и о мельчайшихъ бездѣлкахъ между тѣмъ помышляетъ». Въ одномъ случаѣ ученіе такъ не шло, что Порошинъ, бросивъ бумаги, взялъ шляпу и уѣхалъ домой. Послѣ приведеннаго неудивительно, что въ «Запискахъ» встрѣчаются такія выраженія, какъ «большой ребенокъ и очень разсѣянъ», «лѣнтяй», «все болѣе разсѣянъ» и т. п.

При всемъ томъ, Павелъ Петровичъ, по отзыву его наставниковъ, былъ надѣленъ математическими способностями и даромъ мыслить точно и здраво. «Онъ имѣетъ такъ называемый esprit geométrique и justesse d'esprit»,—читаемъ мы у Порошина. «И подлинно, когда его высочество не залѣнится, то провождаемые съ нимъ въ ученіи часы неописанное

приносятъ услажденіе: съ такою остротою и основательностью вникать изволитъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ, повидимому, любознателенъ отъ природы. По крайней мѣрѣ, Порошинъ сохранилъ намъ слѣдующее замѣчаніе цесаревича: «хорошо учиться-то: всегда что-нибудь новенькое узнаешь».

Но на-ряду съ этимъ проскальзывало иногда какъ-бы пренебрежительное отношеніе къ книгѣ. Такъ, однажды онъ замѣтилъ: «куда какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять, сколько ни есть ихъ! А все-таки пишутъ да пишутъ». Въ другомъ случаѣ, приказывая камердинеру подать себѣ подаренную ему «мундирную» книжку, онъ сказалъ: «Подай-ка мнѣ вонъ этотъ курсъ философіи!»

Въ послѣднихъ словахъ какъ-бы крылось предзнаменованіе наступившей позднѣе эпохи парадоманіи, вахтъ-парадовъ и экзерцирмейстерства.

Невольно поражаетъ тотъ почетъ, которымъ Павелъ Петровичъ былъ окруженъ въ 10—11 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ онъ давалъ иностраннымъ посламъ аудіенціи и произносилъ заранѣе заученныя рѣчи; принималъ участіе въ разныхъ оффиціальныхъ торжествахъ; въ Академіи художествъ онъ произноситъ благодарственную рѣчь, въ отвѣтъ на рѣчь Бецкаго по поводу зачисленія его въ члены Академіи. Часто Павлу Петровичу представляются по случаю полученныхъ наградъ и назначеній; ему откланиваются отъѣзжающіе; между прочимъ и всесильный Григорій Григорьевичъ Орловъ приводитъ къ нему откланяться своего брата Ивана Григорьевича, уѣзжавшаго въ свои деревни. Первѣйшіе сановники и вельможи Имперіи оказываютъ ему всевозможные знаки вниманія: подносятъ книги, карты, ружья и т. п. Между прочимъ, Алексѣй Орловъ подноситъ ему особый конскій уборъ, выложенный хрусталями, топазами и композиціями. Съ днемъ рожденія ему приносятся торжественныя поздравленія, въ чемъ участвуютъ морской и сухопутный генералитетъ, гвардейскіе и артиллерійскіе штабъ и оберъ-офицеры и чужестранные министры. По случаю переѣзда Павла Петровича на жительство изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, президентъ Главнаго магистрата представлялъ ему депутацію отъ петербургскихъ купцовъ съ хлѣбомъ-солью, поздравлявшихъ его съ новосельемъ. Въ качествѣ генералъ-адмирала онъ получалъ недѣльные рапорты по морскому вѣдомству, подписывалъ патенты, давалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписанія Адмиралтейской коллегіи (напримѣръ, о переводѣ на россійскій языкъ со шведскаго описанія Балтійскаго моря), представлялъ императрицѣ вновь произведенныхъ морскихъ офицеровъ и пр. Въ качествѣ голштинскаго герцога, Павелъ Петровичъ иногда возлагалъ собственноручно знаки ордена св. Анны.

Въ особенности поражаетъ вниманіе, съ которымъ относился въ то

время къ Павлу Петровичу всемогущій фаворитъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ часто заходилъ къ великому князю. Въ одномъ мѣстѣ у Порошина отмѣчено даже, что Орловъ игралъ въ воланъ, шалилъ и показывалъ свою ловкость; какъ-то онъ поѣхалъ съ великимъ княземъ въ манежъ, гдѣ вмѣстѣ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ прыгалъ черезъ стулья. Иногда Орловъ являлся съ порученіями отъ императрицы Екатерины: звать въ церковь, передать въ подарокъ часы, осыпанные брилліантами, вручить вылѣпленные изъ воску фрукты, дотого хорошо сдѣланные, что Павелъ Петровичъ принялся за персикъ, чтобы разрѣзать его; пригласить великаго князя на обсерваторію, находившуюся надъ покоями императрицы и т. д. Орловъ же первый предложилъ Павлу Петровичу посѣтить фрейлинъ на ихъ половинѣ. Такъ какъ это предложеніе было сдѣлано въ присутствіи императрицы, то великій князь не зналъ, какъ быть. Но Екатерина вывела его изъ затруднительнаго положенія, сказавъ, что разрѣшаетъ ему отправиться туда. По этому поводу Порошинъ замѣчаетъ у себя въ запискахъ: «никогда повелѣніе съ такою охотою исполняемо не было, какъ сіе».

Вполнѣ естественно, что воспитаніе при подобной обстановкѣ должно было способствовать развитію въ мальчикѣ-великомъ князѣ самолюбія. И оно развивалось въ немъ, чуткое до болѣзненности. Въ запискахъ Порошина особенно выдѣляется слѣдующій случай, свидѣтельствующій о самолюбіи Павла Петровича въ этомъ возрастѣ. Какъ-то 10-ти лѣтній великій князь былъ въ придворномъ театрѣ въ отсутствіе императрицы. «Изволилъ его высочество,—разсказываетъ Порошинъ,—аплодировать многократно, особливо въ балетѣ танцовщику Тимофею, Парису и Меркуршѣ. Два раза партеръ безъ него захлопалъ, что ему весьма было непріятно. Пришедши къ себѣ, долго роптал о томъ. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ говорилъ его высочеству, что въ послѣдній разъ на комедіи и государыня дозволила при себѣ аплодировать, хотя она и не изволитъ зачать. Великій князь на сіе изволилъ отвѣчать ему:

— Да объ этомъ я не слыхалъ, чтобъ государыня приказывать изволила, чтобы при мнѣ аплодировали, когда я не зачну. Впередъ я выпрошу, чтобы тѣхъ можно было высылать вонъ, кои начнутъ при мнѣ хлопать, когда я не хлопаю. Это противъ благопристойности.

Ежедневно за столомъ мальчика-великаго князя обѣдало нѣсколько человѣкъ изъ придворнаго и дѣловаго міра. Разговоры за столомъ велись самые разнообразные; здѣсь говорили и о политикѣ, и о наукахъ, и о театрѣ, вспоминали прошлое, передавали анекдоты и сплетни, составлявшія злобу дня, прохаживались на счетъ отсутствующихъ и, по обычаю и нравамъ того времени, касались предметовъ самаго фривольнаго свойства, не удерживаясь подчасъ и отъ крупной соли. Царствен-

ный мальчикъ слушалъ всѣ эти разговоры, и несомнѣнно ихъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить преждевременную зрѣлость, которая проглядываетъ часто во всѣхъ его сужденіяхъ, относящихся къ этому времени. Конечно, иногда онъ слушалъ и повторялъ слышанное, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говорилъ. Такъ, по словамъ Порошина, онъ въ 11 лѣтъ «не имѣлъ еще явственнаго понятія о разности между мужскимъ и женскимъ поломъ, хотя (желая) часто, но безуспѣшно любопытствовалъ объ этомъ. Между тѣмъ, когда однажды «зашла рѣчь объ актрисѣ Лангландшѣ, и говорили, что она очень худа стала, то его высочество изволилъ сказать: c'est qu'elle a passé par plusieurs mains (это потому, что она прошла черезъ нѣсколько рукъ), не зная вѣрно, что значитъ— passer par plusieurs mains».

На развитіе въ цесаревичѣ преждевременной зрѣлости должно было оказать свое вліяніе и то обстоятельство, что уже въ 10—11 лѣтъ ему читали Вольтера, Буало и т. д. и давали въ руки французскія газеты.

Въ запискахъ Порошина разсѣяна масса примѣровъ этой преждевременной зрѣлости сужденій Павла Петровича. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми изъ нихъ, особенно характерными при сопоставленіи ихъ съ позднѣйшимъ обликомъ Павла императора.

Однажды Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ у великаго князя:

— Какъ вы думаете: повелѣвать ли лучше или повиноваться?

— Все свое время имѣетъ,—возразилъ Павелъ Петровичъ,—въ иное время лучше повелѣвать, въ иное—лучше повиноваться.

Въ другомъ случаѣ Павелъ Петровичъ высказалъ:

— Мнѣ кажется, кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ.

Въ началѣ 1765 года великій князь долженъ былъ участвовать на придворномъ театрѣ въ одномъ балетѣ. Онъ дѣятельно и задолго готовился къ представленію, проходя свою роль подъ руководствомъ танцовщика Гранже. Наконецъ, наступилъ день чего-то въ родѣ генеральной репетиціи. «Весь почти партеръ,—пишетъ Порошинъ,—полонъ былъ смотрителей. Отъ хлопанья въ ладоши, въ танцованьи его высочество нѣсколько сбился, оробѣлъ. Конецъ балету танцовали еще разъ. Тутъ шло получше. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался его высочество, для чего бьютъ въ ладоши. Изволилъ сказать:

— Не успѣлъ еще выйтить я, такъ ужъ и аплодируютъ; то-то ужъ настоящіе персики; ой, дворъ, дворъ.

«Персики,—объясняетъ Порошинъ,—значитъ у насъ ласкательство: есть тому особливая деривація изъ нѣкоего случившагося при дворѣ анекдоту».

Въ одномъ разговорѣ цесаревичъ высказалъ между прочимъ слѣдующую, въ высшей степени, тонкую и вѣрную мысль: «какъ можно легко

смѣшнымъ себя сдѣлать, если слѣпо послѣдуешь какому предубѣжденію».

Семенъ Васильевичъ Хвостовъ, отецъ дипломата и писателя Александра Семеновича, былъ уличенъ въ «покражѣ казеннаго». Когда однажды зашелъ объ этомъ разговоръ за столомъ, Павелъ Петровичъ замѣтилъ:

— Пуще всево жаль жены ево, что она съ нимъ же несчастлива по его безпутству... Пускай хотя государыня отъ жестокова наказанія его избавитъ (да куда уже онъ дѣнется), кто обходиться съ нимъ будетъ? Вину безъ наказанья оставить можно, а честь возвратить неможно.

По одному поводу 10-ти-лѣтній Павелъ Петровичъ высказалъ, что «запрещеннаго всегда намъ хочется, и что это основано въ человѣческой натурѣ».

Когда по какому-то поводу зашелъ разговоръ о кадетскомъ корпусѣ, цесаревичъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—у нихъ уже черезчуръ много ружьемъ учатся. Некогда кадетамъ въ классѣ ничего выучить.

Во время обѣдовъ очень часто говорили о Петрѣ Великомъ. Однажды разговорились о точности, требуемой военною службою, и о строгости военныхъ судовъ. При этомъ однимъ изъ обѣдавшихъ было разсказано, что при Петрѣ Великомъ былъ случай, когда цѣлый судъ былъ сосланъ на каторгу за то, что осудилъ одного офицера не по законамъ, а по собственному своему усмотрѣнію.

Порошинъ, постоянно заботившійся о томъ, чтобы у Павла Петровича не составилось неблагопріятнаго или ложнаго представленія объ его великомъ прадѣдѣ, возразилъ, что и онъ слышалъ объ этомъ судѣ; что государь разгнѣвался за то, что судейское дѣло—судить по тѣмъ законамъ, кои даны имъ, а умягчить, перемѣнить или совсѣмъ простить зависитъ отъ его монаршеской воли. «Однако,—продолжалъ онъ,—вотъ этихъ судей послѣ простилъ государь и приказалъ очень скоро возвратить ихъ; хотѣлъ только дать острастку».

На это цесаревичъ возразилъ:

— Хороша острастка—отобрать чины да послать на каторгу!

Вообще, записки Порошина приводятъ къ заключенію, что отъ природы Павелъ Петровичъ былъ надѣленъ мягкимъ, сострадательнымъ сердцемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого.

Узнавъ, что такое представляла собою тайная канцелярія, и что она упразднена Петромъ III, онъ замѣтилъ:

— Такъ поэтому покойный государь очень хорошее дѣло сдѣлалъ, что отмѣнилъ ее.

Когда однажды зашелъ разговоръ о поварахъ и мясникахъ, цесаревичъ сказалъ:

— Въ поварскомъ и мясничьемъ чину съ жалостливымъ сердцемъ, мнѣ кажется, быть не можно. Изъ мясниковъ, вишь, и въ палачи выбираютъ.

«Разговаривали о физикѣ, о химіи, ботаникѣ и о анатоміи, записалъ Порошинъ 16-го марта 1765 года. Какъ стали говорить, что иногда для показанія, какъ сокъ въ кровь претворяется, живыхъ скотовъ анатомятъ, и что нѣкогда въ Англіи случилось, что и человѣка живаго анатомили, то его высочество, показывая свое отвращеніе, просилъ, чтобы матерію разговора перемѣнили, и называлъ оное тиранствомъ».

Заслуживаетъ вниманія, что въ малолѣтнемъ великомъ князѣ проявлялись любовь ко всему русскому и гордость тѣмъ, что онъ русскій. Такимъ образомъ старанія Порошина, повидимому, не пропадали даромъ. Слѣдующіе случаи наглядно свидѣтельствуютъ объ этомъ:

«Какъ-то за обѣдомъ зашелъ разговоръ о сравнительной честности народовъ. Никита Ивановичъ Панинъ и графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ,—записалъ у себя Порошинъ,—разсуждали, что если (бы) въ другихъ мѣстахъ жить такъ оплошно, какъ мы здѣсь живемъ, и такъ открыто, то бъ давно все у насъ перекрали и насъ бы перерѣзали: запираемъ ворота деревяннымъ запоромъ; дворъ огороженъ бездѣльнымъ бревенчатымъ оплотомъ, вмѣсто того, что въ другихъ земляхъ строятся замкомъ, а ворота всякую ночь запираютъ большими замками и желѣзными запорами, а и тутъ по срединѣ города воруютъ и разбойничаютъ. Причиною такой у насъ безопасности полагали Никита Ивановичъ и графъ Иванъ Григорьевичъ добродушіе и основательность нашего народа вообще. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ сказалъ къ тому: «croyez-moi, que ce n'est que bêtis. Notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit (вѣрьте мнѣ, что это лишь дѣло глупости. Нашъ народъ таковъ, какимъ хотятъ, чтобы онъ былъ)».

«Его высочество на сіе послѣднее изволилъ сказать ему: «а что жъ, развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобъ былъ онъ. Въ этомъ, мнѣ кажется, худобы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобъ тѣ хороши были, коимъ хотѣть то надобно, чтобъ онъ былъ таковъ». Разговаривая о полицмейстерахъ, сказалъ графъ Александръ Сергѣевичъ: «да гдѣ жъ у насъ возьмешь таково человѣка, чтобъ данной большой ему власти во зло не употребилъ». Государь съ нѣкоторымъ сердцемъ изволилъ на то молвить: «что жъ, сударь, такъ развѣ честныхъ людей у насъ совсѣмъ нѣтъ?»

Патріотизмъ мальчика Павла Петровича сказался и въ слѣдующемъ ничтожномъ обстоятельствѣ. Было принято, что на великокняжескій столъ, для общаго употребленія, ставили илецкую соль, а въ солонку для цесаревича насыпали испанскую. Это не понравилось Павлу

Петровичу, и онъ просилъ, чтобы и ему ставили илецкую. «C'est par esprit de patriotisme que je vous en prie (я прошу васъ объ этомъ изъ чувства патріотизма),—замѣтилъ онъ при этомъ Никитѣ Ивановичу Панину.

Когда въ Петербургѣ было получено извѣстіе о смерти «цесаря», то за однимъ изъ обѣдовъ стали «шпынять» надъ великимъ княземъ, что эта кончина ему, какъ принцу нѣмецкой имперіи, болѣе всѣхъ должна быть чувствительна; что на сколько милостивъ будетъ къ нему новый цесарь и пр.

— Что вы ко мнѣ пристали,—возражалъ Павелъ Петровичъ,—(какой) я нѣмецкой принцъ? Я—великій князь россійскій!

Въ виду позднѣйшихъ пруссофильскихъ тенденцій Павла Петровича, удивительно его нерасположеніе къ нѣмецкому языку и, повидимому, вообще ко всему нѣмецкому, которое онъ проявлялъ въ дѣтствѣ.

— Какой-то грубой и строгой языкъ,—выразился онъ однажды о нѣмецкомъ языкѣ.—Если гдѣ надобно сказать—получить пользу или употребить въ пользу, такъ говорятъ (Nutzen Ziehen) вытянуть пользу (выломать пользу); притащить къ совѣту, вмѣсто того, чтобъ сказать: призвать къ совѣту,

На пышномъ торжествѣ, которое устроилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ по случаю своего новоселья въ концѣ января 1765 г., великому князю былъ поднесенъ экземпляръ программы торжествъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ.

— Извольте этотъ у себя удержать,—замѣтилъ великій князь,—я бы лучше арабской взялъ, если бъ былъ, нежели нѣмецкой.

По какому-то поводу у великаго князя зашелъ разговоръ о Твери, и Порошинъ напомнилъ Павлу Петровичу, что однажды онъ называлъ ее маленькимъ Петербургомъ.

— Какъ выстроится Тверь,—сказалъ на это цесаревичъ,—такъ мнѣ она милѣе будетъ, нежели всѣ нѣмецкіе города.

Относительно же своихъ симпатій къ разнымъ народамъ Павелъ Петровичъ высказался въ одномъ случаѣ, что ему «послѣ россійской націи нравится лучше всѣхъ аглинская, а потомъ французская».

Уже въ 10 лѣтъ Павелъ Петровичъ понималъ, на сколько смѣшно пересыпать русскую рѣчь французскими словами, и передразнивалъ тѣхъ, у которыхъ замѣчалась подобная слабость.

Въ дѣтствѣ Павла Петровича несомнѣнно большую роль игралъ театръ. Его очень часто водили на спектакли, называвшіеся тогда «позорищами» и дававшіеся на придворной сценѣ. Обычный составъ этихъ представленій былъ слѣдующій: большая и маленькая драматическія пьесы (иногда вмѣсто одной изъ нихъ ставилась опера) и балетъ съ названіемъ въ родѣ «Аполлонъ и Дафна», «Ацисъ и Галатея», «Дере-

венская ревность», «Наказанная кокетка» и т. п. За обѣдомъ разговоры тоже очень часто вращались около театра. 10—11-лѣтнему мальчику давали читать драматическія сочиненія, комическія оперы и пр.

Павелъ Петровичъ и самъ выступалъ на сценѣ. Мы уже упоминали о прохожденіи цесаревичемъ роли изъ балета «Ацисъ и Галатея». Но изъ записей Порошина видно, что Павлу Петровичу не осталось чуждымъ и драматическое искусство: онъ готовился выступить въ роли Олейнда изъ «Зенеиды» и проходилъ свою роль подъ руководствомъ французскаго актера Боманъ. Для того же, чтобы ему «къ акціи лучше можно было присмотрѣться», Боманъ являлся со своею женою, тоже актрисою, и она исполняла роль Зенеиды, а цесаревичъ—Олейнда. По поводу одной изъ такихъ репетицій Порошинъ записалъ у себя слѣдующее характерное для Павла Петровича замѣчаніе: «его высочество роль свою изволитъ знать твердо, только слова не съ такою страстью и не съ такою живостью (нѣжностью) выговариваетъ, съ какой они говорены быть должны. Впрочемъ, имѣетъ государь цесаревичъ видъ весьма пріятный и веселой, а голосъ мягкой; а какъ начнетъ декламовать, то какъ будто нарочно въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ голосъ сдѣлаетъ суровой и видъ угрюмой».

Павелъ Петровичъ попробовалъ свои силы даже въ области драматическаго авторства. Такъ, онъ писалъ «шуточную» французскую «трагедію», въ которой между прочими дѣйствующими лицами были его собаки Султанъ и Филидоръ.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что приводимый Порошинымъ отрывокъ изъ этой трагедіи мѣстами просто непонятенъ, и этой «пробѣ пера» нельзя придавать другаго значенія, какъ значенія «шутки».

Театральныя представленія и, въ частности, балеты съ ихъ любовными сюжетами, довольно игривые разговоры, допускавшіеся за столомъ, наконецъ, самый духъ того времени неизбѣжно должны были оказать свое вліяніе на 10—11-лѣтняго Павла Петровича. Дѣйствительно, послѣ одного разговора о балетѣ и о тѣхъ, кто танцовалъ въ немъ, Порошинъ отмѣтилъ у себя въ дневникѣ: «Разговоръ его утверждалъ всегдашнее мое мнѣніе о чувствительности его сердца и подавалъ мнѣ поводъ думать, что онъ со временемъ не будетъ лѣнивымъ или непослушливымъ обитателемъ въ странахъ цитерскихъ».

И Екатерина, и Панинъ шутливыми вопросами въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже направляли мысль Павла Петровича въ «цитерскія» страны. Любопытно также, что, когда однажды Павелъ Петровичъ посѣтилъ Смольный монастырь и, по прибытіи туда, прошелъ «въ классы благородныхъ дѣвицъ», тамъ ему пропѣли по-французски пѣсню изъ комической оперы: «Charmant objet de ma flamme, ne doutes point de mes feux etc».

Особенно сильное впечатлѣніе произвело на 11-ти-лѣтняго Павла Петровича первое посѣщеніе имъ половины, на которой жили фрейлины. Послѣ этого посѣщенія,—разсказываетъ Порошинъ,—«изволилъ его высочество съ особливымъ восхищеніемъ разсказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ севодни?» Послѣ разговоровъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе повалился... Потомъ читали мы Dictiannaire encyclopédique. Его высочество сыскалъ тамъ слово «amour» и читалъ на него изъясненіе, которое чтеніе однакожъ перервать старались».

Какъ-то однажды, послѣ обѣда, шутя говорили, что приспѣваетъ время государю великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ, изволилъ сказать его высочество:

— Какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да та бѣда, что я очень рѣзовъ. Намедни слышалъ, что такихъ рогъ и не видишь и не чествуешь (не чувствуетъ) тотъ, кто ихъ носитъ».

«Смѣялись много о сей его высочества заботливости».

Послѣ всего изложеннаго неудивительно, что въ своихъ запискахъ Порошинъ называетъ нѣсколько барышенъ (княжну Юсупову, Екатерину Николаевну Чоглокову, княжну Хованскую), удостоившихся чести обратить на себя вниманіе царственнаго отрока. Но съ подробностями разсказано лишь одно увлеченіе, повидимому, болѣе продолжительное, увлеченіе фрейлиной Вѣрой Николаевной Чоглоковой. Это былъ чистый дѣтскій романъ, трогающій своей простотой и непосредственностью. Здѣсь мы встрѣчаемъ и выписываніе на запотѣвшемъ стеклѣ дорогаго имени, и пожиманіе украдкой «нѣкоторой рученьки», и поднесеніе незамѣтно бергамота, и радость при мысли о предстоящемъ свиданіи, и посыланіе при случаѣ поклоновъ «Вѣрушѣ», и разговоры о ней «аллегоріями». Любовь свою Павелъ Петровичъ выражалъ даже математическими формулами. Такъ, однажды, по окончаніи ученія, онъ спрашивалъ у Порошина, такъ ли онъ свою «любезную» любитъ, какъ онъ свою. Когда же Порошинъ отвѣтилъ, что, конечно, не меньше, то Павелъ Петровичъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ ихъ «любви» могутъ быть выражены слѣдующей геометрической пропорціей:

$$P : W = S : A.$$

Съ своей стороны, «любезная» не отвѣчала холодностью. По поводу одного маскарада Порошинъ записалъ у себя: «особливо государь цесаревичъ очень часто танцовать изволилъ со вторымъ членчикомъ вчерашней геометрической пропорціи, разговаривалъ и махалъ весьма всѣмъ примѣтно. Признаться надобно, что севодни она особливо хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостью».

Въ другомъ случаѣ Порошинъ разсказываетъ: «отучась, изволилъ играть въ цинкъ, и тамъ въ окно маханіе происходило. Комната, гдѣ сія игра была, стоитъ окошками на дворъ, и противъ самыхъ тѣхъ окошекъ, гдѣ живутъ фрейлины. Оттуда онѣ выглядываютъ и съ государемъ цесаревичемъ перемигиваются, особливо модная наша особа».

Состояніе влюбленности, вполнѣ естественно, повлекло за собою стремленіе къ франтоватости.

«Четвертый уже день,—отмѣтилъ у себѣ Порошинъ 19-го октября 1765 г.,—какъ (великій князь) приказываетъ себѣ на каждой сторонѣ класть по семи буколь, а прежъ сего обыкновенно только по одной буклѣ или, по крайней мѣрѣ, по три на сторонѣ бывало; въ большіе иногда праздники по пяти класть приказывалъ, и то почти съ принужденіемъ: l'amour fait des prodiges. Чулки раза два или три нынѣ въ день приказываетъ перевязывать, чтобы были глаже. Ходя со мной по комнатѣ, изволилъ сказать его высочество: «мнѣ кажется, что ты мной недоволенъ, что я такъ ряжусь». Отвѣтствовалъ я, что нарядовъ не только не отвергаю, но говорю, что молодому человѣку, конечно, надобно быть хорошо прибрану и опрятну; но что, напротивъ того, и то я говорю, что въ наряды одни все свое вниманіе устремлять отнюдь не годится, особливо для такого человѣка, который, на семъ свѣтѣ живучи, болѣе что-нибудь сдѣлать хочетъ, какъ только по верхамъ глядѣть, во всѣ зеркала смотрѣться и только то переговаривать, что говорятъ другіе».

Приведемъ нѣкоторые изъ эпизодовъ этого трогательнаго романа.

«Между прочихъ разговоровъ,—записалъ Порошинъ въ октябрѣ 1765 г.,—изволилъ сказать его высочество мнѣ одному за повѣренность, что какъ въ польскомъ, танцуя шенъ, подавалъ онъ руку своей любезной, то сказалъ ей: «теперь, если бъ пристойно было, то я поцѣловалъ бы вашу руку». Она, потупя глаза, отвѣтствовала: «что это было бы уже слишкомъ». Потомъ сказала она государю цесаревичу: «посмотрите, какъ на васъ пристально Бомантша смотритъ» (первая актриса на здѣшнемъ французскомъ театрѣ, которая также была въ маскарадѣ). Его высочество съ страстнымъ движеніемъ отвѣчалъ ей только: «а я на васъ смотрю!»

«Вотъ какова натура! Кажется, никто не училъ этому»,—прибавилъ въ заключеніе Порошинъ.

«За чаемъ,—записалъ онъ въ другой разъ,—изволилъ разговаривать со мною о вчерашнемъ маскарадѣ и сказывалъ мнѣ, между прочимъ, какіе у него были разговоры съ Вѣрой Николаевной. Онъ называлъ ее вчерась червонной десяткой, подавая тѣмъ знать, что она многимъ отдаетъ свое сердце. Она говорила, что одно только имѣетъ и, слѣдовательно, дать его не можетъ болѣе, какъ одному. Государь цесаревичъ

спрашивалъ у нея: «отдано ли жъ сіе сердце кому или нѣтъ?» И какъ она сказала, что отдано, то еще изволилъ спрашивать: «далеко ли оно теперь?» Она сказала, что не далеко. Его высочество изволилъ спрашивать, что если бы онъ ее кругомъ обошелъ, то нашелъ ли бы ея сердце? Говорила она, что оно такъ къ нему близко, что и обойтить нельзя, и проч.».

«Разсказывалъ мнѣ государь цесаревичъ,—отмѣтилъ Порошинъ подъ 11 декабря 1765 г.,—какъ ему было весело, когда изволилъ быть на дачѣ у оберъ-маршала Сиверса; тамъ была любезная его Вѣра Николаевна. Изволилъ сказывать, что много танцовалъ съ нею и разговаривалъ. «Говорилъ-де я ей то, что тебѣ много разъ говаривалъ, то-есть, чтобъ я всегда хотѣлъ быть вмѣстѣ съ нею». Какъ она сказала его высочеству, что ей очень хочется поцѣловать у него руку, то онъ отвѣтствовалъ, что ему еще больше хочется поцѣловать у нея руку. Какъ назадъ ѣхали, то она ѣхала въ салазкахъ передъ его высочествомъ. Тутъ, оборачиваясь, другъ другу поцѣлуи бросали. Великій князь говорилъ ей: je crois, que nous n'aurons pas de si tôt une journée aussi favorable; et elle répondait par un «assurement, Mon Seigneur».

Вполнѣ естественно, что разыгрывались и неизбѣжныя въ подобныхъ случаяхъ сцены милой ревности и съ той, и съ другой стороны. Въ высшей степени характерно для личности Павла Петровича, что однажды, въ самомъ разгарѣ, весь этотъ романъ чуть было не оборвался сразу. «Съ начала маскараду,—отмѣтилъ Порошинъ 28-го октября 1765 г.,—государь цесаревичъ на любезную свою очень холодно поглядывалъ и разговаривать изволилъ съ другими; но потомъ, какъ я ему шутя сказалъ, что постоянство въ числѣ добродѣтелей, а непостоянство порокъ, то сцена перемѣнилась. «На другой-же день его высочество изволилъ мнѣ признаться, что, если бы вчерашняго напоминанія ему отъ меня не было, то бъ, можетъ быть, вчерась между любезною разрывъ послѣдовалъ, такъ какъ прошлаго года, 30-го августа, будучи крайне влюбленъ въ Анну Родіоновну (Ведель), вдругъ почувствовалъ къ ней холодность».

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія протоіерея І. І. Базарова.

X [1]).

Избраніе І. Базарова въ члены общества св. Нины.—Прибытіе въ Киссингенъ императора Александра II и императрицы Маріи Александровны.—Кончина короля Виртембергскаго.—Похороны его въ русской церкви.—Прибытіе въ Киссингенъ наслѣдника Николая Александровича.—Встрѣча его съ о. М. И. Горчаковымъ.—Императрица Марія Александровна въ Швальбахѣ.—Посланникъ Лабенскій.—Баронъ Крюднеръ.—Герцогъ Нассаускій.—Принцъ Александръ Гессенскій.—Устройство сына Базарова въ Тюбингенскомъ университетѣ.—Православная церковь въ Карлсруэ.—Письмо о. Іоанна Янышева изъ Копенгагена.—Болѣзнь І. Базарова.—Кончина цесаревича Николая Александровича.—Обращеніе въ православіе іезуита Джунковскаго и ксендза Ковальскаго.

Устроивъ своего сына въ университетѣ, я возвратился въ свой Стутгартъ и узналъ здѣсь, что меня избрали въ члены общества св. Нины для распространенія христіанства на Кавказѣ и выслали мнѣ знакъ этого общества 2-го класса для ношенія на шеѣ. Но такъ какъ эти знаки раздавались только за денежные взносы, то, чтобы не обременять насъ, меня, о. Васильева въ Парижѣ и о. Янышева въ Висбаденѣ, возведенныхъ въ это достоинство для почета, взносы эти, въ размѣрѣ 500 рублей ежегодно, отнесены были на капитулъ орденовъ.

Лѣто 1864 года мнѣ привелось провести почти все на службѣ при императорской фамиліи. Уже въ іюнѣ ожидалось прибытіе въ Киссин-

[1]) См. „Русск. Старину“ августъ 1901 г.

*

генъ ихъ величествъ, и какъ наша великая княгиня съ супругомъ отправлялись туда же, то рѣшено было перенести туда нашу походную церковь и устроить богослуженія съ нашимъ причтомъ и пѣвчими на все время высочайшаго пребыванія въ Киссингенѣ. Но едва мы устроились тамъ и начали службу, какъ 13-го (25-го) іюня получается извѣстіе изъ Стутгарта, что тамъ скончался престарѣлый король, отецъ кронпринца, супруга Ольги Николаевны, вслѣдствіе чего они eo ipso восходили на виртембергскій тронъ, и наша великая княгиня дѣлалась королевою. Это заставило наши новыя величества оставить тотчасъ же Киссингенъ и возвратиться въ Стутгартъ; а какъ предвидѣлось, что скончавшійся король будетъ похороненъ на Ротенбергѣ въ нашей русской церкви, которую онъ выстроилъ на свой счетъ, какъ мавзолей своей, какъ гласитъ надпись на внѣшней стѣнѣ церкви, «vielgeliebten Gemahlin, Katharina Pawlowna Grossfürstin von Russland», то и намъ со всѣмъ причтомъ и пѣвчими приходилось оставить Киссингенъ и возвратиться въ Стутгартъ, чтобы присутствовать при погребеніи короля, хотя и протестанта, но пожелавшаго успокоиться подъ сѣнію нашей православной церкви. Но какъ было оставить царскую фамилію въ Киссингенѣ безъ службы? Церковь мы могли оставить тамъ, такъ какъ это была походная, т. е. складная, бывшая прежде посольскою до пріѣзда великой княгини Ольги Николаевны въ Стутгартъ, куда она привезла съ собою собственную, установленную въ ея дворцѣ; но причтъ? но пѣвчіе? Откуда было ихъ взять, если не выписывать изъ Петербурга? По счастію, въ это время находился въ Киссингенѣ для пользованія водами о. Рудаковъ изъ Петербурга. Вотъ его и пригласили совершать богослуженія; мы же нашли возможнымъ оставить тамъ одного изъ нашихъ псаломщиковъ и одного изъ пѣвчихъ для составленія хора изъ любителей, которыхъ нашлось такъ много, что одна молодая русская дама со слезами добивалась чести пѣть передъ ихъ величествами.

Устроивъ такимъ образомъ службу въ Киссингенѣ на время нашего отсутствія, мы отправились въ Стутгартъ. Здѣсь наши предположенія о желаніи короля быть похороненнымъ въ нашей церкви на Ротенбергѣ подтвердились. Въ открытомъ послѣ смерти его завѣщаніи было сказано, что онъ желаетъ быть погребеннымъ рядомъ съ своею супругою Екатериною Павловною, которую одну изъ трехъ своихъ супругъ при жизни онъ любилъ искренно и незабвенно. По его завѣщанію похороны его должны были совершиться безъ помпы, гробъ его долженъ быть перевезенъ на Ротенбергъ ночью въ сопровожденіи только нѣсколькихъ лицъ, поименованныхъ въ завѣщаніи, и одного только взвода любимой его гвардіи, быть опущенъ въ могилу при первомъ лучѣ восходящаго солнца, и моментъ этотъ возвѣщенъ однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. Все это такъ и было исполнено. Я отправился съ вечера на Ротенбергъ, и

оттуда при разсвѣтѣ мы могли наблюдать, какъ этотъ скромный кортежъ поднимался между виноградниками на нашу гору. Впереди ѣхалъ взводъ гвардіи съ музыкою, игравшею бетховенскій погребальный маршъ; за нимъ слѣдовала погребальная колесница, влекомая шестью арабскими лошадьми изъ собственнаго завода покойнаго короля, сзади слѣдовали три кареты съ назначенными для сопровожденія лицами, изъ которыхъ въ первой находился придворный проповѣдникъ. Когда этотъ кортежъ прибылъ къ нашей церкви и гробъ былъ снятъ съ колесницы, я въ качествѣ хранителя надгробной церкви, въ рясѣ, но безъ облаченія, встрѣтилъ его на порогѣ церкви и предшествовалъ этой процессіи, пока гробъ не былъ поставленъ на устроенный посреди церкви катафалкъ. Потомъ я сталъ на клиросъ, предоставивъ протестантскому пастору совершить передъ гробомъ обрядъ погребенія. По совершеніи молитвы и благословенія гробъ сталъ медленно опускаться съ катафалка внизъ, гдѣ устроенъ склепъ, въ которомъ находится саркофагъ съ гробомъ королевы Екатерины Павловны и рядомъ съ этимъ гробомъ въ томъ же саркофагѣ помѣщенъ и гробъ короля. Въ это время раздался выстрѣлъ изъ привезенной на Ротенбергъ пушки, и дѣйствительно въ тотъ же моментъ показался изъ-за горы первый лучъ восходящаго солнца. При этомъ погребеніи никого не было изъ королевской фамиліи, но въ тотъ же день вечеромъ въ 6 часовъ назначена была торжественная панихида на Ротенбергѣ, на которую прибыли и молодой король съ нашей королевой, и вдовствующая королева, и всѣ прочіе члены королевской фамиліи. Здѣсь мы поминали на ектеніи королеву виртембергскую Екатерину Павловну и новопреставленнаго супруга ея.

Между тѣмъ, какъ мы оставались въ Стутгартѣ, я получалъ постоянныя извѣстія изъ Киссингена отъ моего псаломщика М. Горчакова о ходѣ богослуженія и обо всемъ тамъ происходившемъ. Особенно интересна была встрѣча Горчакова съ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, прибывшимъ въ Киссингенъ уже послѣ нашего отъѣзда оттуда. Онъ встрѣтился съ М. Горчаковымъ въ церкви, когда тотъ былъ одинъ тамъ, приготовляя нужныя книги къ предстоявшей спѣвкѣ. Подойдя къ Горчакову, онъ отрекомендовался ему такими словами:

— Честь имѣю представиться: наслѣдникъ всероссійскаго престола.

Затѣмъ у нихъ произошелъ такой разговоръ.

— Изъ какой вы семинаріи,—спрашиваетъ наслѣдникъ,—изъ Петербургской или Московской?

— Изъ академіи, ваше высочество.

— Даже изъ академіи! Извините, что я подумалъ, что вы изъ семинаріи.

— Я былъ и въ семинаріи,—говорилъ Горчаковъ.

— О, конечно!

— Но не только ученикомъ,—продолжаетъ объяснять Горчаковъ,— а и учителемъ.

— Такъ вы изъ профессоровъ семинаріи?

— И изъ учителей женской гимназіи.

— А! Я надѣюсь быть знакомымъ съ вами!

«На другой день,—продолжаетъ Горчаковъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ,—государь наслѣдникъ явился на спѣвку, говорилъ со мною, шутилъ и шалилъ. Послѣ спѣвки, въ паркѣ увидавши меня, онъ отсталъ отъ гулявшихъ съ нимъ, подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить о музыкѣ, о Донъ-Жуанѣ (въ это время играли пьесу изъ Донъ-Жуана), о фисгармоніи, на которой я игралъ. Онъ говорилъ со мною минутъ семь; насъ начинала окружать толпа; я чувствовалъ, что краснѣю. Потомъ наслѣдникъ призывалъ меня въ свою комнату, былъ милостивъ со мною до высшей степени».

Это извѣстіе меня очень порадовало, особенно въ томъ отношеніи, что моя мысль объ ученыхъ псаломщикахъ за границею нашла такое оправданіе себѣ въ первыхъ представителяхъ этого званія, какими были у меня Горчаковъ и Розановъ. Оказалось на дѣлѣ, что не мѣсто человѣка краситъ, а человѣкъ мѣсто.

Еще анекдотъ изъ пребыванія нашей церкви въ Киссингенѣ. Я говорилъ, что, кромѣ псаломщика М. Горчакова, мы оставили тамъ одного изъ нашихъ пѣвчихъ—Сидоренко. Вотъ разъ на его спѣвку съ любителями, между которыми кромѣ фрейлинъ находились и министръ двора графъ Адлербергъ и самъ наслѣдникъ, приходитъ канцлеръ князь Горчаковъ и обращается къ Сидоренко съ словами:

— Жаль, что у меня голоса нѣтъ, а то бы и я пѣлъ съ вами.

— Помилуйте, ваше сіятельство,—отвѣчалъ ему Сидоренко,—у васъ голосъ европейскій.

Пораженный такимъ неожиданнымъ комплиментомъ, канцлеръ потрепалъ по плечу Сидоренко и съ словами: «браво, Сидоренко!» оставилъ залу спѣвки.

Но пока мы освободились отъ нашихъ службъ въ Стутгартѣ, дворъ уже собрался оставить Киссингенъ, и какъ императрицѣ предстояло еще лѣченіе въ Швальбахѣ, то рѣшено было перенести туда нашу церковь, куда и мы со всѣмъ причтомъ должны были переѣхать для служенія, тѣмъ болѣе, что наша королева отправилась на морскія купанія въ Бельгію. Такъ какъ въ Швальбахѣ не было государя, а одна только императрица съ младшими дѣтьми, то придворная жизнь тамъ была очень скромная и тихая. Мы, т. е. небольшая свита императрицы, къ которой былъ причисленъ и я, каждодневно собирались за-просто къ столу ея величества. Изрѣдка приглашался только кто-нибудь изъ прі-

ѣзжавшихъ. Такъ, разъ обѣдалъ нашъ посланникъ въ Дармштадтѣ, Лабенскій, извѣстный острякъ. Во время обѣда подаютъ императрицѣ телеграмму, вскрывши которую, она бросаетъ ее съ негодованіемъ въ сторону Лабенскаго съ словами:

— Что я могу сдѣлать, не зная ни дѣла капуцина, котораго приговорили къ повѣшенію въ Варшавѣ, ни этой дамы, которая за него проситъ. Не знаете ли вы, кто эта дама?

Тотъ, посмотрѣвъ на подпись, самымъ невозмутимымъ тономъ отвѣчалъ:

— Probablement, madame, une capucine.

Непріятное впечатлѣніе было сглажено общимъ смѣхомъ. Въ другой разъ мы сидимъ за столомъ въ самомъ тѣсномъ кругу; кромѣ царской семьи никого не было; обѣдали въ маленькомъ садикѣ при отелѣ, гдѣ жила императрица, какъ вдругъ подъѣзжаетъ какая-то дорожная коляска, и изъ нея выходитъ молодой еще человѣкъ въ дорожномъ костюмѣ, и какъ отъ нашего стола виденъ былъ подъѣздъ, то всѣ ахнули и повскакали изъ-за стола.—Сама императрица встала и пошла навстрѣчу пріѣзжему, котораго сейчасъ же привели въ садъ и запыленнаго, какъ онъ былъ, и съ дорожной сумкой черезъ плечо усадили за столъ.

— Кто это?—спрашиваю у своей сосѣдки по столу, А. Ф. Тютчевой.

— Какъ! Вы не знаете? Графъ Алексѣй Толстой!

Изъ этого видно было, какъ его любили при дворѣ, и какъ всѣ его сочиненія, не исключая даже его шуточной исторіи Россіи въ стихахъ отъ Гостомысла до Тимашева, читались прежде всѣхъ передъ императрицею. Но въ этотъ разъ за столомъ онъ былъ угрюмъ и молчаливъ, отъ того ли, что онъ усталъ съ дороги, или это была его обыкновенная манера держать себя, пока подъ руками у него не было какого-нибудь поэтическаго вдохновенія.

Вообще же жизнь въ Швальбахѣ была довольно однообразная и довольно скучная. Тихая и однообразная жизнь въ Швальбахѣ на время оживилась пріѣздомъ наслѣдника Николая Александровича. Изъ видѣнныхъ мною въ Швальбахѣ русскихъ былъ между прочими одинъ замѣчательный человѣкъ. Это баронъ Крюднеръ, потомокъ—внукъ или племянникъ—знаменитой г-жи Крюднеръ, современницы императора Александра І-го. Служа морскимъ офицеромъ, баронъ Крюднеръ во время осады Севастополя такъ разстроилъ свое здоровье, что принужденъ былъ выйти въ отставку и отъ нечего дѣлать пустился, по примѣру своей бабушки, въ мистицизмъ. Онъ сталъ изучать пророковъ, Апокалипсисъ и особенно Пѣснь Пѣсней; все это онъ переводилъ и толковалъ по-своему, сопровождая свои изложенія оригинальными иллюстраціями. При этомъ онъ вдавался и въ мистическую политику. Ко мнѣ въ Швальбахъ онъ явился съ новымъ планомъ будущей Россіи,

на которомъ столица предназначалась въ самой серединѣ около Курска, окраины же ея предназначались для поселенія евреевъ, которыхъ Россія созоветъ къ себѣ со всѣхъ концовъ вселенной, и съ ними притекутъ къ намъ всѣ богатства міра. Этотъ проектъ вмѣстѣ съ новыми замысловатыми иллюстраціями по Апокалипсису, по его просьбѣ, я долженъ былъ представить императрицѣ. На мой докладъ объ этомъ ея величество отвѣчала:

— Да сколько ему надо дать? Онъ вѣдь всегда проситъ пособія!

— Я не знаю, ваше величество, въ какихъ размѣрахъ дается ему пособіе, но думаю, что онъ будетъ счастливъ получить 100 червонцевъ.

— Ну, такъ я скажу, чтобы выдали ему эту сумму.

Получивъ это пособіе, Крюднеръ, дѣйствительно, остался доволенъ; но эта удача такъ ему понравилась, что онъ потомъ не разъ являлся ко мнѣ въ Стутгартѣ съ новыми откровеніями, говоря каждый разъ, что онъ является ко мнѣ, какъ тать въ нощи, сначала получая по моей просьбѣ отъ королевы пособіе, а потомъ, когда ему стали отказывать, выпрашивая у меня взаймы. Но какъ эти займы бывали безъ отдачи, то онъ и ко мнѣ сталъ являться рѣже, и, наконецъ, я совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Въ концѣ августа окончилось высочайшее пребываніе въ Швальбахѣ, и мы сняли нашу походную церковь и отправили ее въ Стутгартъ; сами же мы, причтъ и пѣвчіе, должны были слѣдовать за императрицею въ Югенгеймъ, близъ Дармштадта, для совершенія только комнатныхъ службъ, такъ какъ церкви поставить тамъ было негдѣ.

Мое пребываніе на службѣ въ Швальбахѣ въ герцогствѣ Нассаускомъ ознаменовалось для меня тѣмъ, что, при раздачѣ герцогомъ различныхъ наградъ свитѣ императрицы, пожалованъ былъ и мнѣ орденъ Адольфа Нассаускаго для ношенія на шеѣ. По этому случаю я счелъ своимъ долгомъ представиться герцогу, чтобы благодарить его за милость. Въ это время праздновался юбилей его 25-ти-лѣтняго царствованія, и вся страна ликовала. Пользуясь этимъ случаемъ, я напомнилъ герцогу 1848 годъ, который я пережилъ въ его столицѣ, въ Висбаденѣ, говоря, какъ утѣшительно видѣть теперешній восторгъ нассаусцевъ по случаю юбилея ихъ государя, когда вспомнишь, что было въ годъ революціи. На это мнѣ герцогъ отвѣчалъ:

— Ахъ, любезный другъ! не вѣрьте этимъ манифестаціямъ. Тотъ же народъ, который нынѣ кричитъ мнѣ осанна, завтра же готовъ будетъ кричать: распни, распни его!

Бѣдный герцогъ, произнося эти слова, вѣрно и не подозрѣвалъ, что они такъ скоро сбудутся надъ нимъ. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ его вѣрноподданные совсѣмъ отступились отъ него, бросившись въ объятія Пруссіи, завоевавшей себѣ вмѣстѣ съ другими королевствами и

княжествами и герцогство Нассауское, и теперь этотъ лишенный своего трона герцогъ странствуетъ по свѣту, не приближаясь даже къ своимъ владѣніямъ, гдѣ у него было столько великолѣпныхъ дворцовъ, какъ, напримѣръ, въ Бибрихѣ на Рейнѣ, столько знаменитыхъ виноградниковъ и всякихъ минеральныхъ водъ, какъ Эмсъ, Швальбахъ, Шлангенбадъ, Соденъ и всемірно извѣстный своею водою Сельтерсъ. Sic transit grоria mundi!

Въ Югенгеймъ къ 30-му августа прибылъ государь. Назначенный на этотъ день молебенъ совершенъ былъ нами въ раскинутой для этой цѣли палаткѣ въ саду. Прелестное это имѣніе принца Александра Гессенскаго, брата покойной императрицы Маріи Александровны, расположенное на лѣсистой возвышенности въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Дармштадта, довольно помѣстительное для немалочисленной семьи принца, оказалось слишкомъ тѣснымъ, чтобы вмѣстить въ себѣ всю свиту императора и императрицы, такъ что бо̀льшая часть первыхъ чиновъ двора размѣщены были въ лежащей у подножія замка деревни Югенгеймъ, а для нашего причта отведено было помѣщеніе въ Дармштадтѣ. Семья принца Александра была не только родственная, но и любимая нашими государемъ и императрицею, и они, живя въ Югенгеймѣ, чувствовали себя дома. Удостоенный приглашенія къ высочайшему столу 30-го августа, я имѣлъ случай познакомиться съ принцемъ и его супругою, носившей титулъ княгини Баттенбергской; оба они говорили по-русски и были чрезвычайно ласковы и просты въ обращеніи. Сожалѣю, что мало обратилъ тогда вниманія на маленькаго семилѣтняго сынка ихъ, принца Александра, которому впослѣдствіи суждено было съиграть такую печальную роль въ судьбахъ Болгаріи.

Но на службѣ въ Югенгеймѣ мы оставались недолго. Королева наша возвратилась съ морскихъ купаній, и намъ предстояло возвращаться въ Стутгартъ, чтобы оттуда ѣхать въ Фридрихсгавенъ, лѣтнюю резиденцію виртембергскаго короля на Констанцскомъ озерѣ, куда должны были прибыть и наши государь съ императрицею. Въ Фридрихсгавенѣ мы не устанавливали своей походной церкви, ограничиваясь комнатными службами, обѣдницами, молебнами и всенощными. Здѣсь я удостоился получить первый виртембергскій орденъ короны 3-го класса въ петлицу, а отъ нашего государя былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ за служеніе при ихъ величествахъ въ теченіе лѣта.

Къ осени, когда, проводивъ всѣхъ высочайшихъ гостей, мы собрались опять въ Стутгартъ, ко мнѣ пріѣхалъ мой старшій сынъ изъ Петербурга, чтобы продолжать начатое имъ въ Петербургскомъ университетѣ ученіе за границею, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ слушалъ лекціи въ Тюбингенѣ, Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, пока не получилъ степень доктора химіи, съ которою онъ и отправился потомъ въ Россію,

чтобы выдержать тамъ экзаменъ на степень магистра. Помню, какъ устраивалъ я его на первый разъ въ Тюбингенѣ. Не желая, чтобы онъ велъ тамъ жизнь нѣмецкаго Corpsbursch'а, я хотѣлъ нанять ему приличную квартиру и обставить его порядочными людьми. Но въ какой порядочный домъ мы ни заходили съ нимъ, чтобы нанять комнату, вездѣ былъ одинъ отвѣтъ: «Мы студентовъ не принимаемъ», пока, наконецъ, въ одномъ домѣ узнали, кто я и чего я ищу для своего сына. Устроивъ его здѣсь въ семьѣ одного барона, я взялъ слово отъ своего сына, что онъ не будетъ вступать ни въ одну корпорацію, гдѣ онъ былъ бы принужденъ принимать участіе въ студенческихъ дуэляхъ. И онъ долго держался въ сторонѣ отъ всѣхъ камарадовъ; но, наконецъ, видя, что онъ такимъ образомъ лишенъ всякаго товарищества, такъ какъ сходиться и бесѣдовать съ студентами не было другой возможности, какъ за кружкой пива въ кнейпахъ, то онъ испросилъ у меня разрѣшеніе вступить въ ихъ общество Conknevrant'омъ, что его обязывало только пить пиво, но освобождало отъ обязанности драться на дуэли. На это я далъ свое согласіе, признавъ истину пословицы: съ волками жить — по-волчьи выть.

Въ это время, именно въ концѣ 1864 года, ко мнѣ обратилась великая княгиня Марія Максимиліановна, бывшая въ замужествѣ за принцемъ Баденскимъ, съ просьбою помочь ей устроить въ ея дворцѣ въ Карлсруэ домовую церковь и порекомендовать ей священника, по возможности изъ служащихъ за границею. Такъ какъ церковь эту принцесса устраивала на свой счетъ, то надобно было соблюсти экономію какъ въ пріобрѣтеніи всего необходимаго по богослуженію, такъ и содержанію причта. По тогдашнему времени все это было возможно устроить дешевымъ образомъ; даже жалованье причта до утвержденія новыхъ штатовъ въ 1867 году было довольно скромное. Такъ, посольскій священникъ получалъ только 1.500 рублей серебромъ, и не золотомъ, какъ теперь, а потому я могъ обратиться къ любому изъ заграничныхъ священниковъ съ предложеніемъ принять мѣсто въ Карлсруэ, которое хотя и не было штатное или казенное, но имѣло ту выгоду и преимущество, что священникъ тамъ становился духовникомъ высочайшей особы. Поэтому о. Толмачевъ, находившійся тогда въ Стокгольмѣ, съ радостью принялъ мое предложеніе промѣнять свое посольское мѣсто на придворное въ Карлсруэ. Такимъ образомъ, я пріобрѣлъ себѣ новаго товарища по службѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Стутгарта. Церковь, устроенная Маріею Максимиліановною собственно для себя, сдѣлалась настоящимъ благодѣяніемъ для многочисленныхъ русскихъ, проживавшихъ въ Баденѣ, этомъ въ тогдашнее время притонѣ азартной игры и соединенной съ нею всякаго рода распущенностью жизни. Скоро затѣмъ въ самомъ Баденѣ открылась на счетъ русскихъ домовая церковь, въ

которой разъ въ недѣлю совершались богослуженія пріѣзжавшимъ для этого священникомъ изъ Карлсруэ.

Но въ то время, какъ я пріобрѣлъ себѣ новаго товарища и сосѣда въ Карлсруэ, я терялъ, хотя и временно, моего стараго пріятеля, въ лицѣ о. Янышева въ Висбаденѣ. Онъ былъ назначенъ законоучителемъ невѣсты наслѣдника и для этого отправился въ Копенгагенъ. Оттуда онъ часто писалъ мнѣ, то спрашивая у меня совѣта, то сообщая мнѣ свои наблюденія. Вотъ одно изъ первыхъ его писемъ ко мнѣ изъ Копенгагена, интересное по его отношенію къ возложенной на него обязанности и по его наблюденію надъ тамошнею жизнью.

«Высокоуважаемый и достолюбезнѣйшій Іоаннъ Іоанновичъ.

«Изъ отдаленнаго Копенгагена простираю гласъ мой къ вамъ, которые отсюда кажетесь какъ будто за тридевятью землями, въ тридесятомъ царствѣ,—и наоборотъ, какъ я вамъ долженъ представляться въ морскомъ туманѣ, чуть не на озерѣ Селигерѣ. Приближаясь къ занятію русскою церковною исторіею, я вспомнилъ, что, кажется, нѣкогда подъ вашимъ руководствомъ явилась въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ исторія русской церкви Муравьева. Здѣсь книгопродавцы не такъ дѣятельны и сообщенія съ нѣмецкою территоріею далеко не такъ быстры и регулярны, какъ въ Германіи,—и вотъ я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не соблаговолите ли вы одинъ или еще лучше два экземпляра помянутой книги по почтѣ переслать въ Копенгагенъ на имя Légation imperiale de Russie, съ передачею мнѣ; я увѣренъ, что по любви къ общему благу вы не потяготитесь удовлетвореніемъ этой просьбы. Если бы къ этому вы вздумали приложить что-нибудь, относящееся и къ общей церковной исторіи, какъ особенно интересное и поучительное (ученыхъ трудовъ у меня довольно), я былъ бы вамъ премного обязанъ.

«Что вамъ сообщить о своей жизни и своихъ занятіяхъ здѣсь? Всего не описать: такъ все ново и занимательно здѣсь, особенно для меня, непривычнаго къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ Богъ поставилъ меня такъ нечаянно. Королевская фамилія все еще живетъ въ Фреденсборгѣ, около 2 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Копенгагена, и я, чередуясь съ здѣшнимъ отцомъ Вознесенскимъ, ѣзжу туда черезъ день, который отъ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера поглощается разъѣздами, урокомъ, завтракомъ и отдыхомъ. Незанятый урокомъ, день быстро исчезаетъ за письмомъ, неизбѣжными свиданіями и приготовленіемъ къ слѣдующему дню. Разлученный съ семьею, которая здѣсь была бы и себѣ и мнѣ нѣсколько въ тягость, я почти ежедневно переписываюсь съ Висбаденомъ, куда не перестаютъ присылать письма и важныя коммиссіи мои старые знакомые и прихожане. Слава Богу, что есть предлогъ хотя нѣсколько уклониться отъ этихъ ежедневныхъ

тревогъ. Къ концу января, вѣроятно, королевская фамилія переселится въ Копенгагенъ, гдѣ все еще не отдѣланы покои во дворцѣ, тогда я успокоюсь и отъ разъѣздовъ.

«О занятіяхъ съ высокою слушательницею не считаю себя въ правѣ много распространяться; радуюсь отъ души, что мой нѣмецкій языкъ понятенъ ея высочеству, а истины нашей вѣры такъ сами по себѣ просты, святы и высоки, что чистая душа ея не можетъ не сочувствовать имъ. Смотрю больше на то, чтобы самому во всѣхъ отношеніяхъ быть хотя вмалѣ сноснымъ посредникомъ церкви нашей, поистинѣ единой на свѣтѣ, правой и незыблемой. Гораздо труднѣе мнѣ нѣкоторыя стороннія, неизбѣжныя, вѣроятно, ни при какомъ дворѣ, отношенія, по моей непривычкѣ къ нимъ; но думаю, лишь бы все дѣлалось отъ доброй воли и чистаго намѣренія, а за неумѣніе Богъ не взыщетъ; а если кому что и не такъ покажется, то нельзя же всѣмъ все знать; надобно ближнему дать случай и оказать снисхожденіе.

«Быть можетъ, ваша строка изъ Стутгарта, если вы меня почтете ею, дастъ случай продолжить эту бесѣду. Отъ всей души желая вамъ всѣхъ благъ и съ вашими молодцами, имѣю честь быть вамъ искренне преданнымъ и покорнѣйшимъ слугою. Протоіерей Іоаннъ Янышевъ.

5-го (17-го) декабря 1864 г. Копенгагенъ.

1865-ый годъ начался для меня болѣзнью, отъ которой я долго не могъ поправиться, и которая потомъ стала повторяться почти каждогодно, всегда въ одно и то же время при переходѣ отъ зимы къ веснѣ, самое неудобное время для моей службы, такъ какъ я сваливался въ постель въ срединѣ великаго поста и начиналъ выздоравливать очень медленно только послѣ Пасхи. Поэтому на время службы страстной недѣли и Пасхи вызывали священника то изъ Амстердама, то изъ Веймара, то изъ Гаги, пока, наконецъ, не пришли къ тому убѣжденію, что мнѣ нужно было дать помощника въ лицѣ младшаго священника, что̀ и совершилось въ 1882 году.

Когда я началъ оправляться отъ своей болѣзни уже въ іюнѣ, меня послали для перемѣны воздуха въ маленькое мѣстечко Нидернау подлѣ Тюбингена. Здѣсь мнѣ улыбалось только то, что мой старшій сынъ находился тамъ въ университетѣ, и потому я могъ съ нимъ часто видѣться. Безъ того это самое скучнѣйшее мѣсто, наполняющееся однѣми дамами изъ Стутгарта, между которыми я очутился единственнымъ «кавалеромъ», и оживляемое только по четвергамъ наѣздомъ тюбингенскихъ студентовъ, которые распивали свой боль или kalte Schale, смѣсь вина съ ромомъ или шампанскимъ, распѣвая свои студенческія пѣсни. Поэтому я не могъ долго выдержать въ этомъ цѣлебномъ мѣстечкѣ, и только что я собрался тамъ съ силами, какъ меня отправили въ

Берхтесгаденъ, близъ Зальцбурга, чтобы пользоваться тамъ солеными ваннами и дышать цѣлительнымъ горнымъ воздухомъ. Здѣсь я ожилъ, и хотя я былъ тамъ совсѣмъ одинъ, не скучалъ, дѣлая прогулки по окрестностямъ, которыя были одна живописнѣе другой. Тамъ я пробылъ недѣль шесть, и меня наконецъ стали посѣщать тамъ сперва мои сыновья, потомъ мои добрые знакомые изъ Стутгарта, какъ молодые князья Гагарины и графъ Путятинъ съ сыномъ. Помню я одну прогулку, которую мы сдѣлали въ большомъ обществѣ въ одну изъ замѣчательныхъ окрестностей, именно на Konigsee. Это озеро извѣстно своею дикою живописностью, заключенное между отвѣсными скалами, изрѣдка прерываемыми красивыми долинками. Чтобы видѣть его въ подробности, обыкновенно садятся въ лодку и переѣзжаютъ вдоль его съ одного конца на другой. Сѣли и мы въ одну изъ такихъ лодокъ; насъ было человѣкъ восемь, все молодежь, и между ними путался только я да графъ Путятинъ, котораго, какъ адмирала, мы посадили къ рулю; молодежь гребла веслами. Только мы отчалили, какъ раздалась русская пѣсня: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», огласившая своею удалью угрюмыя скалы, спускавшіяся вертикально въ береговыя воды озера. Время было около полудня, и въ эту пору обыкновенно дуетъ вѣтеръ съ одного конца озера въ другой. Волненія не было никакого, и только, такъ какъ вѣтеръ былъ навстрѣчу, слышался равномѣрный плескъ воды въ носъ нашей лодки. Мы были какъ разъ на срединѣ озера, извѣстнаго въ этомъ мѣстѣ страшною глубиною, и продолжали весело и безпечно подвигаться впередъ, какъ вдругъ я замѣчаю, что нашъ рулевой адмиралъ начинаетъ блѣднѣть и безпокоиться.

— Что съ вами, графъ?—спрашиваю его.

— Да становится опасно!—говоритъ.

— Отчего же? вѣдь качки нѣтъ!

— Да-съ! но у насъ лодка-то плоскодонная, а слышите, какъ ее бьетъ волна съ носу? можетъ, пожалуй, дно выбить.

Вотъ какъ опасно быть опытнымъ морякомъ. Мы и не подумали бы безпокоиться и портить тѣмъ нашей прелестной прогулки, а тутъ вотъ по совѣту нашего адмирала мы принуждены были причалить къ берегу и выждать здѣсь, когда уляжется этотъ полуденный вѣтеръ, который никогда не продолжается больше часу, и затѣмъ продолжать наше плаваніе на крайній конецъ озера.

Изъ Берхтесгадена я возвратился въ концѣ августа на свой Ротенбергъ совершенно здоровымъ и снова способнымъ къ жизни и дѣятельности, которой у меня еще было не мало.

Въ то время, какъ я лежалъ больной въ постели, насъ постигла печальная вѣсть о кончинѣ цесаревича въ Ниццѣ. Вотъ депеша государя къ королевѣ Ольгѣ Николаевнѣ, которою онъ извѣщалъ объ этой

рановременной утратѣ: «Notre cher Nica a rendu dernier soupir à minuit 50 minutes. Que la volonté divine soit faite! Marie et jeune promise furent admirables. Communiquez à toute la famille. Alexandre».

Между тѣмъ, въ Россіи продолжались грустныя послѣдствія польскаго возстанія, выражавшіяся въ различныхъ мѣропріятіяхъ, то жестокихъ, то распущенныхъ, въ усмиренномъ краѣ. По этому поводу мнѣ писалъ изъ Тегернзее графъ Путятинъ въ іюлѣ слѣдующее: «сюда прибылъ на нѣсколько дней генералъ Потаповъ. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ объ управленіи графа Муравьева въ Литвѣ, въ которомъ онъ самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. По его словамъ, край доведенъ до изнеможенія, и введенная система, которою обязали руководствоваться и генерала Кауфмана, вскорѣ должна сама собою рушиться, по невозможности ее продолжать. Муравьевъ не былъ доволенъ своимъ удаленіемъ и полагалъ, что его будутъ уговаривать остаться на своемъ посту, тогда какъ при первомъ заявленіи имъ разстройства своего здоровья, государь объявилъ, что онъ его болѣе удерживать не будетъ послѣ оказанныхъ имъ важныхъ услугъ». Далѣе, въ томъ же письмѣ графъ Путятинъ мнѣ пишетъ: «благодарю за присылку журнала «День». Я прочиталъ указанную вами статью и нахожу ее довольно основательною, но не согласенъ съ другою того же автора въ сужденіяхъ его объ открытыхъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ послѣднія больше чѣмъ неудачны, но это не доказываетъ, чтобы ихъ нельзя было устроить на хорошихъ основаніяхъ. А чтобы проводить въ общество извѣстное направленіе, которое можетъ быть хорошимъ, а иногда и дурнымъ, закрытыя заведенія необходимы, и опытъ Англіи подтверждаетъ, что въ нихъ можетъ сохраняться нравственность и образоваться благородный характеръ». Графъ Путятинъ былъ большой англоманъ и поэтому старшаго сына своего воспитывалъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Но это воспитаніе не спасло молодаго юношу, подававшаго столько блистательныхъ надеждъ, отъ преждевременной погибели. Онъ умеръ самымъ загадочнымъ образомъ въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ его тѣло вытащили изъ воды, никогда не объяснивъ, была ли то нечаянная случайность или предумышленное самоубійство.

Новый министръ народнаго просвѣщенія, смѣнившій на этомъ посту графа Путятина, Головнинъ повелъ дѣло университетскаго образованія на новыхъ, совершенно противоположныхъ путятинской методѣ, основаніяхъ, стараясь приравнять наши университеты къ высотѣ заграничныхъ.

Осенью этого года мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ изъ ренегатовъ нашей церкви, теперь возвращавшимся снова въ ея лоно. Это былъ извѣстный въ свое время Джунковскій, числившійся въ

Almanach de Gotha подъ именемъ préfet apostolique pour la partie septentrionale и вмѣстѣ духовникомъ королевы шведской Христины. Исторія его, по его собственнымъ разсказамъ, такова: сынъ одной изъ нашихъ дворянскихъ фамилій (братъ его состоялъ въ званіи генерала при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ), воспитанный въ строгомъ духѣ православія, онъ молодымъ юношей поступилъ въ Петербургскій, университетъ, гдѣ съ любовію занимался философскими науками. По окончаніи курса, онъ отправился за границу и въ Берлинѣ слушалъ лекціи тогдашнихъ знаменитостей по каѳедрѣ философіи. Здѣсь, по словамъ его, ревность по родному дому и особенно родной церкви такъ снѣдала его, что онъ нерѣдко вступалъ въ споръ за православіе съ тамошними представителями богословской науки. Не убѣдивъ протестантовъ въ истинѣ православнаго ученія, онъ рѣшился отправиться въ Римъ, чтобы въ самомъ центрѣ католичества выставить во всемъ свѣтѣ правду православія. Но самонадѣянный юноша не разсчитывалъ, что ему придется тамъ встрѣтиться съ непріятелемъ, вооруженнымъ съ головы до ногъ, тогда какъ онъ выходилъ на бой, подобно Давиду, съ одной пращей противъ Голіафа, закованнаго въ латы. И какъ онъ не имѣлъ въ себѣ ни Давидовой вѣры, ни смиренія, то онъ и палъ въ неравной борьбѣ, сдѣлавшись жертвою ловкости іезуитовъ, которые успѣли сдѣлать изъ него послушное орудіе своихъ козней. Самъ не замѣчая того, Джунковскій сдѣлался въ рукахъ іезуитовъ отъявленнымъ врагомъ православія и ревностнымъ распространителемъ папской власти. Чтобы закалить его въ этой новой миссіи, іезуиты заставили его пройти долгій искусъ послушанія, принявъ его новицомъ въ свой орденъ, потомъ отправивъ его миссіонеромъ въ Лапландію. Цѣлыхъ 20 лѣтъ служилъ Джунковскій римской церкви съ ревностью и самоотверженіемъ. Заслуги его вознаграждались расширеніемъ его власти, и мы видимъ его къ концу на высшей степени апостольскаго викарія сѣверныхъ странъ съ юрисдикціею епископской власти. Уже готовился ему и жезлъ епископскій, какъ вдругъ съ нимъ случилось нѣчто человѣческое. Встрѣтившись во Франкфуртѣ съ одною англичанкою, онъ влюбился въ нее и рѣшился на ней жениться. Скандалъ этотъ скоро сталъ извѣстенъ въ Римѣ. Прежніе друзья Джунковскаго, прелаты и іезуиты, всячески старались уговорить его не прерывать изъ-за этого связи съ католической церковью. Они даже обѣщали игнорировать эту связь его съ женщиною, только бы онъ не жилъ съ нею открыто. Но какъ его подруга была изъ хорошей семьи, то ни она сама, ни ея родные не согласились на такой компромиссъ, и Джунковскій принужденъ былъ жениться по англійскому обряду на избранницѣ своего сердца. Поселившись съ нею въ маленькомъ городѣ Людвигсбургѣ, близъ Стутгарта, онъ все еще не прерывалъ своихъ связей съ римскою церковью, которая, съ своей

стороны, не налагала на него за это преступленіе никакого наказанія, даже разрѣшила ему имѣть свою домовую церковь, въ которой онъ могъ целибрировать свою мессу, только бы онъ никому не показывалъ своей незаконной жены, а между тѣмъ за нимъ былъ устроенъ тайный надзоръ изъ опасенія, чтобы онъ не возвратился опять въ православіе. Одно время онъ опасался, чтобы его не убили, и потому принужденъ былъ обратиться къ помощи полиціи, которая его и охраняла, особенно по ночамъ.

Вотъ въ это-то время онъ и явился ко мнѣ съ созрѣвшею въ немъ рѣшимостью возвратиться въ православіе и въ свое отечество, которое онъ оставилъ самовольно 20 лѣтъ тому назадъ. Интересно его первое письмо ко мнѣ по этому поводу. Въ немъ видно не одно только вынужденное обстоятельствами ренегатство отъ церкви, которой авторъ этого письма служилъ съ самоотверженіемъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, но и пробудившееся сознаніе истины, отъ которой онъ уклонился въ молодыхъ лѣтахъ. Въ разговорахъ со мною объ этомъ предметѣ, онъ сознавался, что онъ былъ увлеченъ римскою церковью идеально, пока онъ, какъ, новичекъ, стоялъ вдали отъ дѣйствительности. Но съ тѣхъ поръ, какъ возвышаясь въ духовныхъ степеняхъ, онъ приблизился къ самимъ дѣятелямъ и увидѣлъ ихъ закулисную жизнь, онъ понялъ, что въ этой церкви все разсчитано на внѣшнія выгоды іерархіи, а о спасеніи душъ подъ руководствомъ пастырей не было и помину. Вслѣдствіе этого тогда же прошелъ его юношескій энтузіазмъ къ этой вселенской, называющей себя единою истинною, церкви. Зародилась ли въ немъ уже тогда мысль о возвращеніи въ родную среду церковную и гражданскую, ему самому было не извѣстно. Но нужно было явиться поводу къ тому, чтобы все некрасивое, все ложное въ этой вселенности всплыло наверхъ и заставило Джунковскаго не только подумать, но и рѣшиться порвать связь съ людьми и учрежденіями, такъ долго державшими его въ рабствѣ ad majorem gloriam папы и его куріи. Вотъ это интересное письмо:

23-го октября (4-го ноября) 1865 г.
„Ludwigsburg, villa Ernst

Наканунѣ праздника явленія иконы Пресвятыя Богородицы, всѣхъ скорбящихъ радости.

«Ваше высокопреподобіе, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ.

«Помню съ дѣтства, какъ священникъ Стефанъ Маловъ, сравнивая православіе съ другими христіанскими ученіями, уподоблялъ его плоду, очищенному отъ шелухи, но не испорченному червями, т. е. вредными преувеличеніями. Эта мысль пришла мнѣ на память наканунѣ дня, въ который за четыре года перстъ Божій заставилъ меня не только статьями (напечатанными еще въ 1853 году), но и примѣромъ под-

держивать уваженіе къ браку, презрѣніе котораго, вслѣдствіе римскаго безбрачія духовныхъ, было и есть, по моему убѣжденію, причиною главнаго нравственнаго зла, особенно во Франціи. Статистика XIX вѣка будетъ пятномъ исторіи въ этомъ отношеніи. Впрочемъ, римскія преувеличенія важности безбрачія не только причиною безнравственности римско-католическихъ странъ, но и разводовъ, напримѣръ въ Польшѣ, несмотря, что римская церковь считаетъ бракъ абсолютно неразрывнымъ. Но этотъ догматъ сравнительно съ безбрачіемъ духовенства обращаетъ мало вниманія, тогда какъ, напримѣръ, я слышалъ отъ знаменитаго іезуита Равиньяна эти собственныя слова, говоря о французской революціи: «Le péché du régicide a été une bagatelle en comparaison avec le mariage des prêtres!» Не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, даже, напримѣръ, въ праздновaніи наканунѣ праздниковъ церкви, преувеличенія Рима противны и преданію и здравому смыслу. Когда Минуцій Феликсъ и Плиній называли христіанство ночною религіею за то, что праздники совершались наканунѣ ночью, то, разумѣется, русское празднованіе Пасхи въ полночь, а не римское богослуженіе Пасхи въ 8 часовъ утра наканунѣ въ субботу,—согласно съ первыми вѣками христіанства. Мнѣ кажется, я бы могъ написать огромную книгу, гдѣ, разбирая всѣ римскіе догматы, правила, законы, обряды, одинъ за другимъ доказалъ бы, что какъ Христосъ былъ распятъ среди двухъ разбойниковъ, такъ истина находится среди преувеличеній и что самое тяжелое для человѣчества иго находится въ преувеличеніяхъ римскихъ. Въ римскихъ проповѣдяхъ моихъ я дотого былъ проникнутъ римскимъ духомъ, что, какъ мнѣ говорили, еще усиливалъ до послѣднихъ границъ аргументы Белармина, но это именно и открыло мнѣ глаза, что не любовь къ истинѣ, а склонность къ преувеличеніямъ направила меня къ римской церкви и направляетъ до сихъ поръ къ ея лону людей недовольныхъ святою серединою. Вотъ причина, почему я понялъ, что хотя изъ любви къ Богу, но по ошибкѣ вступилъ въ римскую церковь и, слѣдовательно, сознавши, что ошибся, обязанъ и какъ рожденный въ православіи, и какъ русскій, возвратиться въ церковь и отечество, среди которыхъ Божья воля удостоила создать и поставить меня. Если бъ не чистое зрѣлое убѣжденіе, а земныя предположенія имѣли на меня вліяніе, хотя все мое прошедшее сдѣлало для меня самоотверженіе привычкою, то я бы оставилъ римскую церковь при бракѣ моемъ въ 1861 г., не писалъ бы о сомнѣніяхъ моихъ въ Москву, въ пользу православія въ 1862 г., когда родные жены моей не давали мнѣ никакой надежды къ ея возврату, хотя я всегда любилъ и люблю ее. Какъ бракъ, такъ и соединеніе съ женою свершились въ то время, когда Римъ мнѣ предлагалъ земныя выгоды, и убѣжденіе мое въ возвратѣ въ православіе развивалось независимо отъ всякаго земнаго,

стало быть, безусловно. Если я говорилъ о службѣ, то только повторяя слова Ал. Н. Муравьева, и потому, что загладить потерянное для отечества время полезною службою—моя нравственная обязанность. Кромѣ того, трудъ, дѣятельность необходимы для моей природы, и я страдаю отъ нечего дѣлать въ уединеніи Лудвигсбурга, но какъ дѣйствовать безъ цѣли и особенно безъ точки исхода. Пока будетъ отвѣтъ изъ Россіи, жизнь въ Канштатѣ нравилась бы мнѣ болѣе по сосѣдству съ старымъ пріятелемъ графомъ Путятинымъ, и съ вами, кормчимъ корабля, на который съ вѣрою и надеждою я бросаюсь среди житейскаго моря, жертвуя друзьями послѣднихъ лѣтъ. Вотъ почему изливаю вамъ душу наканунѣ моего брака за четыре года, не имѣя на землѣ другаго болѣе способнаго, болѣе избраннаго для этого Богомъ,—безъ воли котораго и волосъ не падаетъ съ головы,—какъ васъ, чтобы утѣшать меня среди важнаго шага жизни. Ничего не прошу, ничего не желаю, кромѣ дружбы и довѣренности отъ васъ и если Богъ приведетъ мнѣ служить въ Синодѣ или гдѣ-либо въ отечествѣ, съ однимъ словомъ въ мою пользу отъ королевы, которой, вѣроятно, понравится жена моя, то благодарность русскаго человѣка, который добро помнитъ, будетъ утѣшеніемъ моей жизни. Мое положеніе такъ исключительно, что желаніе исключительнаго участія, protection exceptionnelle, не удивитъ васъ, который знаетъ всю мою подноготную и любитъ меня.

Вашъ in aeternum et ultra Степанъ Джунковскій.

«Прилагаю найденную карточку отца Сабинина и посылаю вамъ журналъ».

Между тѣмъ, я обратился въ этомъ исключительномъ случаѣ за совѣтомъ къ моему дядѣ Рождественскому, сдѣлавшемуся въ это время засѣдающимъ членомъ Св. Синода. Вопросъ на счетъ принятія Джунковскаго въ православіе осложнялся особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съ этимъ переходомъ соединялъ желаніе и возвращенія въ отечество, конечно, съ прощеніемъ за самовольное оставленіе родины и даже съ надеждою быть принятымъ на службу въ Россію,—что ему впослѣдствіи и удалось. На мое представленіе объ этомъ И. В. Рождественскій отвѣчалъ мнѣ слѣдующее:

6-го октября 1865 г. Царское Село.

«Спѣшу дать отвѣтъ на ваше интересное письмо. Вчера я получилъ его, а сегодня имѣлъ случай въ Синодѣ переговорить по вашему порученію. Заявленіе о возвращеніи подъ матерній кровъ заблудшаго сына порадовало нашихъ отцовъ и братій. Дома мы слышимъ чаще о совращеніяхъ; какъ же не порадоваться, что на чужбинѣ неожиданно являются обращенія. Недоумѣнія ваши, на первый разъ, рѣшаются очень просто. Надобно, чтобы г. Джунковскій, съ возможною обстоятельностью, пись-

менно изложилъ свое желаніе и намѣренія и представилъ, или самъ или черезъ васъ, преосвященному митрополиту Исидору (какъ вашему епархіальному начальнику), который внесетъ дѣло въ Синодъ, гдѣ оно будетъ обсужено и рѣшено окончательно. Рѣшеніе сообщится вамъ для исполненія. Вотъ вся процедура возсоединенія съ церковью. Что же касается возвращенія г. Джунковскаго въ Россію,—это дѣло, какъ вы сами пишете, внѣ круга дѣятельности духовной власти и можетъ быть рѣшено или черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, или черезъ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Синодъ можетъ сдѣлать одно (и сдѣлаетъ, конечно): поручить оберъ-прокурору—словесно доложить государю, что возсоединяемый съ церковію искренно сознаетъ свои заблужденія и, отрекаясь отъ нихъ на всегда, обѣщаетъ, по мѣрѣ силъ, быть полезнымъ, какъ для церкви, такъ и для государства. Чтобы имѣть возможность дать такое ручательство передъ государемъ, преосвященный митрополитъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы потрудились собрать для него возможно достовѣрныя свѣдѣнія какъ о прошедшей жизни г. Джунковскаго, такъ и о настоящемъ настроеніи его духа, и сообщить эти свѣдѣнія, въ видѣ дополненія къ письменному изложенію самого просителя. Кажется, я сказалъ все, что нужно для того, чтобы вы съ увѣренностью могли приступить къ пастырскому подвигу спасенія ближняго.

«Я началъ отвѣтъ со второй половины вашего письма, какъ болѣе важной, чтобы, въ случаѣ нужды, первую половину оставить вовсе безъ отвѣта. Свободныхъ минутъ теперь у меня, къ сожалѣнію, очень мало, и нерѣдко случается—начавши письмо, бросить его неоконченнымъ на цѣлую недѣлю. Много лѣтъ уже я ищу себѣ успокоенія, или, по крайней мѣрѣ, временнаго отдыха; а жизнь, какъ водится, дѣлаетъ свое дѣло,—идетъ наперекоръ моимъ желаніямъ. Сидѣлъ на привязи цѣлыхъ 15 лѣтъ, не зная даже каникулъ—единственной отрады школьника: и вотъ, вмѣсто облегченія, нежданно-негаданно легло на плечи новое бремя, которое заставило всѣ прежнія занятія втѣснить въ три дня недѣли, а въ другіе три дня озабочивать измученную голову дѣлами непривычными, разнообразными, то мелкими до ничтожества, то огромными до необъятности, почти всегда тяжелыми для сердца и почти никогда не обѣщающими успѣха вѣрнаго и плодотворнаго. И съ этою-то новостью вы поздравляете меня! Вѣрю искренности вашихъ чувствъ и благодарю за добрыя желанія, но радоваться отъ поздравленія не могу»....

Такимъ образомъ, дѣло затягивалось, а мой новый адептъ терялъ терпѣніе, опасаясь особенно козней римской партіи, которая зорко слѣдила за всѣми его поступками, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго его письма ко мнѣ:

4-го (16-го) ноября 1865 года.
Ludvigsburg, villa Ernst

«Благодарю васъ за письмо ваше отъ 26-го октября стараго стиля и за благородное участіе, въ немъ изложенное. Если Господь судитъ за всякое излишнее слово, то, разумѣется, награждаетъ и наградитъ васъ за утѣшенія ваши. Если Спаситель въ притчѣ о блудномъ сынѣ представляетъ отца, встрѣчающаго его съ отверстыми объятіями, то это—слабое изображеніе любви Отца Небеснаго, не только встрѣчающаго, но бѣгущаго на встрѣчу всякаго желающаго возвратиться или приблизиться къ Нему. Церковь, созданная изъ ребра Спасителя, какъ Ева изъ ребра Адама, по выраженію св. отцевъ, всегда имѣла знакомъ святости своей и своихъ служителей подобную ревность, которая превышаетъ ревность, желающихъ возвратиться или приблизиться къ ней. Несмотря на мое недостоинство, не могу забыть, съ какою невыразимою радостью я встрѣчалъ, быть можетъ, сотни людей, которыхъ, какъ Саула къ Ананію, посылала ко мнѣ благодать отъ невѣрія въ вѣрѣ, если не совершенной, то все-таки Христовой. Поэтому заключаю, что вы тѣмъ болѣе уже награждены внутренно за ваше ко мнѣ участіе, что меня утѣшаетъ при мысли, что я быть можетъ безпокою васъ. Иначе эта мысль была бы для меня тяжела, ибо я не привыкъ, какъ говорятъ: обременять или напрашиваться. Но что дѣлать? Воля и милосердіе Божіе указали мнѣ васъ, какъ праведника на пути истины, и хотя я мужественно смотрю на будущность, но не хочу теперь и шагу сдѣлать безъ васъ. Вотъ почему переписка, какъ легчайшее средство пользоваться вашими совѣтами, становится для меня необходимою, тѣмъ болѣе, что я привыкъ всегда еженедѣльно исповѣдываться и пользоваться совѣтами духовника. Ваши письма замѣняютъ для меня въ настоящее время все это, какъ молитва, воздухъ души, замѣняетъ въ эти тяжкія, но не лишенныя утѣшеній, минуты, главную отраду души: тѣло и кровь Христовы. Но воля Божія и покорность даже въ этомъ утѣшаютъ меня! Ваше письмо тѣмъ болѣе было мнѣ пріятно, что въ совѣтахъ вашихъ я нашелъ отголосокъ собственныхъ моихъ желаній во славу Божію. Давно уже пишу подъ заглавіемъ: «Souvenirs d'un homme heureux»—изложеніе моего прошедшаго, на которомъ, какъ на канвѣ, составляю рѣшенія на вопросы и сомнѣнія нашего времени. Говорятъ въ Римѣ, что Богъ избралъ его центромъ вѣры, ибо нигдѣ не было болѣе безвѣрія. Прибавляю къ этому: Господь избралъ святую Русь поддержать святую середину истины, ибо нигдѣ нѣтъ болѣе крайностей, если только взглянуть на преувеличенія, которыя русскіе поклонники обѣихъ крайностей: ультрамонтанизма и Фейербаха, позволяютъ себѣ въ заграничной русской литературѣ. Кто опровергаетъ русскихъ подражателей Фейербаха, Бюхнера, перещего-

лявшихъ ихъ въ безвѣріи въ книжонкахъ, издаваемыхъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ? Это предметъ моихъ мемуаровъ, опровергаемый силою православія. Готовъ также, если вы согласны, въ минуты отдыха, переводить на русскій языкъ, для нашихъ духовныхъ журналовъ, лучшіе новѣйшіе замѣчательные труды, какъ «Le traité de la paix intérieure» или знаменитую исландскую находку «Lilium» XIV вѣка, въ стихахъ, что утѣшило бы загробную память вашего дяди отца Стефана Сабинина, котораго визитная карточка можетъ служить вамъ какъ загробная для меня рекомендація. Въ часы грусти, въ прошломъ году, я нерѣдко писалъ русскіе стихи и готовъ посвятить ихъ для скандинавской духовной рѣдкости: «Lilium». Говоря о стихахъ, приведу здѣсь нѣсколько моихъ строкъ, которыя вамъ покажутъ, что даже, когда я былъ оставленъ всѣми, то тогда, какъ теперь, утѣшенія Господа заставляли меня забывать холодность людей:

„Оставленный всѣми и всѣми забытый,
Какъ будто корабль среди бури разбитый;
Подобную участь оставилъ намъ рокъ:
Ему пѣну волнъ, а мнѣ слезный потокъ.
Оставленный всѣми и всѣми забытый,
Какъ будто живой среди мертвыхъ зарытый,
Но всякихъ счастливцевъ счастливѣе я:
Всегда Іисусъ утѣшаетъ меня!“

«Но теперь дѣло не въ утѣшеніяхъ, а въ моихъ дѣйствіяхъ. Время течетъ. Нужно дѣйствовать для Бога и ближняго. Въ мемуарахъ думаю изложить, какъ вы выражаетесь, капитальный трудъ въ пользу православія—и занимаюсь имъ. Но жажду отвѣта высокопреосвященнаго изъ Петербурга. Только рѣшеніе этого дѣла дастъ энергію моей дѣятельности, а безъ этого строки льются, но безъ точки опоры, необходимой, чтобы производить впечатлѣніе. Даже не посѣщаю церковную службу. Въ послѣднее воскресенье былъ въ Стутгартѣ и думалъ присутствовать при св. обѣднѣ, но боязнь обезпокоить васъ этимъ предложеніемъ удержала меня, хотя мнѣ кажется, такъ какъ я въ завѣщаніи изложилъ мужественно мой возвратъ въ родную церковь, то также мужественно долженъ бы дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ. Ни на шагъ не хочу теперь уклоняться отъ вашихъ совѣтовъ, но желаю, чтобы дѣло подвигалось. На-дняхъ получилъ письмо отъ дочери баронессы Александры Михайловны Гюгель, которой писалъ конфиденціально изъ Монтре о моемъ возвратѣ въ православіе. Она приглашаетъ меня, какъ старая знакомая, посѣтить ее, при возвратѣ ея въ Стутгартъ, Seite Strasse, 3. Она, вѣроятно, говорила обо мнѣ нашему новому посланнику Н. А. Столыпину, товарищу моего брата, и котораго я знаю съ дѣтства и особенно чрезъ наши частыя дружескія сношенія въ Баденѣ. Но, не зная вашего

мнѣнія на счетъ посѣщенія Николая Аркадьевича и моего дѣла, еще не былъ у его превосходительства. Разумѣется, въ моемъ дѣлѣ, кромѣ исключительнаго положенія, нужно имѣть въ виду также исключительное положеніе духовныхъ дѣлъ въ матушкѣ Россіи, гдѣ нельзя ихъ коснуться безъ участія правительства, или, точнѣе сказать, государя. Но, если вспомнить, что сводъ законовъ положительно говоритъ, что съ возвращеніемъ въ православіе возвращаются всѣ гражданскія права и даже, напримѣръ, прощаются политическія и другія преступленія жидамъ, принимающимъ христіанство, то, казалось бы, не только со стороны церкви, но и правительства (должны быть) отверстыя объятія и даже поощренія. А между тѣмъ, вездѣ затрудненія, но они-то и возбуждаютъ во мнѣ ревность, ибо «только поддѣльные цвѣты дождя боятся».

«Готовъ остаться за границею искать службу здѣсь или гдѣ-либо, если ворота отечества заперты, ибо дѣло мое не возвращеніе въ любимую родину, но въ родную церковь, для которой долженъ пожертвовать даже имъ, если, вопреки довѣренности, будутъ отвѣчать недовѣрчивостью и отвергать службу и опытность русскаго, тогда какъ ищутъ иностранцевъ, какъ я помню, выражался въ Дармштадтѣ В. А. Жуковскій, съ такою вспыльчивостью, какая съ нимъ никогда не случалась. То же мнѣ говорилъ покойный посланникъ Мейендорфъ въ 1854 году, хотя самъ былъ нѣмецъ и неправославный. Думалъ было писать по-французски, въ родѣ заключенія, романы: Le maudit, la Religieuse et le Iesuite (такъ какъ романы болѣе читаются), le Russe, гдѣ показалъ бы, что всѣ церковные недостатки, указанные въ этихъ трехъ романахъ, находятъ средство излѣченія и улучшенія въ православіи, но хочу прежде кончить мои мемуары. Для этого и чтобы не отравлять отъ природы любящее мое сердце холодностью, напримѣръ, графа Путятина въ Канштатѣ, гдѣ не могъ видѣть его, продолжилъ на годъ мою квартиру здѣсь и жду у моря погоды, надѣясь, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Одинъ швейцарскій знакомый печатаетъ на свой счетъ каталогъ моей здѣшней библіотеки, и я занимаюсь также имъ, и едва напечатаютъ, пришлю къ вамъ, чтобы вы могли брать по желанію книги изъ моей библіотеки. Тамъ много интереснаго на счетъ восточныхъ церквей.

«Въ заключеніе скажу, что братъ мой генералъ, находящійся при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, писалъ мнѣ два раза на этой недѣлѣ, совѣтуя дѣйствовать и съ моей стороны, и что все зависитъ отъ одного слова государя, а иначе попадетъ дѣло въ долгій ящикъ, т. е. будутъ откладывать и бюрократически запутываться тамъ, гдѣ каждая минута дорога для утѣхи души, для пользы ближняго, для славы Господа. Вотъ почему снова взываю къ вамъ дѣйствовать въ моемъ дѣлѣ, какъ въ вашемъ собственномъ,—и Господь наградитъ его успѣхомъ. Посылаю

вамъ послѣдніе листки: «La verité», не смѣя, безъ вашего позволенія, прислать или доставить болѣе и не довѣряясь слугѣ, который воруетъ, и когда я замѣчаю, грозитъ жалобою здѣшнему римскому священнику на счетъ сношеній съ вами, какъ будто бы я этого боялся. Если будетъ время, утѣшайте меня вашими строками и всегда—молитвами. Недостойный вашъ Степанъ Джунковскій.

«Супруга моя имѣетъ честь вамъ свидѣтельствовать свое почтеніе».

Сдѣлавшись посредникомъ въ переходѣ Джунковскаго въ православіе, я цѣнилъ пріобрѣтеніе для нашей церкви такого человѣка, прошедшаго строгую школу іезуитизма, богатаго опытностью по миссіонерской дѣятельности, ученаго писателя, заявившаго свою способность на этомъ поприщѣ капитальными трудами, какъ, напримѣръ: Dictionnaire des missions catholiques, въ которомъ Джунковскій помѣщалъ свои статьи и принималъ участіе въ редакціи подъ титуломъ: D-r Etienne de Djounkowsky, ancient préfet apostolique, promoteur de l'académie des Quirites à Rome, membre de la société royale litteraire d'Islande, de la société orientale etc. Поэтому я съ одной стороны хлопоталъ у нашего духовнаго начальства о принятіи Джунковскаго на службу нашей церкви, а съ другой внушалъ ему самому направить теперь свою дѣятельность на пользу и славу родной церкви, въ лоно которой онъ возвращался послѣ долгаго скитанія по чужимъ странамъ. На это онъ отвѣчалъ мнѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующее:

«Думаю и я дѣйствовать съ помощью жаждущаго счастія человѣческаго Господа Іисуса. Мысли, которыя Онъ внушаетъ мнѣ, теперь мнѣ кажутся тѣми же, какія я имѣлъ за двадцать лѣтъ. «Маякъ» 1849 года нѣсколько разъ печаталъ отрывки изъ моихъ писемъ изъ славянскихъ странъ и Германіи о поддержаніи православія въ первыхъ и о разсадникахъ его въ Германіи посредствомъ основанія русскихъ церквей и пр. Теперь, послѣ двадцатилѣтняго опыта, желаю въ первомъ посланіи моемъ къ моимъ бывшимъ собратіямъ римской іерархіи возобновить развитіе прежней моей мысли и доказывать важность сближенія съ цѣлью соединенія съ православіемъ не только католическихъ странъ, но и церквей скандинавскихъ и англо-саксонскихъ, т. е. епископальныхъ Англіи, Шотландіи, Сѣверной Америки и пр., не забывая, разумѣется, и востока, отпавшаго отъ православія, несторіанъ и пр. Семилѣтняя моя дѣятельность въ скандинавскихъ странахъ представляетъ мнѣ первое средство, первый шагъ къ этому, съ надеждою успѣха, если идти тѣмъ же путемъ, какой я избралъ для возрожденія римской церкви въ семи епархіяхъ Скандинавіи, гдѣ съ 1550 года всѣ попытки Рима оставались безъ успѣха. Какъ за двадцать лѣтъ, не бывши духовнымъ, я, несмотря на мое недостоинство, имѣлъ въ виду подобную цѣль для православія, такъ и теперь не считаю необходимымъ быть духовнымъ

для достиженія ея. Цѣня всегда болѣе мысли другихъ, чѣмъ мои собственныя, я, разумѣется, съ особеннымъ вниманіемъ остановился на вашей мысли на счетъ службы въ Синодѣ, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ кажется, нашелъ бы лучшее средство употребить во славу Божію мое прошлое и загладить его. О, сколько бы можно было сдѣлать не только для развитія духовныхъ заведеній и внѣшнихъ православныхъ миссій, но и для всеобщаго внутренняго и внѣшняго, богословскаго и практическаго торжества русской церкви. Когда я въ 1862 г. читалъ Н. А. Столыпину мою статью «О призваніи Россіи», напечатанную послѣ, то онъ одобрялъ меня почти при каждой мысли. А что болѣе можетъ содѣйствовать торжеству и призванію Россіи, какъ русская церковь, не чрезъ развитіе догматовъ, которые неизмѣнны, но чрезъ развитіе практической жизни для пользы человѣчества, чтобы свѣтить ему, какъ говоритъ Спаситель. Читая Овербека, подкрѣпляюсь въ этихъ мысляхъ. При первыхъ шагахъ подобнаго дѣйствія, всѣ возраженія противъ православія упадутъ, и частные люди, какъ народы, будутъ искать въ немъ источника воды не только вѣчной жизни, но и для утоленія жажды возможнаго на землѣ счастія. Разумѣется, одинъ Богъ можетъ сдѣлать это, но кто чувствуетъ въ сердцѣ своемъ призваніе къ высокому дѣлу, подтвержденное всѣмъ прошлымъ, какъ перстомъ Божіимъ, безъ воли Коего и волосъ не падаетъ съ головы, то онъ подлъ, какъ солдатъ, стоящій въ первомъ, самомъ опасномъ мѣстѣ и покидающій его изъ боязни отличиться. Въ Римѣ мнѣ часто говорили: васъ Богъ назначилъ давать инціативу, первый толчекъ, первую организацію труднымъ дѣламъ. Я отвѣчалъ на это извѣстными словами:

Da me nullo posso,
Per amor di Dio voglio far tutto,
Con Dio posso tuto,
A Dio l'honor, a me il disprezzo.

«Не знаю, писали ли вы, какъ думали, г. оберъ-прокурору, но если Богу угодно, чтобы до праздниковъ свершилось мое соединеніе и въ январѣ повтореніе брачнаго обряда, какъ вы говорили, то съ простымъ званіемъ чиновника особыхъ порученій при Синодѣ или оберъ-прокурорѣ я бы могъ начать дѣйствовать первые мѣсяцы за границею и потомъ въ матушкѣ Россіи. Но—ничего не желаю, кромѣ воли Божіей. Вашъ Степанъ Джунковскій».

Дѣло Джунковскаго кончилось тѣмъ, что онъ былъ принятъ въ православіе простымъ міряниномъ, въ чемъ онъ самъ усмотрѣлъ справедливость, «ибо,—какъ онъ выразился,—этимъ дается болѣе вѣсу русской церкви предъ римскою». Вмѣстѣ съ этимъ ему разрѣшено было возвратиться въ Россію со всепрощеніемъ за его долгое бѣгство изъ отечества и его враждебную дѣятельность противъ православія. Его даже приняли

на службу при духовно-учебномъ управленіи. Но ему не долго удалось послужить родной церкви и заслужить предъ нею вину свою. Онъ скоро умеръ въ Россіи, не оставивъ по себѣ никакого значительнаго слѣда ни въ духовной литературѣ, ни въ администраціи.

Въ слѣдующемъ 1866 году мнѣ привелось принять въ лоно православія еще подобнаго же скитальца. То былъ польскій ксендзъ Викторъ Ковальскій. Исторія его была такова. Находясь сельскимъ священникомъ въ одной изъ польскихъ деревень, онъ во время возстанія Польши въ 1863 году принужденъ былъ, по его словамъ, подъ пистолетомъ приводить къ присягѣ повстанцевъ; когда же бунтъ былъ подавленъ, онъ изъ страха наказанія бѣжалъ въ Галицію. Отсюда ему захотѣлось пробраться въ Римъ, чтобы въ центрѣ папства найти пищу своему католическому энтузіазму. Но уже въ Венеціи одинъ изъ тамошнихъ прелатовъ предупредилъ его, говоря: «напрасно вы, молодой человѣкъ, думаете найти себѣ въ Римѣ пищу для вашего католическаго настроенія. Вы встрѣтите тамъ одно разочарованіе». Такъ и случилось. Ковальскій самъ мнѣ разсказывалъ, что его поразило въ Римѣ прежде всего политическое настроеніе куріи. Тамъ, гдѣ онъ искалъ увидѣть величіе церкви, единой, вселенской, ведущей къ Богу и спасенію милліоновъ разноплеменныхъ народностей, онъ встрѣтилъ однѣ политическія интриги. Самую Польшу, его дорогое отечество, трактовали тамъ не какъ любимое дѣтище, взывавшее къ духовному отцу своему о спасеніи, а играли ею, какъ мячемъ, въ угоду то тому, то другому государству, смотря по тому, отъ котораго римская курія надѣялась получить больше выгодъ для себя. Присмотрѣвшись поближе къ руководящимъ личностямъ папскаго двора, онъ къ ужасу увидѣлъ въ нихъ не людей вѣры, заботящихся о вселенской паствѣ, а только сановниковъ, часто сибаритовъ, проводящихъ время въ свѣтскихъ салонахъ, занимающихся болѣе политикою, чѣмъ интересами церкви и религіи. Послѣ этого въ немъ сложилось убѣжденіе и рѣшимость бѣжать, бѣжать какъ можно скорѣе не только изъ Рима, но изъ римской церкви. Но куда? Конечно, въ свое отечество и въ православіе. Но какъ онъ былъ политическій преступникъ, то онъ и обратился ко мнѣ съ просьбою исходатайствовать ему прощеніе и разрѣшеніе воротиться въ Россію. «Пусть, говорилъ онъ, сошлютъ меня въ Сибирь, только бы мнѣ не жить въ этой римской церкви», которой ложь онъ теперь узналъ и увидѣлъ собственными глазами въ самомъ центрѣ ея. Пользуясь пребываніемъ государя въ Стутгартѣ, я легко испросилъ ему черезъ графа Шувалова, бывшаго тогда шефомъ жандармовъ, всепрощеніе и разрѣшеніе возвратиться въ Россію, но только не въ Польшу. Ему назначили мѣстомъ жительства Смоленскъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто при желѣзной дорогѣ, такъ какъ онъ былъ принятъ въ православіе простымъ міряниномъ. Изъ переписки его со мною еще до принятія имъ православія интересны нѣкоторыя замѣчанія

дѣланныя имъ касательно католической церкви вообще, которую онъ вездѣ въ своихъ письмахъ называетъ «римскимъ костеломъ», и польской въ особенности. Такъ изъ римскихъ писемъ Муравьева онъ вычиталъ осужденіе римской церкви за то, что въ ней имѣется много людей духовнаго званія и чина, подъ рясою аббатовъ, обращающихся въ салонахъ свѣтскаго общества или живущихъ въ семействахъ въ качествѣ учителей и воспитателей и потому, будто бы, совсѣмъ ненужныхъ и не приносящихъ никакой пользы римскому костелу. На это Ковальскій замѣчаетъ:

— Напротивъ, я вижу въ этомъ великую силу западнаго костела, который чрезъ такихъ преданныхъ себѣ людей старается распространить корни своей власти, и такіе люди чрезъ свое вліяніе на юношескія сердца приносятъ бо́льшую пользу владычеству костеловъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятые парохіи.

Въ другомъ мѣстѣ онъ вдается въ разсужденіе о томъ, почему въ русской Польшѣ столько фанатическаго патріотизма, тогда какъ въ Галиціи его вовсе незамѣтно. По мнѣнію Ковальскаго, это происходитъ оттого, что австрійская система германизаціи идетъ незамѣтнымъ, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ.

— Австрійская система оставляетъ полякамъ, какъ малымъ, еще недоросшимъ дѣтямъ, игру въ такъ называемую свободу. Спросите самыхъ закоренѣлыхъ польскихъ патріотовъ, отчего въ русской Польшѣ чаще случаются бунты, и они вамъ скажутъ, что русское правительство не слѣдуетъ системѣ австрійской. Я бы, напримѣръ, не запрещалъ носить польское платье, не преслѣдовалъ бы конфедератокъ, а только слѣдилъ бы строже за тѣми, которые сами выставляютъ себя на показъ. Въ Галиціи же каждый полякъ чувствуетъ себя безопаснымъ въ своемъ національномъ костюмѣ.

Касательно сближенія поляковъ съ православною церковью Ковальскій высказываетъ полное убѣжденіе, что если бы разрѣшено было употребленіе польскаго языка при богослуженіи, то большинство народа съ радостію приняло бы православіе и отстало отъ папы, котораго народъ не знаетъ и воображаетъ его себѣ, по наущенію, конечно, своихъ ксендзовъ, какимъ-то безкорыстнымъ защитникомъ польской національности противъ насильственнаго обращенія со стороны Москвы.

— О, какъ бы я хотѣлъ, — прибавляетъ этотъ восторженный патріотъ, — дожить до той минуты, когда эти двѣ сестры, Польша и Россія, покончивъ вѣковую вражду между собою, съ искреннимъ миромъ въ душѣ и одной вѣрой въ сердцѣ, рука объ руку пошли бы къ благоденствію подъ однимъ жезломъ великаго государя на страхъ врагамъ, сѣющимъ раздоръ между родными дѣтьми одного отца для своей собственной выгоды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

I.

Дѣтскіе годы въ деревнѣ. — „Преступная" любовь съ трагическимъ концомъ.—Дворовый человѣкъ Вардакъ.—Пансіонъ Гершельмана въ Верро.

Невеликъ, казалось бы, срокъ—полстолѣтія, а какъ, проживъ его, оглянешься назадъ, то во многомъ замѣтишь значительную перемѣну. Условія жизни, понятія, чувства, стремленія—на всемъ этомъ видна рука всеобновляющаго времени. Одно измѣнилось къ лучшему, другое—къ худшему, но во всякомъ случаѣ многое стало уже непохоже на прежнее. Многое изъ того, что было, дѣлалось и думалось 50 и даже менѣе лѣтъ тому назадъ, уже отходитъ въ область преданій и, вѣроятно, вскорѣ пріобрѣтетъ легендарный характеръ—вскорѣ потому, что съ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія русская жизнь пошла ускореннымъ ходомъ. Великія реформы тѣхъ годовъ положили у насъ конецъ старому міру и старому духу; онѣ (не во гнѣвъ будь сказано ихъ противникамъ) широко распахнули ворота для новой, лучшей жизни нашей родины. Пусть мы бредемъ пока по новой дорогѣ робко и неувѣренно, озираясь и, по новости дѣла, относясь съ опаскою ко многому такому, что не должно бы страшить разсудительныхъ людей, — это не бѣда: важно то, что залежавшаяся при крѣпостномъ правѣ Россія встала, наконецъ, на ноги и тронулась въ дорогу, пошла отыскивать свою «судьбу». Мы, старики, должны отъ всего сердца пожелать ей счастливаго пути.

«Что было, то не будетъ вновь»; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы былое подлежало забвенію. Напротивъ, чѣмъ подробнѣе будетъ оно возстановлено въ правдивыхъ очеркахъ, тѣмъ легче будетъ воспользоваться прошлымъ для нуждъ настоящаго. Въ этомъ смыслѣ даже очерки, написанные зауряднымъ человѣкомъ, не игравшимъ никакой общественной роли, не могутъ быть совсѣмъ уже безполезны. Поучительно читать мемуары государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также записки людей, близко стоявшихъ къ нимъ; но не мѣшаетъ иногда прислушаться и къ голосу человѣка изъ толпы, жившаго ея думами и интересами. Быть можетъ, и въ его безпритязательныхъ воспоминаніяхъ отыщется та или другая черточка, которая когда-нибудь пригодится при составленіи общей картины миновавшей эпохи. Надо только, чтобы воспоминанія изложены были правдиво, безъ ухищреній и подтасовокъ, безъ тенденціозной окраски описываемыхъ лицъ и явленій. Именно такого изложенія я и намѣренъ держаться въ моихъ запискахъ.

Въ годы моего дѣтства существовало одно основное воззрѣніе, раздѣляемое нынѣ уже лишь очень немногими: полагали, что не всѣ люди родятся одинаково. Одни признавались благорожденными (enfants bien-nés), а другіе «простыми». Такое дѣленіе людей на два несходныхъ между собою сорта служило источникомъ множества нелѣпостей въ людскихъ отношеніяхъ. Человѣкъ благорожденный считалъ унизительнымъ для себя водиться съ людьми, родившимися въ «простомъ» званіи, а между тѣмъ почти всегда былъ обязанъ имъ тѣмъ, что могъ, не трудясь самъ, жить на ихъ средства. Водиться съ ними признавалось неприличнымъ, а жить трудами ихъ рукъ не только не считалось зазорнымъ, но даже вмѣнялось въ достоинство. Въ большемъ почетѣ бывалъ тотъ, у кого больше было кормильцевъ изъ простого званія; кто же кормильцевъ имѣлъ мало, или вовсе не имѣлъ, къ тому относились уже съ меньшимъ почтеніемъ, цѣня въ немъ единственно только благородное происхожденіе. Кормильцы же, крестьяне, вопреки всякой логикѣ, называли своими кормильцами именно тѣхъ благородныхъ «господъ», которыхъ сами же кормили. Подобныя отношенія, кажущіяся теперь верхомъ нелѣпости, считались въ тѣ времена правильными—и даже настолько, что всякая критика ихъ приравнивалась къ «потрясенію основъ».

Мнѣ посчастливилось оказаться въ числѣ des enfants bien-nés, за что я, впрочемъ, весьма признателенъ судьбѣ. Не будь этой случайности и родись я въ «простомъ» званіи, житейскій путь мой былъ бы совершенно иной и, во всякомъ случаѣ, болѣе обильный терніями. Оба дѣда мои—со стороны отца и со стороны матери—а потомъ и мои родители, владѣли извѣстнымъ (хотя и небольшимъ) числомъ «простыхъ» людей,

т. е. были помѣщиками. Въ нынѣшнее время было бы дико услышать, что такой-то «владѣетъ» людьми, владѣетъ настолько, что можетъ въ любую минуту сдѣлать съ ними, что ему взбредетъ въ голову: женить или выдать замужъ по собственному произволу, продать, вымѣнять на салопъ или на свору собакъ, засѣчь или сдать на всю жизнь въ солдаты. Но въ дни моего дѣтства это ничуть не казалось дикимъ или противоестественнымъ, а, напротивъ, представлялось совершенно натуральнымъ. Разъ люди пріобрѣтены покупкою или пожалованы въ награжденіе, то почему же и не «владѣть» ими? Мы, дворянскія дѣти, уже съ первыми проблесками сознанія, воспринимали представленіе, что всѣ эти Прошки, Ѳедьки, Палашки только для того и родятся, чтобы принадлежать тому или другому барину. Въ пору нашего ранняго дѣтства намъ ни откуда не доводилось слышать даже намека на то, что это могло бы быть и иначе. Сами крѣпостныя нянюшки — эти самоотверженныя существа, съ которыми насъ обыкновенно соединяла горячая взаимная привязанность—сами онѣ признавали крѣпостническія отношенія дѣломъ совершенно нормальнымъ. Съ ихъ стороны бывали порою сѣтованія (да и то по секрету) на чрезмѣрную крутость тѣхъ или другихъ «господъ», но въ этомъ усматривали онѣ единственно несчастную для крестьянъ случайность, которая нисколько не колебала сущности рабовладѣнія, какъ неоспоримаго принципа. Нетрудно представить себѣ, какъ растлѣвался дѣтскій умъ въ средѣ убѣжденныхъ въ своей правотѣ рабовладѣльцевъ и покорныхъ своей участи рабовъ. Въ памяти моей запечатлѣлось происшествіе, случившееся со мною, когда мнѣ было (если не ошибаюсь) лѣтъ пять.

Мы гостили у одной изъ моихъ бабушекъ, въ ея имѣніи близъ Николаева, Херсонской губерніи. Однажды, блуждая одинъ по саду [1]), я пролѣзъ сквозь плетень на задній дворъ; здѣсь я былъ крайне пораженъ, увидѣвъ красиваго смуглаго молодого человѣка въ кучерской поддевкѣ, который вышелъ въ ту минуту изъ-за сарая. Поразило меня то, что ноги его были закованы въ кандалы, которыхъ я до тѣхъ поръ не видывалъ и не зналъ значенія. Молодой человѣкъ съ ласково-грустной улыбкой молча смотрѣлъ на меня, а я смотрѣлъ на него. Болѣе 50-ти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я и до сихъ поръ помню его добрый, печальный взглядъ, да и вообще всю эту сцену нашего неожиданнаго свиданія. Осмотрѣвшись по сторонамъ, онъ поманилъ меня къ себѣ, завелъ за сарай и осторожнымъ, пониженнымъ голосомъ сказалъ мнѣ, что сейчасъ сдѣлаетъ мнѣ хорошій кнутикъ. Пока онъ дѣлалъ кнутикъ, я съ любопытствомъ ощупывалъ на немъ кандалы и, наконецъ, спро-

---

[1]) Вѣроятно, я попалъ туда безъ провожатаго по недосмотру нянюшки, которой, можетъ быть, потомъ и досталось за это.

силъ его, зачѣмъ онъ ихъ носитъ. Оказалось, что кандалы надѣты на него по приказанію бабушки, въ наказаніе за что-то. Человѣкъ этотъ говорилъ по-русски, что нечасто встрѣчалось тогда подъ Николаевомъ; впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что онъ былъ купленъ бабушкою въ одной изъ внутреннихъ губерній, откуда и переселенъ въ Новороссію.

Помнится, мнѣ стало очень жаль этого человѣка, и я не сомнѣвался, что бабушка скоро проститъ его, потому что она добрая; но чѣмъ могъ онъ заслужить эту кару и почему меня самого никогда не заковывали въ кандалы ни за какія провинности,—эти вопросы едва-ли остановили тогда на себѣ мое вниманіе. Осчастливленный подареннымъ мнѣ кнутикомъ, я тотчасъ же по возвращеніи домой освѣдомился у бабушки о добромъ человѣкѣ въ кандалахъ и живо помню такъ огорчившій меня тогда сухой и короткій отвѣтъ бабушки. Она сказала, что это не мое дѣло, что я еще слишкомъ малъ и что будетъ гораздо лучше, если я займусь какою-нибудь игрою. Отчего этотъ черствый отвѣтъ навсегда остался въ моей памяти? И отчего до сихъ поръ, несмотря на протекшіе съ того времени десятки лѣтъ, я какъ теперь вижу передъ собою еще одного человѣка, произведшаго на меня тогда сильнѣйшее впечатлѣніе? То была бабушкина комнатная дѣвушка. Я давно уже забылъ ея имя, но и донынѣ вспоминаю ея молодое, искаженное ужасомъ лицо въ ту памятную для меня минуту. Она стояла въ бабушкиной спальнѣ, подъ образами. На ней было затрапезное платье изъ домашней пестрядины; обнаженная шея ея была сплошь искусана блохами—это рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти (вмѣстѣ съ другими дѣвушками дворни, эта дѣвушка спала обыкновенно въ дѣвичьей на полу, на тонкой войлочной подстилкѣ). Расширившимися отъ страха глазами она въ упоръ смотрѣла въ лицо бабушкѣ, наносившей ей, одинъ за другимъ, звонкіе удары туфлею по щекамъ, и при каждомъ ударѣ, зажмуриваясь, вздрагивала. Дочь бабушки—моя тетка—въ то время невѣста, сидѣла тутъ же неподалеку и спокойно поправляла передъ зеркаломъ свою прическу; происходившая въ ея присутствіи расправа, очевидно, ни мало не безпокоила ее. Помню, что я съ плачемъ бросился къ бабушкѣ, обнялъ ее около колѣнъ (выше не могъ достать по малому росту) и началъ умолять ее, чтобы она простила дѣвушку. Но экзекуція и безъ того уже подходила къ концу: еще нѣсколько ударовъ, и просьба моя была услышана. Бабушка прогнала «поганку» вонъ, и дѣвушка со всѣхъ ногъ бросилась изъ комнаты. Мнѣ же прочитана была нотація за неумѣстное появленіе въ спальнѣ, причемъ было объяснено, что дѣвка эта—дрянная тварь, что не бить ее нѣтъ никакой возможности и проч. А такъ какъ я все еще продолжалъ плакать, то бабушка тотчасъ же ве-

лѣла запречь въ мою телѣжку имѣвшихся у нея двухъ ученыхъ козловъ, чтобы я могъ развлечься катаньемъ по деревнѣ.

Я хорошо знаю, что ни бабушка, хлеставшая дѣвушку по щекамъ туфлею, ни тетка, спокойно разглядывавшая себя при этомъ въ зеркалѣ, не были, въ сущности, ни жестоки, ни даже просто злы; но ни той, ни другой такое обращеніе съ беззащитнымъ человѣкомъ нисколько не казалось противорѣчащимъ хотя бы простому чувству порядочности. Впослѣдствіи, уже юношею, я узналъ и причину, вызвавшую какъ этотъ эпизодъ съ дѣвушкой, такъ и появленіе на заднемъ дворѣ человѣка въ кандалахъ. Причиною была «преступная» любовь между обоими этими лицами. Преступною же любовь эта оказалась потому, что бракъ ихъ не входилъ разсчеты бабушки, не желавшей лишиться своей служанки. Я слышалъ потомъ, что дѣвушкѣ остригли косу и выдали несчастную за свинопаса, такъ что хотя бабушка и лишилась-таки ея комнатныхъ услугъ, но за то порокъ былъ, по крайней мѣрѣ, наказанъ, и основы помѣщичьей власти остались не потрясенными. Человѣкъ же, за любовь свою поплатившійся кандалами, сталъ—какъ разсказывали—буйствовать, былъ нѣсколько разъ сѣченъ до полусмерти, но такъ и отбился отъ рукъ. Въ виду этого, его, какъ «мерзавца» и человѣка отпѣтаго и ни на что уже не годнаго, сдали, наконецъ, въ солдаты. Вѣроятно, предполагалось, что на дѣло защиты отечества онъ все-таки годится.

Не сомнѣваюсь, что немало подобныхъ эпизодовъ осталось въ памяти всѣхъ вообще моихъ сверстниковъ, росшихъ въ одинаковыхъ со мною условіяхъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила въ дѣтскомъ возрастѣ извѣстною впечатлительностью, выростали въ то темное время среди полной путаницы понятій и чувствъ. Инстинктивный ужасъ, который вызывали въ насъ различныя потрясающія сцены, непостижимымъ образомъ уживался въ нашихъ сердцахъ съ любовью къ роднымъ, «владѣвшимъ» людьми на общемъ основаніи, т. е. на всей своей волѣ. Вся обстановка нашего дѣтства была такова, что усыпляла въ насъ всякую попытку вникнуть въ сущность отношеній между «людьми» и «господами». Многимъ изъ людей нашего круга даже до послѣднихъ лѣтъ юности едва удавалось освободиться отъ взглядовъ и привычекъ, усвоенныхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ, а нѣкоторыхъ сама крестьянская реформа застала совершенно неподготовленными. Оказались, наконецъ, и такіе, которые донынѣ считаютъ отмѣну крѣпостного права исторической ошибкой. И пусть себѣ считаютъ: того, что было, имъ все равно не вернуть.

Къ счастью для моего развитія, я лишь самое раннее дѣтство провелъ въ тогдашней деревнѣ: по шестому году родители мои взяли меня

съ собою въ Петербургъ. Здѣсь я попалъ уже въ гораздо лучшую атмосферу. Отецъ мой, быть можетъ, и не былъ безусловнымъ противникомъ крѣпостныхъ отношеній, но, сколько я помню, а потомъ слышалъ и отъ другихъ, никогда не злоупотреблялъ ими. Онъ принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ людей того времени, т. е. конца сороковыхъ годовъ, люди же эти, какъ извѣстно, хотя и придерживались гуманныхъ взглядовъ, но, въ большинствѣ, отъ помѣщичьихъ правъ своихъ не отказывались. Мой отецъ водилъ знакомство съ нѣкоторыми изъ писателей кружка Бѣлинскаго, которые, при всей просвѣщенности своихъ общихъ взглядовъ, съ спокойною совѣстью продолжали пользоваться даровымъ трудомъ своихъ крестьянъ. Онъ, конечно, раздѣлялъ ихъ убѣжденія, а можетъ быть и ихъ конечные выводы. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вліяніе этого кружка отразилось на немъ благотворно. Состоя на службѣ, онъ былъ свободенъ отъ пресмыкательства передъ вліятельными людьми и былъ вообще, какъ говорится, «порядочнымъ человѣкомъ». Онъ много читалъ, началъ было принимать активное участіе въ литературѣ, напечатавъ въ «Современникѣ» обширную біографію Байрона, но вскорѣ умеръ въ расцвѣтѣ лѣтъ, не успѣвъ составить себѣ литературное имя. Такихъ людей, какъ онъ, было тогда въ Петербургѣ уже немало, и въ семьяхъ ихъ дѣти, конечно, находились въ лучшихъ воспитательныхъ условіяхъ, чѣмъ въ провинціи.

Припоминая время моего ранняго дѣтства, я вижу, что отецъ мой былъ превосходнымъ педагогомъ. Шутя и играя со мною по вечерамъ, онъ незамѣтно научилъ меня чтенію и письму по-русски и по-французски. Но главное, что не часто встрѣчается въ заурядныхъ семьяхъ, какъ онъ, такъ и моя мать съумѣли поставить себя со мною такъ, что я всегда и во всемъ былъ совершенно откровененъ съ ними, не говоря уже о томъ, что я безпредѣльно любилъ ихъ. Я никогда не утаивалъ отъ нихъ ни одного изъ своихъ поступковъ. Зато и наказаній я не испытывалъ никакихъ: ихъ замѣняли спокойныя разъясненія. Въ нашемъ домѣ не было мѣста нелѣпой педагогической теоріи, по которой всякій проступокъ долженъ непремѣнно влечь за собою, какъ логическое слѣдствіе, соотвѣтственное возмездіе, причемъ забота педагога должна, будто бы, заключаться въ томъ, чтобы ребенокъ самъ видѣлъ, что слѣдствіе неизбѣжно вытекаетъ изъ причины. У насъ было проще: бывало, разскажешь о какой-нибудь своей шалости, а отецъ (или мать, смотря по случаю) только покачаетъ головой и скажетъ что-нибудь въ родѣ того, что «вотъ ужъ, молъ, никакъ не ожидалъ отъ тебя такой глупости; вѣдь отъ этого могло бы произойти то-то и то-то». И все это ничуть не докторальнымъ тономъ наставника, всегда несноснымъ для дѣтей, а просто и естественно, какъ говорятъ съ товарищемъ, котораго любятъ. Я высоко цѣню эту воспитательную манеру и на всю жизнь

сохранилъ самую теплую память объ отцѣ и матери. Манера эта мало того, что способствуетъ развитію сообразительности въ ребенкѣ, но еще и зарождаетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства. Сколько благихъ послѣдствій могло бы имѣть ея примѣненіе и въ семьяхъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ!

Вскорѣ послѣ нашего переселенія въ Петербургъ, мать моя, едва достигшая двадцативосьмилѣтняго возраста, умерла, оставивъ намъ моего новорожденнаго брата. Мы съ маленькою сестрой часто ходили смотрѣть его въ ту комнату, гдѣ стояла его люлька и жила кормилица. Поднявшись на цыпочки, мы (ради устойчивости) опирались носами о край люльки и съ любопытствомъ разглядывали маленькую красную рожицу брата, теряясь въ соображеніяхъ о томъ, откуда онъ взялся. Сестра моя, старше меня двумя годами, сильно горевала о матери, я же какъ-то довольно скоро утѣшился: я еще не понималъ значенія смерти и, кажется, считалъ отсутствіе матери временнымъ. Что касается отца, то онъ, переболѣвъ своимъ горемъ, черезъ полтора года женился вторично—быть можетъ, ради насъ, дѣтей, которыхъ не рѣшался поручить навсегда боннѣ, пріисканной имъ для насъ послѣ смерти матери. Впрочемъ, мачиха прожила съ нами всего годъ и умерла въ холеру 1852 г. Подъ вліяніемъ этихъ ударовъ, здоровье отца серьезно разстроилось; онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и перебраться на югъ. Очевидно, не желая жить въ небольшомъ родовомъ малороссійскомъ имѣніи, которое предоставлено было имъ въ распоряженіе его вдовствовавшей матери [1]), онъ принялъ мѣсто секретаря или, скорѣе, компаніона, у

[1]) Любопытная подробность. Имѣніе бабушки я посѣтилъ впервые послѣ дѣтства черезъ десятокъ лѣтъ, причемъ поневолѣ познакомился съ нѣсколькими сосѣдними помѣщичьими семьями. Изъ окрестныхъ некрупныхъ помѣщицъ (въ раіонѣ 15 верстъ въ окружности) единственною грамотною женщиной была моя бабушка. Остальныя не только не умѣли ни читать, ни писать, но и разговоры вели слогомъ кухарокъ. Это было въ 1863 г., въ малороссійскомъ мѣстечкѣ, находившемся въ разстояніи всего 25 верстъ отъ уѣзднаго города. Маленькія помѣщичьи дѣти почти ничѣмъ не отличались отъ деревенскихъ крестьянскихъ мальчиковъ: такъ же ходили грязными и босоногими, такъ же вели себя дикарями при постороннихъ и, наравнѣ съ уличными дѣтьми, находили развлеченіе въ забрасываніи щенковъ и котятъ въ рѣку, въ выколупываніи глазъ у пойманныхъ птицъ и т. п. Домъ бабушки считался въ округѣ аристократическимъ только потому, что въ немъ была мягкая пружинная мебель и обѣденный столъ сервировался чисто; у большинства сосѣдей обѣдали даже безъ скатерти. Мнѣ припоминается забавный эпизодъ: къ бабушкѣ пріѣхала съ визитомъ одна изъ сосѣдокъ, довольно зажиточная помѣщица, толстая и потливая особа. Не имѣвъ до тѣхъ поръ случая видѣть пружинную мебель, она съ размаха грузно опустилась на мягкое кресло. Пружины подъ нею подались, и она, испуганная этою неожиданностью, закричала благимъ матомъ, прекомично брык-

богача-помѣщика, графа А., очень цѣнившаго моего отца и пожелавшаго дѣлить съ нимъ свои занятія и досуги. Что было дѣлать съ нами? Малютку-брата отправили съ родственницею въ Малороссію, къ бабушкѣ, а меня съ сестрою отецъ рѣшилъ помѣстить въ нѣмецкіе пансіоны, пользовавшіеся въ то время прекрасною репутаціей: одинъ изъ нихъ былъ въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевъ), а другой неподалеку оттуда, въ Верро. Отецъ, какъ ни былъ слабъ отъ болѣзни, самъ отвезъ насъ туда.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ было только двѣ: Царскосельская да Николаевская, по которой ѣздили въ Москву, кажется, около двухъ сутокъ. Въ Дерптъ надо было ѣхать на лошадяхъ, что было сопряжено съ немалыми хлопотами. Для большихъ поѣздокъ брали обыкновенно на прокатъ у каретника грузный и неуклюжій, но крѣпкій тарантасъ, способный выдержать ѣзду по ухабистымъ дорогамъ. Заготовлялись запасы провизіи, такъ какъ на почтовыхъ станціяхъ нельзя было бы найти ничего, кромѣ помятаго и нечищеннаго самовара. Позади тарантаса привязывали сундукъ съ вещами и чемоданъ, да, сверхъ того, на крышкѣ экипажа укрѣпляли широкій плоскій ящикъ, называвшійся «важей» и тоже предназначенный для укладки вещей. А въ дорогѣ надо было почаще выглядывать изъ тарантаса, чтобы убѣдиться, не срѣзаны ли чьей-нибудь злоумышленною рукой привязанные сзади сундукъ и чемоданъ, потому что на большихъ дорогахъ въ ту пору сильно «пошаливали». Кромѣ того, надо было заручиться «подорожною», въ которой прописывалось, что ѣдетъ-де надворный совѣтникъ такой-то «съ будущимъ», причемъ путнику предоставлялось самому догадываться, что можетъ означать эта непонятная приписка. Затѣмъ оставалось послать на почтовую станцію за тройкою лошадей, которыя и являлись къ дому, понурыя и разбитыя на ноги; на одной изъ нихъ сидѣлъ верхомъ ямщикъ, съ дугою и связкою возжей въ рукѣ.

Мы съ сестрою съ любопытствомъ смотрѣли изъ окна, какъ ямщикъ нашъ запрягалъ лошадей; помнится, я очень завидовалъ ему, такъ какъ самъ желалъ бы сидѣть на козлахъ и править тройкой. Тѣмъ временемъ, прислуга укладывала все нужное въ тарантасъ. Въ одинъ изъ его боковыхъ кармановъ была засунута неизбѣжная при тогдашнихъ путешествіяхъ жареная курица, завернутая въ синюю сахарную бумагу. Наконецъ, все готово; отецъ, сестра и я, одѣтые по-дорожному, выходимъ и садимся поудобнѣе на своихъ мѣстахъ; поклоны прощающихся, всхлипываніе оставляемой въ городѣ нянюшки... «Съ Богомъ, трогай!»

нувъ ногами въ воздухѣ. Помню также одного помѣщика, съ интересомъ разспрашивавшаго меня о желѣзной дорогѣ и никакъ не хотѣвшаго повѣрить, что паровозъ ходитъ самъ, безъ лошадей. Онъ настаивалъ, что этого быть не можетъ, и что лошади навѣрное только скрыты, для вида, внутри паровоза.

И тарантасъ, дребезжа всѣми желѣзными частями, выѣзжаетъ со двора на улицу и начинаетъ подпрыгивать по убійственной булыжной мостовой. На козлахъ сидитъ въ небрежной позѣ, бокомъ, ямщикъ въ заношенной поярковой шапкѣ съ павлиньимъ перомъ, а рядомъ съ нимъ помѣщается незадолго передъ тѣмъ появившійся въ нашемъ домѣ молодой человѣкъ со странною кличкой «Вардакъ». О немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Изъ оставшихся послѣ смерти моего отца бумагъ мнѣ отчасти извѣстна судьба этого человѣка. Вардакъ былъ дворовымъ одного малороссійскаго помѣщика и, сколько можно догадываться, не пользовался его расположеніемъ; по крайней мѣрѣ, помѣщикъ пожелалъ, въ видѣ любезности за какую-то услугу, «подарить» Вардака моему отцу, какъ дарятъ щенятъ добрымъ знакомымъ. Отецъ подарка не принялъ, а предложилъ за Вардака опредѣленную годовую плату и, съ согласія помѣщика, взялъ его съ собою въ Петербургъ. Вардакъ оказался добрымъ, но довольно глупымъ и крайне лѣнивымъ малымъ. У насъ онъ прижился и видимо былъ доволенъ своею новою судьбой: онъ быстро раздобрѣлъ и всегда бывалъ въ отличномъ расположеніи духа. Мнѣ неразъ случалось заставать его за его любимою забавой: выкидываніемъ ружейныхъ пріемовъ кочергой. Онъ и во мнѣ стремился развить любовь къ этой забавѣ, но не имѣлъ въ томъ успѣха, такъ какъ меня въ то время манила другая мечта—сдѣлаться ямщикомъ. Тѣмъ не менѣе, между нами установились извѣстнаго рода дружественныя отношенія, и я очень огорчился бы, если бы зналъ, что была минута, когда мы съ нимъ были на волосъ отъ разлуки. По причинамъ, оставшимся неизвѣстными, владѣлецъ Вардака неожиданно возымѣлъ противъ отца моего злобу, тупую и упорную, къ какой особенно способны малороссы. Онъ послалъ въ полицію доносъ, въ которомъ заявлялъ, что по случайно дошедшимъ до него слухамъ, его бѣглый дворовый человѣкъ укрывается у такого-то надворнаго совѣтника (имя рекъ). Словомъ, онъ завинилъ моего отца въ пристанодержательствѣ. Началось, какъ водится, изнурительное дѣло, сопровождавшееся, по тогдашнему обыкновенію, обширною перепиской и доходившее почему-то до третьяго отдѣленія. Чѣмъ кончилась эта исторія на бумагѣ, я не знаю, но догадываюсь, что козни злобнаго помѣщика были разоблачены, потому что Вардакъ остался у насъ и, какъ уже сказано, сопутствовалъ намъ въ поѣздкѣ въ Дерптъ и Верро, сидя въ ватномъ картузѣ на козлахъ тарантаса.

Описывать эту поѣздку нѣтъ надобности; достаточно сказать, что она, какъ и всякія поѣздки въ то время, сопряжена была съ немалыми неудобствами и проволочками. На каждой станціи производилась прописка подорожной, причемъ моему больному, измученному дорогой

отцу приходилось всюду вести одни и тѣ же изнурительные разговоры со станціонными смотрителями: всѣ они, словно сговорившись, сперва увѣряли и клялись, что свободныхъ лошадей нѣтъ, а потомъ все-таки находили нужную намъ тройку. Въ пути, мы ночевали на одной изъ грязныхъ станцій, расположившись на принесенныхъ въ комнату ворохахъ сѣна.

Въ Дерптъ мы пріѣхали около полудня и остановились въ какой-то гостинницѣ, на дворѣ которой, какъ разъ въ это время, уличные акробаты давали представленіе. Дворъ былъ наполненъ собравшеюся съ улицы публикой; изъ оконъ гостинницы торчали высунувшіяся до половины фигуры любопытствующихъ изъ проѣзжающихъ. Помню, что во всей гостинницѣ не оказалось ни одного человѣка, который понималъ бы по-русски; изъ насъ же троихъ никто не зналъ по-нѣмецки. Поэтому заказываніе обѣда представляло собою не столько разговоръ, сколько пантомиму. Помнится, что намъ и подали совсѣмъ не то, чего мы хотѣли. Переговоры съ директрисою пансіона, куда на другой день отецъ отвезъ мою сестру, происходили на французскомъ языкѣ, потому что директриса тоже не знала по-русски.

Не безъ слезъ простившись съ сестрою, я поѣхалъ съ отцомъ, все въ томъ же тарантасѣ, и съ тѣмъ же Вардакомъ на козлахъ, далѣе въ Верро. Этотъ маленькій, очень скромнаго вида, но чистенькій городокъ Лифляндіи славился въ то время пансіономъ почтеннаго г. Гершельмана, куда и опредѣлилъ меня отецъ. Пансіонъ помѣщался въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, одинъ фасадъ котораго выходилъ въ просторный садъ, а за садомъ было озеро, служившее зимою питомцамъ Гершельмана для катанія на конькахъ. Я съ живѣйшею признательностью вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ этомъ пансіонѣ. Не знаю, существовало ли у насъ въ то время и существуетъ ли теперь другое учебное заведеніе, въ которомъ дѣло воспитанія было бы поставлено такъ хорошо, какъ у Гершельмана. По типу онъ отчасти походилъ на извѣстныя англійскія среднеучебныя заведенія, въ родѣ Итонскаго и Гарроускаго, съ тою разницей, что онъ былъ свободенъ отъ свойственнаго этимъ британскимъ училищамъ кастоваго духа и аристократизма. Никакихъ различій по сословіямъ здѣсь не дѣлалось, и пансіонская жизнь носила чисто семейный характеръ. Гершельманъ и его жена, завѣдывавшая хозяйствомъ, относились къ воспитанникамъ съ истинно родительской лаской, участливо входили въ ихъ маленькіе личные интересы и своимъ добрымъ, всегда ровнымъ обращеніемъ съ мальчиками умѣли снискать ихъ общую любовь и уваженіе. Обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ, въ присутствіи супруговъ Гершельманъ, причемъ директриса, точно мать большой семьи, сама разливала супъ. Директоръ, видомъ своимъ напоминавшій лютеранскаго пастора, открывалъ трапезу

чтеніемъ молитвы по-нѣмецки, а когда, по окончаніи обѣда, мы поочередно подходили къ нему благодарить, онъ степенно напутствовалъ каждаго сокращеннымъ: «Mahlzeit!» послѣ чего мы веселою гурьбой отправлялись рѣзвиться въ садъ, какая бы ни была погода. Въ саду имѣлись и гимнастическіе аппараты, и кегельбанъ для болѣе сильныхъ, и особая площадка для метанія деревянныхъ копій и дисковъ; на озерѣ стояла купальня, а зимою устраивался катокъ. Вообще, для физическихъ упражненій дѣтей сдѣлано было все, что только возможно, и я не помню изъ среды моихъ товарищей ни одного блѣднаго или унылаго мальчика, въ родѣ тѣхъ, какими изобилуетъ среда современныхъ учениковъ. Всѣ были бодры, подвижны, жизнерадостны.

Еще одна особенность, сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающаяся ни въ какомъ другомъ учебномъ заведеніи: каждому изъ насъ директоръ ежемѣсячно выдавалъ на руки карманныя деньги (Taschengeld), причемъ расходованіе ихъ мы должны были записывать въ особыя тетрадки, подлежавшія контролю директора по истеченіи мѣсяца. Выдача была невелика—всего по 20 коп. въ мѣсяцъ, но важно было то, что, располагая собственными деньгами, мы до извѣстной степени пріучались къ самостоятельности въ поступкахъ. Часть денегъ мы сберегали, чтобы смастерить себѣ какой - нибудь замысловатый костюмъ (преимущественно изъ цвѣтной бумаги) ко дню рожденія директора, когда въ пансіонѣ устраивался маскарадъ. День этотъ былъ для насъ днемъ общаго веселья: мы искренно любили Гершельмана. Въ тайнѣ отъ него, ради вящшаго эффекта, сооружались вензеля и гирлянды изъ бумажныхъ цвѣтовъ, фонарики, транспаранты и картонные щиты, и всѣмъ этимъ украшаема была къ торжественному дню большая рекреаціонная зала. Старшій классъ заготовлялъ стихотворныя и прозаическія поздравленія директору и его женѣ, разучивалъ пѣсни и хоралы, и придумывалъ общую программу празднества. Надо было видѣть, какое одушевленіе господствовало въ разукрашенной залѣ, когда вечеромъ, при свѣтѣ горѣвшихъ въ кенкетахъ сальныхъ свѣчей (стеариновыхъ тогда еще и въ заводѣ не было), она наполнялась веселою толпой мальчишекъ въ одеждѣ рыцарей, матросовъ, бандитовъ, индѣйцевъ и т. п. Растроганный и радостный, возсѣдалъ старикъ Гершельманъ, рядомъ съ его милою женой, на убранныхъ бумажными цвѣтами креслахъ, любуясь общимъ весельемъ. На торжество приглашались также и члены мѣстныхъ бюргерскихъ семей, съ дочерьми; устраивались танцы и игры, смѣнявшіяся музыкою и хоровымъ пѣніемъ. Чистыя, свѣтлыя впечатлѣнія выносили мы съ этихъ вечеровъ.

Подборъ преподавателей въ пансіонѣ былъ настолько хорошъ, что ученіе во всѣхъ классахъ шло безъ заминки, лѣнивыхъ и отсталыхъ почти не бывало. Учителя, очевидно, умѣли заинтересовать своихъ

слушателей; къ тому же и слушатели-то были все здоровые, бодрые мальчики. Мое положеніе у Гершельмана оказалось, однако, на первыхъ порахъ, очень затруднительнымъ: я ни слова не зналъ по-нѣмецки, а въ пансіонѣ никто не понималъ по-русски; лишь нѣсколько времени спустя прибылъ туда маленькій сынъ француза-парикмахера изъ Петербурга, свободно владѣвшій русскимъ языкомъ. Впрочемъ, можетъ быть именно вслѣдствіе трудности положенія, вышло какъ-то такъ, что я довольно скоро освоился съ нѣмецкою рѣчью, а потомъ и онѣмечился настолько, что даже пріучился думать по-нѣмецки. Къ сожалѣнію, впослѣдствіи, по переходѣ въ гимназію, я въ значительной степени утратилъ пріобрѣтенный въ Верро навыкъ въ нѣмецкомъ разговорѣ.

Поступивъ въ пансіонъ весною, я вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мальчиками остался тамъ и на каникулы, тогда какъ большинство другихъ моихъ товарищей разъѣхалось по домамъ. Остался же я потому, что отецъ мой, уѣхавъ въ Малороссію, въ имѣніе графа А., умеръ въ дорогѣ, о чемъ я узналъ только спустя годъ. Объ этомъ каникулярномъ времени я храню самое пріятное воспоминаніе. Вмѣстѣ съ товарищами, подъ руководствомъ одного изъ учителей, мы совершали экскурсіи въ окрестности Верро, слегка гербаризировали, рисовали съ натуры (воображаю, каковы были наши рисунки!), посѣщали развалины какого-то стариннаго зàмка, о бывшихъ владѣльцахъ котораго ходили мрачныя легенды; словомъ, большую часть времени мы проводили на лонѣ природы. И чѣмъ дольше жилъ я въ пансіонѣ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ нему. Много ли найдется учебныхъ заведеній, которыя, подобно гершельмановскому, оставляли бы по себѣ добрую память въ ихъ питомцахъ? Теперь, когда поднялись у насъ толки о школьной реформѣ, я невольно обращаюсь мыслью къ дорогому для меня пансіону Гершельмана, какъ къ образцу, котораго слѣдовало бы держаться. Говорятъ, нѣтъ людей для подбора надлежащаго педагогическаго персонала. Но отчего же тогда, въ ту уже далекую отъ насъ пору, найдти такихъ людей, при добромъ желаніи, было возможно?

II.

Мой переѣздъ въ Петербургъ.—П. Г. Рѣдкинъ.—Петропавловская школа.—Пансіонъ Софьи Ивановны.—Н. И. Пироговъ.—Оживленіе въ домѣ дяди послѣ окончанія крымской кампаніи.—Н. А. Милютинъ.

Въ пансіонѣ Гершельмана я пробылъ года полтора: за смертью отца, заботу обо мнѣ взялъ на себя его двоюродный братъ, мой дядя,

жившій въ Петербургѣ и, по просьбѣ бабушки, согласившійся заняться устройствомъ моей судьбы. Тяжело было мнѣ разставаться съ четою Гершельманъ, къ которой я успѣлъ всѣмъ сердцемъ привязаться, но надо было ѣхать въ столицу. Найденъ былъ надежный человѣкъ для препровожденія моего въ Дерптъ, откуда мы съ сестрою поѣхали въ Петербургъ—сколько помнится, въ дилижансѣ. Тотъ же надежный человѣкъ доставилъ насъ обоихъ на дядину квартиру.

Дядя мой, Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, былъ человѣкъ далеко не заурядный. Родомъ малороссъ, сынъ городничаго въ Ромнахъ (Полтавской губ.), онъ въ раннихъ лѣтахъ обнаружилъ большую охоту и способность къ ученію и, благодаря хорошимъ средствамъ родителей, получилъ наилучшую первоначальную подготовку, какую только можно было въ тѣ времена [1]) получить въ провинціальномъ городѣ. Затѣмъ онъ былъ отданъ въ Нѣжинскій лицей Безбородко. Родители очень гордились его учебными успѣхами, заранѣе суля ему блестящую служебную карьеру. Каково же было ихъ удивленіе и неудовольствіе, когда сынъ ихъ, по окончаніи лицейскаго курса, заявилъ имъ о своемъ намѣреніи посвятить себя не службѣ, а ученой дѣятельности! Онъ пожелалъ поступить въ Московскій университетъ, окончилъ тамъ курсъ и былъ посланъ въ Дерптъ, въ университетъ котораго правительство направило тогда нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ видахъ подготовки ихъ къ занятію профессорскихъ каѳедръ. Дядинъ отецъ, какъ разсказывалъ мнѣ позже самъ дядя, съ университетскимъ образованіемъ еще мирился, но о безразсудной, на его взглядъ, затѣѣ сына посвятить себя профессурѣ и слышать не хотѣлъ. Должность профессора представлялась ему такою же низменною, какъ и учительская; пустить же сына въ «учителишки» онъ считалъ унизительнымъ для своего городническаго достоинства. Мать дяди плакала навзрыдъ, предвидя гибель карьеры сына и позоръ для семьи. Но сынъ стоялъ на своемъ; ни приказанія отца, ни заклинанія матери не могли сломить упорства будущаго профессора: недаромъ онъ былъ хохолъ. Вышла размолвка, но сынъ все-таки уѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ и началъ упорно работать, терпѣливо вынося лишенія, проистекавшія изъ скудости средствъ, отпускавшихся ему отцомъ, упрямымъ не менѣе сына. Цѣли своей настойчивый юноша, какъ извѣстно, добился: въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ группою другихъ кандидатовъ на профессуру, былъ посланъ на казенный счетъ за-границу. Едва-ли не пѣшкомъ исходилъ онъ всю Европу, потомъ засѣлъ въ Берлинѣ и сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ Гегеля. Память этого философа онъ свято чтилъ во всю свою послѣдующую жизнь; въ кабинетѣ его, много лѣтъ спустя, всегда висѣла, вдѣланная въ рамку

[1]) Онъ родился въ 1808 г.

краткая собственноручная надпись Гегеля на его имя [1]). Въ Москву онъ вернулся истиннымъ гегеліанцемъ, какимъ и оставался до старости, когда началъ склоняться къ Огюсту Конту. Занявъ каѳедру энциклопедіи права въ Московскомъ университетѣ, онъ вмѣстѣ съ другими извѣстными молодыми учеными внесъ въ университетскія стѣны свѣтъ тогдашней европейской науки. Студенты любили его, находя въ немъ всегдашнюю готовность помочь, кому нужно, дѣльнымъ совѣтомъ и цѣня въ его лицѣ хорошаго лектора. Петръ Григорьевичъ отличался необыкновенною работоспособностью; постоянно слѣдя за наукой, каждый годъ тщательно перерабатывая свои лекціи, онъ находилъ время еще и для занятій педагогикою, причемъ издавалъ «Библіотеку для Воспитанія», а также и «Юридическія Записки», изданіе которыхъ перенесъ потомъ и въ Петербургъ. Эта эпоха Московскаго университета достаточно извѣстна, чтобы здѣсь нужно было останавливаться на ней; напомню только, что, подъ вліяніемъ событій конца сороковыхъ годовъ на Западѣ, положеніе молодыхъ профессоровъ въ этомъ университетѣ стало очень тяжелымъ: наука, а съ нею и служители ея заподозрѣны были въ распространеніи опасныхъ идей. Повидимому, въ ту пору преобладало во вліятельныхъ кругахъ убѣжденіе, что не жизнь родитъ идеи (каковы бы онѣ ни были), а идеи созидаютъ жизнь. Какъ бы то ни было, дѣятельность многихъ изъ молодыхъ профессоровъ пресѣклась. Опуская подробности, замѣчу, что въ 1849 году, мой дядя несмотря на всю свою любовь къ профессорской дѣятельности, уже перебрался въ Петербургъ, гдѣ и зачислился на службу, сперва по министерству внутреннихъ дѣлъ, а потомъ перешелъ въ Департаментъ Удѣловъ. Въ 1854 году, когда мы съ сестрою прибыли къ нему, онъ былъ уже довольно значительнымъ чиновникомъ. Еслибы родители его были еще живы, они, конечно, порадовались бы тому, что сынъ ихъ взялся, наконецъ, за умъ и бросилъ «учительство». А Герценъ, принадлежавшій въ Москвѣ къ тому же кружку, въ которомъ вращался и мой дядя въ бытность свою профессоромъ, взглянулъ на дѣло иначе и впослѣдствіи съ грустью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ переходъ его къ чиновничьей карьерѣ. Такъ несходны бываютъ воззрѣнія людей.

Впрочемъ, мой дядя, хотя и обратился въ чиновника, все-таки остался, прежде всего, жрецомъ науки [2]) и неуклонно продолжалъ свои ученыя занятія. Онъ обладалъ рѣдкою въ русскомъ человѣкѣ выдержкой. Еще въ годы студенчества онъ поставилъ себѣ правиломъ вставать очень рано, въ 5 часовъ утра, обливаться ледяною водой и

---

[1]) Гдѣ находится теперь этотъ автографъ?

[2]) Извѣстно, что въ 1864 г. онъ снова сталъ профессоромъ, но уже Петербургскаго университета, гдѣ потомъ былъ ректоромъ.

все утро, до ранняго завтрака, посвящать научнымъ занятіямъ. Правила этого онъ не нарушалъ до глубокой старости и вообще велъ жизнь правильную до педантизма. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, онъ ежедневно послѣ завтрака дѣлалъ во всякую погоду опредѣленную прогулку, потомъ, позанявшись, сколько положено было по росписанію, за своею грузною конторкой стариннаго вида, уходилъ на службу и пѣшкомъ же возвращался къ обѣду домой. Часа полтора послѣ обѣда онъ проводилъ въ кругу семьи, сидя всегда на одномъ и томъ же креслѣ, около котораго ему ставили на столикѣ огромный стаканъ воды со льдомъ, емкостью не менѣе двухъ бутылокъ. Послѣдователь (въ то время) водолѣчебной системы Присница, онъ, среди разговоровъ, выпивалъ весь этотъ стаканъ; съ послѣднимъ глоткомъ онъ вставалъ и удалялся въ кабинетъ, гдѣ вновь становился за конторку и работалъ безъ перерыва до чая, т. е. до того времени, когда другіе пили чай, а ему подавалось согрѣтое молоко. Благодаря строго размѣренному и воздержному образу жизни, онъ обладалъ крѣпчайшимъ здоровьемъ и, кажется, никогда не бывалъ серьезно боленъ. Женился онъ еще въ Москвѣ, на англичанкѣ, дочери лектора англійскаго языка при университетѣ, мистера Гарве, и пользовался тихимъ семейнымъ счастіемъ. Тетка моя, красивая, стройная женщина, обладала практическимъ умомъ, была хорошо, по-англійски, воспитана, серьезна и сдержанна и, повидимому, нисколько не тяготилась установившимся въ домѣ размѣреннымъ, почти автоматическимъ ходомъ жизни. Въ то время, когда мы съ сестрою поселились въ семьѣ дяди, у тетки была уже первая дочь, маленькая, пухленькая, но крѣпкая дѣвочка, которую она содержала въ безукоризненной чистотѣ, подвергала разъ навсегда строго установленному режиму и пріучала къ порядку и систематичности въ дѣйствіяхъ.

Жизнь въ домѣ дяди носила отчасти монастырскій характеръ. Гости бывали здѣсь крайне рѣдко. Въ большихъ, высокихъ комнатахъ обширной квартиры обыкновенно господствовала почти полная тишина. Изъ кабинета, гдѣ работалъ за книгами дядя, лишь каждую четверть часа доносилась игра старинныхъ стѣнныхъ часовъ съ курантами; тетка молча сидитъ, бывало, за какимъ-нибудь рукодѣльемъ ими за книгою у себя, не упуская изъ вида своей безшумно играющей на коврѣ дочери. Голосовъ прислуги, помѣщавшейся въ дальнихъ покояхъ, не слышно; и мы съ маленькой сестрой, пріютившись гдѣ-нибудь у стола, разсматриваемъ книги съ картинками, сдерживая голоса, чтобы не нарушить жуткое для насъ безмолвіе квартиры. Вскорѣ сестру мою опредѣлили въ Николаевскій сиротскій институтъ; я же былъ еще слишкомъ малъ для поступленія въ гимназію и остался одинъ. Вѣроятно, дядя понималъ, что одиночество не можетъ быть ни пріятно, ни полезно такому живому мальчику, какимъ я былъ въ то время, и принялъ мѣры

противъ развитія во мнѣ наклонности къ праздности. Мнѣ были куплены водяныя краски и принадлежности рисованія, задаваемы были легкія упражненія въ переводѣ съ французскаго и нѣмецкаго, при чемъ дядя, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, находилъ время руководить моими работами, что дѣлалъ чрезвычайно умѣло. Но такъ какъ мнѣ едва исполнилось тогда восемь лѣтъ и объ опредѣленіи моемъ въ гимназію ранѣе года нечего было и думать, то дядя призналъ за лучшее отдать меня на зимній семестръ приходящимъ въ Петропавловскую школу, болѣе извѣстную въ Петербургѣ подъ нѣмецкимъ названіемъ Petri-Schule.

Я лишь смутно помню короткое время, проведенное мною въ этомъ училищѣ. Ученья отъ меня, очевидно, не требовалось: мнѣ не задавали никакихъ уроковъ и никогда меня не «спрашивали». Вѣроятно, имѣлось въ виду единственно только то, чтобы я проводилъ дни не въ одиночествѣ, а въ среди сверстниковъ, и если такъ, то это было благоразумнымъ рѣшеніемъ со стороны дяди: все же я не утрачивалъ общительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислушивался и къ тому, что преподавалось въ классѣ. Преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ, но это уже не представляло для меня затрудненій послѣ моего «онѣмеченія» въ Верро. Общій «нѣмецкій» складъ школы, во многомъ разнящійся отъ русскаго, тоже не былъ мнѣ чуждъ, и потому я не чувствовалъ себя въ классѣ отверженцемъ. А главное, шумная школьная жизнь въ теченіе дня существенно скрашивала тоску, которую я испытывалъ въ долгіе вечера, просиживая одинъ за тѣмъ или другимъ занятіемъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ углу тихой, какъ бы погруженной въ дремоту дядиной квартиры, при уныломъ свѣтѣ высоко повѣшенной на стѣнѣ аргантовой лампы. Лѣтомъ этого года дядя уѣхалъ съ семьей въ свое родовое роменское имѣніе, а я былъ отданъ на попеченіе вдовы одного изъ преподавателей Петропавловской школы, содержавшей въ школьномъ домѣ небольшой пансіонъ. Помнится, въ числѣ непремѣнныхъ условій при опредѣленіи въ ея пансіонъ, отъ новичка требовалось представленіе серебряной ложки и вилки, а также постельныхъ принадлежностей; все это поступало въ собственность хозяйки. Содержательница пансіона была высокая, чопорная нѣмка, Софья Ивановна, съ большимъ зобомъ, очень чистоплотная, несловоохотливая и разсчетливая. Кормила она насъ преимущественно картофельными кушаньями, а воспитательную миссію свою ограничивала наблюденіемъ за чистотою нашей одежды и постелей. Спали же мы у нея въ особаго устройства комодахъ, изъ которыхъ на ночь выдвигался ящикъ, служившій кроватью. Лѣтомъ изъ всѣхъ пансіонеровъ остался у хозяйки я одинъ, и она взяла меня съ собой на дачу въ Саратовскую колонію, что на Невѣ. Поселившись тамъ съ своею старушкой-сестрой, она пред-

оставила меня самому себѣ. Я могъ сидѣть въ палисадникѣ, ходить въ поле, отъ котораго всегда убійственно пахло, благодаря обильному унавоженію городскими отбросами, или бродить по берегу Невы и наблюдать изрѣдка подходившіе къ пристани пароходы изъ Петербурга и Шлюссельбурга. Все это было однообразно и скучно, но Софья Ивановна и ея сестра, повидимому, были очень довольны своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ. Запросы ихъ были видимо очень невысоки и не простирались далѣе желанія жить въ сытости и приличной, на среднюю мѣрку, обстановкѣ. Дачная жизнь ихъ протекала ровно и безмятежно; монотонность ея только однажды во все лѣто оживилась пріѣздомъ какого-то родственника хозяйки, котораго она называла Karl. Это былъ упитанный остзеецъ съ гордою осанкой и выхоленными усами. Онъ собирался куда-то на Liedertafel и по пути прибылъ къ намъ въ тирольскомъ костюмѣ, причемъ привезъ съ собою обвитую лентой гитару и свою Frau Gemahlin. Я до сихъ поръ живо помню его безпредѣльно самодовольную фигуру, надменно-развязную повадку и такъ непонравившійся мнѣ тонъ покровителя по отношенію къ миловидной нѣмочкѣ-женѣ, повидимому, боготворившей его. Нѣмочка была очень болтлива, звонко смѣялась по всякому пустому поводу и внесла веселье въ нашу скучную жизнь. Остзеецъ, съ своей стороны, нѣсколько разъ пѣлъ очень громко, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, а я въ это время смотрѣлъ, какъ надувались у него при этомъ жилы на шеѣ и на лбу. Онъ пилъ съ нами кофе на открытомъ воздухѣ, много разсказывалъ о себѣ и на утро уѣхалъ съ первымъ пароходомъ, забравъ съ собою и гитару, и жену, и оставивъ по себѣ самое пріятное воспоминаніе въ сердцахъ хозяйки и ея сестры. Нѣсколько дней у нихъ только и разговора было, что про милаго Карла.

Мой дядя не могъ, конечно, не знать, что въ пансіонѣ Софьи Ивановны мнѣ нечего будетъ почерпнуть, и я догадываюсь, что онъ помѣстилъ меня туда по особымъ соображеніямъ. По случаю болѣзни глаза, я нуждался тогда въ наблюденіи со стороны опытнаго врача. Изъ врачей же дядя всего болѣе довѣрялъ своему товарищу по Дерптскому университету Ник. Ив. Пирогову, уже пользовавшемуся въ то время громкою извѣстностью первокласснаго хирурга. Если не измѣняетъ мнѣ память, Пироговъ принималъ въ то лѣто больныхъ въ Максимиліановской лѣчебницѣ. И вотъ было рѣшено, чтобы разъ въ недѣлю пріѣзжала за мною на дачу на пароходѣ оставленная мною на дядиной городской квартирѣ служанка, которая возила бы меня на визитацію въ лѣчебницу. Я отчетливо помню впечатлѣніе, произведенное на меня знаменитымъ впослѣдствіи педагогомъ. Войдя въ его пріемную, я увидѣлъ сидѣвшаго за письменнымъ столомъ нескладно согнувшагося человѣка съ некрасивымъ, но удивительно добрымъ лицомъ.

Довольно сильное косогласіе страннымъ образомъ нисколько не умаляло привѣтливости его взгляда.

— А, чижикъ! Ну, здравствуй, чижикъ!—весело воскликнулъ Пироговъ, простирая ко мнѣ обѣ руки. (Слово «чижикъ» пришло ему на умъ, вѣроятно, потому, что я одѣтъ былъ въ желтую канаусовую рубашку и черные плисовые шаровары). — Ну, покажи, что у тебя такое?

Этотъ человѣкъ обладалъ рѣдкимъ даромъ сразу располагать къ себѣ дѣтей (говорили, что также и взрослыхъ); я тотчасъ же почувствовалъ себя съ нимъ просто и естественно. Осматривая меня, онъ продолжалъ шутить, отъ времени до времени вставляя нужные ему вопросы; потомъ сосредоточился на минуту и написалъ рецептъ, послѣ чего ясно, просто и тѣмъ-же добродушнымъ тономъ далъ нужныя наставленія сопровождавшей меня служанкѣ. А отпуская меня, разспросилъ о дядѣ и, на прощаніе, потрепалъ меня по плечу, прибавивъ, что у меня «все отлично» и чтобы я пріѣхалъ на будущей недѣлѣ.

Манера его обращенія была плѣнительна по простотѣ и безъискусственности: въ ней не чувствовалось ни слѣда присюсюкиванія, столь обычнаго въ обращеніи взрослыхъ съ дѣтьми, когда они разсчитываютъ расположить ихъ къ себѣ. Это была та самая манера, къ которой я привыкъ въ родительскомъ домѣ. Мнѣ кажется, она дается только тѣмъ, кто истинно любитъ дѣтей и знаетъ ихъ инстинктивное нерасположеніе ко всякой фальши. Я былъ потомъ у Пирогова еще раза два, и, право, поѣздки къ нему доставляли мнѣ огромное удовольствіе. Искренность дѣтскаго расположенія—вотъ лучшій пробный камень для опредѣленія хорошаго человѣка и особенно хорошаго педагога.

Не знаю навѣрное, раньше или позже этого лѣта Пироговъ ѣздилъ въ Крымъ, гдѣ Россія въ жестокой борьбѣ платилась тогда за свои внутренніе недуги и, истекая кровью своихъ сыновъ, въ изнеможеніи завоевывала себѣ лучшее будущее. Я былъ еще слишкомъ ребенокъ, чтобы понимать важность совершавшихся событій. За обѣдами въ домѣ дяди мнѣ доводилось, конечно, слышать разговоры взрослыхъ о войнѣ, но я интересовался ими съ чисто внѣшней стороны. Особенно любопытнымъ казалось мнѣ то, что разговоры эти велись какъ-бы тайкомъ отъ прислуги и прерывались или переходили на французскую рѣчь съ появленіемъ у стола лакея, вносившаго блюда или перемѣнявшаго тарелки.

Припоминаю, какъ съ воцареніемъ императора Александра II-го и окончаніемъ войны, въ домѣ дяди, обыкновенно такомъ тихомъ, съ почти монастырскою унылостью, внезапно зазвучали отголоски радостно встрепенувшейся жизни. Чаще стали собираться здѣсь дядины ближайшіе знакомые; въ числѣ гостей я нерѣдко видывалъ Ник. Алексѣевича

Милютина, бойко поднимавшагося тогда по iерархической лѣстницѣ. Какъ бывшiй сослуживецъ моего покойнаго отца, онъ зналъ меня и ранѣе, и теперь, жалѣя во мнѣ осиротѣвшаго мальчика, относился ко мнѣ съ особенною лаской; я, съ своей стороны, очень любилъ его. На взрослыхъ онъ тоже производилъ видимо прiятное впечатлѣнiе. Рослый, прекрасно сложенный, хотя и съ наклонностью къ тучности, съ ранней просѣдью въ густыхъ волосахъ, онъ привлекалъ къ себѣ открытымъ выраженiемъ лица и необыкновенно располагавшимъ въ его пользу мягкимъ взоромъ сѣро-голубыхъ, нѣсколько мечтательныхъ глазъ. Изящество манеръ, прiятный грудной голосъ, даже сама легкая картавость на буквѣ р—все это, въ связи съ недюжиннымъ даромъ слова и яснымъ умомъ, вполнѣ оправдывало его успѣхи въ высшихъ аристократическихъ и правительственныхъ сферахъ. Присутствiе его всегда вносило въ домъ дяди много оживленiя. Правда, что и помимо него въ домѣ этомъ уже пронеслась новая струя. За обѣдомъ, вмѣсто прежней бесѣды въ минорномъ тонѣ, слышались уже бодрые, оживленные разговоры. Сообщали послѣднiя новости, которыхъ всегда находилось великое множество, называли имена государственныхъ людей, стоявшихъ за необходимость реформъ, выражали наилучшiя надежды. Дядя повеселѣлъ и оживился и даже началъ отъ времени до времени посѣщать англiйскiй клубъ, членомъ котораго состоялъ, но куда раньше ѣздилъ крайне рѣдко. Во всемъ остальномъ онъ остался вѣренъ своей разъ навсегда установленной программѣ; по-прежнему вставалъ съ пѣтухами, обливался ледяною водой, въ положенные часы работалъ дома и на службѣ и т. д. Не знаю, насколько онъ подходилъ въ англiйскомъ клубѣ подъ общiй фонъ, и готовъ предположить, что онъ былъ тамъ не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ. Средняго роста, крѣпкiй и коренастый, всегда остриженный подъ гребенку, онъ говорилъ съ малороссiйскимъ акцентомъ «на *о*», и какъ говорится, совсѣмъ не имѣлъ «манеръ»; одѣвался онъ небрежно и былъ, казалось, рожденъ домосѣдомъ. Привычка прямо, безъ обиняковъ, высказывать свое мнѣнiе, что иногда выходило у него немного грубовато, и полное отсутствiе того, что называется свѣтскостью обращенiя, едва-ли дѣлали его присутствiе въ клубѣ особенно прiятнымъ кое-кому изъ сочленовъ. Но, съ другой стороны, солидное служебное положенiе, помимо всѣми признаваемой учености, обезпечивало ему извѣстнаго рода уваженiе и непослѣднее мѣсто въ кругу лицъ высокаго ранга. При томъ, природная сметка несомнѣнно помогала ему находить нужный тонъ въ сношенiяхъ съ людьми, выше его стоявшими, не роняя собственнаго достоинства, ничуть не принижаясь. Въ служебныхъ сферахъ цѣнили его дѣловитость, извиняя «странности» его манеры принадлежностью его къ «ученому сословiю». И дядя мой, кажется, отлично понималъ удобства своего положенiя, избавлявшiя его

отъ надобности кривить, при случаѣ, душою. Доживъ до глубокой старости (83 лѣтъ), онъ не запятналъ себя ни однимъ недостойнымъ поступкомъ на службѣ, что было дѣломъ нелегкимъ въ своенравную эпоху сороковыхъ годовъ. Кстати отмѣчу еще одну черту въ характерѣ этого оригинальнаго человѣка: онъ всегда былъ полнымъ хозяиномъ своего настроенія. При его умственныхъ запросахъ, служебныя занятія не могли быть для него интересны, но, разъ придя на службу, онъ цѣликомъ погружался въ свое дѣло и дѣлалъ его уже безупречно; стоило же «присутствію» окончиться, и онъ тотчасъ же совлекалъ съ себя чиновника и выходилъ на улицу совершенно другимъ человѣкомъ, т. е. сразу возвращался къ мыслямъ и интересамъ, которыми поглощенъ былъ ранѣе, до «присутствія». Точно такъ же, едва окончивъ одно занятіе и перейдя къ другому, онъ умѣлъ заставить свою мысль сейчасъ же, безъ перерыва, вполнѣ сосредоточиться на новомъ занятіи. Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ рѣдкою силой воли.

Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Любопытное письмо императрицы Екатерины II.

Въ 1897 году городокъ Заандамъ, въ Голландіи, недалеко отъ Амстердама, торжественно праздновалъ 200-лѣтнюю годовщину памятнаго пребыванія въ этомъ городѣ царя Петра Алексѣевича въ качествѣ простого рабочаго.

Мнѣ случилось присутствовать на этомъ симпатичномъ юбилеѣ [1]), послѣ котораго я посѣтилъ цѣлый рядъ голландскихъ музеевъ и архивовъ съ цѣлью розысканія новыхъ матеріаловъ о Петрѣ Великомъ и его пребываніи въ Голландіи.

Зашелъ я, между прочимъ, и въ университетскую библіотеку въ Амстердамѣ, чтобы спросить, не найдется ли тамъ нѣсколько нужныхъ мнѣ гравюръ и книгъ Петровскаго времени. Кое-что, дѣйствительно, нашлось.

— Больше у васъ о царѣ Петрѣ ничего нѣтъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, есть еще одно письмо,—отвѣтилъ библіотекарь. Я вамъ покажу.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ мнѣ цѣлый ворохъ бумагъ.

— Здѣсь много русскихъ бумагъ,—пояснилъ библіотекарь.—Перевода нѣтъ, такъ что мы не знаемъ даже, что собственно тутъ имѣется. Можетъ быть, вамъ что-нибудь и пригодится. Тутъ и письмо царя Петра и вообще это, кажется, автографы.

— Да откуда же у васъ все это?!—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Судя по надписи, это подарено библіотекѣ университета какимъ-то господиномъ П. А. Дидерихсомъ; больше мы ничего не знаемъ.

Я съ любопытствомъ принялся за изученіе неожиданной находки, которая оказалась состоящею изъ довольно значительнаго количества русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ автографовъ августѣйшихъ особъ, государственныхъ дѣятелей и литераторовъ.

---

[1]) Я изложилъ воспоминанія объ этомъ событіи въ очеркѣ „Петровскій юбилей въ 1897 году въ Заандамѣ“, составляющемъ приложеніе къ книгѣ: „Питръ Михайловъ, историко-бытовыя картины голландской жизни XVII вѣка, въ 4-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, Геррита Яна Гонига. Перевелъ съ разрѣшенія автора съ голландскаго и снабдилъ примѣчаніями А. В. Половцовъ“. Спб. 1898 г. А. П.

Мнѣ некогда было заняться перепиской документовъ въ Голландіи, но благодаря любезности администраціи амстердамской университетской библіотеки, интересная коллекція была переслана въ Петербургъ, въ Императорскую публичную библіотеку, гдѣ мною и были сняты копіи съ этихъ документовъ.

Выдѣляю на первый разъ любопытное и оригинальное письмо императрицы Екатерины II, написанное на полулистѣ желтоватой бумаги. Все письмо написано, равно какъ и подписано, собственноручно государынею.

Вотъ самый текстъ письма съ соблюденіемъ правописанія подлинника:

«Графъ Іаковъ Александровичь письмо ваше отъ м.м. Марта я вчерашной получила [.] при семъ прилагаю отвѣты къ присланнымъ письмамъ.

Планы и смѣты погоревшимъ магазинамъ ажидать буду.

Днепръ, изчезаетъ то есть ледъ днепровской, entendons nous.

Аннѣ Никитишнѣ скажитѣ что съ будущимъ курьеромъ она непременно получитъ обѣщанный гостиницъ, но чтобы она оной на головѣ не приколола, въ волосахъ не тыкала, на башмаки не нашивала, не прибавляла не убавляла ширины, руки имъ не оцарапала, излишно не цаловала, но содержала чесно, стройно, не кормя излишно, наипаче-же гр. Строгонова не допускала близко да бы не изгрызъ. Ne montrés cette lettre a personne, elle est trop folle, mais dite a qui Vous voudrés que je me porte bien de meme que tout le monde [1]). Пребываю къ вамъ доброжелательна». Екатерина.

Изъ Кіева 19 Марта 1787.»

Съ перваго же взгляда видно, что письмо это писано императрицею Екатериною II къ графу Якову Александровичу Брюсу изъ Кіева, во время путешествія, предпринятаго государынею въ 1787 году на югъ Россіи.

Но о какомъ пожарѣ упоминается здѣсь и о какомъ гостинцѣ Аннѣ Никитичнѣ (Нарышкиной) говоритъ съ такимъ юморомъ императрица?

Обстоятельства эти выясняются сопоставленіемъ даннаго письма императрицы съ другими письмами ея, писанными ею къ графу Брюсу.

Генералъ-аншефъ Яковъ Александровичъ Брюсъ пользовался особеннымъ довѣріемъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Передъ отъѣздомъ своимъ въ дальній путь, она, 24-го декабря 1786 года, особеннымъ рескриптомъ поручила ему главное начальство надъ Петербургомъ, надъ Петербургскою губерніею и надъ всѣми войсками, въ городѣ и въ тамошней дивизіи состоящими, на правахъ главнокомандующаго, съ присутствіемъ въ Сенатѣ. Приказано было доносить о происшествіяхъ

[1]) Не показывайте этого письма никому, оно слишкомъ сумасбродно, но скажите кому хотите, что я здорова, какъ и всѣ остальные.

разъ въ недѣлю, но объ экстренныхъ съ нарочными. Графу Брюсу при этомъ, до возвращенія императрицы въ Петербургъ, было назначено прибавочнаго жалованья по 1.000 рублей въ мѣсяцъ [1]).

Императрица Екатерина аккуратно отвѣчала на всѣ письма и донесенія графа Брюса. Всего набралось 55 писемъ къ нему государыни, которыя и были напечатаны въ 1887 году, въ видѣ приложенія, къ Камеръ-Фурьерскому журналу 1787 года.

Письма, найденнаго мною въ Амстердамѣ, между ними не оказывается. Оно приходится между № 24 отъ 15-го марта и № 25 отъ 23-го марта.

28-го января 1787 года, произошелъ въ Петербургѣ большой пожаръ въ винныхъ и соляныхъ магазинахъ, находившихся на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго дворца (въ мѣстности, которая и теперь носитъ названіе Солянаго городка). Загорѣлось въ первомъ часу дня отъ лопнувшей трубы въ квартирѣ бочаровъ.

Получивъ это непріятное извѣстіе, императрица Екатерина отозвалась въ письмѣ отъ 6-го февраля: «Удивительное дѣло, какъ давали бочарамъ жить въ магазейнахъ, гдѣ окромя караульной не положено было имѣть кому жилище».

2-го марта императрица писала по тому же поводу: «Мнѣніе о соляныхъ и винныхъ магазинахъ и починки оныхъ надѣюсь получить еще ко времени и не преминю васъ снабдить резолюціею, чтобъ скорѣе возстановить попорченное нелѣпымъ пожаромъ».

Объ этомъ же дѣлѣ императрица упоминаетъ и въ письмѣ отъ 19-го марта, о которомъ идетъ рѣчь, продолжая ожидать «планы и смѣты погорѣвшимъ магазинамъ».

Загадка съ гостинцемъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ:

16-го февраля императрица писала графу Брюсу: «faites mes compliments a Анна Никитишна и скажи ей, что я скоро къ ней пришлю гостинцу да такую на которой она долго будетъ радоваться».

Анна Никитична Нарышкина (рожд. Румянцова, р. 1730 г.) состояла въ это время статсъ-дамою (съ 15-го сентября 1773 г., т. е. со дня торжественнаго миропомазанія великой княгини Наталіи Алексѣевны, первой супруги цесаревича Павла Петровича). Императрица Екатерина была къ ней очень расположена, но въ путешествіе ее съ собой не взяла, зато въ письмахъ упоминаетъ о ней неоднократно и старается при всякомъ случаѣ доставить ей какое-нибудь удовольствіе. Такъ 15-го марта, она пишетъ графу Я. А. Брюсу: «Еще приказала къ вамъ отправить превеликая тюка съ турецкими парчами здѣшнѣй ярмарки, прошу оныхъ отдать такъ, какъ на каждой связкѣ на оба сторона надписано, а именно: графинѣ Марьѣ Андреевнѣ Румянцовой, гр. Аннѣ Алек. Матюшкиной, кня. Дарьѣ Алек. Голицыной, Аннѣ Ни-

[1]) См. Г. В. Есиповъ „Путешествіе императрицы Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г.“, „Кіевская Старина“ 1890 и 1891 гг.

китишнѣ Нарышкиной (сей вы скажите что парча есть другой гостинецъ [1]), а третьи вскорѣ послѣдуетъ) еще генеральшѣ Ливенъ; буде они моими парчами недовольны будутъ, или имъ покажется мало на платье, то выпросите у нихъ оныхъ себѣ на покрытье тулупа».

Черезъ четыре дня, 19-го марта, императрица снова (въ «Амстердамскомъ» письмѣ) возвращается къ обѣщанному, третьему, гостинцу и даетъ волю своей веселости и своему юмору. На этотъ разъ, если графъ Яковъ Александровичъ прочелъ письмо отъ 19-го марта Аннѣ Никитичнѣ, то послѣдняя не могла не догадаться, въ чемъ заключается обѣщанный сюрпризъ. Наступала Пасха, а Анна Никитична все еще не была кавалерственной дамой! Очевидно, гостинецъ, который не слѣдовало ни на голову прикалывать, ни въ волосахъ не тыкать, ни на башмаки не нашивать, и о который не слѣдовало руки царапать, не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орденомъ св. великомученицы Екатерины или освобожденія. Завѣтному желанію Анны Никитичны предстояло исполниться въ ближайшемъ будущемъ.

Въ этотъ самый день, 19-го марта, въ пятницу Страстной недѣли, орденъ св. Екатерины былъ пожалованъ графинямъ Мнишекъ и Браницкой и, вѣроятно, одновременно знаки ордена отправлены Аннѣ Никитичнѣ.

23-го марта, императрица писала по этому поводу графу Брюсу: «Надѣюсь что третій гостинецъ до Анны Никитичны доѣхалъ, увѣдомьте мнѣ какое дѣйствіе учинилъ?»

Анна Никитична обрадовалась, разумѣется, чрезвычайно. Получивъ гостинецъ 29-го марта вечеромъ, она, по словамъ Гарновскаго, въ его запискахъ, тотчасъ разослала всѣхъ оффиціантовъ въ разныя церкви для принесенія благодарственныхъ Богу моленій.

Въ послѣдній разъ императрица Екатерина упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ въ письмѣ отъ 14-го апрѣля. «Что Анна Никитишна обрадовалась тому не сумнѣваюсь и того мнѣ и хотѣлось; вижу что мое пророчество сбылось».

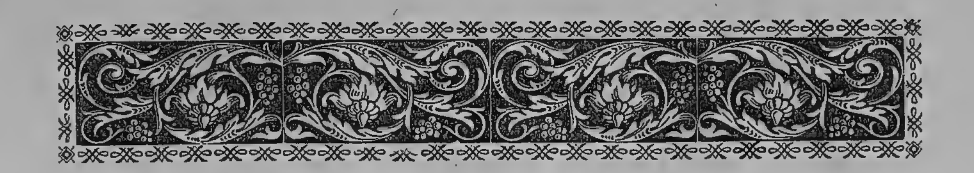
Графъ Строгановъ, шутливо упоминаемый въ письмѣ отъ 19-го марта («наипаче же гр. Строганова не допускала близко да бы не изгрызъ»), по всей вѣроятности, камергеръ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, бывшій впослѣдствіи оберъ-камергеромъ и президентомъ Императорской академіи художествъ.

Я сравнивалъ «Амстердамское» письмо съ подлинниками остальныхъ писемъ императрицы Екатерины II къ графу Я. А. Брюсу. Ни въ бумагѣ, ни въ почеркѣ не замѣтно никакой разницы.

Какимъ образомъ это любопытное письмо исчезло изъ общей серіи и попало къ г. Дидерихсу, а потомъ въ Амстердамъ—остается загадкою.

А. В. Половцовъ.

[1]) Въ чемъ состоялъ первый гостинецъ—не видно. А. П.

Россія и папскій престолъ.[1]

ГЛАВА III.

Димитрій и Польша. 1605—1606.

Требованія Сигизмунда и стремленіе Димитрія уклониться отъ исполненія данныхъ обѣщаній.—Скрытая враждебность.—Ложное положеніе.—Отправленіе въ Москву Корвина Госѣевскаго.—Цѣль его посольства.—Странная откровенность. — Доносъ. — Димитрій отклоняетъ любезность. — Швеція.— Карлъ IX и принцъ Густавъ.—Политика Димитрія.—Она подчиняется вопросу о титулахъ.—Онъ не забываетъ Марины.—Аѳанасій Власьевъ въ Краковѣ.—Подарки, присланные Мнишеку.—Празднества.—Тройное порученіе, возложенное на Власьева.—Заочное бракосочетаніе Марины.—Краснорѣчивыя слова.—Левъ Сапѣга.—Рѣчь, произнесенная кардиналомъ Мацѣевскимъ.— Странное поведеніе Власьева. — Обрядъ вѣнчанія. — Свадебный пиръ.— „Гвоздь" празднества. — Тосты. — Танцы. — Прощаніе. — Напутствіе короля, слезы Марины.—Золотой вѣкъ поэтовъ.—Льготы, коихъ требовалъ тосканскій посланникъ.—Поздравленіе Павла V и поощреніе съ его стороны.— Тактика противниковъ царя.—Янъ Бучинскій въ Краковѣ.—Требованія, предъявленныя Димитріемъ относительно Марины. — Интимное письмо.— Подкладка дѣла.—Гостомскій и Борша.—Порученіе, возложенное на Безобразова.—Жалобы бояръ противъ Димитрія.—Свидѣтельство Станислава Жолкѣевскаго.—Анонимное письмо изъ Стокгольма.—Признаніе короля.—Комедія, разыгранная Безобразовымъ.—Письмо Сигизмунда къ Рудницкому.— Инструкціи, данныя имъ Олесницкому и Госѣевскому.—Уступка земель.— Помощь противъ Швеціи.—Наступательный и оборонительный союзъ.—Вопросъ о титулахъ.—Встрѣча съ Александромъ Рангони.—Намѣренія, высказанныя Димитріемъ относительно Польши.—Уступки.—Предостереженіе, сдѣланное Сигизмунду.—Скандинавскій король и сѣверные французы.—Р о к о ш ъ.—Сношенія съ Димитріемъ.—Подозрѣнія и намеки; отсутствіе доказательствъ.—Оффиціальная и тайная политика.

За отсутствіемъ доказательствъ, подтверждавшихъ его царственное происхожденіе, Димитрій могъ ссылаться отнынѣ на одержанную имъ побѣду и на торжественное признаніе его народомъ. Это должно было отразиться самымъ выгоднымъ образомъ на его сношеніяхъ съ Польшею. Сигизмундъ III не призналъ претендента передъ Борисомъ Годуновымъ и передъ сеймомъ; тѣмъ не менѣе, онъ разсчитывалъ на безграничную признательность

[1]) См. „Русскую Старину" августъ 1901 г.

*

царя и ссылался на оказанныя ему помощь и благодѣянія. Но лишь только король дѣлалъ шагъ впередъ, Димитрій шелъ на попятный. Съ наглостью и самоувѣренностью выскочки, онъ позабылъ обѣщанія, данныя имъ въ тяжкія времена, и уклонялся отъ ихъ выполненія. Благовидный предлогъ къ этому представлялся самъ собою.

Самоувѣренность Димитрія возрастала по мѣрѣ того, какъ въ Польшѣ усиливалась оппозиція королю. Переговоры, происходившіе между Кремлевскимъ дворцомъ и Вавельскимъ замкомъ, были внезапно прерваны. Впрочемъ, при томъ способѣ, какимъ они велись, не было никакой надежды, что они могли привести къ желаемому концу.

Желая возобновить дипломатическія сношенія съ Димитріемъ, Сигизмундъ III рѣшилъ отправить въ Россію посла; выборъ палъ на старосту велижскаго, Александра Корвина Госѣевскаго [1]). Его вѣрительныя граматы помѣчены 23-мъ августа 1605 г., но онъ прибылъ въ Москву только въ октябрѣ мѣсяцѣ. Оффиціально, цѣль его посольства была объяснена требованіями этикета; ему было поручено привѣтствовать царя по поводу его коронованія и пригласить его на бракосочетаніе короля польскаго съ эрцгерцогиней Констанціей, но въ сущности Сигизмунду было необходимо условиться съ Димитріемъ относительно Швеціи; объ остальномъ можно было уговориться впослѣдствіи.

Госѣевскій былъ скорѣе военный, нежели дипломатъ, и сдѣлалъ на первыхъ же порахъ неловкость, подсказанную ему, впрочемъ, въ Краковѣ. Въ столицѣ Польши появился подозрительный иностранецъ—сказалъ онъ царю.—Бывшій любимецъ и крестникъ Годунова, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, онъ распространялъ странные слухи, будто бы его крестный отецъ живъ, а вмѣсто него погребенъ другой человѣкъ; онъ же, Годуновъ, взявъ съ собою свои сокровища, отплылъ съ ними въ Англію. Но его отсутствіе не будетъ продолжительно: колдуны предвѣщали ему, что, бѣжавъ изъ Москвы, онъ спасетъ этимъ государство и въ скоромъ времени вернетъ свою власть. Слѣдовательно, спокойствію Димитрія угрожала опасность. Госѣевскій обѣщалъ отъ имени короля навести справки въ Лондонѣ, учредить строгій надзоръ на границѣ и заградить путь злополучному пришельцу съ того свѣта.

Эти росказни не произвели на Димитрія никакого впечатлѣнія; онъ не испугался опасности, не повѣрилъ колдовству. Впрочемъ, онъ счелъ

---

[1]) Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 1—3, 14 v°.—Ватиканскій архивъ, хранил. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 6-го ноября 1605 г.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 213, № 96; стр. 216, № 97 — Русск. ист. библ., т. I, собр. 402.

долгомъ искренно поблагодарить посланника, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрилъ его, что смерть Бориса Годунова несомнѣнна, просилъ его не заботиться объ этомъ и не принимать никакихъ мѣръ предосторожности.

Также сдержанно и сухо Димитрій отнесся и къ другому предложенію, сдѣланному Госѣевскимъ. Сигизмундъ III заявилъ подозрѣніе на одного изъ своихъ собственныхъ сановниковъ, находившагося въ Вильнѣ, и предоставилъ Димитрію разузнать, дѣйствительно ли этотъ сановникъ былъ въ заговорѣ противъ него съ Годуновымъ. Царь отклонилъ и эту любезность, не потребовалъ выдачи виновнаго и обѣщалъ только произвести слѣдствіе.

Послѣ того, какъ эти болѣе или менѣе щекотливыя предложенія, которыя могли подкупить Димитрія, были имъ отклонены, посланникъ приступилъ къ обсужденію шведскаго вопроса, который, по словамъ Сигизмунда, требовалъ быстраго рѣшенія. Чудная страна олафовъ и эриковъ была объята возстаніемъ; къ религіозной борьбѣ присоединилась борьба за престолонаслѣдіе. Племянникъ Сигизмунда III, Карлъ IX, бывшій герцогъ Зюдерманландскій, силою овладѣлъ престоломъ, который принадлежалъ по праву дядѣ похитителя. Поддерживала партія, требовавшая преобразованій, и онъ не думалъ о соблюденіи своей вѣрноподданнической присяги; споръ пришлось рѣшить силою оружія. Сигизмундъ велъ съ племянникомъ ожесточенную войну, одержалъ надъ нимъ побѣды въ Ливоніи и разсчитывалъ на помощь Димитрія, чтобы покончить съ врагомъ. Подобныя же надежды питалъ со своей стороны и Карлъ IX, тревожно обращавшій свои взоры къ Москвѣ. Не зная въ точности, что происходило въ Россіи, и опасаясь быть застигнутымъ врасплохъ, онъ сосредоточилъ свои войска въ Финляндіи; но предпочиталъ быть въ союзѣ съ Россіей, нежели съ Польшей. Его тактика была слишкомъ ясна, чтобы Сигизмундъ могъ не понять ее; поэтому онъ требовалъ, чтобы Димитрій отнесся къ Карлу IX какъ къ самозванцу, къ его посланникамъ какъ къ измѣнникамъ своему законному монарху и чтобы они были выданы полякамъ, если они отважатся явиться въ Кремль.

Благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, вся выгода положенія была такимъ образомъ на сторонѣ царя. Очутившись между двумя врагами, изъ коихъ каждый домогался его помощи, онъ могъ дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится. Борисъ Годуновъ съумѣлъ воспользоваться подобными обстоятельствами; Димитрій дѣйствовалъ менѣе рѣшительно. Въ шведскомъ вопросѣ его политика ограничилась довольно неопредѣленными уступками, сдѣланными Польшѣ, и уловками весьма сомнительнаго свойства.

Царь обѣщалъ потребовать объясненія у «герцога Карла» (ему было отказано въ королевскомъ титулѣ) и увѣдомить короля польскаго,

какъ только шведскіе посланцы появятся въ Москвѣ [1]). Вопросъ о Густавѣ былъ рѣшенъ еще скорѣе. Честолюбивые замыслы Годунова привлекли этого искателя приключеній въ Москву. Не законнорожденный сынъ свергнутаго съ престола короля Эрика XIV, онъ странствовалъ по Европѣ, не имѣя убѣжища и средствъ, въ то время, какъ Годуновъ вздумалъ сдѣлать его своимъ зятемъ, пригласилъ его въ Кремль, осыпалъ милостями и выдалъ бы за него свою дочь, если бы Густавъ не жилъ открыто съ любовницей къ великому соблазну московитовъ. За свое безпутное поведеніе и за пренебреженіе обычаями страны онъ былъ высланъ изъ столицы въ Угличъ, гдѣ жилъ, какъ особа царскаго происхожденія, окруженный почестями, которыя Сигизмундъ считалъ чрезмѣрными, требуя ихъ отмѣны. Исполнить это было не трудно.

Строго говоря, Димитрій былъ обязанъ сдѣлать эти уступки. Онъ былъ связанъ словомъ. Но онъ все же попытался уклониться отъ исполненія своихъ обѣщаній и тѣмъ самовольно предъявить новыя условія. Онъ потребовалъ, чтобы за помощь противъ Швеціи король призналъ титулъ, который онъ такъ великодушно себѣ присвоилъ. Преклонить главу предъ самозваннымъ императоромъ Россіи было для короля польскаго равносильно отказу отъ исконныхъ традицій и одобренію дѣйствій похитителя престола. Царь понималъ, разумѣется, всю важность поднятаго имъ вопроса. Русскіе давно уже пользовались этимъ оружіемъ; Димитрій, въ свою очередь, захотѣлъ воспользоваться имъ и примѣнить его своей мощной рукою. Царскій титулъ сдѣлался средоточіемъ, вокругъ котораго вертѣлась вся его дипломатія, и самымъ надежнымъ оплотомъ противъ притязаній поляковъ.

Не получивъ надлежащихъ полномочій для обсужденія этого щекотливаго вопроса, Госѣевскій только отмѣтилъ въ своемъ донесеніи притязанія московскаго царя. Быть можетъ, ими обсуждались и другія дѣла, но во всякомъ случаѣ они не были приведены къ концу. Впрочемъ, переговоры окончились миролюбиво, даже дружелюбно. На прощальномъ обѣдѣ, на которомъ присутствовали, какъ припомнимъ, полковые священники, Димитрій былъ отмѣнно вѣжливъ съ поляками, къ которымъ лежало его сердце. Ни война, ни одержанныя имъ побѣды не вытѣснили изъ его сердца воспоминанія о Самборѣ и образа Марины. Димитрій горѣлъ желаніемъ видѣть ее въ Кремлѣ, раздѣлить съ нею свое величіе. Но дочь польскаго сенатора не могла располагать своею судьбою по своему благоусмотрѣнію, не могла при-

---

[1]) Въ печати неоднократно появлялось письмо Димитрія къ герцогу Карлу, написанное въ повелительномъ, высокомѣрномъ тонѣ, съ угрозою начать войну и съ приказаніемъ покориться. Копія съ этого документа хранится въ Ватиканскомъ архивѣ, рукоп. Боргезе, IV, 21, f. 1. Мы не имѣемъ доказательствъ того, что оно было послано по назначенію.

нять корону безъ соизволенія короля. Поэтому Димитрію надобно было дѣйствовать осмотрительно и не вооружать противъ себя Сигизмунда, такъ какъ еще не всѣ формальности были исполнены; можно было предвидѣть всякія случайности. Вскорѣ долженъ былъ настать конецъ сомнѣніямъ, и тогда Димитрій съумѣетъ заговорить иначе.

Согласно уговору, заключенному съ Юріемъ Мнишекъ, тотчасъ послѣ коронованія Димитрія, въ Краковъ должно было отправиться отъ него посольство и тамъ положено было совершить заочно бракосочетаніе Марины. Великіе міра сего позволяли еще себѣ въ то время роскошь заочныхъ бракосочетаній. Царь рѣшилъ этимъ воспользоваться: это былъ прекрасный случай показать Кремль въ новомъ свѣтѣ и если не снискать симпатію поляковъ, то во всякомъ случаѣ возбудить ихъ восторгъ [1]). Димитрій руководствовался этими соображеніями при отправленіи посольства, которое было снаряжено со всевозможной роскошью; послы привезли въ Краковъ великолѣпные подарки, свидѣтельствовавшіе о богатствѣ ихъ монарха; но глава посольства, Аѳанасій Власьевъ, былъ дотого чуждъ лоска западной цивилизаціи, что вызывалъ только снисходительныя улыбки блестящаго и образованнаго польскаго общества. Имъ руководилъ сопровождавшій посольство полякъ Станиславъ Слонскій, но и онъ не могъ помочь бѣдѣ. Ему было поручено вести какіе-то секретные переговоры, и онъ поневолѣ находился на второмъ планѣ. Всеобщее вниманіе было обращено на дьяка Власьева и его свиту, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ, которые поражали всѣхъ своею роскошью. Въ день пріѣзда, 11-го ноября 1605 г. Власьевъ поднесъ Мнишеку отъ имени Димитрія вороную въ яблокахъ лошадь, съ сбруей, сверкавшей золотомъ и драгоцѣнными камнями, драгоцѣнное оружіе, художественныя произведенія, дорогія матеріи, восточные ковры, живаго соболя, трехъ кречетовъ съ золотыми звоночками и колпачками, унизанными жемчугомъ. Осмотръ подарковъ произвелъ сильное впечатлѣніе на зрителей; самые взыскательные люди считали ихъ достойными истинно царской щедрости; въ душѣ разоренныхъ магнатовъ они должны были вызвать самыя фантастическія мечты.

Тотчасъ по пріѣздѣ посольства начался рядъ празднествъ. 14-го ноября посолъ представлялся царю; 15-го числа Мнишекомъ былъ данъ роскошный обѣдъ, 18-го числа происходила аудіенція въ Вавельскомъ замкѣ, въ присутствіи нѣсколькихъ сенаторовъ. Въ одномъ современномъ документѣ мы читаемъ, что на Власьева было возложено троякаго рода порученіе: ему велѣно было довести до свѣдѣнія короля о коронованіи Димитрія патріархомъ Игнатіемъ, подтвердить дружбу

---

[1]) Turkowski, Wesele, стр. 395 и сл.—Велевицкій, т. II, стр. 101. Русск. ист. библ., собр. 42.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 12 v°.

съ Польшею, поднять вопросъ о Турціи и союзѣ противъ нея, наконецъ, испросить позволеніе короля на бракъ Марины и пригласить его величество къ царю на свадьбу [1]). Отвѣтъ Сигизмунда былъ любезенъ и исполненъ достоинства. На слѣдующій день невѣста прибыла въ Краковъ со своею матерью. Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтилась впервые съ Димитріемъ въ Самборѣ; теперь роли перемѣнились: Димитрій превзошелъ Мнишека величіемъ, но его любовь къ Маринѣ возростала вмѣстѣ съ его благополучіемъ; это было для нея хорошимъ предзнаменованіемъ.

29-го ноября, около полудня, Рынекъ (Rynek), аристократическій кварталъ Кракова, преобразился. Вся площадь была заполнена парадными экипажами, которые останавливались передъ дворцами Фирлея и Монтелупи, которые стояли рядомъ, и между которыми, ради этого случая, было устроено внутреннее сообщеніе. Тутъ, а не въ костелѣ, изъ уваженія къ православнымъ, должно было совершиться бракосочетаніе Марины. На это торжество съѣхалось самое избранное общество: король, принцесса шведская Анна, принцъ Владиславъ, нунцій Рангони, представители Венеціи и Флоренціи, сенаторы, придворные сановники, родственники и друзья Мнишековъ. Можно было подумать, что Димитрій былъ признанъ истиннымъ царемъ московскимъ, что Сигизмундъ отрѣшился отъ своихъ сомнѣній, а сенатъ отказался отъ противодѣйствія царю. Никто не выказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія или недовѣрія: всѣ радовались и ликовали.

Въ одной изъ залъ, превращенной въ часовню, былъ воздвигнутъ алтарь; передъ нимъ московиты разостлали шелковый подножникъ для невѣсты, а вокругъ алтаря стало духовенство съ кардиналомъ Мацѣевскимъ во главѣ. Тогда появилась Марина, въ сопровожденіи двухъ сенаторовъ; она сіяла красотою и счастьемъ, ея глаза радостно сверкали; на ней было бѣлое парчевое платье, усѣянное сапфирами и жемчугомъ, на плечахъ было накинуто прозрачное покрывало, на головѣ сверкала алмазная корона, волоса ниспадали на спину двумя роскошными косами, перевитыми драгоцѣнными камнями. Какую разительную противуположность она представляла съ Власьевымъ съ его грубыми чертами лица, одутловатыми щеками, растеряннымъ взоромъ, неловкими манерами и одеждою изъ золотой парчи, напоминавшею собою попону [1]). Тутъ встрѣтились два противуположныхъ міра!

Церемонія началась рѣчами. Первымъ говорилъ Власьевъ: его оффиціальная рѣчь была произнесена безъ увлеченія и лишнихъ фразъ; кремлевскій дьякъ не позволилъ себѣ никакихъ поэтическихъ сравне-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499;—Кіампи, Esame, стр. 65, № VI.—Бантышъ-Каменскій, Переписка, т. II, стр. 65.

ній; онъ строго придерживался данныхъ ему инструкцій. Зато поляки любили разглагольствовать и завираться. Станиславъ Минскій отвѣчалъ Власьеву отъ имени Мнишека пространной рѣчью, въ которой онъ не сказалъ, впрочемъ, ничего новаго. Но зато Левъ Сапѣга, говорившій отъ имени короля, повергъ своихъ сотоварищей по сейму въ изумленіе. Припомнивъ рѣчь, произнесенную имъ 1-го февраля на сеймѣ, его сомнѣнія, его строгіе совѣты, его мрачныя предчувствія, мы увидимъ, до чего доходила его безцеремонность. Канцлеръ видѣлъ уже въ этомъ бракѣ символъ единенія обоихъ народовъ и выражалъ громко свою благодарность Провидѣнію. Онъ разсыпался въ самыхъ восторженныхъ похвалахъ жениху и невѣстѣ. Что Марина могла быть въ его глазахъ идеаломъ добродѣтели, красоты и ума, это само собою понятно; но и Димитрій сдѣлался неожиданно въ его устахъ самымъ лучшимъ, примѣрнымъ монархомъ. Сапѣга предвѣщалъ имъ обоимъ блестящую роль въ будущемъ, говорилъ между прочимъ, что Провидѣніе уготовало имъ великое дѣло, которое они, конечно, съумѣютъ выполнить. Впрочемъ, патріотизмъ внушилъ ему слѣдующую оговорку, «честь носить корону велика,—сказалъ онъ,—но она будетъ по силамъ польской матронѣ: Польша дала не мало королевъ Европѣ!» Сапѣга положительно видѣлъ все въ радужномъ свѣтѣ или прекрасно игралъ свою роль.

При совершеніи религіознаго обряда также должны были быть произнесены рѣчи. Кардиналъ Мацѣевскій сказалъ слово, въ которомъ было всего понемногу: и богословскій взглядъ на таинство брака, и практическая мораль, и упоминаніе о Москвѣ, и привѣтствіе московскому «царю». Кардиналъ смѣло далъ ему этотъ титулъ въ присутствіи короля и упомянулъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Димитрію Польшею. По окончаніи слова запѣли Veni Creator. Всѣ преклонили колѣна, за исключеніемъ принцессы Анны, которая была протестантка, и православнаго представителя русскаго царя.

Когда былъ пропѣтъ гимнъ, кардиналъ продолжалъ слово и пояснилъ текстъ св. писанія, который всѣ проповѣдники говорятъ молодымъ супругамъ: «жена да оставитъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ мужу». По этому поводу онъ съумѣлъ подыскать въ Ветхомъ Завѣтѣ лестное сравненіе: Димитрій, подобно Аврааму, послалъ за Ревеккой своего преданнаго слугу Аѳанасія Власова.

Если московскій дьякъ былъ пораженъ, очутившись въ столь избранномъ обществѣ, то и онъ со своей стороны удивилъ присутствующихъ своими рѣчами и манерами. На обычный вопросъ, не давалъ ли царь обѣщанія какой-нибудь другой женщинѣ, онъ отвѣчалъ, не сморгнувъ глазомъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно. На настойчивыя требованія присутствующихъ онъ отвѣчалъ, наконецъ, осторожно:

«Если бы мой государь былъ женатъ, но онъ не послалъ бы меня сюда». Когда обмѣнялись кольцами, то онъ вложилъ кольцо Димитрія въ футляръ, не прикоснувшись къ нему пальцемъ, и ни разу не дотронулся руки Марины, не обернувъ предварительно свою холопью руку платкомъ. Когда надобно было произнести брачный обѣтъ, то произошелъ настоящій споръ. Власьевъ не соглашался на вмѣшательство кардинала. «Я долженъ обмѣняться обѣщаніями съ невѣстой, а не съ вами», — сказалъ онъ съ упрямствомъ. Едва удалось добиться отъ него отвѣта на обычные вопросы. Наконецъ, когда брачный договоръ былъ заключенъ, и обрядъ вѣнчанія оконченъ, московиты поклонились въ поясъ своей новой царицѣ. Одинъ польскій дворянинъ, по имени Липницкій, тотчасъ вскочилъ на лошадь и помчался во весь опоръ въ Москву: онъ повезъ Димитрію обручальное кольцо и извѣстіе о совершившемся бракѣ.

Брачный пиръ прошелъ весьма торжественно подъ звуки оркестра, состоящаго изъ сорока музыкантовъ. За почетнымъ столомъ возсѣдалъ король, имѣя по правую руку Марину и Власьева, а по лѣвую принцессу Анну и Владислава; напротивъ сидѣли кардиналъ Мацѣевскій и нунцій Рангони. Столовая посуда сверкала золотомъ и серебромъ; у стола прислуживали высшіе сановники. Власьевъ до конца держалъ себя своеобразно. Его пришлось силою усадить рядомъ съ его монархиней и такъ какъ Марина была слишкомъ взволнована, чтобы дотронуться до ѣды, то и Власьевъ, несмотря на неоднократное напоминаніе короля, ничего не ѣлъ кромѣ хлѣба и соли.

Всеобщій интересъ возбудилъ осмотръ подарковъ, присланныхъ невѣстѣ Дмитріемъ, которые были внесены въ залъ во время пира. Они поразили зрителей своимъ великолѣпіемъ. Драгоцѣнные камни переливали всѣми цвѣтами радуги! Ни одна польская королева не получала такихъ роскошныхъ и цѣнныхъ свадебныхъ подарковъ: тутъ были догія матеріи, венеціанскій кармазинный бархатъ, атласъ всевозможныхъ цвѣтовъ, золотая и серебряная парча, уборы изъ рубиновъ и изумрудовъ, кресты изъ сапфира, пеликаны, сдѣланные изъ топазовъ, фантастическіе Нептуны и Діаны; на серебряныхъ волнахъ плылъ корабль, осыпанный жемчугомъ, изъ чрева золотаго быка сыпались алмазы, и—чудо изъ чудесъ,—на спинѣ слона, сдѣланнаго изъ чистаго золота, стояли художественной работы часы съ музыкой, подражавшей барабанному бою и флейтамъ, а на циферблатѣ проходили передъ зрителемъ разныя фигуры и сцены.

Олесницкій благодарилъ за подарки отъ имени Марины; по излюбленному поляками обычаю за столомъ были произнесены нескончаемые тосты и здравицы. Король, вставъ съ мѣста, пилъ съ непокрытой головою за здоровье молодой царицы. Вслѣдъ за нимъ всѣ остальные

подняли чаши и привѣтствовали Марину болѣе или менѣе низкими поклонами, согласно съ требованіями самаго утонченнаго этикета. Власьевъ превзошелъ всѣхъ своимъ рабскимъ, почтительнымъ обращеніемъ: всякій разъ, какъ произносили имя Дмитрія, онъ преклонялся до земли.

Вскорѣ раздались звуки болѣе веселой и оживленной музыки, и начались національные танцы, которые польки умѣютъ исполнять съ такимъ достоинствомъ и граціей. Царицей бала была Марина. Она обошла первый кругъ съ королемъ, послѣдній съ своимъ отцомъ; позади ихъ выступали сенаторы; красавица Марина вызывала всеобщій восторгъ присутствующихъ; безъ сомнѣнія, многіе въ тайнѣ завидовали ей. По окончаніи танцевъ, воевода Сендомірскій и его дочь откланялись королю. Насталъ часъ разлуки, часъ послѣдняго прощанія.

Что могъ сказать Сигизмундъ бѣдной молодой дѣвушкѣ, не знакомой съ шумомъ большихъ городовъ и съ придворными интригами, которой приходилось такъ неожиданно попасть въ бурный водоворотъ Кремлевской жизни? Король былъ строгаго образа мыслей и имѣлъ относительно Москвы опредѣленные взгляды, которыхъ онъ строго держался; его рѣчь дышала благочестіемъ и заботою о политикѣ. Со всею почтительностію, подобающею монархинѣ, онъ изобразилъ Маринѣ обязанности, какія ей придется выполнять въ Россіи; а именно заботиться о распространеніи въ отдаленнѣйшихъ странахъ славы Божіей, блюсти ненарушимо любовь къ родной землѣ, охранять дружбу между обоими народами, заботиться о выполненіи обѣщаній, данныхъ Польшѣ, поддерживать въ душѣ своего супруга чувства признательности къ королю. Онъ пожелалъ Маринѣ всякаго благополучія въ чужой странѣ, желалъ ей возродиться въ своихъ дѣтяхъ и пользоваться благословеніемъ Божіимъ! Король, какъ отецъ, благословилъ Марину, которая обнимала его колѣна и горько плакала. Она пыталась отвѣчать ему, но рыданія заглушали ея голосъ. Кардиналъ Мацѣевскій пришелъ ей на помощь. Ея чувства были вполнѣ понятны; въ эту минуту, гордая и свободная полька жертвовала всѣмъ, что есть лучшаго и дорогаго на свѣтѣ: любимой отчизной, семействомъ, друзьями, подругами. Уготовила ли ей за это судьба хоть долю счастія или же ей было суждено поразить міръ своей злосчастной судьбою?

Царственные гости удалились, когда Марина, предшествуемая принцессой Анной, отправилась къ своей матери, которая была не совсѣмъ здорова и не принимала участія въ свадебномъ пиршествѣ. Власьевъ уѣхалъ къ себѣ поздно вечеромъ. Если не считать его странныхъ отвѣтовъ и низкопоклонныхъ манеръ, то можно сказать, что онъ держалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ благопристойно и даже безупречно. Нѣкоторыя лица подмѣтили съ злорадствомъ, что у нѣкоторыхъ его спутниковъ походка была не особенно тверда; но, вѣроятно, въ тотъ

день у многихъ поляковъ также двоилось въ глазахъ. Среди гостей царствовало большое оживленіе. Танцы продолжались до двухъ часовъ ночи. Послѣ Марины героемъ дня былъ отсутствовавшій Дмитрій: отнынѣ ихъ имена произносились вмѣстѣ, они возбуждали одинакія симпатіи, на нихъ возлагались одинаковыя надежды. Никто не позволялъ себѣ сдѣлать относительно Димитрія какого-нибудь колкаго, язвительнаго замѣчанія, какъ это было на сеймѣ; никто не высказывалъ какихъ-либо подозрѣній или зловѣщихъ предсказаній; свадебныя пѣсни звучали восторженно. Поэты старались превзойти ораторовъ. Ими кишмя кишѣлъ въ то время Краковъ, но они отличались скорѣе усердіемъ, нежели талантомъ. Гроховскій, Юрковскій, Забчицъ настроили свои лиры и воспѣли дружбу двухъ народовъ, радости Гименея, прощаніе Марины съ дорогою Польшею. Если послушать ихъ, то всѣ сердца бились единодушно, Вавельскій замокъ братался съ Кремлемъ, для славянъ наступалъ золотой вѣкъ.

Посланникъ великаго герцога тосканскаго, Родриго-ди-Мендоза, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Краковъ, уѣхалъ подъ впечатлѣніемъ полнаго единодушія между поляками и москвитянами. Онъ пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы присутствовать при бракосочетаніи короля Сигизмунда и переговорить съ воеводою Сендомірскимъ. Герцогъ тосканскій, хорошо освѣдомленный о похожденіяхъ Димитрія, разсчитывалъ найти въ Россіи сбытъ для предметовъ флорентійской торговли и разсчитывалъ на Мнишека, который могъ замолвить по этому поводу слово русскому царю. Мендоза обратился съ этой просьбою и чистосердечно повѣрилъ увѣренію Мнишека, что герцогству тосканскому будутъ предоставлены всевозможныя льготы [1]).

Венеціанскій посланникъ Фоскарини былъ лучше освѣдомленъ или, быть можетъ, рѣшилъ не спѣшить; какъ бы то ни было, онъ ни о чемъ подобномъ не хлопоталъ.

Восторженное настроеніе, охватившее Краковъ, нигдѣ не нашло такого живаго отголоска, какъ въ Римѣ. Брачные союзы играли еще въ то время видную роль въ жизни народовъ; это отражалось не только на политикѣ, но и на дѣлахъ религіи. Павелъ V давно одобрилъ бракъ, возведшій на московскій престолъ польку и католичку. По его мнѣнію, этотъ бракъ несомнѣнно долженъ былъ имѣть самыя благія послѣдствія; папа съ удовольствіемъ упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ жениху и невѣстѣ и къ воеводѣ Сендомірскому. Всѣ извѣстія, доходившія до него изъ Кракова, поддерживали въ немъ эти ожиданія; изъ всѣхъ его корреспондентовъ самымъ радужнымъ надеж-

---

[1]) Флорентійскій архивъ, рукоп. Медичи, 4292. f. 121, письмо Мнишека къ Фернанди отъ 21-го декабря 1605 г.—См. также f. 118.

дамъ предавался кардиналъ Мацѣевскій. Высокое положеніе, которое онъ занималъ среди духовенства и въ обществѣ, а также его родственныя связи съ семействомъ Мнишекъ выдѣляли его изъ среды польскаго духовенства. Павелъ V поручилъ ему верховный надзоръ за интересами католической вѣры, которые были затронуты событіями, происходившими въ Москвѣ. 3-го сентября 1605 года кардиналъ отвѣчалъ папѣ и превозносилъ въ письмѣ своего двоюроднаго брата Юрія Мнишека, всецѣло преданнаго папскому престолу и преслѣдовавшаго въ Москвѣ только одни высшіе интересы. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ друзья воеводы, говорилъ онъ; поразительныя побѣды, одержанныя Димитріемъ, еще болѣе подвердтятъ это; все совершающееся несомнѣнно носитъ печать Провидѣнія. Послѣ бракосочетанія Марины, кардиналъ снова писалъ папѣ, прося его благословить молодую чету, которую онъ соединилъ брачными узами, и которой судьба сулила столь блестящую будущность. Одинъ Богъ могъ совершить подобное чудо, писалъ онъ Сципіону Боргезе, подражая библейскому слогу [1]. Павелъ V искренно радовался и былъ готовъ дать молодой четѣ свое благословеніе; онъ не могъ ни въ чемъ отказать тому, кто долженъ былъ насадить въ Москвѣ католическую вѣру, кого онъ считалъ вѣроятнымъ союзникомъ Сигизмунда въ борьбѣ съ Турціей и врагомъ полумѣсяца [2].

Шумныя и великолѣпныя празднества, происходившія въ Краковѣ, не вездѣ возбуждали однако одинаковый восторгъ. Оппозиція не сложила оружіе. Враги Димитрія продолжали дѣйствовать скрытно тайными путями и даже явно на виду у всѣхъ. Измѣнники, орудовавшіе въ Москвѣ, имѣли своихъ тайныхъ агентовъ въ самой столицѣ Ягеллоновъ. Одинъ изъ преданныхъ слугъ Димитрія замѣтилъ опасность и предупредилъ о ней царя.

Въ то время какъ Власьевъ былъ всецѣло поглощенъ своимъ представительствомъ на празднествахъ, въ Краковъ прибылъ въ первыхъ числахъ января 1606 г. изъ Москвы другой посланный, Янъ Бучинскій, довѣренный человѣкъ Димитрія, его секретарь и совѣтникъ, человѣкъ проницательный и довольно образованный. Онъ пріѣхалъ не съ пустыми руками. Онъ привезъ Мнишеку двѣсти тысячъ злотыхъ: пріѣхавъ съ туго набитымъ кошелькомъ, могъ ли онъ не быть желаннымъ гостемъ? Царскому тестю не приличествовало нуждаться въ деньгахъ;

---

[1]) Тургеневъ, т. II, стр. 73, № LVI; стр. 75, № LVII.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 232, f. 101, 107; II, 38, f. 45.—Rome et Démétrius, стр. 214 № 9.

[2]) Ватиканскій архивъ, шк. XLV, т. I. f. 208. v°, письмо Павла V къ Мацѣевскому отъ 14-го января 1606 г.

воевода получилъ возможность расплатиться съ долгами, по крайней мѣрѣ съ самыми вопіющими изъ нихъ.

Помимо этого Бучинскому было поручено, какъ припомнимъ, заняться вопросомъ о царскомъ титулѣ и выхлопотать разрѣшеніе, просимое для Марины. Что касалось невѣсты, то Димитрій былъ внимателенъ къ ней до мелочности; онъ не упустилъ изъ вида никакой бездѣлицы. Будущая московская царица должна держать себя въ Краковѣ, какъ подобаетъ ея высокому сану, писалъ онъ; она не должна допускать къ своему столу никого кромѣ самихъ близкихъ родствениковъ и,—это уже касалось народныхъ обычаевъ,—должна причесывать волосы такъ, какъ принято въ Россіи. Всѣ эти замѣчанія были адресованы воеводѣ Мнишеку. Бучинскому было велѣно слѣдить за строгимъ выполненіемъ и въ особенности было приказано торопить Марину отъѣздомъ, такъ какъ Димитрій все еще опасался, чтобы она не замѣшкалась въ Польшѣ [1]).

Бучинскій, оффиціально занятый соблюденіемъ этикета, посвящалъ свободное время бесѣдѣ съ мѣстными жителями съ цѣлію разузнать настроеніе польскаго общества. Какъ полякъ, онъ имѣлъ доступъ во всякую среду; съ нимъ говорили откровенно. Наведенныя имъ справки были столь тревожнаго свойства, что онъ долго не рѣшался довѣрить ихъ бумагѣ. До насъ дошло одно интимное его письмо, писанное въ январѣ 1606 г. Бучинскій рѣшился наконецъ передать въ немъ слышанное, рискуя навлечь этимъ гнѣвъ царя и прослыть трусомъ. Умъ его помутился, писалъ Бучинскій, онъ боится нарушить спокойствіе Димитрія, но важныя обстоятельства заставляютъ его взяться за перо. Онъ слышалъ, что существуютъ измѣнники, передающіе въ Краковъ тайны Кремля. Кто же эти измѣнники? Второстепенные служащіе. А какія это тайны? Бучинскій этого не говоритъ, но особенно настаиваетъ на томъ, что послѣдствія распространяемыхъ злонамѣренныхъ слуховъ уже дали себя чувствовать; враждебное отношеніе къ Димитрію усиливается, пишетъ онъ, его дѣйствія строго критикуютъ, и его упрекаютъ въ непостоянствѣ. Лучше было бы придти къ соглашенію съ Борисомъ Годуновымъ, говорили въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ было бы извѣстно, чего ожидать.

Къ этому разочарованію присоединилось негодованіе по поводу того, что царь упорно продолжалъ присвоивать себѣ титулъ непобѣдимаго императора. Воевода познанскій, Іеремія Гостомскій, слова котораго служатъ отголоскомъ взглядовъ его сотоварищей, говоритъ: «Нелѣпо провозглашать самого себя непобѣдимымъ императоромъ, самое большое можно допустить, чтобы этотъ титулъ былъ данъ дру-

---

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 227—230, №№ 104, 105, 106; стр. 258—263, № 121, 122.

гими. Непобѣдимъ только одинъ Богъ; христіанинъ не можетъ присвоивать себѣ это священное свойство». Воевода называлъ это горделивое заявленіе неблагодарностью по отношенію къ королю и оскорбленіемъ, заслуживающимъ возмездія. «Пусть Димитрій будетъ изобличенъ передъ лицемъ всего міра, говорилъ онъ, пусть московиты сдѣлаютъ это не колеблясь».

Въ этихъ словахъ чувствовалась угроза, но они были недостаточно ясны и могли быть истолкованы двояко.

Станиславъ Борша, служившій офицеромъ въ польскомъ легіонѣ Димитрія, поясняетъ ихъ смыслъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ однимъ изъ братьевъ Хрипуновыхъ, которые были замѣшаны какимъ-то образомъ въ исторію претендента и пользовались довольно двусмысленной репутаціей. Въ минуту откровенности, болтливый спутникъ открылъ Боршѣ, подъ величайшею тайною, что въ Москвѣ царя называли Лжедимитріемъ и замышляли противъ него заговоръ. Бучинскій былъ пораженъ этимъ и, чтобы прекратить разомъ эти слухи, рѣшилъ увезти Боршу изъ Польши.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело на Димитрія это письмо и сообщенныя въ немъ вѣсти и какія мѣры онъ счелъ нужнымъ принять, но въ Краковѣ эти слухи распространились весьма быстро и принимались за достовѣрные. Самые ужасные извѣты были сдѣланы московитами. Заговорщики воспользовались оффиціальнымъ посольствомъ для того, чтобы прикрыть свои происки. Въ 1606 г. царь вздумалъ послать своихъ представителей на сеймъ. Иванъ Безобразовъ былъ посланъ въ Польшу заблаговременно для того, чтобы выхлопотать имъ охранные листы [1]). Соглядатай и измѣнникъ, онъ былъ орудіемъ враговъ Димитрія, и, чтобы лучше скрыть свои замыслы, и принялъ возлагаемое на него правительствомъ порученіе какъ бы нехотя. По пріѣздѣ въ Краковъ, онъ держалъ себя въ обществѣ, какъ подобало оффиціальному представителю царя, но, оставаясь наединѣ, по словамъ однихъ, со Львомъ Сапѣгою, а по словамъ другихъ, съ Госѣевскимъ, онъ назвалъ себя уполномоченнымъ Шуйскихъ и Голицыныхъ и сталъ держать совсѣмъ иныя рѣчи. Обѣ эти княжескія фамиліи, которыхъ Димитрій облагодѣтельствовалъ и которыя съ виду соперничали въ преданности ему, въ дѣйствительности старались погубить его. Безобразовъ жаловался отъ ихъ имени на то, что король послалъ въ Москву человѣка низкаго, вѣтреннаго, жестокаго, расточительнаго, недостойнаго занимать царскій престолъ. Бояре хотятъ свергнуть его съ престола, говорилъ онъ, и предпочли бы предоставить корону принцу Владиславу.

---

[1]) Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 21. — Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. III, стр. 111.

Разумѣется, никто не ожидалъ подобнаго предложенія, да и теперь еще, триста лѣтъ спустя, невольно задаешь себѣ вопросъ, что оно означало. Въ русскихъ болѣе или менѣе оффиціальныхъ источникахъ объ этомъ эпизодѣ, разумѣется, не упоминается. Мы знаемъ о немъ только по разсказу поляка гетмана Станислава Жолкѣевскаго, на котораго обыкновенно ссылаются историки [1]).

Впрочемъ, объ этомъ упоминаетъ не одинъ Жолкѣевскій; его слова могутъ быть провѣрены, если не во всѣхъ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Для этого надобно обратиться прежде всего къ Скандинавіи. Въ Швеціи, въ замкѣ Браге (Brahe) найдена памятная записка, принадлежавшая перу Феликса Крыскаго и которая была передана на храненіе въ Королевскій архивъ въ Стокгольмѣ. Она содержитъ рѣчь, произнесенную неизвѣстнымъ ораторомъ на польскомъ сеймѣ въ первыхъ годахъ семнадцатаго вѣка. Ораторъ дѣлаетъ въ ней историческій обзоръ войнъ, веденныхъ Московскимъ государствомъ, о чемъ будетъ рѣчь далѣе. Безусловный сторонникъ короля, онъ обвиняетъ во всемъ Мнишека и жестоко порицаетъ его замыселъ. Оратору было извѣстно о порученіи, возложенномъ на Безобразова; онъ говоритъ объ этомъ почти въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ Жолкѣевскій: этотъ честный и добропорядочный человѣкъ (Безобразовъ) предсказалъ Льву Сапѣгѣ скорое паденіе Димитрія, говоритъ онъ, и выразилъ желаніе, чтобы русскій престолъ перешелъ къ Сигизмунду или съ принцу Владиславу. Того же желали, по его словамъ бояре, онъ былъ только выразителемъ ихъ мыслей [2]).

Мало того: мы имѣемъ по этому поводу свидѣтельство самого короля. 6-го декабря 1608 г. онъ высказалъ эту тайну преемнику Рангони, нунцію Франческо Симонетти. Славянскій міръ въ скоромъ времени преобразуется, сказалъ онъ, русскіе призываютъ короля польскаго, и онъ не прочь откликнуться на ихъ зовъ, но единеніе обоихъ народовъ повлечетъ за собою расходы, которые трудно будетъ покрыть. Въ надеждѣ получить отъ папы денежное вспомоществованіе, Сигизмундъ сообщилъ нунцію о переговорахъ, происходившихъ съ московитами, и настаивалъ на ихъ важности и значеніи. «Они начались, говорилъ онъ, въ то время, когда я вступилъ въ бракъ съ эрцгерцогиней Констанціей, и съ тѣхъ поръ продолжаются безпрерывно по сейчасъ». Король обѣщалъ передать Симонетти объяснительную записку, которую нунцій, въ свою очередь, долженъ былъ препроводить въ Римъ. Къ со-

---

[1]) Жолкѣевскій, Записки, стр. 9.—Тотъ же авторъ передаетъ, будто царица Мароа велѣла объявить въ Польшѣ, что она не признаетъ Димитрія. Тамъ же, стр. 10.

[2]) Стокгольмъ, Королевскій архивъ, рукоп. Браге, 339, Causae consiliumque belli Moscovitici.

жалѣнію, этотъ документъ, который могъ бы служить намъ превосходнымъ источникомъ, утраченъ, иначе мы могли бы почерпнуть изъ него не мало любопытныхъ свѣдѣній [1])».

Въ концѣ концовъ, несомнѣнно, что враги Димитрія обратились въ исходѣ 1605 г. къ Сигизмунду и къ его сыну съ упомянутыми предложеніями. Послѣдующія событія подтвердили тотъ фактъ, что въ Кремлѣ дѣйствительно существовала сильная партія, желавшая передать московскій престолъ полякамъ. Но въ то время умы не были еще достаточно подготовлены къ этому. Король болѣе чѣмъ когда-либо держался двуличной нерѣшительной политики. Безобразову былъ данъ черезъ Жолкѣевскаго, какъ говорятъ, уклончивый отвѣтъ: король выразилъ сожалѣніе, что онъ повѣрилъ обманчивымъ увѣреніямъ Димитрія, обѣщалъ не вмѣшиваться въ его дѣла, отрицалъ существованіе съ его стороны какихъ-либо честолюбивыхъ стремленій и предоставлялъ себя волѣ Провидѣнія. Московскій посланникъ, со своей стороны, разыгралъ комедію до конца и уѣхалъ, не принявъ королевскихъ писемъ на томъ основаніи, что въ нихъ не значилось полнаго царскаго титула.

Эти внѣшнія формы этикета являлись истиннымъ камнемъ преткновенія. Однако Сигизмундъ все-таки не желалъ окончательно прервать переговоровъ съ Димитріемъ. Кто бы онъ ни былъ, прирожденный царь или самозванецъ, онъ обратился къ королю съ просьбою о поддержкѣ и со своей стороны далъ извѣстныя обѣщанія. Сигизмундъ похвалялся тѣмъ, что онъ сдѣлалъ ему не мало одолженій, и требовалъ съ его стороны исполненія обѣщаній. 14-го ноября 1605 г. онъ писалъ Симону Рудницкому, епископу варминскому, что будущему сейму предстоитъ установить основы прочной дружбы между Польшею и Москвою [2]). Порученіе, возложенное на Безобразова, не заставило Сигизмунда измѣнить своего образа дѣйствій. Вся сущность его тогдашней политики, по отношенію къ Россіи, выразилась въ дипломатическомъ документѣ первостепенной важности, а именно въ инструкціяхъ, данныхъ королемъ Олесницкому и Госѣевскому, которые сопровождали Марину въ Москву. Инструкціи эти помѣчены 6-мъ февраля 1606 г. и контрасигнованы Львомъ Сапѣгою. Никогда еще государственный человѣкъ не лелѣялъ болѣе обманчивыхъ надеждъ! Сигизмундъ набросалъ въ этомъ документѣ картину воображаемаго союза Польши съ урѣзанной Россіей, лишенной въ пользу своей соперницы самыхъ цвѣтущихъ ея областей. Полагая, что только онъ самолично можетъ произвести эту ампута-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе. II, 226. Письмо Симонетти къ Боргезе отъ 6-го декабря 1608 г.

[2]) С.-Петербург. публ. библ., автографы, 63, т. II, f. 28.—Пташицкій, письмо, стр. 44.

цію, король приказалъ посланнымъ ничего не рѣшать окончательно, а только намѣтить планъ въ общихъ чертахъ. Затѣмъ представители Димитрія, снабженные обширнѣйшими полномочіями, должны были прибыть въ Краковъ, гдѣ Россія была бы расчленена въ пользу Польши [1]).

Какія же притязанія предъявлялъ Сигизмундъ? Во-первыхъ, онъ разсчитывалъ на огромныя территоріальныя уступки, надѣясь уже получить не только Смоленскъ и Сѣверскъ, какъ въ 1600 г., но кромѣ того Новгородъ, Псковъ, Луки, Торопецъ, Вязьму, Дорогобужъ и нѣкоторые другіе близъ лежащіе города. Эти уступки назывались имъ «возвратомъ» этихъ земель. Не вдаваясь особенно подробно въ изученіе этого вопроса, можно было подумать, что эти земли принадлежали нѣкогда Литвѣ и что царь долженъ былъ почитать себя счастливымъ возстановить ея собственность и возвратить ей то, что принадлежало ей по праву. Сигизмундъ мечталъ, что ему будетъ возвращено однимъ почеркомъ пера то, что полякамъ не удавалось завоевать силою меча; такимъ образомъ республика, не воюя, округлила бы свои владѣнія. Впрочемъ, король былъ сговорчивъ: если бы ему было отказано въ томъ, что онъ просилъ, то онъ согласился бы ограничиться нѣкоторыми избранными надѣлами.

Относительно Швеціи онъ уже не довольствовался тѣми неопредѣленными обѣщаніями, которыя нѣкогда были даны Госѣевскому. Король требовалъ, чтобы польскимъ войскамъ было дозволено пройти чрезъ Финляндію; царь долженъ былъ принять на себя обязательство доставить имъ, за извѣстное вознагражденіе, съѣстные припасы и боевые снаряды. Король польскій воображалъ уже себя королемъ шведскимъ, полновластнымъ хозяиномъ страны, обсуждающимъ въ Стокгольмѣ, во дворцѣ Вазовъ, условія лиги противъ Турціи. Пока Димитрію, поднявшему вопросъ о походѣ противъ турокъ, предоставлялось воевать съ ихъ союзниками, татарами. Это былъ самый лучшій совѣтъ, какой могъ дать ему король.

Достигнувъ исполненія самыхъ смѣлыхъ своихъ желаній, получивъ московскія области и Швецію, идеальная Польша, рисовавшаяся въ воображеніи Сигизмунда, протянула бы руку развѣнчанной и чуть не обезглавленной Россіи, чтобы заключить съ нею оборонительный и наступательный союзъ. Дойдя до этого, король воспроизводитъ въ помянутомъ документѣ почти цѣликомъ статьи договора, который поляки предлагали Годунову заключить еще въ 1600 году, и которыя превратили бы Россію въ такое же второстепенное государство, какимъ была Литва [2]). Бояре Годунова дали тогда суровый отпоръ Льву Сапѣгѣ, какъ только

---

[1]) Краковъ, Музей Чарторыйскихъ, 2101, f. 24 v° и сл.

[2]) Соловьевъ, т. VIII, стр. 23.—La Russie et le Saint Siège, т. II, стр. 374.

онъ заикнулся о второстепенной роли для Москвы; но урокъ не пошелъ въ прокъ, король не отказался отъ своего заблужденія. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ на содѣйствіе новой польской партіи, образовавшейся въ Кремлѣ, или на нескончаемый вопросъ о царскомъ титулѣ, который все еще не былъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какъ того желалъ царь. По мнѣнію поляковъ, Димитрій предъявлялъ слишкомъ большія требованія для себя и слишкомъ скупился по отношенію къ Сигизмунду. Посланникамъ было наказано сдѣлать Димитрію по этому поводу въ мягкой формѣ упрекъ, напомнить ему о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему королемъ, подать ему нѣкоторыя надежды и дать понять, что вопросъ о титулѣ могъ быть рѣшенъ окончательно только на сеймѣ.

Посланники, коимъ было поручено заключить предварительныя условія этого оригинальнаго договора, встрѣтились по пути въ Россію, точно такъ же, какъ и о. Савицкій съ Александромъ Рангони, о возвращеніи коего въ Римъ и аудіенціи у папы мы уже говорили. Возвратимся къ этому событію и скажемъ по поводу его еще нѣсколько словъ. Димитрій бесѣдовалъ со своимъ бывшимъ другомъ не только о Римѣ, но и о Польшѣ; онъ далъ ему даже инструкціи, уполномочивавшія его вести переговоры съ королемъ [1]). Показавъ эти инструкціи посланникамъ, Рангони избавилъ бы ихъ отъ многихъ непріятностей, но такая чрезмѣрная любезность не согласовалась съ принципами дипломатіи. Рангони долженъ былъ сообщить эти подробности Павлу V и кардиналу Боргезе, чтобы папа могъ составить себѣ опредѣленное понятіе о положеніи дѣлъ.

Между тѣмъ положеніе это становилось все болѣе и болѣе натянутымъ. Царь узналъ изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Кракова, быть можетъ, даже изъ писемъ Бучинскаго, что его акціи быстро падали и что король польскій сомнѣвался въ его дружбѣ. Онъ, со своей стороны, подозрѣвалъ короля въ томъ же и, ни мало не смущаясь, выражалъ по этому поводу свое удивленіе, чуть ли не негодованіе. Въ чемъ можно было заподозрѣть его? спрашивалъ онъ. Можно ли было отрицать его преданность, его признательность къ королю Сигизмунду, его желаніе быть ему пріятнымъ? Димитрій надѣялся, что Рангони опровергнетъ неблагопріятные для него слухи. Онъ обѣщалъ относиться къ королю съ величайшимъ почтеніемъ, скорѣе какъ къ отцу, нежели къ брату, и въ доказательство своихъ словъ возобновлялъ сдѣланныя имъ предложенія относительно Швеціи: стоитъ Сигизмунду сказать слово, говорилъ царь, и самозванецъ Карлъ и принцъ Густавъ будутъ наказаны.

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, Instructio ad S. Regem Poloniae.—Rome et Démétrius, стр. 169, № 11.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 226, № 103.

Этимъ ограничивались его уступки, въ награду же за нихъ онъ выражалъ одно желаніе, чтобы оффиціально былъ признанъ его полный царскій титулъ. Это былъ не простой капризъ съ его стороны. Кромѣ требованій этикета этотъ вопросъ имѣлъ для него самое серьезное значеніе, какъ онъ подробно объяснилъ Рангони. «Пронесся слухъ,—говорилъ онъ,—будто я обѣщалъ уступить королю польскому нѣкоторыя области; необходимо категорически опровергнуть этотъ слухъ, вотъ почему я такъ настаиваю на титулѣ». Говоря это, царь былъ правъ только на половину: объ этомъ не только говорили, но, повидимому, этотъ слухъ былъ вполнѣ справедливъ. Теперь же Димитрій отвергалъ данныя обѣщанія и хотѣлъ при посредствѣ Рангони предупредить Сигизмунда, чтобы онъ не настаивалъ на территоріальныхъ уступкахъ. Коснувшись вопроса о Польшѣ, Димитрій высокомѣрно ограничился одними общими мѣстами и обѣщалъ высказать окончательное рѣшеніе по пріѣздѣ Сендомірскаго воеводы. По всему вышесказанному не трудно себѣ представить, какой пріемъ ожидалъ посланниковъ, которые смѣло именовали «непобѣдимаго императора» великимъ княземъ и пріѣхали съ цѣлью добиться у него уступки чуть не половины его имперіи.

Димитрій, въ свою очередь, не старался скрыть перемѣны, происшедшей въ его взглядахъ; онъ сдѣлалъ это неожиданно и въ довольно рѣзкой формѣ, не теряя времени на безполезныя извиненія. Откуда взялась въ немъ эта самоувѣренность; не была ли она вызвана какими-либо извѣстіями, имъ полученными? Это вопросъ не праздный, онъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться.

Въ то время какъ Димитрій торжествовалъ въ Москвѣ, Польша переживала опасный кризисъ. Сигизмундъ III не съумѣлъ снискать любви своихъ подданныхъ; его скандинавскій характеръ не подходилъ къ характеру сѣверныхъ французовъ; ихъ увлекающійся, непостоянный нравъ составлялъ полную противуположность его холодному, леденящему обращенію. Также непопулярна была и его политика. Онъ не обладалъ сообщительностью и добротою Ягеллона, или твердостью Баторія; народъ не сочувствовалъ ему и не раздѣлялъ его взглядовъ. Главное его качество: твердость религіозныхъ убѣжденій, за что такъ любили его папа и католическая партія, было причиною, что диссиденты и ихъ сторонники относились къ нему съ нескрываемой враждебностью. Постоянно возраставшая оппозиція перешла въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1605 г. въ rokosz, т. е. возстаніе, которое иные называли вполнѣ законнымъ. Въ сущности, кумиръ «польской вольности» былъ только предлогомъ для того, чтобы начать возстаніе. Оно вспыхнуло на этотъ разъ съ неимовѣрною силою. Противники правительства созвали сеймики, изложили на нихъ причины своего неудовольствія, держали мятежныя рѣчи, организовали войска, объявили о низложеніи короля и вели съ нимъ пере-

говоры, какъ равный съ равнымъ. Сигизмундъ находился въ большой опасности и едва не лишился престола. Только 8-го октября 1606 г. удалось съ великимъ трудомъ подавить возстаніе и водворить порядокъ [1]).

Оказывается, что лица, участвовавшія въ «rokosz'ѣ», были заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ царемъ и даже предлагали ему корону Ягеллоновъ; говорятъ, будто Димитрій изъявилъ согласіе принять ее и, дабы привести дѣло къ желаемому концу, обѣщалъ оказать мятежникамъ помощь деньгами и войскомъ. Обвиненіе это, безъ сомнѣнія, весьма важное, но оно не подтверждается достаточно вѣскими доказательствами, хотя на это обстоятельство встрѣчаются нѣкоторыя указанія. Такъ, напр., духовникъ короля, о. Барчъ, сожалѣетъ въ своемъ письмѣ къ нунцію Рангони о томъ, что Димитрій слушалъ льстецовъ, которые сулили ему польскій престолъ, и предается размышленію о томъ, простятъ ли это ему при польскомъ дворѣ [2]). Одинъ анонимный авторъ высказываетъ еще категоричнѣе и опредѣленнѣе, будто онъ слышалъ изъ устъ самого Сигизмунда, что «Димитрій собирался послать участникамъ «rokosz'a» сто тысячъ флориновъ и что поляки видѣли въ Москвѣ войска, посланныя имъ на помощь [3]). Слѣдовательно, эти слухи ходили, по крайней мѣрѣ въ высшихъ сферахъ, и всякій обсуждалъ ихъ по-своему, но нунцій Рангони считалъ ихъ не болѣе, какъ выдумкою. Велевицкій пишетъ прямо, что былъ моментъ, когда Димитрій хотѣлъ «лишить Сигизмунда престола» [4]).

Кое-какія двусмысленныя слова, сказанныя царемъ и его дружественныя отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ «rokosz'ѣ», придавали этимъ слухамъ долго вѣроятіе. Въ самомъ дѣлѣ, душою возстанія и его главнымъ вождемъ былъ тотъ самый Николай Зебржыдовскій, который обратилъ претендента въ католическую вѣру и всегда энергично защищалъ его. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ оппозиціи былъ Станиславъ Стадницкій, прозванный «дьяволомъ»; онъ былъ другъ Димитрія, родственникъ Марины, братъ ея гофмейстера, посылалъ царю въ подарокъ великолѣпныхъ лошадей [5]), а короля осыпалъ неистовой бранью.

Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, вышеупомянутыя подозрѣнія можно считать вполнѣ основательными. Идея объединенія сла-

---

[1]) Велевицкій, т. II, стр. 120—217, подробно описываетъ эти событія.

[2]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 230, собственноручная приписка Рангони къ депешѣ отъ 25-го декабря 1606 г.

[3]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, IV, 81, анонимная записка.

[4]) Тургеневъ, т. II, стр. 136, № LXXVIII. Велевицкій, т. II, стр. 145.

[5]) Нѣмоевскій, стр. 94.

вянскаго міра пріобрѣтала популярность, никакая выдумка не смущала главарей «rokosz'а»; они ненавидѣли Сигизмунда и не боялись прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. Тѣмъ не менѣе было бы слишкомъ смѣло утверждать, что Димитрій принималъ какое-либо участіе въ «rokosz'ѣ». Можно сказать только, что на это имѣются указанія; но положительныхъ доказательствъ нѣтъ.

Король польскій и царь московскій оба вели двуличную политику. Одинъ требовалъ, чтобы ему было уступлено нѣсколько московскихъ провинцій, а другой прикрывался вопросомъ о титулахъ, чтобы не дѣлать этимъ уступокъ. Русскіе предлагали въ тайнѣ Сигизмунду московскую корону, а нѣкоторые поляки предлагали, быть можетъ, Димитрію корону Ягеллоновъ. Всѣ интересы перепутались; интрига была въ полномъ ходу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РАЗВЯЗКА.

ГЛАВА I.

Коронованіе Марины 18-го мая 1606 г.

Кратковременное царствованіе.—Разнорѣчивые слухи.—Новый типъ царя.—Наслажденіе жить и царствовать.—Новый дворецъ.—Придворныя должности.—Почетная стража.—Церковь остается неприкосновенной.—Никакихъ нововведеній въ школьномъ дѣлѣ.—Учрежденіе государственнаго совѣта.—Отсутствіе свѣдѣній.—Самодержавіе Димитрія.—Крѣпостное право.—Права помѣщиковъ.—Плательщики податей.—Военные вопросы.—Походъ противъ турокъ.—Скромныя реформы.—Орудійный заводъ.—Адская машина.—Маленькое честолюбіе.—Торговля.—Импровизированная система.—Поляки и литовцы.—Покровительство англичанъ.—Аугсбургскіе и италіанскіе купцы.—Драгоцѣнные камни принцессы Анны.—Охота на медвѣдя.—Скандальная хроника Кремля.—Тридцать беременныхъ дѣвушекъ.—Доля истины.—Красавица Ксенія.—Увѣщанія Мнишека.—Исправленіе Димитрія.—Марина въ Прондникѣ.—Свадьба Сигизмунда III.—Самборскій караванъ. — Родственники и друзья Мнишека. —Женскій персоналъ.—Помасскій, Савицкій, семь бернардинскихъ монаховъ.—Всего двѣ тысячи поляковъ.—Оркестръ и шуты.—Двѣ іезуитскія коллегіи.—Пріемъ, сдѣланный Маринѣ въ Россіи.—Проповѣдь отца Савицкаго. — Встрѣча съ боярами. — Лубно и Смоленскъ. — Можайскъ. — Посѣщеніе монастыря. — Мнишекъ въ Москвѣ. — Душевное состояніе Марины. — Бесѣда съ Савицкимъ. — Въѣздъ въ столицу. — Марина въ Вознесенскомъ монастырѣ.—Бурная аудіенція польскихъ посланниковъ.—Оцѣнка бракосочетанія, совершеннаго въ Краковѣ.—Разрѣшеніе.—Мнѣніе русскихъ.—Фанатики требуютъ вторичнаго крещенія.—Умѣренные удовлетворяются мѵропомазаніемъ.—Обманъ.—Оффиціальная программа.—Марина въ Кремлѣ.—Церемоніалъ обрученія.—Подходящія къ случаю рѣчи.—Разбитая бутылка.—Затрудненіе по поводу этикета.—Отсутствіе посланниковъ на пиру.—Рѣчь, произнесенная Димитріемъ.—Танцы и турниръ.—20-ое мая.—Совѣщаніе посланниковъ.—Остроумная комбинація.—Пиршество 21-го мая.—Приключеніе съ Госѣевскимъ.—Празднество 25-го мая.—Угроза.—Признаніе Олесницкаго.—Дѣла.—Отвѣтъ Димитрія.

Царствованіе Димитрія продолжалось всего одиннадцать мѣсяцевъ. Онъ промелькнулъ на престолѣ подобно метеору съ обманчивымъ бле-

скомъ, послѣ котораго быстро наступаютъ сумерки. Исторія Димитрія трагична, почти неуловима. Съ самаго начала къ нему всѣ относились пристрастно; всѣ свидѣтельскія показанія въ его пользу и противъ него одинаково не заслуживаютъ довѣрія; въ довершенію бѣды, большая часть документовъ, которые могли бы служить намъ неопровержимыми доказательствами, истреблены временемъ, войнами, пожарами. До насъ дошли только одни противорѣчивые отголоски той эпохи.

Въ сомнительномъ потомкѣ Рюрика не было ни одной черты, свойственной древнимъ русскимъ царямъ. Онъ ни мало не походилъ на Ивановъ Васильевичей и Василіевъ Ивановичей ни складомъ своего ума, ни характеромъ, ни привычками и вкусами, ни даже своею внѣшностью. Это былъ типъ совершенно новый, своеобразный. Въ нравственномъ отношеніи Димитрій не обладалъ какими-либо рѣзкими, опредѣленными чертами. Окружающая среда, успѣхи и неудачи, имъ испытанныя, наложили печать на его впечатлительную натуру. Тотъ же Димитрій былъ совершенно инымъ человѣкомъ въ разныя эпохи своей жизни.

По прибытіи въ Москву послѣ всѣхъ пережитыхъ испытаній въ Димитріи наступила реакція. Онъ наслаждался сознаніемъ того, что онъ живетъ и царствуетъ; это отразилось въ его стремленіи къ роскоши и къ блеску. Строгое жилище древнихъ московскихъ царей казалось неподходящимъ юному повелителю Кремля. Ему нужно было что-нибудь болѣе видное, болѣе подходящее къ его новому веселому образу жизни. Наскоро былъ сооруженъ новый дворецъ, раздѣленный на два флигеля, изъ коихъ одинъ предназначался для царя, а другой для его супруги. Съ точки зрѣнія искусства, этотъ дворецъ, конечно, не могъ соперничать съ образцовыми произведеніями Фіоравенти и Солари, но онъ былъ просторенъ, имѣлъ нѣсколько отдѣльныхъ входовъ и ничѣмъ не напоминалъ прежніе мрачные покои царскихъ дворцовъ. Внутреннее убранство комнатъ было роскошное, стѣны были обтянуты драгоцѣнной шелковой матеріей, полы были покрыты роскошными коврами, всюду виднѣлась позолота, вездѣ было обиліе свѣта. Общій видъ дворца производилъ впечатлѣніе даже на поляковъ; Димитрій наслаждался этою роскошью. Онъ возстановилъ придворныя должности со всѣми іерархическими подробностями, заимствованными нѣкогда у византійцевъ, сформировалъ почетную стражу, исключительно изъ иностранцевъ. Ея обязанностью было сопровождать царя и наблюдать за его личною безопасностью. Эта стража состояла изъ трехсотъ рослыхъ молодцовъ, раздѣленныхъ на три роты, стрѣлковую и двѣ роты алебардщиковъ. Стрѣлки составляли цвѣтъ этого отборнаго войска и находились подъ командою капитана Якова Маржерета, служившаго нѣкогда въ войскѣ Годунова. Имъ была дана роскошнѣйшая форма: плащи изъ бархата и

парчи, и бердыши съ древками, сдѣланными изъ серебряной проволоки. Алебардщикамъ, состоявшимъ подъ командою англичанина Матвѣя Кноустона и шотландца Альберта Ланція, были даны мундиры изъ фіолетоваго сукна, отличавшіеся цвѣтомъ лацкановъ: у однихъ они были зеленаго, а у другихъ краснаго бархата. Офицеры и солдаты получали большое жалованіе; царь хотѣлъ обезпечить себѣ ихъ преданность [1]).

Изъ своего дворца, построеннаго на новый ладъ, Димитрію приходилось управлять страною отсталою, раздираемою внутренними смутами. Онъ первый изъ русскихъ царей преступилъ заколдованный кругъ и видѣлъ своими глазами уголокъ Европы. Его кругозоръ расширился въ Польшѣ; разница съ Москвою была поражающая и не особенно лестная для русскихъ, но и Россія, признавшая Димитрія, была уже не прежняя первобытная страна, которую было легко направлять по своему благоусмотрѣнію; это уже была не Россія Іоанна III, озаренная блѣднымъ лучемъ эпохи возрожденія, это была Россія опричины, отброшенная назадъ Іоанномъ IV, глубоко пораженная вынесенными ею бѣдствіями, еще не излѣчившаяся отъ нихъ, кишѣвшая измѣною и интригами, объятая борьбою партій и страстей.

Источенное червями, расползавшееся по своимъ швамъ государственное зданіе не внушало Димитрію ни малѣйшей любви; онъ охотно снесъ бы его до основанія и перестроилъ наново; но приходилось считаться съ оппозиціей и осмотрительно соразмѣрять свои силы.

Если судить по задушевнымъ бесѣдамъ, которыя Димитрій велъ въ Путивлѣ, во время похода, то можно было ожидать преобразованій прежде всего въ школьномъ дѣлѣ и въ духовномъ вѣдомствѣ. Однако по достиженіи престола, царь не особенно спѣшилъ осуществить эти планы. Мы видѣли уже, что онъ вовсе не коснулся православной церкви. Помимо обычнаго вмѣшательства гражданской власти въ дѣла церкви, Димитрій не касался духовныхъ дѣлъ; въ бытѣ бѣлаго и чернаго духовенства не произошло при немъ никакихъ перемѣнъ; проектъ единенія съ Римомъ былъ также забытъ; о полемикѣ съ католиками болѣе не вспоминали; мысль о созывѣ собора, о которомъ въ Краковѣ шла рѣчь съ Рангони, также осталась въ проектѣ. Въ странѣ, гдѣ всякаго ученаго считали колдуномъ, а на науку смотрѣли какъ на ересь, было опасно слишкомъ много заботиться о школѣ. Борисомъ Годуновымъ былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи нѣкоторый починъ; онъ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изучать иностранные языки въ Любекъ и Лондонъ и пригласилъ иностранныхъ ученыхъ въ Россію. Димитрій не пошелъ такъ далеко, онъ обѣщалъ многое, но сдѣлалъ весьма мало въ исполненіе этихъ обѣщаній.

---

[1]) Маржеретъ, стр. 87. Масса, т. II, стр. 145, 148. Руссель, стр. 8.

Въ сферѣ гражданской и административной было легче сдѣлать опытъ преобразованія, нежели въ области церкви и школы. Однимъ изъ главныхъ правительственныхъ актовъ новаго царя было учрежденіе нѣкотораго подобія государственнаго совѣта. Это было до нѣкоторой степени возвратомъ къ стариннымъ учрежденіямъ, но съ нѣкоторой попыткой къ ихъ усовершенствованію и приспособленію къ требованіямъ времени. Бояре и епископы принимали нѣкогда участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ составляли Думу, или ближайшихъ совѣтниковъ царя, самодержавіе котораго этимъ нѣсколько ограничивалось. Въ этомъ учрежденіи таился зародышъ вольности, который не особенно соотвѣтствовалъ стремленію царей къ деспотизму. Поэтому мы видимъ, что по мѣрѣ того какъ московскіе цари все болѣе и болѣе стремились къ византійскому самодержавію, значеніе Думы постепенно падало. Самоволіе Іоанна IV и бѣдствія послѣдующихъ лѣтъ окончательно подорвали ея значеніе. Когда кризисъ миновалъ, было рѣшено преобразовать это учрежденіе.

Весьма возможно, что Димитрій дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не вполнѣ самостоятельно, что онъ былъ связанъ обѣщаніями. Если вѣрить Петру Аркудіусу, вольности польскаго народа соблазняли русскихъ, и они заблаговременно поставили царю свои условія. Димитрій отлично понималъ, какъ ему надобно было дѣйствовать для того, чтобы передъ нимъ открылись ворота Москвы, поэтому онъ не скупился передъ боярами на обѣщанія. Самъ воевода Мнишекъ, въ своихъ письмахъ къ боярамъ и рыцарству, увѣрялъ ихъ, что Димитрій всегда будетъ заботиться о расширеніи ихъ правъ. Сопоставляя эти данныя, можно предположить, что учрежденіе государственнаго совѣта имѣло цѣлью удовлетворить вполнѣ опредѣленному образу мыслей и желаній.

Внѣшній составъ совѣта, четыре категоріи его членовъ, самый способъ ихъ назначенія напоминаютъ организацію старинной Думы. Первый разрядъ составляли духовныя лица съ патріархомъ Игнатіемъ во главѣ. Онъ занималъ почетное мѣсто по правую руку отъ царя. Возлѣ него, но на почтительномъ разстояніи сидѣли четыре митрополита, семь архіепископовъ и три епископа. Фамиліи тѣхъ тридцати шести бояръ, которые составляли второй разрядъ, говорятъ весьма многое. Мы видимъ въ числѣ ихъ Нагихъ, близкихъ родственниковъ царя, далѣе начальниковъ войска, посланнаго нѣкогда противъ претендента, жертвъ, пострадавшихъ въ царствованіе Бориса Годунова, и любимцевъ новаго монарха. Списокъ этихъ именъ составляетъ самъ по себѣ страничку исторіи. Въ двухъ послѣднихъ разрядахъ находилось семнадцать окольничьихъ и шесть дворянъ. Дошедшій до насъ списокъ членовъ совѣта писанъ рукою секретаря Яна Бучинскаго. Говоря о совѣтѣ, онъ называетъ его сенатомъ; это слово навѣяно, очевидно, вос-

поминаніемъ о Польшѣ: подъ нимъ, очевидно, надобно понимать преобразованную Думу. Этимъ спискомъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этомъ учрежденіи. До насъ не дошло ни одного акта, имъ обнародованнаго, намъ не извѣстно, какими онъ пользовался правами, чѣмъ ограничивалась его дѣятельность и въ чемъ именно она состояла [1]). Въ глубинѣ души Димитрій несомнѣнно склонялся болѣе къ самодержавію. Отвѣты, которые онъ давалъ боярамъ, были всегда, если припомнимъ сказанное по этому поводу П. Аркудіусомъ, сдержанны и уклончивы, а бесѣдуя съ нунціемъ Рангони о дѣлахъ церкви, онъ любилъ сравнивать себя съ ѣздокомъ, умѣющимъ взнуздать свою лошадь.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ его актахъ выразился болѣе либеральный духъ. Въ царствованіе Годунова, народъ утратилъ свою свободу, крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, Россіи была привита язва крѣпостнаго права. Нѣкоторые указы Димитрія свидѣтельствуютъ объ его заботѣ возстановить равенство и справедливость. Такъ, наприм., отецъ семейства былъ лишенъ права продавать въ крѣпостную зависимость свое потомство. Всякій могъ закрѣпостить себя какому-нибудь хозяину по своему благоусмотрѣнію, но по отношенію къ дѣтямъ таковыя обязательства считались недѣйствительными и, хотя узы рабства распространялись только на личность, но онѣ служили источникомъ вопіющихъ злоупотребленій. Права помѣщиковъ по отношенію къ крѣпостнымъ были ограничены Димитріемъ, и въ иныхъ случаяхъ даже отмѣнены совершенно: помѣщикъ могъ владѣть крестьянами только подъ непремѣннымъ условіемъ заботиться объ ихъ существованіи; если же въ случаѣ голода онъ былъ не въ состояніи прокормить своихъ крестьянъ, то онъ лишался тѣмъ самымъ права на владѣніе ими. Способъ взиманія податей, производившійся зачастую несправедливо и совершенно произвольно, также былъ измѣненъ въ пользу плательщиковъ въ томъ отношеніи, что отъ сбора податей были устранены корыстолюбивые посредники [2]). Разумѣется, всѣ эти мѣры были болѣе или менѣе случайныя. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на начало какого-либо аграрнаго законодательства или реформы въ государственныхъ финансахъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что Димитріемъ руководили человѣколюбивыя стремленія.

Важнымъ административнымъ вопросомъ были въ глазахъ Димитрія вопросы военные, которые вполнѣ соотвѣтствовали его пылкому характеру и занимали его непрестанно. Эти вопросы были первостепен-

---

[1]) Соб. гос. грам., т. II, стр. 207, № 93; стр. 210, № 94. См. превосходный трудъ Ключевскаго „Боярская дума“.

[2]) Акты истор., т. II, стр. 76, 77, №№ 61, 62.—Акты собр., т. II, стр. 95, № 40.

ной важности, они могли возникнуть ежечасно и настоятельно потребовать рѣшенія. Русскимъ границамъ то и дѣло угрожали на востокѣ татары, а на западѣ нѣмцы, не говоря уже о полякахъ, съ которыми Россія находилась оффиціально въ мирныхъ отношеніяхъ. Димитрія озабочивала не только мысль объ оборонѣ государства, но въ своихъ заботахъ о войскѣ онъ имѣлъ еще заднюю мысль. У него не выходила изъ ума мечта о фантастическомъ походѣ противъ турокъ; онъ представлялъ себя мысленно идущимъ по стопамъ Стефана Баторія, главою лиги, образованной противъ Турціи.

Для человѣка геніальнаго открывалось обширное поле дѣятельности. Димитрій понималъ это, но если онъ и задался мыслію совершить преобразованія, то надобно сознаться, что имъ не было выработано плана коренныхъ или обширныхъ реформъ. Онъ не мечталъ о созданіи новаго, прочнаго государственнаго строя, не старался искать за границею образца для подражанія; онъ довольствовался находившимися въ его распоряженіи, случайными средствами, которыя давала ему страна, и содѣйствіемъ нѣсколькихъ инженеровъ, коихъ онъ надѣялся выписать изъ Италіи и Англіи; за то въ этой ограниченной сферѣ онъ старался сдѣлать все возможное. Обученіе солдатъ составляло одну изъ его главныхъ заботъ; онъ учащалъ военныя упражненія, спѣшилъ съ изготовленіемъ оружія и боевыхъ снарядовъ. По близости отъ дворца находился литейный заводъ, который онъ нерѣдко посѣщалъ. Ему приписываютъ даже изобрѣтеніе новаго военнаго снаряда, по поводу котораго создалось не мало легендъ, но который унесъ особенно много жертвъ. Въ лѣтописяхъ онъ окрещенъ зловѣщимъ названіемъ адской машины. Это была, по всей вѣроятности, одна изъ тѣхъ подвижныхъ крѣпостей, которыя были въ большомъ употребленіи у русскихъ; крѣпости эти катились на толстыхъ дубовыхъ доскахъ, и въ нихъ скрывались стрѣлки; подобная крѣпость была, вѣроятно, приспособлена Димитріемъ на новый ладъ. Особенно сильное впечатлѣніе производили на зрителей зловѣщія сцены, изображенныя на стѣнахъ этого сооруженія: на нихъ были нарисованы сражавшіяся чудовища и огромныхъ размѣровъ черти, изрыгавшіе пламя. Въ то время этого было достаточно для того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ черной магіи [1]).

Къ увлеченію военнымъ дѣломъ въ душѣ Димитрія примѣшивалась доля честолюбія; подъ предлогомъ лиги противъ турокъ онъ мечталъ составить себѣ выдающееся положеніе въ Европѣ. Припомнимъ, что, предлагая папѣ обнажить мечъ противъ невѣрныхъ, царь дѣйствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ образомъ, чтобы войти въ концертъ западныхъ

---

[1]) Неаполь, національная библіотека, X, g., 12, f. 47. — Нѣмоевскій, стр. 119.—Масса, т. II, стр. 149.—Платоновъ, Сказаніе, стр. 4.

державъ; къ этому прибавлять нечего. Другимъ средствомъ войти въ сношеніе съ остальнымъ міромъ, заставить его узнать Россію и искать сближенія съ нею была торговля. Димитрій понялъ и оцѣнилъ ея значеніе. Теоріи свободной торговли и покровительственной системы, разумѣется, были ему незнакомы, но онъ чувствовалъ инстинктивно, что безчисленныя препоны, воздвигаемыя торговлѣ въ Московскомъ государствѣ, отжили свой вѣкъ; съ другой стороны непомѣрныя привилегіи, предоставляемыя иностранцамъ, не вызывали его одобренія. Его система, если таковая была у него, состояла въ томъ, чтобы открыть новые рынки, привлечь купцовъ, поощрять въ широкихъ размѣрахъ обмѣнъ товаровъ, хотя бы даже въ ущербъ государственнымъ доходамъ, которые были бы покрыты со временемъ сторицею. Такимъ образомъ онъ даровалъ полякамъ и литовцамъ право пріѣзжать въ Москву съ товарами: ихъ не задерживали болѣе на границѣ, имъ не приходилось болѣе подчиняться дорого стоющимъ и непріятнымъ формальностямъ. Подобныя льготы были обѣщаны и русскимъ въ Польшѣ.

Еще лучше были обставлены англичане, за коихъ хлопотали, вѣроятно, ихъ соотечественники. Димитрій, еще во время похода своего на столицу, интересовался уже Великобританіей. Прибывъ въ Тулу, онъ приказалъ извѣстить объ этомъ англійскаго агента Джона Меррика, который поспѣшилъ на встрѣчу будущаго царя. Поселившись въ Кремлѣ, Димитрій послалъ гонцовъ въ Архангельскъ, оттуда долженъ былъ отплыть на родину британскій посланникъ, Ѳома Смитсъ. Отъ него потребовали письма, полученныя имъ отъ Бориса Годунова, которыя были замѣнены другими на имя Іакова I; англичанамъ были обѣщаны большія льготы и королю сообщалось о посылкѣ въ Лондонъ русскаго посольства. Англичане были не прочь воспользоваться этими предложеніями: исполненная приключеній поѣздка Ричарда Чанселлора (Richard Chancellor) открыла имъ путь въ Бѣлое море; съ тѣхъ поръ они наживались въ Россіи, дѣйствуя съ тою смѣлою предпріимчивостью, которою отличается современный Карѳагенъ. Борисъ Годуновъ даровалъ имъ огромныя привилегіи, которыя приводили русскихъ въ негодованіе; Димитрій выказывалъ намѣреніе превзойти Годунова. Онъ разрѣшилъ Джону Меррику свободный проѣздъ повсемѣстно въ Россіи, въ чемъ нѣкогда было отказано Паолетто Центуріоне; англичанамъ было дозволено торговать безпошлинно [1]).

Вообще, со вступленія на престолъ Димитрія, въ особенности во время коронованія Марины, торговля въ Россіи замѣтно оживилась. Въ Польшѣ къ поѣзду царицы присоединились купцы. Въ Аугсбургѣ

---

[1]) Smithes, стр. 91, 103.—Въ Queen's College d'Oxford (N CCCLXXXIV) хранится грамата, данная Димитріемъ англійскимъ купцамъ.

тогда же образовалась вторая купеческая компанія, во главѣ которой находился еврей Натанъ. Въ числѣ его сотоварищей находился Иванъ-Георгъ Пайерлэ (Jeon-Georges Payerle), которому пришлось въ скоромъ времени повѣствовать о своихъ бѣдствіяхъ. Жажда наживы привлекла въ Москву даже нѣсколькихъ италіанцевъ, какъ напр. Иванъ-Амбруаза Целлари (Jean-Ambrois Cellari) изъ Милана. Димитрій пользовался такою славою, его считали человѣкомъ столь расточительнымъ и такимъ любителемъ драгоцѣнныхъ камней, что даже сестра короля Сигизмунда, принцесса Анна, не устояла передъ желаніемъ совершить выгодную продажу и послала въ Кремль цѣлую коллекцію драгоцѣнныхъ камней, которые одному польскому дворянину было поручено продать царю [1]).

Несмотря на столь разнообразныя занятія, Димитрій имѣлъ достаточно свободнаго времени для своихъ удовольствій. Онъ вознаграждалъ себя за лишенія, испытанныя имъ до тѣхъ поръ. Жизнь текла въ Кремлѣ припѣваючи. Любимою забавою царя была охота, въ которой онъ выказывалъ большую храбрость и проворство. Однажды, въ присутствіи воеводы Мнишека онъ приказалъ спустить въ поле медвѣдя, погнался за нимъ верхомъ и съ такою силою бросилъ въ него рогатину, что звѣрь палъ мертвый. Этотъ подвигъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ той эпохи, какъ выдающійся случай. Однако не всѣ развлеченія Димитрія были столь высокаго полета, какъ это царственное препровожденіе времени. До тѣхъ поръ, въ Краковѣ, въ Самборѣ и во время похода никто не подмѣчалъ въ Димитріи ни малѣйшей слабости къ прекрасному полу, по крайней мѣрѣ, никто не говоритъ объ этомъ. Но когда верховная власть дала ему возможность удовлетворять свои прихоти, и деньги дали къ тому средства, то въ немъ произошла въ этомъ отношеніи большая перемѣна. Царская власть отуманила его такъ же точно, какъ она отуманиваетъ многихъ другихъ. Скандальная хроника Кремля богата въ его царствованіе событіями. Современники изображали Димитрія циническимъ сатрапомъ, но въ сущности всѣ разсказываемые о немъ анекдоты болѣе пикантны, нежели достовѣрны. Большинство историковъ передаютъ разсказъ о тридцати беременныхъ дѣвушкахъ. Можно ли считать его правдоподобнымъ? Молодой голландскій купецъ, Исаакъ Масса, утверждаетъ, что онъ былъ уполномоченъ обиженными дѣвушками предъявить искъ къ тому, кто попралъ ихъ честь; это было въ то время, когда въ Кремлѣ происходили тѣ кровавыя сцены, о которыхъ

---

[1]) Вѣна, государственный архивъ, Rossica, 27-го января 1607 г.; Polonica, 1608, réclamations en faveur de „Philippus Holbein, Andreas Nathan, Iacob Beckler, Georg Peuerle (alias Joannes Georgius Baierle) mit Consorten“.— Нѣмоевскій, стр. IX, 93.

рѣчь будетъ далѣе. Голландцу повѣрили на слово, не доискиваясь, откуда ему могли были извѣстны эти тайны. Хотя подробности этого разсказа походятъ на сплетни, но въ немъ есть большая доля правды. Мы имѣемъ свидѣтельство нѣкоторыхъ лицъ, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія, которыя искренно сокрушались по поводу непристойнаго поведенія царя; его сторонники также скорбятъ объ этомъ; многіе называютъ его поведеніе развратнымъ [1]). Дѣло дошло до того, что Мнишекъ счелъ долгомъ протестовать и прочитать царю нравоученіе. Нелегко было ему взять на себя эту неблагодарную роль.

Припомнимъ, въ какой критическій моментъ Сендомірскій воевода уѣхалъ изъ арміи Димитрія: это было на другой день послѣ того, какъ въ войскѣ вспыхнуло возмущеніе, когда Димитрію приходилось бороться со всякаго рода затрудненіями и неожиданностями. По пути воевода успокоился и по пріѣздѣ въ Самборъ подарилъ своимъ друзьямъ, бернардинскимъ монахамъ, шитую золотомъ, Московскую хоругвь, которая была ими принята, какъ трофей побѣдоноснаго гетмана [2]). Съ тѣхъ поръ утекло не мало воды, и Мнишекъ явился къ царю уже въ качествѣ просителя. У него были по обыкновенію долги, которые было необходимо уплатить; ему надобно было внести просроченныя подати; кромѣ того нужны были деньги на покрытіе свадебныхъ расходовъ Марины; а единственнымъ источникомъ его доходовъ былъ Димитрій, коему онъ нѣкогда покровительствовалъ и который снабжалъ его теперь деньгами. 25-го декабря 1605 г. Мнишекъ написалъ Димитрію отчаянное письмо, съ просьбою о высылкѣ денегъ; онъ краснорѣчиво излагалъ свои надобности, говорилъ о крайней нуждѣ, но въ разоренномъ и нуждающемся магнатѣ все еще чувствовался прежній горделивый самборскій владѣлецъ. Онъ мечталъ о великой будущности для своего отечества и для своей семьи, предвидѣлъ возможность союза Польши съ Москвою, и вдругъ всѣ его мечты разлетались прахомъ: Димитрій ускользалъ изъ рукъ тестя, онъ возстановлялъ противъ короля, измѣнялъ Маринѣ. Воевода былъ крайне взволнованъ, онъ обратился къ своему непостоянному зятю съ самыми серьезными упреками, умолялъ его не раздражать короля и въ концѣ письма затронулъ щекотливый вопросъ, который былъ особенно близокъ его отеческому сердцу.

Въ Польшѣ, писалъ онъ, ходятъ странные слухи. Говорятъ, будто въ числѣ московскихъ женщинъ есть одна, славящаяся необыкновеннымъ умомъ и красотою—это Ксенія, дочь Бориса Годунова. Она одна изъ всей семьи избѣгла смерти и пытокъ. Даже русскіе лѣтописцы, обыкно-

---

[1]) Масса, т. II, стр. 152.—Нѣмоевскій, стр. 15, 118.—Велевицкій, т. II, стр. 145.

[2]) Самборъ, архивъ бернардинскихъ монаховъ, Acta, f. III.

венно весьма сдержанные на похвалы, отдавали дань ея красотѣ и отзывались о ней восторженно. Тщательно воспитанная своимъ отцомъ, она умѣла читать и писать, и привлекала взоры своимъ гибкимъ станомъ, поразительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, яркимъ румянцемъ, большими темными глазами и черными, какъ смоль, волосами, ниспадавшими на плечи пышными косами. Злые языки говорили, что Ксенія жила въ Кремлѣ и что Димитрій былъ къ ней далеко не равнодушенъ. Это встревожило Мнишека; онъ дорожилъ честью своей дочери и не допускалъ, чтобы у нея была соперница. Онъ смѣло потребовалъ, чтобы Димитрій удалилъ изъ дворца молодую дѣвушку, которая была слишкомъ хороша собою, чтобы не возбуждать подозрѣній [1]).

Что именно отвѣтилъ на это царь, намъ не извѣстно; какъ бы то ни было, онъ умѣлъ успокоить своего тестя. Ксенія была заточена въ монастырь, долги Мнишека были уплачены, и Димитрій снова сталъ торопить свою невѣсту пріѣздомъ. Все было готово къ ея пріему, но бояре, посланные ей на встрѣчу тщетно ожидали ее на границѣ; Марина не спѣшила. Это было тяжкое испытаніе для Димитрія; онъ всячески убѣждалъ ее, просилъ, умолялъ, угрожалъ самъ пріѣхать за ней, ничто не помогало [2]). Онъ терялся въ догадкахъ, не зная, чѣмъ объяснить медлительность Мнишека. Дѣло въ томъ, что воевода выжидалъ изъ Рима разрѣшенія, коего онъ просилъ для Марины. Ему не хотѣлось ѣхать съ неуспокоенной совѣстью, и онъ двинулся въ путь только тогда, когда у него явилась надежда, что отвѣтъ будетъ полученъ своевременно. Путешествіе Сендомірскаго воеводы съ его многочисленною свитою походило на настоящее переселеніе народа. Мы оставили Марину въ Краковѣ во время празднествъ мечтающею о коронѣ и проливавшею слезы при прощаніи съ родиною. Она выѣхала изъ Кракова 3-го декабря и провела нѣкоторое время въ Прондникѣ, дабы избѣжать затрудненій, сопряженныхъ съ требованіями этикета, ибо на слѣдующій день, 4-го декабря, долженъ былъ состояться торжественный въѣздъ въ Краковъ невѣсты Сигизмунда, эрцгерцогини Констанціи; присутствіе въ поѣздѣ двухъ монархинь могло привести церемоніймейстеровъ въ совершенное отчаяніе. Отсутствіе Марины разрѣшало ихъ недоумѣнія и облегчило имъ трудную задачу. Бракосочетаніе короля совершилось 11-го декабря 1605 г. съ необычайною пышностью и великолѣпіемъ; пиршества, продолжавшіяся цѣлыхъ три дня, могли привести въ отчаяніе самаго отъявленнаго лакомку. Въ числѣ приглашенныхъ находился

---

[1]) Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 621, 652.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 241, № 112.

[2]) Пять писемъ по этому поводу напечатаны въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 254–282, №№ 118, 123, 128, 131, 132.

Власьевъ, который и тутъ не упустилъ случая накуралесить. Какъ посланникъ царя, онъ пожелалъ занимать мѣсто болѣе почетное, нежели нунцій. Это требованіе казалось ему вполнѣ законнымъ по слѣдующей причинѣ: такъ какъ кардиналъ Мацѣевскій исполнялъ обязанности папскаго легата, то Власьевъ утверждалъ, что у папы не могло быть двухъ легатовъ при одномъ и томъ же дворѣ, поэтому онъ смотрѣлъ на Рангони, какъ на простаго епископа. Поляки быстро образумили его, предложивъ ему либо подчиниться ихъ требованію, либо не присутствовать вовсе на пиршествѣ. Вынужденный подчиниться, онъ занялъ указанное мѣсто [1]).

Въ то время, какъ король наслаждался медовымъ мѣсяцемъ, Мнишеки были заняты послѣдними приготовленіями къ отъѣзду. Ихъ свита и прочіе спутники снаряжались цѣлыхъ три мѣсяца: поѣздъ организовался окончательно въ Самборѣ. По именному указу Сигизмунда, всякое судебное преслѣдованіе противъ сендомірскаго воеводы было пріостановлено на время его путешествія [2]). Эта милость была равносильна одобренію свыше. Неизвѣстно, приказалъ ли король Мнишеку принять какія-либо мѣры предостожности и намекнулъ ли онъ ему на секретные переговоры, которые велись съ московитами. Какъ бы то ни было, ничто не нарушало спокойствіе отъѣзжающихъ. Связанные между собою узами кровнаго родства и дружбы, они мечтали только объ удовольствіяхъ, какія ожидали ихъ въ Кремлѣ. Мнишекъ везъ съ собою своего сына Станислава, своего брата Ивана, племянника Павла, своего зятя Константина Вишневецкаго, Сигизмунда и Павла Тарло, трехъ Стадницкихъ, изъ коихъ одинъ, Мартинъ, былъ церемоніймейстеромъ Марины, Казановскаго, Любомірскаго, Доморацкаго, Голуховскаго. Вокругъ Марины группировалась женская свита: пáни Гербертъ, Шмелевская, супруги обоихъ братьевъ Тарло; ея гофмейстериною была Казановская [3]).

Духовенство имѣло въ свитѣ Мнишека многочисленныхъ представителей. Самборскій священникъ, Францискъ Помасскій, отправился въ Москву по своему собственному желанію. Отецъ Савицкій былъ посланъ нунціемъ на счетъ папы. Миссія іезуита должна была начаться въ Кремлѣ, гдѣ его присутствіе должно было напомнить царю объ отреченіи, произнесенномъ въ Краковѣ. Что касается Марины, то она относилась болѣе сочувственно къ бернардинскимъ монахамъ, своимъ друзьямъ дѣтства; имъ пришлось быть домовыми священниками царицы, и они должны были напоминать ей незабвенный Самборъ. Воевода раздѣлялъ симпатіи дочери; онъ избралъ своимъ духовникомъ также одного изъ бернардинскихъ монаховъ, коихъ ѣхало съ ними всего семь человѣкъ.

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 232, f. 85.
[2]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 239, № 111.
[3]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 239, № 111.

Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ отецъ Ансеринусъ, съ которымъ Димитрій велъ нѣкогда споръ. Будущее представлялось Ансеринусу въ мрачномъ свѣтѣ. Болѣе скромнымъ, но столь же преданнымъ былъ отецъ Антоній Люблинскій, котораго только смерть разлучила съ Мариной.

Бѣлецъ, по имени Петръ, бывшій въ числѣ спутниковъ, былъ искуснымъ врачемъ [1]). Бернардины, какъ испытанные друзья, держались, какъ свои люди, такъ что Савицкій, по крайней мѣрѣ, во время пути, чувствовалъ себя человѣкомъ пришлымъ, и ему казалось, что безъ него легко могли бы обойтись; впрочемъ, это было чисто личное впечатлѣніе, которое не подтверждалось никакими непріятными для него столкновеніями.

Число всѣхъ лицъ, ѣхавшихъ съ Мнишекомъ, доходило, согласно польскимъ источникамъ, приблизительно до двухъ тысячъ человѣкъ и стольких же лошадей. Эта весьма значительная цифра объясняется большимъ числомъ слугъ, коими польскіе магнаты имѣли обыкновеніе окружать себя. Станиславъ Мнишекъ не отказалъ себѣ даже въ роскоши имѣть свой собственный оркестръ; онъ нанялъ двадцать музыкантовъ и взялъ съ собою шута, Антонія Ріати, уроженца Болоньи. Впослѣдствіи оказалось, что подборъ слугъ былъ весьма неудаченъ. Въ самое тяжелое время, они предались пьянству, разврату, ссорамъ, дуэлямъ и убійствамъ. Одна женщина, чтобы скрыть свой позоръ, разрѣзала своего ребенка и бросила на крышу его окровавленные останки.

Семейство Мнишекъ выѣхало изъ Самбора 2-го марта 1606 года. Кто могъ бы подумать, видя, съ какою радостью они отправлялись въ путь, что это уѣзжали будущіе заложники? Путешествіе, прерываемое продолжительными остановками, совершалось медленно. Аѳанасій Власьевъ, не разлучавшійся болѣе къ Мариною, проклиналъ эту медлительность. Желая сдѣлать пріятное своему монарху, онъ хотѣлъ бы мчаться во весь опоръ, что онъ и высказывалъ откровенно. Его напоминанія были такъ настойчивы, что Мнишекъ былъ выведенъ, наконецъ, изъ терпѣнія. Онъ пожаловался своему зятю, ссылался на свою старческую немощь и на вниманіе, съ какимъ слѣдуетъ относиться къ женскому полу, о которомъ Власьевъ имѣлъ весьма смутное понятіе:

— Не можемъ же мы летѣть къ вамъ,—писалъ Мнишекъ, съ досадою, и не ускорялъ своей поѣздки [2]).

По пути въ Москву находились двѣ іезуитскія коллегіи, одна въ Люблинѣ, другая въ Нѣвежѣ. Первую посѣтила съ отцомъ Марина,

---

[1]) Самборъ, Архивъ бернардиновъ, Kronika, f. 189, 190, 191.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, Teka Naruszewicza, № 108, f. 1681.

[2]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 284, № 133.

вторую посѣтилъ только ея отецъ. Учащіеся въ коллегіи юноши воспѣли героиню дня въ стихахъ и прозѣ, на польскомъ и на латинскомъ языкахъ. Эти восторженные звуки были прощальной пѣснью смѣлой дѣвушки, которая шла отважно на неизвѣстное, чтобы возложить на свою главу корону. Въ Оршѣ путешественники видѣли послѣдній костелъ; 18-го апрѣля они вступили во владѣнія Димитрія.

Россія встрѣтила пріѣзжихъ непривѣтливо: погода была хмурая, пасмурная, воздухъ былъ сырой, холодно-пронзительный, дорога вся въ рытвинахъ. Къ счастью, въ болотистыхъ мѣстахъ были перекинуты мосты; иначе трудно было бы проѣхать. Два дня передъ тѣмъ, 16-го апрѣля, о. Савицкій говорилъ проповѣдь о томъ, какъ слѣдовало держать себя въ чужой странѣ, и, какъ человѣкъ опытный, онъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ жить въ мирѣ съ московитами и подавать имъ добрый примѣръ. Напрасный трудъ: отношенія между ними сдѣлались вскорѣ столь натянутыя, что Мнишекъ былъ вынужденъ издать строгія «правила» и назначить судей, чтобы предупредить споры и столкновенія, а въ случаѣ надобности, возстановить доброе согласіе. Поляки чистосердечно признаются, что эти знаменитыя правила остались мертвою буквою. Савицкій лично не могъ пожаловаться на московитовъ. Четыре боярина, какъ онъ ихъ называетъ, коихъ онъ увидѣлъ впервые въ одной деревнѣ, смотрѣли на него во всѣ глаза, какъ бы желая изучить его во всѣхъ подробностяхъ. Ихъ любопытство было ненасытное: они хотѣли знать все подробно; спрашивали, зналъ ли Савицкій греческій или латинскій языкъ, священникъ онъ или монахъ; были ли при Маринѣ другіе священники или монахи, какого они были вѣроисповѣданія и сколько именно ихъ было? Іезуитъ не былъ расположенъ откровенничать и, находя бояръ болѣе болтливыми, нежели любезными, прекратилъ разговоръ.

20-го апрѣля, состоялась оффиціальная встрѣча Марины въ Лубно. Все было предусмотрѣно и обставлено такъ, чтобы поразить умы. Полякамъ хотѣлось сразу дать почувствовать, что они будутъ гостями великаго монарха. Ихъ привѣтствовали и поздравили съ благополучнымъ прибытіемъ Михаило Нагой и князь Масальскій: они горячо благодарили воеводу за то, что онъ былъ ангеломъ хранителемъ ихъ царя, били челомъ Маринѣ, съ восторгомъ цѣловали ея царскую руку и выразили готовность исполнить всѣ ея желанія. Далѣе Марина поѣхала въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ московскихъ всадниковъ, уже не какъ дочь воеводы сендомірскаго, а какъ невѣста русскаго царя. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ, чтобы взглянуть на нее; духовенство выходило ей навстрѣчу съ иконами и святой водою; въ городахъ жители предавались шумному веселью.

Въ Смоленскѣ, русской крѣпости, которая перешла вскорѣ въ руки

поляковъ, о. Савицкій любовался русскимъ войскомъ. Стрѣльцы, съ ихъ широкими красными кафтанами и длинными мушкетами на плечѣ, показались ему молодцами. Можайскъ представлялъ для поляковъ особаго рода интересъ. Савицкій съ любопытствомъ слушалъ мѣстныя преданія, осматривалъ богатыя иконы и видѣлъ, какъ народъ высоко чтитъ чудотворца. Ему показывалъ достопримѣчательности города священникъ, которому онъ выразилъ желаніе посѣтить одинъ изъ монастырей Можайска. Монахи, послѣ нѣкотораго колебанія, впустили его въ монастырь и угостили пивомъ и медомъ. Завязался разговоръ. Савицкій пожелалъ видѣть игумена. «Онъ рѣдко показывается,—отвѣчали ему,—онъ проводитъ все время въ молитвѣ». Вдругъ дверь отворилась, и появился набожный отшельникъ; по его нетвердой походкѣ и заплетавшемуся языку не трудно было угадать, какому богу онъ поклонялся. Его веселость сообщилась всей компаніи и сдѣлалась вскорѣ шумною. Савицкій былъ крайне смущенъ и старался поскорѣе уйти; ему едва удалось проскользнуть въ дверь, преслѣдуемому игуменомъ, со стаканомъ въ рукахъ. Этотъ случай навелъ его на серьезныя размышленія.

Между тѣмъ Мнишекъ опередилъ свою дочь; 4-го мая онъ уже былъ въ Москвѣ и извѣстилъ Димитрія о скоромъ пріѣздѣ Марины. Тотчасъ начались аудіенціи, пиры, и была назначена знаменитая охота на медвѣдя. Что касается Марины, то передъ въѣздомъ въ столицу она должна была отдохнуть съ дороги. Съ этой цѣлью у воротъ столицы были воздвигнуты роскошныя палатки. Самая обширная изъ нихъ, обитая обоями и украшенная надписями изъ священнаго писанія, была превращена въ походную церковь, въ которой, въ присутствіи путешественниковъ, ежедневно совершалось богослуженіе.

Остановка продолжалась до 12-го мая; день знаменательный для Марины, въ который долженъ былъ совершиться ея въѣздъ въ Москву. Отецъ Савицкій былъ свидѣтелемъ ея приготовленій, которыя выдавали тревожное настроеніе ея души. Она пригласила Савицкаго къ себѣ рано утромъ и пожелала исповѣдаться у него. Она впервые обращалась къ нему въ такую минуту. Послѣ исповѣди Марина отстояла обѣдню и пріобщилась св. тайнъ. Молодая дѣвушка была преисполнена вѣры и надежды въ Провидѣніе, и не думала о предстоявшихъ ей препятствіяхъ. Бесѣда съ о. Савицкимъ возвратила ее къ дѣйствительности: онъ напомнилъ ей обѣщанія, данныя ею въ Польшѣ тѣмъ лицамъ, кои надѣялись видѣть въ ней посредницу въ дѣлахъ вѣры; зная, что доступъ къ царю былъ весьма затруднителенъ, Савицкій просилъ ее, какъ личную милость, чтобы она облегчила ему сношенія съ Димитріемъ. Руководствуясь внушеніями своего сердца, она обѣщала исполнить все то, о чемъ онъ просилъ. Успокоенный этимъ, Савицкій тотчасъ отправился

*

въ Москву и поспѣшилъ обнять отца Николая. Они присутствовали вмѣстѣ при торжественномъ въѣздѣ царской невѣсты.

Зрѣлище превосходило самыя пылкія мечты; можно было подумать, что насталъ часъ единенія славянъ. На сторонѣ московитовъ было превосходство численности и богатства нарядовъ; поляки отличались своей воинственной осанкой и роскошнымъ оружіемъ. Эти два народа, коихъ раздѣляло вѣковое соперничество, позабыли свою исконную вражду; они шли подъ сѣнью общихъ знаменъ, дружески протягивали другъ другу руки и наперерывъ привѣтствовали героиню дня. Молодая полька, подобно сказочной феѣ, заставляла всѣ сердца биться единодушно. Она была очаровательна въ своемъ бѣломъ атласномъ платьѣ и сіяла радостью; вокругъ ея кареты, запряженной двѣнадцатью лошадьми въ яблокахъ, ѣхали сановитые бояре; толпа шумно проявляла свой восторгъ. Сопровождаемая колокольнымъ звономъ и звуками трубъ, Марина остановилась передъ Вознесенскимъ монастыремъ, гдѣ жила Мареа, мать Димитрія, и гдѣ она должна была провести, среди монахинь, тѣ нѣсколько дней, которые оставались до ея коронованія. Тутъ ее посѣтилъ Димитрій. Какъ только Марина вошла въ отведенные ей покои, какъ только передъ сопровождавшими ее польками захлопнулись двери монастыря, онѣ пришли въ отчаяніе, стали горько плакать и сѣтовать на свою судьбу. Онѣ были далеко отъ родины, отдѣлены отъ всего міра; что ожидало ихъ въ этомъ монастырѣ, который представлялся имъ тюрьмою? Мариною также овладѣла грусть: московская кухня была ей не по вкусу. Это было доведено до свѣдѣнія Димитрія, который поспѣшилъ помочь горю. Столъ былъ тотчасъ измѣненъ, а приближеннымъ Марины напомнили, что онѣ имѣютъ полное право возвратиться въ Польшу. Марина получила отъ Димитрія ларецъ съ драгоцѣнными вещами, которыя она роздала своимъ подругамъ. Опасенія мало-по-малу разсѣялись; женскій полъ успокоился.

Царь былъ непреклоненъ только въ одномъ отношеніи; онъ воспретилъ католическому духовенству входъ въ монастырь и не отмѣнилъ своего рѣшенія, несмотря на самыя настоятельныя просьбы, даже по случаю Троицы: праздникъ прошелъ грустно, безъ священника и обѣдни.

Одновременно съ Мариной, 12-го мая, прибыли посланные Сигизмунда, Николай Олесницкій и Александръ Госѣевскій, которые ѣхали все время въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Марины и ея свиты во избѣжаніе большаго скопленія народа въ мѣстахъ остановки. По пріѣздѣ поляковъ въ Москву начались празднества.

Въ субботу, 13-го мая, въ десять часовъ утра, свита Марины представлялась царю въ Грановитой Палатѣ. Мартинъ Стадницкій, въ качествѣ церемоніймейстера, сказалъ рѣчь, употребивъ императорскій

титулъ; Власьевъ вѣжливо благодарилъ его отъ имени своего монарха.

Все шло какъ нельзя лучше; но гроза разразилась при представленіи царю посланниковъ. Имъ было приказано, какъ припомнимъ, не дѣлать ни малѣйшей уступки относительно титула; это было равносильно вызову. Дѣйствительно, лишь только первый посланникъ назвалъ Димитрія великимъ княземъ, а не непобѣдимымъ императоромъ, лицо царя омрачилось, его глаза стали метать молніи. Но онъ выслушалъ Олесницкаго до конца и взялъ изъ его рукъ королевское посланіе. Власьевъ взглянулъ на подпись: она была написана не такъ, какъ слѣдуетъ. Письмо Сигизмунда, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, было возвращено посланнику съ замѣчаніемъ, что въ Москвѣ нѣтъ великаго князя. Это вызвало страшное смятеніе среди присутствующихъ.

Тотчасъ завязался горячій споръ, длившійся болѣе часа: дьяки, посланники и царь говорили вмѣстѣ, осыпая другъ друга самыми рѣзкими бранными словами. Олесницкій былъ человѣкъ вспыльчивый и рѣзкій; его рѣчь была полна угрозъ и укоризнъ. Онъ угрожалъ Димитрію, что если письмо будетъ возвращено королю, то это можетъ повести къ нарушенію мира, грозилъ войною, но ничто не могло убѣдить человѣка, ослѣпленнаго своею властью, не признававшаго ничего выше своего собственнаго я. Горе тѣмъ, кто не преклонится передъ нимъ,—говорилъ Димитрій,—ихъ покараетъ московскій мечъ, который обратится противъ поляковъ, вмѣстѣ того, чтобы поразить турокъ. Трудно было разсчитывать на то, что разговоръ могъ кончиться миролюбиво, какъ вдругъ Димитрій послѣ многихъ гнѣвныхъ словъ предложилъ прибѣгнуть къ слѣдующей уловкѣ: пусть Олесницкій поцѣлуетъ царю руку не какъ посланникъ короля,—сказалъ онъ,—а просто, какъ польскій дворянинъ. Но это было недостойно гордаго поляка: приходилось уступить или идти на разрывъ. Димитрій уступилъ; онъ побоялся скандала наканунѣ своей свадьбы и ограничился словеснымъ отстаиваніемъ своихъ правъ.

Побѣда поляковъ была полная, такъ какъ русскіе приняли даже письмо съ обидной для нихъ надписью. Ободренный успѣхомъ, Олесницкій сталъ еще несговорчивѣе и началъ придираться къ разнымъ мелочамъ, но Аѳанасій Власьевъ, строгій блюститель старинныхъ обычаевъ, давалъ ему на все рѣзкій отпоръ. Къ концу аудіенціи спокойствіе возстановилось, посланники поднесли подарки и были приглашены къ царскому столу. Но вопросъ о титулѣ все-таки не былъ рѣшенъ, онъ еще болѣе осложнился.

Въ тотъ моментъ царь былъ озабоченъ совсѣмъ инымъ; онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе обвѣнчаться и короновать свою невѣсту. Въ сущности, его бракъ былъ заключенъ 22-го ноября 1605 г. Аѳанасій

Власьевъ произнесъ отъ имени Димитрія брачный обѣтъ, составляющій сущность брачнаго контракта, а таковой неразрывно связанъ съ церковной церемоніей. Въ этомъ смыслѣ «Совѣтъ тридцати» объясняетъ бракосочетаніе, совершаемое заочно. Въ такомъ смыслѣ понималъ его и кардиналъ Мацѣевскій. Онъ извѣстилъ 26-го ноября 1605 г. папу и кардинала Боргезе о томъ, что онъ «благословилъ торжественно» бракъ Марины и Димитрія; Павелъ V утвердилъ 14-го января 1606 г. бракъ, совершенный кардиналомъ, а Велевицкій упоминаетъ о томъ, что бракъ совершился more principum[1]). Слѣдовательно, въ Москвѣ не было надобности заключать контракта, но можно было повторить церковную церемонію и обставить ее со всевозможнымъ блескомъ. Незадолго передъ тѣмъ былъ подобный случай при французскомъ дворѣ. Генрихъ IV сочетался заочно бракомъ во Флоренціи, а 17-го декабря 1600 г., по пріѣздѣ невѣсты, Маріи Медичи, былъ торжественно совершенъ обрядъ бракосочетанія въ церкви св. Іоанна Ліонскаго. Въ виду этого, нунцій заранѣе принялъ предосторожности и даже просилъ разрѣшенія совершить бракосочетаніе во время поста, если бы отъѣздъ Марины въ Москву замедлился. Разрѣшеніе было получено, но о. Савицкому было предписано воспользоваться имъ только въ случаѣ крайности по своему собственному усмотрѣнію безъ соблюденія какихъ-либо юридическихъ формальностей[2]). Любопытно отмѣтить сдержанность римскаго престола: на вопросъ о времени, когда можетъ быть совершено бракосочетаніе, кардиналъ Боргезе поспѣшилъ отвѣтить совершенно опредѣленно, устранивъ всякія недоразумѣнія, но онъ не спросилъ при этомъ, гдѣ именно и какимъ образомъ будетъ совершена брачная церемонія. Московскіе богословы, вѣроятно, не входили въ обсужденіе подобныхъ тонкостей; они считали, конечно, все совершившееся въ Краковѣ пустою формальностью, не имѣвшею ни малѣйшаго значенія, по ихъ мнѣнію настоящее бракосочетаніе могло быть совершено только въ Москвѣ. Димитрій навѣрно раздѣлялъ ихъ образъ мыслей, и въ этомъ смыслѣ обсуждалъ съ ними щекотливый для него вопросъ о своемъ бракосочетаніи. Такъ какъ его считали православнымъ, а Марина была католичка, то является вопросъ: «могъ ли московскій царь жениться на полькѣ и католичкѣ? А если супруги не могли исповѣдывать разную вѣру, то какое ручательство могла дать невѣста въ томъ, что она приметъ православную религію?» Вопросъ былъ далеко не праздный, ибо въ этомъ отношеніи въ умахъ московитовъ царствовалъ пол-

[1]) Ватиканскій архивъ, шк. 45, т. I, f. 208, v⁰; рукоп. Боргезе, II, 232, f. 85, 308.—Rome et Démétrius, стр. 214, № 9.—Велевицкій, т. II, стр. 101.

[2]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, f. 23, 47 v⁰; рукоп. Боргезе, I, 933 III, 108, f. 2.

ный хаосъ, и обсуждался весьма серьезно; разногласіе существовало лишь относительно того, какимъ образомъ Марина могла заявить о своей принадлежности къ православной вѣрѣ: ибо то, что она не останется католичкой, подразумѣвалось само собою. Епископъ казанскій Гермогенъ и епископъ коломенскій Іосифъ, люди непреклонные, требовали, чтобы Марина крестилась вторично. По ихъ словамъ, польская дѣвка была ни болѣе ни менѣе, какъ язычница, недостойная носить корону до тѣхъ поръ, пока она не очистится троекратныхъ погруженіемъ въ воду по обряду восточной церкви. Этотъ странный взглядъ проистекалъ изъ предразудковъ византійской церкви. Тогда какъ папы, вѣрные традиціи, признавали крещеніе, совершенное по греческому обряду, въ Константинополѣ хвастали тѣмъ, что восточная церковь не признавала крещенія по католическому обряду. Догматы православной церкви въ то время еще не вполнѣ установились. Необходимость вторичнаго крещенія, отвергнутая впослѣдствіи, была установлена только на соборѣ 1620 г. Слѣдовательно, Димитрій могъ предъявлять требованія и вести борьбу со своими противниками на законномъ основаніи. Онъ одержалъ надъ ними, въ концѣ концовъ, побѣду, но она далась ему не легко. Въ современныхъ лѣтописяхъ сохранились воспоминанія о происходившихъ по этому поводу бурныхъ пререканіяхъ; Гермогенъ былъ неожиданно лишенъ казанской епархіи, и отецъ Николай писалъ отцу Стривери 20-го февраля 1606 г., что Димитрій благополучно усмирилъ бурю, поднятую «духовенствомъ» по поводу его брака. Виновные,—прибавляетъ онъ,— наказаны, но никто не казненъ [1]).

Рядомъ съ фанатиками, стоявшими за вторичное крещеніе и которыхъ заставили смолкнуть, были лица болѣе умѣренныя, требовавшія одного: чтобы Марина была мvропомазана. Этотъ обрядъ свидѣтельствовалъ бы также о ея принадлежности къ православной вѣрѣ и на ряду съ прочими обрядами предоставлялъ то преимущество, что легко могъ ввести прочихъ людей въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, при коронованіи также должно было совершиться мvропомазаніе, слѣдовательно, одинъ и тотъ же обрядъ могъ быть принятъ одними за помазаніе на царство, а другими за отреченіе отъ католической вѣры. Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, что Димитрій сознательно принялъ это двуличное рѣшеніе, но можно предполагать, что заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ лица обратили вниманіе на это сопоставленіе. Какъ бы то ни было, русскіе и поляки истолковали каждый по-своему мvропомазаніе Марины, и такимъ образомъ удалось избѣжать скандала и огласки.

Чѣмъ ближе къ свадьбѣ, тѣмъ болѣе возрастала тревога Димитрія,

---

[1]) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.

тѣмъ болѣе онъ считалъ нужнымъ принимать предосторожности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ дошедшій до насъ отрывокъ весьма сложнаго церемоніала бракосочетанія[1]). Въ нёмъ упоминается о причащеніи Марины изъ рукъ патріарха. Никто не могъ заподозрѣть обмана; самые недовѣрчивые люди должны были повѣрить очевидности и могли думать, что ихъ будущая монархиня будетъ исповѣдывать православную вѣру.

Марина оставила монастырь въ ночь съ 16-го на 17-е мая и при зловѣщемъ свѣтѣ факеловъ переѣхала въ приготовленное для нея помѣщеніе въ царскомъ дворцѣ. Бракосочетаніе и коронованіе должны были совершиться черезъ два дня, 18-го (9-го) мая, въ четвергъ, наканунѣ Николина дня. Въ этотъ день Москва огласилась звуками колокольнаго звона. Въ полночь мѣрные звуки колокола возвѣстили жителямъ, что у нихъ скоро будетъ царица. Населеніе, разодѣтое по-праздничному, высыпало на улицу, войска заняли Кремль, самые именитые бояре и польскіе гости собрались во дворецъ въ тронный залъ, гдѣ, какъ сказано въ оффиціально утвержденномъ церемоніалѣ, протопопъ Ѳеодоръ обручитъ царскую чету, сочетавшуюся уже бракомъ заочно въ Краковѣ.

Поляки, присутствовавшіе при этомъ обрядѣ, ничего не подозрѣвали, русскіе такъ же не провѣряли совершавшагося. Мы знаемъ, что должно было совершиться, но намъ неизвѣстно, что именно совершено. Послѣ обрученія въ Грановитой Палатѣ были произнесены подходящія къ случаю рѣчи, а затѣмъ обрученные отправились въ Успенскій соборъ.

Эта православная святыня, не доступная обыкновенно католикамъ, широко растворила въ тотъ день передъ ними свои двери. Свадебный поѣздъ протекалъ медленно, подобно золотому ручью. Никогда еще поляки и московиты не братались такъ всенародно, и, вещь неслыханная въ Россіи, они собирались присутствовать при коронованіи женщины. Марина, полька, католичка, дочь сенатора, не царская дочь, пользовалась тою честью, которой тщетно добивались Палеологи и Ягеллоны, а царь, увѣнчавшій ее короною, считался еще недавно разстригою и какимъ-то таинственнымъ претендентомъ на московскій престолъ. Великое и низменное, возвышенное и смѣшное смѣшивалось во время этой церемоніи. Хотя присутствующіе были, повидимому, довольны и преисполнены почтительности, но въ глубинѣ души многіе изъ нихъ таили коварные замыслы.

На встрѣчу новообрученнымъ вышелъ патріархъ Игнатій, окруженный епископами и архіепископами; онъ принялъ ихъ у воротъ собора. Димитрій и Марина взошли на приготовленный для нихъ амвонъ;

---

[1]) Собр. гос. грам., т. II, стр. 289, № 138.

началось коронованіе Марины, сопровождаемое чтеніемъ многочисленныхъ молитвъ и церковнымъ пѣснопѣніемъ. Патріархъ помазалъ Марину мѵромъ, возложилъ на ея голову корону, а на плечи знаки царскаго достоинства [1]). Димитрій не препятствовалъ этому; впослѣдствіи императоры присвоили себѣ право самимъ короновать императрицъ. Царь и царица, сидя на тронахъ, отслушали обѣдню, по окончаніи которой, протопопъ Ѳедоръ совершилъ обрядъ вѣнчанія: этимъ завершился романъ, завязавшійся въ Самборѣ.

Церемонія не прошла вполнѣ гладко. Русскіе были предупреждены, что Марина пріобщится св. тайнъ. Согласно оффиціально утвержденному церемоніалу, архидіаконъ и протодіаконъ должны были громогласно предложить ей приблизиться къ алтарю, куда долженъ былъ сопровождать ее Димитрій. Но вѣдь папа не далъ на это своего согласія, а царь обѣщалъ Мнишеку не настаивать. Что же было дѣлать въ столь затруднительномъ обстоятельствѣ? Или, лучше сказать, что было сдѣлано въ этомъ случаѣ, какое рѣшеніе было принято? Большинство историковъ отвѣчали на этотъ вопросъ слишкомъ поспѣшно и легкомысленно. Въ настоящее время относительно этого не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Очевидецъ событія, архіепископъ Арсеній, долгое время безмолвствовавшій, произнесъ, наконецъ, по этому поводу свое вѣское, рѣшающее слово; онъ участвовалъ лично въ церемоніи, не упустилъ изъ вида ни малѣйшей подробности, и вотъ что онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «а послѣ бракосочетанія, оба (Димитрій и Марина) не выказали желанія пріобщиться св. тайнъ. Это чрезвычайно опечалило присутствующихъ, не только патріарха и епископовъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто это видѣлъ и слышалъ. Таково было первое и великое огорченіе, такова была причина соблазна и источникъ многочисленныхъ бѣдствій, постигшихъ русскій народъ и всю Россію» [2]). Это свидѣтельство неопровержимое: оно высказано лицомъ столь высокопоставленнымъ, что можетъ считаться вполнѣ безпристрастнымъ. Самое точное соблюденіе всѣхъ прочихъ народныхъ обычаевъ не могло искупить смѣлость молодой четы и уничтожить тягостное впечатлѣніе, произведенное этимъ на окружающихъ. Все остальное было сравнительно мелочью. Такъ, напримѣръ, молодымъ дали испить вина; бутылка, въ которой оно было подано, была брошена о землю, растоптана и разбита въ дребезги. По выходѣ изъ собора толпѣ, собравшейся поглазѣть на царя и царицу, бросали золотыя и серебряныя монеты [3]).

---

[1]) Дмитріевскій, стр. 109, 126.—Музей Чарторыйскихъ, № 1654, f. 67.

[2]) Дмитріевскій, стр. 111, 112.—Никто изъ очевидцевъ не подтверждаетъ, чтобы Марина пріобщилась изъ рукъ патріарха.

[3]) Корзинкинъ, стр. 7, 29.—Нѣмоевскій, стр. 50.—На медаляхъ была слѣдующая надпись: Demetrius. Ioannis. D. G. Imperator. Russiae. Anno. Aetat. Suae. 24.

День, въ который были попраны самыя священныя народныя вѣрованія, близился къ концу. Торжественные обряды православной церкви длились такъ долго, часъ былъ уже столь поздній, что пришлось отложить брачный пиръ до слѣдующаго дня. При этомъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія на то, что это приходилось въ пятницу и Николинъ день. Многіе поляки были возмущены этимъ; набожный православный народъ покачивалъ головою, но вскорѣ всеобщее вниманіе было поглощено требованіями этикета. Когда дьякъ Грамотинъ явился къ польскимъ посланникамъ съ приглашеніемъ на пиръ, то они припомнили, что во время бракосочетанія Марины въ Краковѣ Власьевъ сидѣлъ за королевскимъ столомъ и потребовали того же. Это было сообщено боярамъ, которые, какъ истые мандарины, заявили, что это никоимъ образомъ не можетъ быть допущено. Можно себѣ представить бѣшенство поляковъ. Съ нимъ могло сравняться только упорство московитовъ. Къ посланникамъ для обсужденія этого вопроса былъ посланъ Аѳанасій Власьевъ. Между ними завязался продолжительный споръ; съ той и съ другой стороны были пущены въ ходъ всевозможные доводы; наконецъ, измученные посланники, наскучивъ споромъ, заявили, что они не примутъ участія въ пиршествѣ. Сендомирскій воевода, имѣвшій всегда возможность сослаться на припадокъ подагры, также отсутствовалъ на пиру, который прошелъ однако весьма оживленно. Онъ начался позднѣе обыкновеннаго, такъ какъ новобрачные должны были, по обычаю, очиститься омовеніемъ въ банѣ. Оркестръ Станислава Мнишека, игравшій во время обѣда, придалъ ему отчасти западный характеръ; все остальное совершилось согласно съ обычаями страны. Духовенство окропило царя святой водою; приглашенные размѣстились на простыхъ скамьяхъ, разставленныхъ вокругъ столовъ, получили свою порцію хлѣба, упражнялись въ гимнастикѣ, дѣлая низкіе и глубокіе поклоны, и послѣ многочисленныхъ здравицъ приняли участіе въ традиціонной раздачѣ сливъ.

Впрочемъ, во время пира, вслѣдствіе его оффиціальнаго характера, все-таки чувствовалось нѣкоторое стѣсненіе. Димитрій почувствовалъ себя вполнѣ свободно только тогда, когда онъ удалился въ свои покои и отпустилъ своихъ приближенныхъ московитовъ. Оставшись одинъ среди поляковъ, онъ могъ держать себя непринужденно. Снова раздались звуки музыки, чаши наполнились «зеленымъ виномъ», языки развязались. Всѣ столпились вокругъ царя; онъ былъ неистощимъ, говорилъ обо всемъ, отпускалъ остроты, разыгрывалъ роль полководца, императора, государственнаго человѣка и былъ особенно остроуменъ, насмѣшливо веселъ. Его преслѣдовало воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ; въ Москвѣ ходило много разсказовъ о македонскомъ героѣ. Димитрій восторгался его геніемъ, завидовалъ его военной славѣ и со-

жалѣлъ объ одномъ, что онъ не былъ современникомъ этого великаго человѣка, не могъ помѣриться съ нимъ силами и доказать ему свою преданность. Эти слова ясно говорили, что онъ считалъ себя также великимъ воиномъ. Зато съ какимъ презрѣніемъ, съ какимъ пренебреженіемъ онъ отзывался объ императорѣ Рудольфѣ, этомъ дикарѣ, который боялся показаться народу. О королѣ польскомъ онъ говорилъ болѣе сдержанно, хотя и въ немъ находилъ недостатки. Никакой санъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, не внушалъ Димитрію почтенія; онъ подсмѣивался слегка даже надъ папою и смѣялся надъ обычаемъ цѣловать его туфлю. Мимоходомъ онъ задѣлъ и самборскаго священника, передъ которымъ онъ нѣкогда исповѣдывался, и немного посмѣялся надъ нимъ. Эти насмѣшки, весьма сомнительнаго свойства, подхватывались шутомъ Антоніемъ Ріати, который былъ не прочь заработать коечто своими чудачествами. Что касается поляковъ, любителей поспорить и умѣвшихъ постоять за себя, то они возражали царю весьма сдержанно. Ни у одного изъ нихъ не сорвалось съ языка ни одного слова, которое отплатило бы Димитрію за все сказанное имъ, заставило бы его прекратить насмѣшки и выказало бы ихъ патріотизмъ. Они видѣли передъ собою новаго Димитрія, который былъ хозяиномъ у себя дома и которому никто не смѣлъ противорѣчить.

Подъ конецъ вечера царь предложилъ гостямъ танцовать. Станиславъ Мнишекъ и князь Вишневецкій открыли балъ, остальные пустились въ плясъ вслѣдъ за ними; поляки танцовали со свойственнымъ имъ увлеченіемъ: веселье было въ полномъ разгарѣ. Димитрій, стоя у окна, поощрялъ танцующихъ взглядомъ; но его неугомонный нравъ искалъ уже новой забавы; онъ нашелъ вскорѣ средство проявить свою дѣятельность. Около дворца столпились польскіе солдаты. Царь приказалъ отворить настежь двери въ залъ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, предложилъ каждому по стакану вина, велѣлъ роздать имъ денегъ и наобѣщалъ имъ въ будущемъ чудеса. Его рѣчь воодушевила солдатъ. Они выпросили у царя, впрочемъ съ большимъ трудомъ, позволеніе устроить турниръ, но имъ пришлось вскорѣ отказаться отъ этого опаснаго увеселенія, такъ какъ при первомъ же столкновеніи была убита лошадь и раненъ всадникъ. Пора была отдохнуть; празднества были еще далеко не окончены.

На слѣдующій день, въ субботу, 20-го мая, Марина появилась уже не въ русскомъ одѣяніи, какъ въ день коронованія, а въ польскомъ костюмѣ и принимала поздравленія и подарки отъ своихъ новыхъ подданныхъ. Ей явились на поклонъ: патріархъ, высшее духовенство, бояре, купцы, ремесленники. Во время пира въ залъ вошли лапландцы со своей монгольской наружностью и узкими глазами, въ одеждѣ, сшитой изъ звѣриныхъ шкуръ мѣхомъ наружу; они смотрѣли настоящими дика-

рями. Въ то время какъ они повергли къ ногамъ Марины произведенія своего искусства и привезенные ими мѣха, которые поляки нашли довольно посредственными, воевода Мнишекъ совѣщался съ посланниками. Можно было ожидать, что ихъ пригласятъ вторично на пиръ и что это вызоветъ новыя затрудненія относительно вопроса о мѣстѣ за царскимъ столомъ. Могли ли они снова отказаться отъ приглашенія, не возбудивъ этимъ царскаго гнѣва? Его настойчивая воля шла въ разрѣзъ съ приказаніемъ короля. Какъ было согласовать это? Въ ушахъ Мнишека раздавались еще высокомѣрныя слова Димитрія: «Хотя бы самъ король пріѣхалъ въ Москву, сказалъ онъ, я не посажу его за свой столъ», а съ другой стороны, посланникамъ было строго-на-строго запрещено сдѣлать въ этомъ отношеніи малѣйшую уступку. Оставалось одно средство—положиться во всемъ на Мнишека.

Благодаря ловкости, съ какою онъ умѣлъ все уладить, когда Власьевъ явился въ тотъ день съ приглашеніемъ на пиръ, былъ найденъ, наконецъ, выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Олесницкій былъ посаженъ по правую руку царя, но за маленькимъ столомъ, поставленнымъ нарочно для него. Такимъ образомъ честь была соблюдена; Димитрій и Марина сидѣли одни за почетнымъ столомъ; Олесницкій удовольствовался такимъ условнымъ соблюденіемъ требованій этикета. Что касается его помощника, Госѣвскаго, то для него легче было найти мѣсто, соотвѣтствовавшее занимаемому имъ положенію. Когда этотъ трудный вопросъ былъ благополучно разрѣшенъ, то посланники отправились, въ воскресенье, 21-го мая на пиръ. Ихъ зрѣніе было болѣе удовлетворено, нежели ихъ желудки; всѣ кушанья подавались на золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ, но были приготовлены самымъ первобытнымъ способомъ. Жалкіе московскіе гастрономы довольствовались самой грубой ѣдою, лишь бы она подавалась въ изобиліи: кушанья отличались количествомъ, но не качествомъ. За обѣдомъ случилось одно обстоятельство, которое могло имѣть самыя прискорбныя послѣдствія. Не памятуя зла, Димитрій предложилъ здравицу за здоровье Госѣвскаго; этимъ посланнику была оказана великая честь.

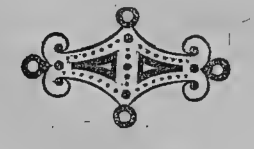
Но медаль имѣла обратную сторону. Царь потребовалъ, чтобы посланникъ всталъ съ мѣста и поблагодарилъ его. Не могло ли это компрометтировать достоинство короля польскаго? Опасаясь этого, его представитель не тронулся съ мѣста. Бучинскій, крайне этимъ встревоженный, сказалъ ему на ухо: «Бога ради подойдите; иначе можетъ произойти скандалъ». Полякъ покорился.

Это было не единственное оскорбленіе, нанесенное Димитріемъ своимъ гостямъ. Послѣ трехъ дней отдохновенія, 25-го мая, когда празднества возобновились, царь любезно заявилъ Олесницкому, что въ этотъ день не будетъ ни царя, ни посланника; такимъ образомъ всѣ затруд-

ненія устранялись, и этикетъ отмѣнялся. Царское слово было принято за истину. Олесницкій предупредительно уступилъ мѣсто первому попавшемуся гостю и сталъ танцовать, не снимая шапки. Но Димитрію это не понравилось. Онъ сдѣлалъ Мартину Стадницкому знакъ подойти и сказалъ ему, что онъ сниметъ голову съ плечъ того, кто осмѣлится танцовать въ шапкѣ, и приказалъ ему передать эти слова злополучному танцору. Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, жестъ и взглядъ, коимъ они сопровождались, не допускали противорѣчія. Олесницкій повиновался и, обнаживъ свою лысую голову, сознался съ грустью, что посланника болѣе не было, но императоръ все-таки существовалъ.

Дѣла шли также не особенно гладко. Посланники, не взирая на всѣ испытанныя ими неудачи, не отказались отъ своихъ обманчивыхъ надеждъ и держались буквально данныхъ имъ инструкцій. Въ тотъ же день, 25-го мая, они вели переговоры съ боярами, которые оказали имъ по нѣкоторымъ пунктамъ молчаливое, но упорное сопротивленіе. Обсуждался вопросъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Олесницкій распространялся прежде всего въ похвалахъ Димитрію, затѣмъ предложилъ боярамъ всевозможные вопросы относительно общаго плана войны, количества наличнаго войска и времени, когда будетъ начатъ походъ. Бояре были возмущены столь неумѣстнымъ любопытствомъ; они не привыкли легкомысленно выдавать государственныя тайны. Вмѣсто того, чтобы серьезно заняться обсужденіемъ вопроса, обѣ стороны обмѣнялись укорами и колкостями. Объ этомъ тотчасъ было донесено Димитрію, который рѣшилъ лично обсудить этотъ вопросъ съ посланниками. Онъ разсчитывалъ на время, которое болѣе не принадлежало ему; подъ его ногами уже разверзлась пропасть.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ увольненіи въ отставку прапорщика Полторацкаго за переписку съ парижскимъ книгопродавцемъ.

Секретное письмо барона И. И. Дибича графу Ф. В. Сакену.

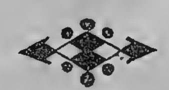
30-го іюня 1823 года.

Милостивый государь графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ!

По дошедшимъ его императорскому величеству свѣдѣніямъ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, по заграничнымъ сношеніямъ, свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Полторацкій оказался виновнымъ въ перепискѣ съ парижскимъ книгопродавцемъ, въ которой онъ отзывался, въ весьма неприличныхъ и дерзкихъ выраженіяхъ, на счетъ правительства нашего.

Какъ таковая переписка съ иностранцами вообще противна для всякаго вѣрноподданнаго Россіи, особливо же непозволительна для офицера, находящагося въ службѣ его императорскаго величества; почему прапорщикъ Полторацкій, за столь предосудительный поступокъ противъ своего отечества, подвергалъ себя военному суду. Но государь императоръ, снисходя единственно къ молодымъ его лѣтамъ и въ надеждѣ исправленія въ будущемъ своемъ поведеніи, высочайше повелѣть соизволилъ: отставить его только отъ службы. Сверхъ того, его величеству угодно, дабы ваше сіятельство, призвавъ къ себѣ прапорщика Полторацкаго, объявили ему причину сей отставки и приказали бы обязать его подпискою, дабы онъ, отправясь въ свои деревни, никуда изъ оныхъ не отлучался, впредь до разрѣшенія правительства, которое будетъ имѣть за нимъ надзоръ, пока не удостовѣрится въ дѣйствительномъ его исправленіи своего поведенія.

О сей высочайшей волѣ я имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство для подлежащаго исполненія, прося покорнѣйше, по отправленіи прапорщика Полторацкаго въ его деревни и по обязаніи подпискою, почтить меня увѣдомленіемъ, гдѣ именно будетъ онъ находиться на жительствѣ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНІИ.

II [1]).

Затѣмъ слѣдуетъ главный пунктъ моего обвиненія.

«По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія... Въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ С.-Петербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную.—Въ семъ собраніи, Пестель, по вызову члена, исправлявшаго должность Блюстителя, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго и послѣ многихъ разсужденій собиралъ голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе (между прочимъ Николай Тургеневъ слѣдующими словами: un Président sans phrase) [2]), кромѣ одного полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи

---

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1900 года.

[2]) „Объявлю безъ фразъ, что хочу Президента“.

хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-либо рѣшительнаго мнѣнія, что, между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: «республиканское правленіе съ Президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи». Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно императрицы Елисаветы".

Судя по этому высокопарному вступленію, читатель ожидаетъ, вѣроятно, что тутъ будетъ рѣчь о какомъ-нибудь гнусномъ преступленіи— и что же! Этотъ доказанный фактъ заключается лишь въ томъ, что между членами общества происходили разговоры относительно различныхъ формъ правленія. Да развѣ преступно бесѣдовать, разговаривать о формахъ правленія? Съ тѣхъ поръ, какъ на свѣтѣ существуютъ правительства, люди всегда говорили о формахъ правленія. Я неоднократно бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ самимъ редакторомъ съ неменьшей откровенностью, какъ съ членами тайнаго общества. Но развѣ эти разговоры имѣли какой-нибудь особый оттѣнокъ или какое-либо особое значеніе? Повидимому нѣтъ, такъ какъ въ «Донесеніи» ясно говорится, что они могли показаться нѣкоторымъ членамъ настоящими совѣщаніями. Слѣдовательно, они не были таковыми на самомъ дѣлѣ. Разумѣется, коммиссія постаралась бы всѣми возможными средствами прослѣдить, были ли эти бесѣды настоящими совѣщаніями и постаралась бы удостовѣриться въ этомъ, ибо въ этихъ двухъ выраженіяхъ есть нѣкоторая разница; между тѣмъ изъ этихъ словъ «Донесенія» видно, что на эти разговоры нельзя смотрѣть иначе какъ на простыя бесѣды. Въ этомъ мѣстѣ текстъ «Донесенія» по крайней мѣрѣ достаточно точенъ и ясенъ; но въ такомъ случаѣ, скажите ради Бога, и во имя справедливости, исходящей изъ него, какое обвиненіе и въ особенности какой приговоръ можетъ быть основанъ на простыхъ разговорахъ? Всѣми законами въ мірѣ признается, что слова могутъ

сдѣлаться преступными только тогда, когда они перейдутъ въ дѣйствіе? Если это такъ — а этого разумѣется никто не будетъ отрицать—въ такомъ случаѣ, все относящееся къ этимъ разговорамъ должно считаться недѣйствительнымъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что никакой обвинительный пунктъ не могъ быть построенъ на этихъ разговорахъ, и этого было бы достаточно для моего оправданія, но что подумаетъ читатель, увидавъ, что это есть не только главный обвинительный пунктъ, на основаніи котораго я приговоренъ къ смертной казни, но что изъ самыхъ документовъ судебнаго слѣдствія явствуетъ, что слова, приписанныя мнѣ, даже не были доказаны? Что подумаетъ онъ, когда я скажу, что не только не доказано, что я когда-либо произносилъ эти слова, но что даже весьма мало вѣроятія, что они вообще когда-либо были произнесены мною или, лучше сказать, что я не имѣлъ никакого повода произносить ихъ.

Справедливость требуетъ сказать, что слѣдственная коммиссія устранила это обвиненіе, какъ недоказанное, но за то это же обвиненіе послужило главнымъ основаніемъ приговора верховнаго уголовнаго суда, осудившаго меня на смертную казнь.

Такимъ образомъ одно и то же обстоятельство признано недостаточнымъ для обвиненія и достаточнымъ для смертнаго приговора.

Слѣдовательно, осужденіе состоялось безъ наличности преступленія.

Перейдемъ къ изложенію самаго преступленія и къ доказательствамъ.

На одномъ изъ засѣданій Общества, въ 1820 г., по словамъ Пестеля, я заявилъ, что отдаю предпочтеніе республиканскому образу правленія передъ монархическимъ, употребивъ выраженіе: «Президентъ безъ фразъ».

Однако, говорится далѣе въ «Донесеніи», показанія полковника Пестеля не подтверждены прочими обвиняемыми.

Дѣйствительно, мы видимъ, что одинъ изъ нихъ, яко бы присутствовавшій на такъ-называемомъ засѣданіи (Глинка) заявилъ, что все сказанное происходило не въ настоящемъ совѣщаніи, а во время бесѣды о разныхъ политическихъ вопросахъ.

Другой (Фонъ-деръ-Бригенъ) заявилъ, что вмѣсто приписанныхъ мнѣ словъ я сказалъ, что республиканскій образъ правленія съ президентомъ во главѣ очень хорошъ, но что все зависитъ отъ народныхъ представителей.

Теперь я спрашиваю, найдется ли въ цѣломъ мірѣ судья, который призналъ бы человѣка виновнымъ въ намѣреніи учредить республиканскій образъ правленія только на основаніи подобнаго показанія? Ниже говорится, что въ продолженіе нѣ-

сколькихъ послѣдующихъ засѣданій не было болѣе рѣчи о республиканскомъ образѣ правленія. Можно ли допустить, что если дѣйствительно происходило настоящее совѣщаніе по поводу введенія республиканскаго образа правленія, если дѣйствительно излагались преимущества и неудобства различныхъ формъ правленія и этотъ вопросъ рѣшался голосованіемъ, можно ли допустить, что этотъ важный вопросъ былъ окончательно и безповоротно рѣшенъ въ одномъ засѣданіи, такъ что объ немъ не нашли даже нужнымъ упомянуть въ послѣдующихъ засѣданіяхъ? Уже одно это соображеніе доказываетъ, болѣе всего инаго, что мнимое совѣщаніе было только простою или отвлеченной бесѣдою, не относившейся ни къ какой странѣ въ частности.

Обхожу молчаніемъ все, что говорится въ «Донесеніи» о послѣдствіяхъ этого мнимаго засѣданія. Показанія обвиняемыхъ въ этомъ отношеніи противорѣчивы; изъ нихъ можно вывести только одно заключеніе, что Пестель имѣлъ намѣреніе убѣдить своихъ друзей отъ Тульчина до Петербурга въ томъ, что всѣ члены Общества хотѣли республики. Это ясно вытекаетъ изъ всего сказаннаго имъ и остальными обвиняемыми, и этого достаточно, чтобы объяснить его показаніе противъ меня.

Посмотримъ, есть ли хоть какое-либо вѣроятіе, что я когда-либо произносилъ приписываемыя мнѣ слова. Во-первыхъ, надобно спросить, предпочиталъ ли я монархіи республиканскую форму правленія съ президентомъ во главѣ въ теоріи, a priori, или это означало, что я подалъ голосъ за учрежденіе республики съ президентомъ въ Россіи?

Что касается перваго изъ этихъ предположеній, которыя слѣдовало бы строго разграничить, такъ какъ между ними существуетъ громаднѣйшая разница, то крайне неправдоподобно, чтобы я обсуждалъ преимущества республиканскаго образа правленія съ президентомъ во главѣ или подавалъ за него голосъ. Я не имѣлъ въ то время яснаго понятія о формѣ правленія, существующей въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ, и могъ нарисовать въ своемъ воображеніи картину республики только по слабымъ воспоминаніямъ изъ того, что я училъ въ юности, проходя исторію Греціи и Рима; поэтому очень трудно допустить, чтобы я могъ высказать столь явное предпочтеніе къ республиканскому образу правленія съ президентомъ во главѣ.

Что касается втораго предположенія, то возможно ли, чтобы я рѣшилъ вопросъ объ учрежденіи республики, не высказавшись сначала за уничтоженіе монархіи? И далѣе, какимъ, образомъ могъ бы я подать голосъ за уничтоженіе монархіи, не обсуждая вопроса о судьбѣ монарха? И какого монарха? Конечно, осужденному, изгнаннику не идетъ хвалить царя, бывшаго нѣкогда его монархомъ, но его уже нѣтъ на свѣтѣ; къ тому же я обращаюсь къ читателю, который хотя и мо-

жетъ произнести обо мнѣ свое сужденіе, но не можетъ осудить меня, даже если бы онъ того хотѣлъ, не можетъ ни простить меня, ни возстановить моей чести. Я любилъ государя, какъ рѣдко любятъ монарха, и это чувство подсказывали мнѣ совѣсть и сердце. Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, могъ Пестель высказать столь опредѣленное, поразительное обвиненіе, которое такъ легко могло удержаться въ его памяти? Вотъ этотъ именно вопросъ я задавалъ себѣ тысячу разъ и никогда не могъ найти на него вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. De mortuis nil nisi bene. Принявъ во вниманіе трагическую кончину Пестеля, это правило надобно соблюдать по отношенію къ нему особенно строго. Чтобы доказать, что я говорю все это не для того, чтобы надругаться надъ его памятью, скажу, по чистой совѣсти, что онъ не былъ бы приговоренъ къ смертной казни ни во Франціи, ни въ Англіи, такъ какъ преступленія, задуманныя имъ, не начали даже приводиться въ исполненіе. Поэтому я заявляю, что нѣкоторыя лица, объясняя сдѣланный имъ доносъ, говорили мнѣ, что онъ обнаружилъ во время слѣдствія и разбирательства дѣла склонность замѣшать въ немъ какъ можно большее число лицъ и взвести на нихъ всевозможныя обвиненія. Это объясненіе подтверждается показаніемъ, сдѣланнымъ полковникомъ Глинкою и касающимся императрицы Елисаветы, показаніемъ, кстати сказать, не менѣе обстоятельнымъ, нежели то, которое было сдѣлано противъ меня. Я могу присовокупить, что тѣ два или три раза въ жизни, когда я видѣлъ Пестеля, въ особенности послѣдній разъ, я не могъ, очевидно, произвести на него особенно благопріятнаго впечатлѣнія.

До тѣхъ поръ, когда я услыхалъ эти подробности о поведеніи Пестеля во время разбирательства дѣла, а онѣ были сообщены мнѣ въ гораздо болѣе положительной и обстоятельной формѣ, нежели я рѣшаюсь передать ихъ читателю, изъ боязни произвести неблагопріятное впечатлѣніе въ его или въ мою пользу, до тѣхъ поръ я воображалъ, что Пестель, услыхавъ во время разговора выраженія: «Это только однѣ фразы!» «Это цѣлая уйма фразъ!» «Это безконечное множество фразъ!» [1]), какъ кто-то дѣйствительно выразился однажды въ моемъ присутствіи, услыхавъ, быть можетъ, эти слова (что весьма возможно, ибо я помню, что я писалъ статью, въ которой доказывалъ, что во время республики и Имперіи, Франція управлялась фразами), будучи при томъ начиненъ республиканскими идеями и желая убѣдить своихъ тульчинскихъ друзей въ томъ, что и въ Петербургѣ стремились къ республикѣ, Пестель счелъ быть можетъ жела-

---

[1]) Toux cela ce sont des phrases! C'est un bataillon de phrases! C'est un regiment de phrases!

*

тельнымъ сообщить своимъ друзьямъ заключеніе, къ которому пришли на этихъ мнимыхъ засѣданіяхъ, якобы происходившихъ въ Петербургѣ, выразивъ этотъ результатъ въ этой всѣмъ извѣстной печальной памяти фразѣ. Неоднократно повторяя эту ложь, онъ могъ въ концѣ концовъ самъ повѣрить ей. При томъ, развѣ на этихъ совѣщаніяхъ говорили по-французски?

Въ назиданіе читателю, разскажу слѣдующій анекдотъ: когда одного изъ моихъ судей попросили подать голосъ по моему дѣлу, то онъ отвѣтилъ коротко: «Смертная казнь безъ разсужденій!»—отвѣтъ, какъ видите, столь же остроумный, какъ благородный. Я не могу сердиться на того, кто сказалъ это: тѣ же самыя слова были произнесены при осужденіи на казнь добродѣтельнаго короля! Но, къ сожалѣнію, этотъ французскій эмигрантъ не замѣтилъ, кому онъ подражалъ въ эту минуту.

Въ замѣчаніи, не приложенномъ къ «Донесенію», о которомъ я еще упомяну, въ заключеніи сказано кромѣ того, что заявленіе Пестеля относительно «президента безъ фразъ» было подтверждено всего двумя обвиняемыми, Никитою Муравьевымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ, а трое другихъ: Семеновъ, Бриггенъ, Колошинъ отрицали его, тогда какъ четвертый (Глинка) отрицалъ даже самый фактъ этого совѣщанія.

Читателю извѣстно, что въ Россіи, какъ во всякой иной странѣ, число 4 считается больше 3-хъ, и слѣдовательно законъ не признаетъ доказаннымъ показанія, которыя подтверждаютъ трое, въ томъ числѣ самъ показывающій, и отрицаютъ четверо.

Но читатель можетъ еще спросить: какимъ образомъ могли два обвиняемыхъ подтвердить сказанное Пестелемъ? Да позволено мнѣ будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ вопросомъ: какъ могло случиться, что нѣкоторые обвиняемые показали, будто я подалъ голосъ за удаленіе императора, на засѣданіи, происходившемъ въ Петербургѣ въ то самое время, когда я былъ въ Неаполѣ? Разумѣется, я далекъ отъ мысли приписывать это совпаденіе какимъ-нибудь безчестнымъ побужденіямъ. Мнѣ нѣтъ надобности даже прибѣгать къ этому, такъ какъ я нахожу гораздо болѣе правдоподобное и простое объясненіе въ той путаницѣ, которая замѣтна во всѣхъ показаніяхъ. Однажды случилось даже, что, выслушавъ одно изъ обвиненій противъ меня (о подачѣ мною голоса за удаленіе императора), Матвѣй Муравьевъ, который первый обвинилъ меня въ этомъ, взялъ назадъ свои слова, когда его спросили о томъ вторично; можно предполагать, что и эти два обвиняемые также взяли бы назадъ свои слова, если бы ихъ попросили повторить или подтвердить показаніе, сдѣланное Пестелемъ. Весьма возможно, что они приписали мнѣ вышеозначенныя слова только на основаніи слышаннаго ими отъ самого Пестеля. Это особенно возможно по отношенію къ Сергѣю Муравьеву, который всегда жилъ въ Тульчинѣ и съ кото-

рымъ, сколько мнѣ помнится, я встрѣчался въ Петербургѣ только въ обществѣ. Что касается Никиты Муравьева, то онъ далъ относительно меня еще болѣе удивительныя показанія, которыя будутъ приведены далѣе съ доказательствами, свидѣтельствующими объ ихъ невѣрности.

Чтобы покончить съ этимъ пунктомъ обвинительнаго акта, напомню читателю, что уголовные законы предписываютъ относиться къ обвиненіямъ, взводимымъ обвиняемыми на своихъ товарищей, съ большою осторожностью. Это правило, какъ видно, не соблюдалось достаточно строго при произнесеніи приговора, коимъ я осужденъ къ смертной казни, ибо обвиненіе, взведенное на меня однимъ изъ сообвиняемыхъ, опровергнутое большимъ числомъ лицъ и даже устраненное слѣдственной коммиссіей, какъ ничѣмъ не доказанное, фигурируетъ однако какъ самый главный обвинительный пунктъ, между тѣмъ въ «Донесеніи» говорится, что коммиссія руководилась принципомъ, указаннымъ его императорскимъ величествомъ, а именно, что его величество хотѣлъ лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго.

Развѣ это правило было менѣе обязательно для верховнаго уголовнаго суда, нежели для коммиссіи? Въ томъ пунктѣ «Донесенія», гдѣ говорится о томъ, что происходило въ Тульчинѣ, я нахожу одно мѣсто, гдѣ сказано, что на одномъ собраніи, происходившемъ, по всей вѣроятности, въ 1821 г., Пестель потребовалъ, чтобы былъ утвержденъ составленный имъ планъ республиканскаго образа правленія, который онъ предлагалъ ввести при помощи вооруженной силы. Такимъ образомъ тутъ признается, что мысль о республикѣ была подана имъ и что имъ же было избрано средство къ осуществленію этого плана: не ясно ли изъ этого, что республика точно такъ же, какъ и выраженіе «президентъ безъ фразъ», существовала только въ воображеніи Пестеля? Въ дальнѣйшемъ изложеніи «Донесенія» я нахожу, что Пестель, по возвращеніи изъ Петербурга, въ 1824 г. утверждалъ, что всѣ петербургскіе члены, послѣ многихъ противорѣчій, присоединились къ его мнѣнію относительно республики. Итакъ вопросъ о республикѣ обсуждался вторично и былъ одобренъ въ 1824 г., послѣ того какъ онъ былъ рѣшенъ окончательно въ 1820 г.! Не смѣшиваетъ ли Пестель даты и не относитъ ли онъ къ 1820 г. то, что ему было извѣстно въ 1824 г.? При томъ значеніе показаній Пестеля относительно послѣдняго засѣданія, на коемъ обсуждался вопросъ о республикѣ, умаляется тѣмъ, что въ донесеніи сказано, что прочія лица дали совершенно иныя показанія. Не менѣе разнорѣчивы были и ихъ показанія относительно перваго засѣданія, происходившаго въ 1820 году. Подобная неточность или такое отсутствіе правдивости должно бы было заставить оцѣнить показаніе Пестеля по достоинству, тѣмъ болѣе, что

оно опровергнуто показаніями другихъ лицъ. Слѣдственная коммиссія, повидимому, чувствовала это, такъ какъ, упомянувъ объ этомъ показаніи, она отвергла проистекавшее изъ него обвиненіе.

«На многихъ, бывшихъ послѣ собраніяхъ не говорено о республиканскомъ правленіи; а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія; и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно рѣшенное, черезъ нѣсколько часовъ, также единогласно отмѣняли. Должно однакоже замѣтить, что вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель, и продолжая прежнія разсужденія, одинъ [1]), подалъ мысль о покушеніи на жизнь императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что кромѣ его и Пестеля всѣ бывшіе съ ними члены отвергли сіе предложеніе какъ преступное; доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены учрежденіемъ временнаго правленія изъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ тайному обществу. На него возстали единодушно, съ жаромъ; но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля».

Собраніе, о которомъ тутъ говорится, ни коимъ образомъ меня не касается. Обо мнѣ тутъ даже вовсе не упоминается. Прошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что хотя во время слѣдствія часто говорилось о покушеніи на жизнь императора и императорской фамиліи и въ этомъ обвиняются многія лица, но никто не обвиняетъ меня въ подобнаго рода преступныхъ замыслахъ, хотя во время этого слѣдствія на меня взведено не мало обвиненій. То же можно сказать и объ обществѣ, разсматриваемомъ какъ отдѣльная единица.

Никто не приписывалъ ему, во время разбирательства дѣла, подобной цѣли или подобной мысли, и я вижу въ этомъ достаточное доказательство, что общество было чуждо всѣхъ тѣхъ гнусныхъ замысловъ, кои проглядываютъ въ показаніяхъ нѣкоторыхъ его членовъ.

Вотъ на чемъ я основываю это доказательство: выше говорится, что въ нѣсколькихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ не было болѣе рѣчи о республикѣ. Здѣсь же говорится, что вскорѣ

[1]) Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ, а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

послѣ означеннаго засѣданія продолжались вышеупомянутыя пренія (т. е. пренія о республикѣ), и была высказана мысль о покушеніи на жизнь императора. Я спрашиваю: гдѣ же продолжались эти пренія? Происходили ли они на засѣданіяхъ общества? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, такъ какъ въ нѣсколькихъ послѣдующихъ засѣданіяхъ объ этомъ не было рѣчи, слѣдовательно, этого не могли говорить вскорѣ послѣ вышеупомянутаго засѣданія, да и показаніе Пестеля о томъ, что о покушеніи была рѣчь въ случайномъ собраніи показываетъ, что это вовсе не было засѣданіе общества. Я спрашиваю еще: кто же участвовалъ въ этихъ преніяхъ! Въ донесеніи говорится: нѣкоторыя лица, но при всемъ стараніи доискаться, кто именно были эти лица, оказывается, что этими разговорами забавлялись всего трое: Сергѣй Муравьевъ, Никита Муравьевъ и Пестель. Очевидно, что они одни и могутъ быть отвѣтственны за то, что они говорили между собою. На общество не должно падать гнусное обвиненіе за ихъ разговоры. Если бы общество раздѣляло подобныя мысли, если бы оно поощряло ихъ, то мы въ правѣ предположить, что эти три лица упомянули бы объ этомъ на первомъ же и на всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ? Между тѣмъ изъ «Донесенія» видно, что они не только объ этомъ не упоминали, но что на этихъ засѣданіяхъ не было даже и рѣчи о республиканскомъ образѣ правленія. Съ другой стороны, развѣ умолчаніе объ этомъ со стороны этихъ господъ, въ присутствіи прочихъ членовъ общества, или если хотите на засѣданіяхъ общества, и полная преступная откровенность, съ какою они говорили объ этихъ планахъ, оставаясь одни, не доказываетъ, что они не дерзали упоминать о нихъ въ присутствіи прочихъ членовъ Общества?

«Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ уставѣ, впрочемъ весьма обыкновенными, филантропическими и патріотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ, или вліяніе моды, ибо есть мода и на мнѣнія, а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство, а въ иныхъ, буде вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе и одинъ изъ первыхъ полковникъ Александръ Муравьевъ. «Лучъ горней благодати,—говоритъ онъ,—коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ въ теченіе шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества,

наконецъ, праведнымъ гнѣвомъ государя и карою закона». Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи про сіе, заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго; въ томъ числѣ три члена перваго тайнаго общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное отеческое прощеніе вашего императорскаго величества: двое около 1821 г., одинъ же хотя и позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что, наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами».

Читатель прочтетъ этотъ пунктъ съ удивленіемъ, быть можетъ, даже со страхомъ; изложеніе редактора отличается тутъ непослѣдовательностью разсужденія и непристойностью рѣчи: онъ вступаетъ откровенно на путь романиста или фельетониста, распространяется о пошлости филантропическихъ затѣй, дѣлаетъ пикантныя замѣчанія о всесильной власти моды и о томъ, съ какою насмѣшкою встрѣчается всякое желаніе уклониться отъ нея. Трудно не быть возмущеннымъ при мысли, что документъ, написанный съ такимъ полнымъ отсутствіемъ чувства всякаго достоинства, послужилъ основаніемъ для столь важнаго процесса.

Судя по тому, что я наблюдалъ въ Обществѣ, и по моему личному опыту, члены оставляли это Общество не потому, что они признавали своі заблужденія, но просто потому, что, вступивъ въ Общество, они не находили въ немъ никакого дѣла, даже не знали, что говорить, забывали мало-по-малу о своей принадлежности къ Обществу и даже о самомъ существованіи Общества.

Здѣсь я нахожу довольно важное для себя обстоятельство, а именно упоминаніе о 1819 годѣ, когда Александръ Муравьевъ сообщилъ Коренному Союзу свое рѣшеніе письменно. Что касается меня, то я никогда не видалъ подобнаго рода заявленія и даже узналъ объ немъ впервые изъ «Донесенія». Что касается лица, писавшаго его, то я никогда въ жизни не видалъ его; съ другой стороны, вступивъ въ Общество, я слышалъ, что Александръ Муравьевъ былъ прежде его членомъ, но что, предавшись религіи и мистицизму, онъ вышелъ изъ Общества. Все это легко можетъ быть доказано на основаніи чиселъ. Изъ этого ясно, что я не могъ вступить въ Общество ранѣе 1819 года.

Знаменитый авторъ «Духа законовъ» говорилъ о величіи римской имперіи прежде, нежели говорить о ея паденіи: редакторъ предпочелъ

слѣдовать обратному методу: сказавъ объ Обществѣ только то, что оно вербовало членовъ, онъ заявляетъ, что въ описываемое имъ время оно приходило въ упадокъ; когда же было время его процвѣтанія? Онъ присовокупляетъ, правда, что такъ было по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, но такъ какъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній съ прочими отдѣлами Общества и такъ какъ я не нахожу въ «Донесеніи» никакого указанія на ихъ значеніе или процвѣтаніе, то я позволяю себѣ думать, что этотъ упадокъ, наступившій безъ процвѣтанія, былъ одинаково присущъ всѣмъ отдѣламъ Общества: по крайней мѣрѣ у меня не будутъ оспаривать права говорить объ Обществѣ все, что зналъ о немъ. И такъ я скажу, и это объяснитъ загадочный смыслъ этого любопытнаго мѣста «Донесенія», что для Общества никогда не существовало ни эпохи процвѣтанія, ни эпохи упадка: употребляя выраженіе одного нѣмецкаго историка, я скажу, что оно находилось съ самаго возникновенія своего и до распаденія въ зачаточномъ состояніи. Можно даже сказать, что оно было мертворожденнымъ. Мы видѣли выше, что нѣкоторыя лица, мучимыя смутнымъ желаніемъ преобразованій, составили уставъ этого Общества, взявъ за образецъ тайныя общества, существовавшія въ Германіи (столь тайныя, что ихъ уставы были списаны изъ газетъ); этотъ уставъ показывался всѣмъ и каждому; мнѣ самому этотъ уставъ былъ принесенъ человѣкомъ, котораго я зналъ когда-то только по виду. Люди прочитывали этотъ уставъ, не дѣлали на него никакихъ возраженій, заявляли, что они вступаютъ въ Общество, давали или не давали письменныя обязательства (по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы я давалъ таковое) и затѣмъ, видя, что въ Обществѣ не было никакого дѣла, переставали думать объ немъ и такимъ образомъ удалялись отъ него. Вступивъ въ Общество безъ труда, они такъ же легко покидали его. Мнѣ называли многихъ лицъ, вступившихъ въ Общество и затѣмъ оставившихъ его.

Впрочемъ, тутъ говорится въ «Донесеніи» о тѣхъ лицахъ, которыя не имѣли смѣлости публично отказаться отъ своего участія въ Обществѣ; слѣдовательно, были люди, которые дѣлали это? Но я таковыхъ не зналъ; въ «Донесеніи» упоминается объ Александрѣ Муравьевѣ какъ объ единственномъ примѣрѣ въ этомъ родѣ; но такъ какъ его отреченіе, если хотите публичное, произошло до моего поступленія въ Общество, то это нисколько не измѣняетъ моего взгляда на легкость, съ какою можно было выйти изъ Общества, и на непрочность подобнаго рода узъ.

Мнѣ незнакомы тѣ три члена, о коихъ тутъ упоминается, будто они вышли изъ Общества, но я увѣренъ, что это произошло именно такъ, какъ я описалъ.

Я часто слышалъ отъ Никиты Муравьева и отъ остальныхъ, что Общество приходило въ упадокъ и, такъ сказать, пре-

кратило свое существованіе; я чистосердечно вѣрилъ этому и до сихъ поръ вѣрю, что они говорили это также чистосердечно, такъ какъ это вполнѣ согласовалось съ истиною, какъ я это видѣлъ своими собственными глазами.

Замѣчу здѣсь, что, высказавшись объ Обществѣ въ этомъ именно смыслѣ въ моей первой оправдательной запискѣ, я узналъ впослѣдствіи, что многіе были возмущены тѣмъ, что я говорилъ какъ о чемъ-то незначительномъ и пустяшномъ, тогда какъ это Общество повело къ столь ужаснымъ событіямъ. Эта записка не только не послужила къ моему оправданію, но, напротивъ, усугубила гнѣвъ моихъ судей; но могъ ли я говорить не то, что мнѣ было извѣстно? Хотя бы отъ этого зависѣла моя судьба, я повторю то же самое, что я говорилъ въ то время, т. е. что Общество, членомъ котораго я состоялъ, не имѣло ничего общаго съ возмущеніемъ 1825 года.

Лица, осуждавшія мою записку, читали ее въ то время, когда преступные замыслы членовъ всѣхъ существовавшихъ обществъ были имъ извѣстны. Я же писалъ свою записку въ Эдинбургѣ до чтенія «Донесенія» слѣдственной коммиссіи; поэтому я не могъ изобразить Общество иначе какъ такимъ, какимъ оно мнѣ представлялось до моего отъѣзда изъ Петербурга, послѣдовавшаго 9-го апрѣля 1824 г. Всѣ ужасы, разсказанные обвиняемыми и изложенные въ «Донесеній», были для меня такимъ же точно открытіемъ, какъ и для всякаго посторонняго читателя. Далѣе изъ «Донесенія» выяснится, что нѣтъ и тѣни вѣроятія въ предположеніи, что я когда-либо зналъ обо всѣхъ этихъ ужасахъ. Поэтому всѣ тѣ, кои судили обо мнѣ по моей запискѣ, должны бы были стать на мое мѣсто и подумать, могъ ли я говорить что-либо иное объ Обществѣ кромѣ того, что я сказалъ.

«На югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, было рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщиками; однако жъ въ исходѣ 1820 г. и между бывшими въ семъ краѣ начали оказываться холодность и несогласія въ мнѣніяхъ и возникали жаркіе споры».

Все происходившее въ Тульчинѣ меня не касается, однако я не могу не обратить вниманіе читателя на то пагубное легкомысліе и отсутствіе метода, которыя встрѣчаются такъ часто въ редакціи «Донесенія». Приступая къ описанію Тульчинскаго общества, редакторъ говоритъ, что Пестель жилъ въ то время въ Тульчинѣ. «Въ то время» можетъ относиться только ко времени упадка Общества въ Петербургѣ въ 1819 г., о чемъ упоминалось немного выше.

Изъ этого же видно, что въ то время, т. е. 1819 г. Пестель навербовалъ много членовъ.

Между тѣмъ, по словамъ «Донесенія», уже въ 1820 г. замѣчалось охлажденіе и раздоры. Это даетъ право предполагать, что упадокъ Общества обнаруживался не въ одномъ только Петербургѣ и что редактору можно было не говорить выше «по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ». Это покрайней мѣрѣ слѣдовало бы замѣнить словомъ исключительно; въ томъ же 1820 г. происходило знаменитое республиканское засѣданіе въ Петербургѣ: какъ видно, редакторъ не умѣетъ провѣрять.

«Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствія онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его Управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разнословіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію Союза. Генералъ-маіоръ Фонвизинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и выше поименованныхъ, были на съѣздѣ: два брата Фонвизины, генералъ-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ, Михаило Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генералъ-маіоръ Фонвизинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1) высшій, главноуправляющій и законодательствующій — незнаемыхъ; 2) исполнителей: изъ онаго хотѣли отряжать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ, 3) нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры. Предложеніе Фонвизина отвергали, Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показавшій себя весьма умѣреннымъ), генералъ-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды: «Я на лицѣ твоемъ вижу, что ты измѣняешь Обществу». — «Да, отвѣчалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава». — «Это невозможно». Вскорѣ затѣмъ генералъ Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу, и остался твердъ, не смотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ февраля (1821 г.), на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ.

Тургеневъ, какъ председатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены; многіе члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго».

Раздоры, происходившіе въ Тульчинѣ, были таковы, что члены рѣшили собраться въ Москвѣ, чтобы выяснить болѣе точнымъ образомъ цѣль Общества и способы его дѣйствій.

Но въ чемъ же выражалась дѣятельность Общества до этого времени?

Оно уже было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены говорили еще о необходимости выяснить цѣль Общества! Слѣдовательно, эта цѣль была очень неопредѣленная! Этого, конечно, нельзя отрицать; объ этомъ свидѣтельствуетъ уставъ Общества, но въ такомъ случаѣ какое же значеніе имѣетъ заявленіе секретаря о томъ, что цѣлью этого Общества, которая была извѣстна большинству его членовъ, было преобразованіе государственнаго строя и въ особенности, что можно сказать о постановленіи, принятомъ на томъ торжественномъ засѣданіи (или собраніи), когда было рѣшено ввести республиканскій образъ правленія и говорилось о «президентѣ безъ фразъ»? Это засѣданіе происходило въ томъ же 1820 году, когда было рѣшено выяснить болѣе опредѣленно цѣль Общества.—Хотя все это довольно сбивчиво и туманно, но я не буду обвинять въ этомъ редактора. Эта сбивчивость присуща самымъ фактамъ, которые онъ излагаетъ, но эта именно сбивчивость должна была бы навести его на мысль, что не слѣдовало называть совѣщаніемъ, постановленіемъ и заговоромъ то, что было, вѣроятно, только простымъ разговоромъ, безсвязной и безцѣльной болтовнею, которая велась какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Тульчинѣ людьми, не имѣвшими между собою ничего общаго.

Если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, чтобы выяснить цѣль Общества, было принято послѣ знаменитаго петербургскаго засѣданія, а это можно предположить, принявъ во вниманіе, что выше въ «Донесеніи» говорится, будто это засѣданіе происходило въ началѣ 1820 г., въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ въ Тульчинѣ могло обсуждаться снова то, что, по словамъ Пестеля, было торжественно рѣшено въ Петербургѣ? или, лучше сказать, какой смыслъ имѣетъ все разсказанное Пестелемъ объ этомъ торжественномъ засѣданіи, о рѣшеніи центральнаго правленія, облеченнаго, какъ говорится въ «Донесеніи», законодательной властью, сообщить постановленіе объ учрежденіи республики всѣмъ прочимъ правленіямъ, что Пестель, по его словамъ,

исполнилъ, передавъ это тульчинскому правленію? Мнѣ кажется, было бы болѣе согласно съ здравымъ смысломъ вывести изо всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ то заключеніе, что всѣ эти торжественныя постановленія, вся эта подача голосовъ за республику или монархію, эти «президенты безъ фразъ» существовали только въ воображеніи самого Пестеля. Если это не вѣрно, то повторяю, какъ согласовать тотъ фактъ, что члены обсуждали вопросъ о цѣляхъ Общества, послѣ того какъ постановленіе о президентѣ и республикѣ было утверждено законодательной властью?

Съ другой стороны, если рѣшеніе, принятое въ Тульчинѣ собраться въ Москвѣ, предшествовало республиканскому засѣданію въ Петербургѣ, то остается рѣшить, какимъ образомъ члены, вмѣсто того чтобы отправиться въ Москву, очутились въ Петербургѣ и занимались обсужденіемъ вопроса объ учрежденіи республики? Какимъ образомъ Пестель, который не могъ, какъ говорится въ «Донесеніи», отправиться изъ Тульчина въ Москву, очутился въ Петербургѣ? Судя по связи, которая устанавливается донесеніемъ между рѣшеніемъ, принятымъ въ Тульчинѣ, и засѣданіемъ, происходившимъ въ Москвѣ, естественнѣе будетъ предположить, что тульчинское рѣшеніе состоялось послѣ мнимаго республиканскаго засѣданія въ Петербургѣ; въ такомъ случаѣ, все сказанное объ этомъ засѣданіи рушится само собою.

Чтобы не пропустить безъ вниманія ничего, что можетъ касаться Общества, какъ совокупности всѣхъ его членовъ, я долженъ замѣтить, что имѣется еще одно заявленіе, въ коемъ Общество изображено иначе, нежели о немъ можно судить по уставу.—Одинъ изъ тульчинскихъ членовъ говоритъ, что онъ замѣтилъ въ Обществѣ революціонныя стремленія, замѣчу на это со своей стороны одно, что какое бы направленіе ни существовало въ Тульчинѣ, это нисколько не можетъ касаться обвиненія тѣхъ лицъ, кои находились въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, могу ли я быть отвѣтственъ за направленіе нѣкоторыхъ личностей, изъ коихъ большинство мнѣ совершенно неизвѣстно? Къ тому же, это обвиненіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы его стоило опровергать.

Совершенно безразлично, по какой причинѣ я отправился въ Москву; но, чтобы изобразить событія въ томъ именно видѣ, какъ они происходили, хотя это не согласуется со стараніемъ редактора подчинить все извѣстной послѣдовательности, я скажу, что въ это время мнѣ надобно было отправиться въ Москву и Симбирскъ (въ 800 верстахъ отъ Москвы) по семейнымъ дѣламъ. Узнавъ проѣздомъ, что нѣкоторые члены Общества, наскучивъ его бездѣятельностью, выразили желаніе, чтобы въ Москвѣ состоялось общее собраніе, я сказалъ имъ, что я

могъ бы присутствовать на этомъ собраніи: вотъ какимъ образомъ я заслужилъ званіе депутата, коимъ я названъ редакторомъ.

Весьма возможно, что я оспаривалъ проектъ новой организаціи Общества. Я припоминаю, что я доказывалъ такъ же, какъ и многіе другіе, что не было никакой возможности реорганизовать Общество, точно такъ же, какъ основать новое, и вообще имѣть какое бы то ни было общество. Я долженъ впрочемъ протестовать противъ приписываемой мнѣ чести, будто я былъ все время предсѣдателемъ собранія, поблагодаривъ однако за выданный мнѣ аттестатъ въ большой умѣренности. Я никогда не видѣлъ, чтобы на этихъ засѣданіяхъ избирался предсѣдатель, только однажды,—именно въ то засѣданіе, когда дѣйствительно кое-что было рѣшено—нашли необходимымъ установить нѣкоторый порядокъ и меня просили позаботиться о томъ, чтобы одновременно не говорило болѣе четырехъ ораторовъ. Въ этомъ засѣданіи было рѣшено распустить Общество, и я, въ качествѣ якобы его предсѣдателя, объявилъ объ его окончательномъ и безповоротномъ распущеніи. Многіе члены были этимъ очень довольны, говорится въ «Донесеніи»; я скажу со своей стороны, что я не видѣлъ ни одного члена, который былъ бы этимъ не доволенъ, опечаленъ или разочарованъ.

Прежде чѣмъ продолжать, я долженъ замѣтить, что если бы не пренебрегали датами, то можно было бы избѣжать не мало безполезныхъ розысковъ и несправедливыхъ обвиненій. Даты имѣютъ важное значеніе въ исторіи; но развѣ онѣ имѣютъ меньшее значеніе въ уголовныхъ дѣлахъ? Въ «Донесеніи» говорится, что Общество было распущено въ концѣ февраля. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Москвы въ Симбирскъ. День моего отъѣзда легко можетъ быть опредѣленъ по числу, когда мнѣ была выдана подорожная; изъ этого можно заключить, существовало ли какое-либо вѣроятіе или была ли какая-либо возможность, чтобы я принималъ участіе въ томъ, что происходило, какъ говорятъ, въ Москвѣ послѣ распущенія Общества. Позабывъ о своемъ отъѣздѣ при составленіи своей первой записки и слыша, что меня обвиняютъ въ образованіи втораго Общества, я не могъ объяснить себѣ этого обвиненія иначе какъ различными догадками, которыя могли только затемнить эту часть моей записки. Уже то обстоятельство, что въ «Донесеніи» не упоминается болѣе обо мнѣ при описаніи подробностей этого событія, могло навести на мысль, что едва-ли я принималъ участіе въ томъ, что происходило въ Москвѣ послѣ распущенія Общества; между тѣмъ довольно невѣроятно, чтобы «предсѣдатель» не обнаружилъ въ это время никакой дѣятельности. Посмотримъ однако, въ чемъ выразилась дѣятельность членовъ въ Москвѣ послѣ того, какъ Общество прекратило свое существованіе.

«Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываетъ Якушкинъ, Фонвизинъ и Никита Муравьевъ, были чувство, что Уставъ не ясно опредѣлилъ цѣль Общества, отчего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже охладѣли въ усердіи къ сей цѣли, или не знали оной, и по характеру своему и образу мыслей казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ.—Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генералъ Фонвизинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій.—Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно было бы единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, Москвѣ, въ Смоленской губерніи и въ Тульчинѣ.—Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ Фонвизинъ напротивъ, что все кончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ.—Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены».

Во-первыхъ, трое членовъ говорятъ, что цѣль прежняго Общества была слишкомъ неопредѣленна и что изъ Общества хотѣли удалить тѣхъ, которые уже охладѣли къ этой цѣли, и тѣхъ, коимъ она еще не была извѣстна.

Да скажите же, ради Бога, что это была за цѣль? Если она была неизвѣстна нѣкоторымъ членамъ Общества, то, разумѣется, послѣ всего сказаннаго, эта цѣль еще менѣе понятна читателю. До сихъ поръ въ «Донесеніи» говорилось только о цѣли, выраженной въ уставѣ Общества, и о той, какую приписывалъ ему ея секретарь. О которой же изъ этихъ двухъ цѣлей говоритъ редакторъ, называя ее слишкомъ неопредѣленной. Первая цѣль была, если хотите, дѣйствительно неопредѣленна; вторая была яснѣе; при томъ, по словамъ секретаря, члены догадывались объ этой цѣли; быть можетъ, редакторъ подразумѣваетъ тутъ цѣль, вытекающую изъ постановленія о республикѣ и о президентѣ безъ фразъ? Эта цѣль была бы болѣе опредѣленная. Боже мой, да развѣ такъ должно было вестись слѣдствіе, отъ котораго зависѣла жизнь людей!

Возвращаясь снова къ тому республиканскому засѣданію, которое оказалось для меня столь роковымъ, я спрошу, какимъ образомъ въ «До-

несенiи» не упомянуто даже объ общемъ, рѣшающемъ собранiи, происходившемъ въ Москвѣ, о томъ, какое постановленiе о формѣ правленiя было принято на этомъ собранiи? Не доказываетъ ли это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми другими фактами, что ни республиканскаго засѣданiя, ни постановленiя объ учрежденiи республики въ дѣйствительности никогда не существовало? Иначе, повторяю, можно ли было обойти молчанiемъ событiе столь важное для Общества?

Тогда, говорится далѣе въ «Донесенiи», тѣ изъ членовъ, кои находились въ Москвѣ, рѣшили образовать новое общество.

Исключаетъ ли тутъ редакторъ тѣхъ членовъ, кои вовсе не были въ Москвѣ, и тѣхъ, которые уѣхали оттуда послѣ того, какъ Общество было распущено? Перечисленiе этихъ лицъ поименно устранило бы многiя недоразумѣнiя точно такъ же, какъ ихъ можно было бы устранить во многихъ другихъ случаяхъ, приводя точныя даты. Далѣе упоминается объ истинной цѣли Общества, которая состояла въ томъ, чтобы подготовить Россiю къ преобразованiю основныхъ законовъ государства.

Надобно признать, что заговорщики выказали при обсужденiи этого вопроса большую скромность по сравненiю съ тѣмъ, какъ они держали себя на знаменитомъ республиканскомъ засѣданiи. Впрочемъ, означенная цѣль была предложена для Общества, которое имѣло возникнуть въ будущемъ; ибо тутъ говорится совершенно опредѣленно, что это Общество предполагали учредить современемъ. Одинъ изъ членовъ, который говорилъ о проектѣ образованiя новаго Общества, утверждаетъ, что это Общество было основано, что оно имѣло уставъ, который здѣсь не приведенъ, и что оно имѣло названiе, которое онъ позабылъ.

Другой говоритъ напротивъ, что все дѣло ограничилось пустыми проектами и что члены неоднократно приходили къ заключенiю, что никогда цѣль не могла бы оправдать средствъ.

Припомнивъ вкратцѣ все, что происходило въ Москвѣ, мы видимъ, что:

1) Тайное общество, называемое Союзомъ Благоденствiя, уставъ коего извѣстенъ подъ названiемъ Зеленой книги, было распущено;

2) Что впослѣдствiи нѣкоторые изъ членовъ, бывшихъ въ Москвѣ, говорили объ основанiи новаго Общества, говорили, повторяю я, такъ, какъ ничего инаго объ этомъ не можетъ быть сказано, наконецъ,

3) Что членами было признано, что никогда цѣль не можетъ оправдать средствъ.

Настаивая особенно на этой послѣдней резолюцiи или на этомъ постановленiи, я слѣдую методу редактора, который говоритъ въ «Донесенiи» и о другихъ постановленiяхъ совершенно инаго характера, кото-

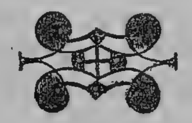
рыя ни по формѣ, ни по существу не были болѣе убѣдительны и не были выражены опредѣленнѣе.

Чтобы покончить съ собраніемъ, происходившимъ въ Москвѣ, я замѣчу, что, не принимая участія въ образованіи Общества, я участвовалъ въ его распущеніи и объявилъ, что оно распущено окончательно и безповоротно. Это произошло въ 1821 г.

Мы увидимъ далѣе, что обо мнѣ будетъ упомянуто, когда будетъ говориться о попыткахъ къ образованію новыхъ обществъ; мы увидимъ даже, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ дѣйствительно были учреждены и что меня называютъ учредителемъ одного изъ нихъ. Если у читателя хватитъ терпѣнія внимательно прослѣдить мои замѣчанія, то я докажу ему, что я не участвовалъ ни въ какомъ обществѣ кромѣ того, которое было распущено. Пока я скажу только, что такъ какъ распущеніе Общества не измѣнило и не могло измѣнить моихъ личныхъ отношеній къ нѣкоторымъ изъ бывшихъ членовъ, съ коими я былъ знакомъ, и что, продолжая по-прежнему время отъ времени видѣться съ ними, весьма возможно, что послѣ катастрофы 1825 г., будучи отданы подъ судъ и говоря въ своихъ показаніяхъ все, что приходило имъ въ голову они могли, даже не видавъ меня два года, въ минуту душевной тревоги и страха, примѣшать мое имя къ событіямъ, которыя были имъ хорошо знакомы, но съ которыми я не имѣлъ ничего общаго.

Сообщ. **А. А. Ѳоминъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рескриптъ императора Александра I — министру внутреннихъ дѣлъ князю Куракину объ уменьшеніи расходовъ на 1810 годъ.

21-го декабря 1809 года, С.-Петербургъ.

Князь Алексѣй Борисовичъ!

Заботливое положеніе нашихъ финансовъ заставляетъ помышлять о способахъ къ ихъ возстановленію. По послѣднимъ счетамъ казначейства открывается, что расходы на будущій годъ, по смѣтамъ министровъ назначенные, превышаютъ доходы необъятнымъ количествомъ и болѣе нежели вдвое. Если прибѣгнуть къ новому выпуску ассигнацій, то затрудненія еще увеличатся, и самыя исчисленія издержекъ потеряютъ всю достовѣрность, ибо, съ умноженіемъ бумагъ, цѣны на всѣ потребности вдругъ возвысятся, и, слѣдовательно, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, смѣты сіи превратятся въ мнимыя только исчисленія.

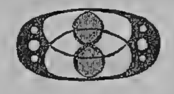
Изъ сего видно, что какія бы средства ни были приняты, но возстановить равновѣсіе безъ знатнаго уменьшенія издержекъ невозможно.

Постановивъ общія правила на сіе уменьшеніе, я поручилъ особенному комитету, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Завадовскаго составленному, заняться симъ уменьшеніемъ и въ теченіе недѣли его окончить. Для сего онъ будетъ приглашать министровъ, по мѣрѣ сей работы, и будетъ съ ними сноситься.

Я приму особеннымъ доказательствомъ истиннаго усердія къ пользамъ государственнымъ всякое сбереженіе и умѣренность въ издержкахъ, которыя министры найдутъ возможнымъ сдѣлать каждый по своей части, хотя бы то было съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ на 1810 годъ; но стѣсненіе сіе спасетъ государство отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій упадающаго кредита. Я не сомнѣваюсь, что съ порядкомъ и съ экономіею и при томъ съ улучшеніемъ нашихъ денегъ, которое отъ самаго уменьшенія издержекъ должно произойти, вы найдете способы по ввѣреннымъ вамъ частямъ оказать въ общей нуждѣ государственной самое дѣятельное пособіе. Рескриптъ сей для единственнаго вашего свѣдѣнія вы сохраните.

Пребываю вамъ благосклонный.

Сообщ. М. Мардарьевъ.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

III [1]).

Цензура при министрѣ народнаго просвѣщенія князѣ Ливенѣ.—Его циркуляръ и отношенія какъ къ цензурѣ, такъ и къ правительственнымъ лицамъ.—Пререканія князя Ливена съ княземъ Волконскимъ, съ графомъ Канкринымъ, генераломъ Эссеномъ и графомъ Бенкендорфомъ по поводу ихъ требованій.—Ѳ. В. Булгаринъ.—Строгое исполненіе цензурныхъ правилъ.

Адмиралъ Шишковъ былъ замѣщенъ генераломъ-отъ-инфантеріи княземъ Ливеномъ, который передъ тѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ состоялъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно набожный и, хотя безъ высшаго образованія, но хорошій, справедливый и, въ особенности, необыкновенно твердый и самостоятельный. Каждое изъ этихъ качествъ положило свою печать на всю министерскую дѣятельность князя Ливена, и всѣ они отразились также на направленіи цензуры и другихъ событіяхъ по этому вѣдомству за время его управленія, по крайней мѣрѣ въ первые его годы.

Въ самомъ первомъ циркулярѣ, разосланномъ ко всѣмъ попечителямъ округовъ немедленно по вступленіи своемъ въ должность и написанномъ вчернѣ собственною его рукою, новый министръ говорилъ, что онъ «не осмѣлился бы, въ справедливомъ недовѣріи къ собственнымъ своимъ силамъ, принять на себя столь тяжкое бремя (т. е. управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія), если бы съ одной стороны не видѣлъ рѣшительнаго на то соизволенія всемилостивѣйшаго монарха, а съ другой, въ самомъ семъ изволеніи не усматривалъ опредѣленія Всевышняго Промысла, и не укрѣплялся упованіемъ на милосердіе и все-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1901 г.

*

могущество Того, непостижимымъ судьбамъ Коего благоугодно было возложить на него, князя Ливена, труды новаго званія». Но придавая такое высокое значеніе своему призванію и считая себя какъ бы орудіемъ Всевышняго, выдѣленнымъ изъ общей массы, князь Ливенъ смотрѣлъ на эту остальную массу не весьма благосклонными глазами. «Человѣкъ, говорилъ онъ въ томъ же циркулярѣ, при самомъ рожденіи своемъ вноситъ стремленіе ко злу, дурныя наклонности возрастаютъ въ немъ съ лѣтами, соблазнительные примѣры питаютъ и навыкъ укрѣпляетъ ихъ». Разумѣется, сообразажаясь съ такимъ направленіемъ министра, подчиненные немедленно отвѣчали въ подобномъ же тонѣ. Такъ, напримѣръ, московскій попечитель, генералъ-маіоръ Писаревъ, въ отвѣтѣ на циркуляръ Ливена, какъ бы для зарекомендованія себя, писалъ:

«Будучи самъ воспитанъ подъ бдительнымъ надзоромъ строжайшаго исполнителя всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, графа Ангальта, его одними охранительными наставленіями прошелъ я все трудное военное поприще 30-ти лѣтняго моего служенія царю и отечеству, сиротою безъ покровителей и родственниковъ; одна спасительная вѣра и долгъ вѣрноподданническій къ государю вящше подкрѣпляли меня въ семъ медленномъ и постепенномъ пути моего прямаго служенія. И потому, съ нѣкоторымъ надежнымъ любочестіемъ завѣрить могу вашей свѣтлости, что всѣ сіи отценачальническія ваши предписанія мною со всею строгостью усерднаго подчиненнаго исполнятся».

Разумѣется, что такое настроеніе должно было придать болѣе или менѣе особый колоритъ и цензурѣ въ періодъ князя Ливена; но, при всемъ томъ, въ этомъ отношеніи не могутъ не поражать его умѣренность, покровительство благоразумной свободѣ слова, пропускъ многаго такого, чего не рѣшались допускать въ печать или что положительно желали запретить слишкомъ усердные или робкіе цензоры, и, наконецъ, отстаиваніе противъ разныхъ вѣдомствъ, съ крайнею твердостью, того, что онъ самъ считалъ справедливымъ и правильнымъ. Приводя тому нѣсколько примѣровъ, мы прежде должны замѣтить, что если здѣсь князь Ливенъ постановлялъ резолюціи не прямо своимъ именемъ, а отъ лица главнаго цензурнаго управленія, то нѣтъ сомнѣнія, что онѣ вполнѣ согласовались съ образомъ его мыслей, и нигдѣ по дѣламъ не осталось слѣдовъ малѣйшаго даже разногласія между княземъ и прочими членами главнаго управленія.

Въ 1828 г., Виленскій цензурный комитетъ считалъ нужнымъ не допустить до печати рукопись на польскомъ языкѣ: «Избранныя восточныя повѣсти» (Wybor baiek wschodnich), на томъ основаніи, что представленіе въ ней волшебныхъ, сверхъестественныхъ явленій можетъ распространять суевѣріе, и что неприлично вводить въ самыя обыкновенныя происшествія государей, лица изъ ихъ семействъ и вер-

ховныхъ государственныхъ чиновниковъ. Главное цензурное управленіе нашло, что запрещать эту рукопись нѣтъ причины, что ея содержаніе никого не введетъ въ заблужденіе, потому что каждый человѣкъ понимаетъ, какъ надо смотрѣть на сочиненіе, носящее названіе «сказокъ», и при томъ «волшебныхъ»; хотя же тутъ описаны наказанія злыхъ лицъ, иногда не весьма осторожнымъ, даже грубымъ образомъ, но въ сказкахъ обыкновенно подвергаются наказанію хотя и короли, принцы и другія вымышленныя лица, но злыя, а добрыя получаютъ награду; наконецъ, если бы даже были предосудительны эти мѣста, то надо было бы осудить ихъ однихъ, а не всю книгу. Согласно съ этимъ мнѣніемъ, рукопись дозволено напечатать (27-го сентября 1828 года).

Петербургскій попечитель Бороздинъ, соглашаясь съ цензоромъ Сербиновичемъ, затруднялся пропустить въ печать, въ началѣ 1829 г., въ комедіи «Арзамасскіе гуси» слѣдующіе стихи, какъ вредные и могущіе обратиться въ пословицу въ народѣ:

Пободряжкинъ (говоря о наводненіи 7-го ноября 1824 года).

А кто несчастію причина?
Блаженной памяти покойный государь
Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный государь,
А къ морю черезъ чуръ подъѣхалъ близко.
Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материкъ?
Вотъ то-то, матушка, и былъ великъ
А выстроился низко.

Лихвинъ.

Смотри, Егоръ, укороти языкъ,
Ты слишкомъ говорить изволишь фамильярно.

Пободряжкинъ (испугавшись).

Помилуйте! Петру Великому
Отечество всегда пребудетъ благодарно.

Цензурный комитетъ не находилъ ничего непозволительнаго въ этихъ стихахъ, потому что «они показываютъ только въ смѣшномъ видѣ тѣ поспѣшныя заключенія людей недальняго образованія и ума, которыя нерѣдко бываютъ въ откровенной бесѣдѣ семейнаго круга». Съ этимъ мнѣніемъ согласилось Главное управленіе (9-го января 1829 г.), комедія была напечатана вполнѣ, и время оправдало этотъ приговоръ.

Въ томъ же 1829 году Виленскій цензурный комитетъ представилъ въ Главное управленіе цензуры рукопись, на польскомъ языкѣ «Wykład wiary Mahometanskiey» (изложеніе вѣры магометанской, Соболевскаго), которая казалась ему противною цензурнымъ постановленіямъ. Въ этомъ сочиненіи, составленномъ изъ извлеченій изъ Корана и повелѣній пророка, найдены были непозволительными мѣста въ родѣ слѣдующихъ: «Богъ желаетъ вѣры отъ вѣрныхъ и усердія отъ боя-

щихся Его, и Онъ самъ желаетъ также, чтобъ былъ и невѣрный и невѣріе, и безбожный и безбожіе»... «Богъ производитъ въ людяхъ набожность, пороки, добро, зло, вѣру и невѣріе»... «Должно вѣрить, что Евангеліе было ниспослано съ неба Іисусу пророку»... «Кто не любитъ всѣхъ собратій пророка, кто противится истинѣ хотя одного изъ пророковъ, кто не вѣритъ ихъ проповѣдямъ или сомнѣвается въ томъ, что они проповѣдывали въ мірѣ, тотъ отступникъ и негодяй»... «Справедливо и непремѣнно осуществится все, что объявилъ Магометъ пророкъ о знакахъ суднаго дня, напримѣръ о пришествіи антихриста, сошествіи съ неба пророка Іисуса, умерщвленіи антихриста симъ послѣднимъ»... «Невѣріе, безбожіе ненабожныхъ и мерзкія дѣла ихъ происходятъ по божественному Провидѣнію и волѣ, и все то происходитъ по предопредѣленію, написанному на скрижаляхъ, оберегаемыхъ самимъ божественнымъ Промысломъ»... и т. д. Но Главное управленіе цензуры признало, 23-го ноября 1829 года, что нѣтъ надобности запрещать печатаніе этого сочиненія, такъ какъ оно назначено для однихъ магометанъ и составлено магометаниномъ, что и на самомъ заглавіи означено.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, тоже въ концѣ 1829 года, представилъ Главному управленію о сомнѣніяхъ, встрѣченныхъ имъ къ пропуску сочиненія «Галедъ и Зонгосъ», гдѣ, «авторъ оправдываетъ возстаніе грековъ тѣмъ, что они несли самое ужасное иго деспотизма, и говоритъ, что воспоминаніе о безсмертныхъ подвигахъ предковъ и собственнаго достоинства пробудились въ семъ народѣ съ тѣхъ поръ, какъ его единовѣрцы, русскіе, при Екатеринѣ II, сокрушили турокъ; что турки, по правиламъ Алкорана, могутъ быть только врагами христіанъ, и при этомъ авторъ намекаетъ на бѣдствія Европы, если Англія, Франція, Австрія будутъ препятствовать Россіи въ ея войнѣ противъ турокъ, которыхъ она поражаетъ за вѣроломство, вовсе не помышляя о завоеваніяхъ». Главное управленіе нашло (4-го декабря 1829 г.), что это сочиненіе можетъ быть дозволено, и надо только предложить автору замѣнить часто повторяемыя у него выраженія: «деспотизмъ», «деспотъ», словами: «тиранство», «невѣрные», и т. д., а вмѣсто слова «либералъ» поставить другое какое-либо выраженіе. Что же касается до общаго вопроса, возбужденнаго комитетомъ по этому предмету, то Главное управленіе полагаетъ, что факты и историческія событія не могутъ и не должны быть скрываемы, но что, впрочемъ, духъ самаго сочиненія покажетъ (въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ) благоразумію цензора, въ какой степени оно направлено къ оскорбленію дружественныхъ съ Россіею державъ, и потому должно ли оно, или нѣтъ, подлежать запрещенію.

Тотъ же цензурный комитетъ не рѣшался печатать стихотвореніе «Псковитянинъ», отрывокъ изъ поэмы барона Розена: «Рожденіе Іоанна

Грознаго» (назначенный для альманаха «Царское Село»), на томъ основаніи, что тутъ «описывается чувство глубокаго негодованія псковитянина противъ царя московскаго, лишившаго согражданъ его политической свободы, произведенія же изящной словесности требуютъ, можетъ быть, большей строгости, нежели исторія, изображающая дѣянія людей, какъ они были». Несмотря, однако же, на такіе доводы, Главное управленіе цензуры, не входя ни въ какія дальнѣйшія разсужденія, прямо разрѣшило (20-го декабря 1829 г.) печатаніе этого отрывка.

Въ началѣ 1830 года, Петербургскій цензурный комитетъ не рѣшился запретить или позволить, самъ собою, нѣсколько стихотвореній, назначенныхъ для альманаха «Незабудка», на томъ основаніи, что «о нѣкоторыхъ изъ ихъ числа сужденія могутъ быть разныя, и какъ оправданіе, такъ и осужденіе ихъ зависитъ отъ произвольнаго толкованія читателя». Стихотворенія эти были слѣдующія:

1. Мелкошерстныя мыши.

Далеко отъ Руси, есть гдѣ-то государство,
И въ немъ, какъ говорятъ,
Сѣдая шерсть мышей вошла, какъ анти-ядъ,
Въ универсальное лѣкарство.
И бысть сѣдымъ мышамъ ужасный переводъ!
Пока не смастерилъ одинъ ученый котъ
Проектъ, чтобъ отвратить несчастіе такое,
Какъ новый Демосѳенъ, онъ убѣдилъ мышей,
Что долгъ велитъ имъ стричь мышей.
„Конечно, иногда—промолвилъ такъ злодѣй,—
„Не худо окорнать ихъ длинный хвостъ и уши,
„Но не губить отнюдь невинныя ихъ души“.
Проектъ разсмотрѣнъ былъ тремя изъ мудрецовъ,
И котъ съ тѣхъ поръ прослылъ первѣйшимъ изъ дѣльцовъ.
У насъ въ Европѣ точно то же,
Все ладно, хорошо, всегда такая тишь:
Когда жъ приказная, мелкочиновна мышь
Подъ лапу попадетъ вельможей,
Они ее прегладко обстригутъ,
И приговоръ вотъ такъ произнесутъ:
Вмѣнивъ ей въ казнь арестъ и, не лишая мѣста,
Подвесть ее подъ пунктъ благаго манифеста.
Мышь снова шерстью обростетъ,
И снова въ пасть къ нимъ попадетъ.

2. Хамство.

Къ богатству странное влеченье у людей:
Хоть бѣдный бѣдняку дружнѣе помогаетъ,
Но, несмотря на то, спѣсивыхъ богачей
Бѣднякъ поклонами въ присядку потѣшаетъ,
То въ ихъ передней посидитъ,
То въ ихъ гостиной постоитъ,

И часто изъ того проползаетъ два года,
Чтобъ, вздернувъ носъ предъ нимъ, презрѣнный сибаритъ
Спросилъ: „Что, братецъ, какова погода?"
„Прекрасная-съ"—и самъ чуть на ногахъ стоитъ.
И такъ текутъ въ столицахъ наши годы!
Вертится между тѣмъ фортуны колесо,
И всѣ бѣгутъ, кряхтятъ, не вѣдая свободы...
Брани людей, Вольтеръ!.. Плачь, добрый мой Руссо!

3. Предразсудки и просвѣщеніе.

Прошло пять тысячъ лѣтъ,
А мумія лежитъ въ могилѣ какъ живая,
Но вдругъ къ отшельницѣ проникъ тлетворный свѣтъ,
И отъ нея лишь пыль осталась вѣковая.

Само собою разумѣется, что при тогдашнихъ понятіяхъ объ аристократіи и высшихъ членахъ администраціи, первыя двѣ пьесы, явно съ сатирическимъ намекомъ на извѣстныя современныя личности и отношенія, не могли быть допущены даже либеральнымъ и доброжелательнымъ княземъ Ливеномъ. Что же касается третьей, то Главное управленіе цензуры безъ всякаго затрудненія позволило ее напечатать (5-го февраля 1830).

Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же Петербургскій цензурный комитетъ не рѣшался пропустить большинства статей того же самаго альманаха «Незабудка», потому что «многія мысли и выраженія, отмѣченныя цензоромъ, казались или нарушающими приличіе, или несогласными съ цензурными правилами»; особенно это замѣчено было въ статьяхъ: «О свободѣ», «О крестьянахъ», «О настоящемъ положеніи вещей въ Россіи», «О статуяхъ въ Лѣтнемъ саду», «О раболѣпствѣ передъ знатными», «О музѣ Байрона въ сравненіи съ демономъ Апокалипсиса», «О Сибири наряду съ адомъ»; что же касается до стихотворенія «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», то его уже рѣшительно не слѣдуетъ пропускать, потому что оно «заключаетъ въ себѣ сатиру на гордость министра и недоступность къ оному». Издатель (литераторъ, скрывавшій свое имя подъ псевдонимомъ «Трилунный») [1]) принужденъ былъ представлять противъ всего этого объясненія, и вотъ что онъ писалъ, между прочимъ: «Не пропускается стихотвореніе «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» вѣроятно потому, что въ немъ упомянуто о министрѣ. Другихъ причинъ быть не можетъ, ибо, не имѣя въ виду ничьей личности, я не сдѣлалъ ни малѣйшихъ намековъ, мѣстныхъ обстоятельствъ и всего, что могло бы дать превратное понятіе о какомъ-либо извѣстномъ лицѣ. Вельможа представленъ у меня идеально; онъ позабылъ своего стараго друга—вотъ завязка пьесы. Дѣйствующія лица—провинціалъ Баклушкинъ и

[1]) Извѣстный въ то время литераторъ и музыкантъ, Дмитрій Юрьевичъ Струйскій.

дежурный; имя же министра упоминается только въ одномъ мѣстѣ, и то мимоходомъ, безъ малѣйшаго оскорбленія для министровъ. Всѣмъ извѣстно, что люди въ знатности и въ богатствѣ иногда забываютъ старыхъ друзей—сія истина напечатана была уже не одинъ разъ. Можетъ ли она кого-либо оскорбить, если нѣтъ посторонихъ намековъ на чью-нибудь личность? Нигдѣ не сказано ни полслова объ управленіи министерствомъ, нигдѣ не сказано о способностяхъ и образѣ мыслей министра; дѣло идетъ о старой его дружбѣ съ добродушнымъ провинціаломъ, и сюрпризъ, сдѣланный сему послѣднему, можетъ только разсмѣшить читателя. Въ нѣкоторыхъ комедіяхъ люди чиновные и богатые выведены на сцену съ пороками ихъ, но никто симъ не оскорбляется. Въ разговорѣ шута съ поэтомъ замѣчено цензурою нѣсколько стиховъ, именно тамъ, гдѣ поэтъ негодуетъ на тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, пользуясь заслугами своихъ предковъ, не хотятъ служить своему отечеству и, нерѣдко утопая въ роскоши—слѣдствіе праздности—смѣются надъ полезными трудами поселянъ, считая ихъ дикарями. Чтобъ убѣдиться въ нравственности сей мысли, я бы могъ сослаться на указъ Великаго Петра касательно недорослей и на многія новѣйшія узаконенія, но считаю сіе излишнимъ, ибо самая цѣль и совѣсть меня оправдываютъ».

Главное управленіе цензуры, обративъ полное вниманіе на эти и другія объясненія автора, признало (19-го февраля 1830 г.) позволительными всѣ вообще вышеозначенныя пьесы «Незабудки», исключая одно лишь мѣсто, да и то, въ статьѣ «О крестьянахъ».

С.-Петербургскій цензурный комитетъ не хотѣлъ пропускать въ печать критическаго разбора письма г. Усова и лекцій профессора Соколова, сочиненія доктора изящныхъ наукъ Масловича, вмѣстѣ съ письмомъ сочинителя съ издателямъ «Литературной Газеты».

Письма цензура не хотѣла пропускать по той причинѣ, что тутъ разсказанъ былъ частный разговоръ сочинителя съ издателемъ «Сѣверной Пчелы», при представленіи своего разбора въ газету, а самого сочиненія цензура не пропускала потому, что кромѣ охужденія преподаванія профессора Соколова, а также и принятаго имъ намѣренія читать лекціи безденежно, оно заключало «неприличные отзывы» о преподаваніи наукъ въ русскихъ университетахъ. Главное управленіе цензуры нашло (19-го февраля 1830 г.), что дѣйствительно не слѣдуетъ печатать частныхъ разговоровъ, но что касается до разбора лекцій Соколова, то соображенія и опасенія цензурнаго комитета за честь и неприкосновенность русскихъ университетовъ излишни, а потому разборъ напечатать можно.

Основываясь на мнѣніи цензора Щеглова, тотъ же цензурный комитетъ встрѣчалъ затрудненіе пропустить статью Пушкина объ Иліадѣ въ переводѣ Гнѣдича, потому что тутъ говорилось о личныхъ отноше-

ніяхъ между Гнѣдичемъ и Дельвигомъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига не суть дружескія», а этихъ словъ, несмотря на просьбу цензора, не соглашался измѣнить издатель Литературной Газеты. Главное управленіе нашло (19-го февраля 1830 г.), что замѣченное цензурою выраженіе можетъ быть допущено въ печати.

Въ февралѣ 1830 года все тотъ же комитетъ не смѣлъ пропустить въ Сѣверномъ Меркуріѣ статью: Русскій театръ, заключавшую въ себѣ критику на игру актеровъ, во-первыхъ, потому что эта критика относилась не рѣдко къ пьесамъ, еще ненапечатаннымъ и, значитъ, цензурѣ неизвѣстно было: опущены ли тѣ или другія мѣста во время представленія, во-вторыхъ, потому, что сужденія о дѣйствующихъ лицахъ касались прямо или косвенно распоряженій театральнаго начальства и могли, въ отношеніи къ оному, казаться непозволительными даже въ такихъ случаяхъ, которыхъ посторонняя цензура не въ состояніи предупредить, не зная распоряженій и представленія. Поэтому комитетъ ходатайствовалъ, чтобъ къ § 12 цензурнаго устава было прибавлено, въ видѣ дополненія, «чтобъ всякія подобнаго рода сужденія предварительно представляемы были на засвидѣтельствованіе или театральной дирекціи, или III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, такъ какъ послѣдней принадлежитъ разрѣшеніе къ представленію». Но Главное управленіе не раздѣлило робкихъ опасеній и предусмотрительной заботы комитета: оно нашло и тѣ и другія излишними, и 19-го февраля 1830 г. постановило, что нѣтъ повода и оно не считаетъ себя въ правѣ ограничивать данное § 12-мъ цензурнаго устава дозволеніе печатать разсужденія о театральныхъ представленіяхъ.

Въ мартѣ 1830 г. С.-Петербургскій цензурный комитетъ не находилъ возможнымъ пропустить статью для Отечественныхъ Записокъ подъ названіемъ: Письмо въ Москву о маскарадахъ въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, потому что тутъ съ невыгодной стороны выставлялось общественное заведеніе, правительствомъ дозволенное и при томъ дважды удостоенное посѣщеніемъ государя императора. Сочинитель же статьи, Свиньинъ, объяснялъ при этомъ цензору, что «желая остановить заблужденіе на счетъ маскарадовъ, онъ не можетъ отказаться отъ обязательности открыть глаза публикѣ и устыдить новыхъ просвѣтителей Россіи, кои хотятъ, чтобъ русскіе и веселились не иначе, какъ по-французски, потому проситъ комитетъ внести статью его на разрѣшеніе высшаго начальства, представя причины, побудившія его къ сочиненію оной». Разсмотрѣвъ статью, Главное управленіе нашло (5-го марта 1830 г.), что въ ней нѣтъ ничего, что могло бы подвергаться запрещенію, потому что авторъ, какъ кажется, не думалъ представлять заведеніе г-жи Энгельгардтъ съ невыгодной сто-

роны, а только хвалилъ россіянъ за то, что они вообще предпочитаютъ тихія семейныя удовольствія шумнымъ публичнымъ праздникамъ, каковы маскарады.

Въ маѣ 1830 г., С.-Петербургскій цензурный комитетъ усомнился пропустить статью для Сѣвернаго Муравья подъ заглавіемъ «Внутреннія извѣстія», не смотря на § 12 цензурнаго устава, дозволяющій всякія сужденія о предметахъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ, также объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. п., потому что подобныя сужденія, въ примѣненіи къ Россіи, могутъ быть иногда не согласны съ нынѣ существующими правительственными распоряженіями. Такъ именно и случилось въ настоящей статьѣ, гдѣ очень невыгодно говорено было о транзитной торговлѣ, а между тѣмъ распоряженія по этому предмету не составляли коренныхъ государственныхъ постановленій, ограждаемыхъ § 3-мъ устава. Вслѣдствіе того, комитетъ просилъ Главное управленіе разрѣшить его сомнѣніе касательно частныхъ сужденій вообще, такъ какъ подобное затрудненіе встрѣчается очень часто. Въ разрѣшеніе этого недоумѣнія, Главное управленіе постановило (28-го мая 1830 г.) сообщить цензурному комитету, что по § 12-му устава всякій можетъ излагать свои сужденія о предметахъ, въ томъ § поименованныхъ, хотя бы эти сужденія были несогласны съ распоряженіями правительства и сами по себѣ несправедливы; но необходимо, чтобъ въ формѣ изложенія и въ тонѣ соблюдено было надлежащее приличіе. По сей причинѣ, содержащіяся въ статьѣ для «Сѣвернаго Муравья» сужденія могли бы быть дозволены къ напечатанію, еслибъ они были изложены не въ столь рѣзкомъ тонѣ.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ доказать то благосклонное и доброжелательное настроеніе цензуры, которое, въ первые годы управленія князя Ливена, замѣнило прежнее деспотическое, полное подозрѣній и стѣсненій, настроеніе адмирала Шишкова.

Но, съ другой стороны, не менѣе характерно было самостоятельное отношеніе князя Ливена и цензуры къ высшимъ административнымъ личностямъ того времени. Князь Ливенъ очень часто не склонялся передъ ними, какова бы ни была ихъ сила и положеніе, противился ихъ требованіямъ и давалъ имъ самый рѣшительный отпоръ. Подтвержденіемъ сказанному здѣсь могутъ служить слѣдующіе случаи:

Въ началѣ 1829 г., министръ двора, князь Волконскій, жаловался князю Ливену, что издатель «Сѣверной Пчелы», Булгаринъ, печатаетъ въ ней цѣлыя программы даваемыхъ въ Петербургѣ концертовъ, и даже ранѣе, нежели о томъ объявлено въ театральной афишѣ, чѣмъ нарушается съ одной стороны привилегія, данная Плюшару, содержателю театральной типографіи, по контракту его съ Императорскимъ теа-

тральнымъ управленіемъ, а съ другой стороны и высочайшее повелѣніе 9-го января 1804 года, коимъ предписано, чтобъ афиши на маскарады, концерты и всѣ вообще публичныя зрѣлища печатались въ театральной дирекціи, обязанной наблюдать, чтобы въ этихъ афишахъ не было печатаемо ничего лишняго и неприличнаго. Не взирая, однако же, на требованіе столь вліятельнаго и могущественнаго въ то время князя Волконскаго, и при томъ по дѣлу, гдѣ рѣчь шла о подрывѣ казеннаго интереса, Ливенъ отвѣчалъ (8-го апрѣля 1829 г.), что повелѣніе 1804 года, какъ спеціально назначенное для министерства двора, не было до тѣхъ поръ извѣстно министерству народнаго просвѣщенія, да при томъ же не можетъ быть и принято въ соображеніе въ настоящемъ случаѣ, потому что предоставляетъ театральной дирекціи преимущественно только напечатаніе подъ своимъ надзоромъ отдѣльныхъ афишъ и билетовъ для концертовъ, маскарадовъ и проч., но не заключаетъ въ себѣ запрещенія печатать въ газетахъ и журналахъ извѣщенія о такихъ предметахъ, по желанію лицъ, предполагающихъ давать концерты и проч., или же отъ самихъ издателей, не въ видѣ особыхъ афишъ, а вмѣстѣ съ прочими статьями и извѣстіями, и съ подлежащаго дозволенія цензуры. Поэтому, безъ особаго высочайшаго повелѣнія, нельзя запретить газетамъ помѣщать у себя вышеозначенныя объявленія тѣмъ болѣе, что новымъ уставомъ цензурнымъ (1828 г.) замѣнены всѣ прежнія узаконенія по цензурѣ, а въ этомъ уставѣ не только не содержится запрещенія печатать въ газетахъ объявленія о концертахъ, но даже § 12-мъ дозволены статьи и разсужденія о публичныхъ зрѣлищахъ.

Еще болѣе важно и характерно слѣдующее дѣло, которое мы, по причинѣ его особеннаго интереса, изложимъ здѣсь въ подробности. Въ февралѣ 1830 г., министръ финансовъ, графъ Канкринъ, жаловался князю Ливену на статью «Сѣвернаго Меркурія», гдѣ было сказано, что, по предначертанію академика Гамеля, одно министерство испросило высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Технологическаго института, между тѣмъ какъ Технологическій институтъ учреждается по проекту и зачину самого министерства финансовъ, а не по плану академика Гамеля (который желалъ учрежденія на совершенно иныхъ основаніяхъ и, между прочимъ, хотѣлъ дать всѣмъ московскимъ мѣщанскимъ дѣтямъ публичное воспитаніе). Поэтому Канкринъ просилъ, либо чтобъ цензоръ Гаевскій объяснилъ, на основаніи какихъ доказательствъ онъ пропустилъ въ печати этотъ фактъ, «когда не надлежитъ писать о дѣйствіяхъ министерствъ, не спрося ихъ напередъ, либо чтобъ объявилъ въ этой же газетѣ, что это обстоятельство министерствомъ финансовъ признается несогласнымъ съ ходомъ дѣла, и имъ пропущено безъ намѣренія». Къ этому графъ Канкринъ прибавилъ: «я признаю сіе тѣмъ болѣе необходимымъ, что если допустить, что всякъ можетъ себѣ присво-

ивать дѣйствія министерствъ, то министерства или должны пускаться на неприличную у насъ газетную войну, или лишиться въ публикѣ уваженія».

На это требованіе Ливенъ отвѣчалъ (13-го февраля), что, на основаніи § 12-го устава, онъ не можетъ признать, чтобъ цензоръ имѣлъ какое-либо право не одобрить къ напечатанію извѣстіе о рѣчи, публично произнесенной академикомъ и не содержащей въ себѣ ничего для кого-либо оскорбительнаго. Входить же въ разсмотрѣніе справедливости или неосновательности мнѣній писателя, если оныя не противны общимъ правиламъ о цензурѣ, цензоръ не долженъ былъ, въ силу § 13-го устава; а извѣстіе, что какое-либо министерство, разсмотрѣвъ и одобривъ представленныя ему какимъ-нибудь ученымъ и знающимъ лицомъ мысли о полезномъ общественномъ учрежденіи, привело ихъ въ исполненіе, не можетъ быть оскорбительно для того министерства. Впрочемъ, если графу Канкрину угодно, то онъ, министръ народнаго просвѣщенія, предпишетъ цензорамъ, чтобъ о поступающихъ къ нимъ на разсмотрѣніе статьяхъ, касающихся до министерства финансовъ, всегда предварительно дѣлано было сношеніе съ тѣмъ министерствомъ. Что же касается настоящаго случая, то цензоръ не имѣетъ никакого права, ни повода дѣлать какое-либо отъ себя объявленіе, а если министерство финансовъ признаетъ необходимымъ опровергнуть извѣстіе о Технологическомъ институтѣ, то можетъ со своей стороны объявить о неосновательности онаго.

Графъ Канкринъ остался крайне недоволенъ такимъ отзывомъ и тотчасъ же отвѣчалъ, что соображенія князя Ливена, по его мнѣнію, не относятся къ содержанію того, что ему писано было Канкринымъ. «Въ настоящемъ случаѣ, говорилъ министръ финансовъ, дѣло идетъ не о разсужденіяхъ и ученыхъ предположеніяхъ, свободѣ коихъ онъ нисколько вредить не желаетъ, а о невѣрномъ фактѣ. Частное лицо говоритъ, что министерство финансовъ устроило заведеніе по предположенію его, въ противность истины. Это уже по гражданскимъ законамъ не дозволено. Чтобъ министерства у насъ занимались печатаніемъ въ газетахъ опроверженій на подобныя статьи и себя защищали предъ публикою противъ тщеславія авторовъ, этого у насъ еще не введено и едва-ли введено быть можетъ, не допуская совершенной необузданности прессы; и еще менѣе можно предполагать, чтобъ за каждое невѣрное показаніе входить въ процессъ. Что академикъ сказалъ публично о министерствѣ фактъ несправедливый, то это не служитъ оправданіемъ, потому что печатать или говорить публично имѣетъ тѣ же послѣдствія. Вовсе нѣтъ вопроса о томъ, чтобъ министерству стыдно было исполнить предположеніе ученаго. Это, какъ графу Канкрину давно извѣстно, не только не стыдно, но похвально, и публично должно быть

признаваемо, если только дѣйствительно такъ было; равно какъ должно воспользоваться всякимъ полезнымъ и умѣреннымъ разсужденіемъ въ публичныхъ бумагахъ. Для графа Канкрина, впрочемъ, все равно, кто помѣстить въ газетѣ отзывъ о несправедливости таковаго удостовѣренія, цензоръ ли, или издатель газеты. Но онъ, графъ, долженъ въ семъ дѣлѣ просить справедливости у князя Ливена не потому, чтобъ имѣлъ малѣйшее личное вниманіе къ подобнымъ самохвальнымъ статьямъ, а для избѣжанія вообще столь вреднаго примѣра, чтобъ въ газетахъ распространяемы были о правительствѣ или о министерствахъ факты, несогласные съ истиною, ибо, допустивъ первый шагъ, трудно предусмотрѣть, гдѣ кончится дѣло. Что касается предположенія князя Ливена о предварительномъ сообщеніи министерству финансовъ всѣхъ статей о немъ, то онъ, графъ Канкринъ, съ одной стороны, весьма далекъ отъ того, чтобъ препятствовать сужденіямъ публики, а съ другой, если законъ, чтобъ не писать о министерствахъ безъ вѣдома ихъ, еще въ своей силѣ, то не настоитъ въ томъ особой надобности; буде же постановленіе это измѣнилось, то безъ испрошенія высочайшаго повелѣнія такія распоряженія вновь дѣлать нельзя».

Въ заключеніе, Канкринъ иронически просилъ Ливена увѣдомить, что министерство финансовъ впредь должно дѣлать, если о немъ будутъ печатаны факты, противные истинѣ, кои могутъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на государственныя дѣла, или по крайней мѣрѣ на уваженіе публики, и въ чемъ состоитъ обязанность и отвѣтственность цензора относительно допущенія къ печатанію фактовъ, до лицъ и публичныхъ мѣстъ касающихся, «дабы онъ, графъ Канкринъ, со своей стороны могъ принять дальнѣйшія мѣры».

Князь Ливенъ на все это отвѣчалъ, что прежнее правило о непечатаніи статей о какомъ-нибудь министерствѣ безъ согласія онаго, уже не существуетъ болѣе по цензурному уставу 1828 года, и что цензура не имѣетъ права заставлять издателя, какъ не подвѣдомственное ей частное лицо, принять въ его изданіе какую бы то ни было статью. «Что же касается до послѣднихъ двухъ вопросовъ» (т. е. чѣмъ должно впредь руководствоваться министерство финансовъ, и въ чемъ состоятъ обязанности цензора), то, говорилъ Ливенъ, «повѣрка и опроверженіе извѣстій зависитъ совершенно отъ благоусмотрѣнія министерствъ, а обязанности и отвѣтственность цензора опредѣлены въ высочайше утвержденномъ уставѣ о цензурѣ». Этотъ послѣдній отвѣтъ такъ, повидимому, огорчилъ графа Канкрина, что онъ, «видя, что князю Ливену неугодно принять какую-либо мѣру», вошелъ къ государю со всеподданнѣйшимъ докладомъ, но и тутъ не получилъ того удовлетворенія, на которое разсчитывалъ: государь, очень уважавшій и любившій князя Ливена, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень благосклонно всегда относившійся къ академику

Гамелю, не далъ торжества жаловавшемуся на Ливена противнику ихъ и ограничился только повелѣніемъ, чтобы «доложить его величеству, когда подобное случится впредь»; министерству же финансовъ не разрѣшилъ защищать себя въ газетахъ. На этомъ дѣло и кончилось.

Любопытенъ также отпоръ, данный княземъ Ливеномъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Эссену. Въ сентябрѣ 1830 года послѣдній писалъ князю, что съ нѣкотораго времени замѣтно въ с.-петербургской публикѣ негодованіе на издателей «Сѣверной Пчелы» за помѣщеніе статей, рождающихъ унизительное понятіе о чиновникахъ гражданскихъ. Въ № 102 они названы рябчиками; при всякомъ же случаѣ издатели стараются придавать имъ видъ карикатуръ. Поэтому, одни говорятъ, что чиновники отданы какъ бы на поруганіе «бѣглому поляку» (Булгарину), другіе, что онъ одинъ остается судьею для ихъ чести, званія, добраго имени, а цензура все это пропускаетъ. Иные же, наконецъ, говорятъ, что, пользуясь этимъ правомъ, Булгаринъ истощаетъ всю злобу свою на униженіе и презрѣніе цѣлаго сословія чиновниковъ гражданской службы. А между тѣмъ Булгаринъ по высочайшему повелѣнію состоитъ подъ надзоромъ полиціи. Но Ливенъ отвѣчалъ на это (19-го сентября 1830 г.), что онъ разсматривалъ № 102 «Сѣверной Пчелы» и, принявъ въ соображеніе § 14 цензурнаго устава, которымъ предписано: не препятствовать печатанію сочиненій, гдѣ, подъ общими чертами, осмѣиваются пороки и слабости, свойственныя людямъ въ разныхъ возрастахъ, званіяхъ и обстоятельствахъ жизни, не могъ поставить цензурѣ въ вину пропуска къ напечатанію какъ этой статьи, не содержащей въ себѣ ничего оскорбительнаго для чести какого-либо лица, такъ и вообще сатирическихъ изображеній недостатковъ и слабостей, встрѣчаемыхъ въ обществѣ и въ различныхъ сословіяхъ [1]).

---

[1]) Въ этомъ случаѣ князь Ливенъ какъ бы заступался за Булгарина. Но слѣдующій случай, гдѣ онъ вовсе не выгораживалъ того же самаго Булгарина отъ тяготѣвшаго надъ нимъ презрѣнія общества, доказываетъ, что князь имѣлъ въ виду оба раза не личность, а общій принципъ. С.-Петербургскій цензурный комитетъ хотѣлъ было (въ 1830 г.) не пропускать въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Инвалиду" статью: „Два слова объ исторіи Видока, писанной имъ самимъ"; онъ видѣлъ тутъ намеки на Булгарина, потому что въ № 50 „Литературной Газеты" была напечатана статья: „О Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ", и около того же времени ходила по рукамъ, въ рукописи, эпиграмма (Пушкина):

Не та бѣда, что ты полякъ!
Костюшка ляхъ,
Мицкевичъ ляхъ,

Но безъ сомнѣнія, всего болѣе выказались независимость мнѣнія и твердость князя Ливена въ самостоятельномъ отношеніи его къ графу Бенкендорфу. Несмотря на тогдашнее его могущество и на родственную ихъ связь [1]), министръ народнаго просвѣщенія никогда не уступалъ требованіямъ начальника III-го отдѣленія Собственной его величества канцеляріи, если не признавалъ ихъ правильными, и сопротивлялся имъ очень рѣшительно и упорно. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. 10-го августа 1830 г. Бенкендорфъ писалъ Ливену, что въ III-е отдѣленіе доставленъ переводъ разговора, находящагося при словарѣ румынскаго или молдаво-воложскаго языка, напечатаннаго въ 1825 г. въ «Буддѣ» не славянскими, издревле для того діалекта принятыми буквами, а латинскими или итальянскими. Въ упомянутомъ разговорѣ сочинитель явно ругается надъ славянскими буквами; почему кишиневскій архіерей Димитрій считалъ бы весьма полезнымъ запретить ввозъ означенной книги въ Бессарабію, какъ могущей охлаждать тамошнихъ жителей къ русскому языку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ко всему русскому. «Разговоръ» (между дядей и племянникомъ), приложенный въ переводѣ къ отношенію Бенкендорфа, не содержалъ въ себѣ ничего инаго, кромѣ длинныхъ доказательствъ той, весьма не новой, въ ученомъ мірѣ, истины, что языкъ румынскій происходитъ отъ латинскаго, и что если въ языкахъ западныхъ славянъ встрѣчается не мало словъ, одинаковыхъ съ латинскими, то это происходитъ отъ того, что славяне многое заимствовали отъ римлянъ, а не римляне отъ славянъ. Разсмотрѣвъ какъ этотъ «Разговоръ», такъ и запросъ Бенкендорфа, князь Ливенъ отвѣчалъ (28-го августа 1830 г.), что Главное управленіе цензуры хотя и признало, что изъ помянутаго «Разговора» можно видѣть нѣкоторое намѣреніе отчуждать соплеменныхъ и единовѣрныхъ съ нами народовъ отъ всего, что напоминаетъ сродство ихъ съ Россіей, но вредъ этого сочиненія не можетъ быть великъ на столько, чтобы нужно было запретить ввозъ книги, особенно въ настоящемъ положеніи политиче-

---

Пожалуй будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда.
Будь жидъ—и это не бѣда,
Но то бѣда, что ты Видокъ—Фигляринъ.

А вслѣдъ за тѣмъ, въ № 17 „Сынъ Отечества" и „Сѣвернаго Архива", эта самая эпиграмма напечатана, но вмѣсто „Видокъ—Фигляринъ" сказано „Ѳаддей Булгаринъ". Почему цензурный комитетъ, послѣ такой гласности, считалъ, что статья „Два слова объ исторіи Видока", содержащая явные намеки на русскаго писателя, прямо относится къ Булгарину и не можетъ быть напечатана. Но не взирая на такіе доводы, Главное управленіе цензуры нашло, что если въ самой статьѣ: „Два слова" нѣтъ ничего, относящагося прямо къ сочиненіямъ или дѣйствіямъ Булгарина, то ее нельзя запрещать. И статья появилась въ печати.

[1]) Братъ князя Ливена былъ женатъ на сестрѣ графа Бенкендорфа.

скихъ обстоятельствъ. Лучше бы, чтобъ кто-нибудь знающій молдавскій языкъ опровергъ излагаемыя въ томъ «Разговорѣ» мнѣнія и далъ своему опроверженію надлежащую гласность и извѣстность въ томъ краю, на который имѣетъ намѣреніе дѣйствовать сочинитель «Разговора».

Въ томъ же августѣ, 23-го числа, графъ Бенкендорфъ обращалъ вниманіе князя Ливена на одну статью въ смѣси № 45 «Литературной Газеты», которая, по его мнѣнію, должна была, конечно, своею неприличностью поразить князя, въ особенности при тогдашнихъ политическихъ происшествіяхъ; при этомъ онъ просилъ увѣдомить, какъ эта статья могла быть пропущена цензурою и кто именно ея сочинитель? Статья, о которой шла тутъ рѣчь, содержала въ себѣ нѣсколько не совсѣмъ ловкихъ отзывовъ о русскихъ дворянахъ и недворянахъ [1]). Князь Ливенъ отвѣчалъ на это только тѣмъ, что препроводилъ въ III Отдѣленіе отзывы: издателя «Литературной Газеты», барона Дельвига, и цензора Щеглова. Въ первомъ говорилось очень лаконически, что издатель не знаетъ имени автора, потому что статья была къ нему прислана на домъ безъ подписи сочинителя, а во второмъ, цензоръ Щегловъ объяснялъ, что статья была имъ пропущена во-первыхъ потому, что въ ней не было ничего противнаго ни религіи, ни духу русскаго правительства; во-вторыхъ потому, что онъ находилъ заслуживающими опроверженія постоянные нападки Московскаго Телеграфа на наше дворянство; особенныхъ же политическихъ обстоятельствъ нынѣшняго времени онъ, цензоръ Щегловъ (6-го или 7-го августа), еще не зналъ. На томъ дѣло такъ и кончилось.

---

[1]) Вотъ главныя мѣста означенной статьи: „Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи столь же не добросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ, будто бы, къ этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно г. Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальною нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если же званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было бы вовсе не смѣшно. Но презебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ г.г. Полеваго, Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами—глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи съ нашими сравнивать невозможно) пріуготовили крики: „Аристократовъ къ фонарю!“ и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ ихъ!“ Avis au leucteur“.

22-го декабря 1830 года, графъ Бенкендорфъ написалъ князю Ливену: «покорнѣйше прошу вашу свѣтлость приказать воспретить издателю французской газеты «Le furet» помѣщать въ оной статьи объ императорскихъ театрахъ, поручивъ цензурѣ надлежащее за симъ наблюденіе». Князь Ливенъ тотчасъ же отвѣчалъ, что онъ этого не можетъ исполнить, потому что цензурнымъ уставомъ 1828 г. дозволены всякія сужденія о театрахъ. «Если же, прибавлялъ онъ, есть высочайшая государя императора воля, либо вы находить изволите нужнымъ, чтобъ во всѣхъ журналахъ вообще, или только въ «Furet», по причинѣ какого-либо съ его стороны упущенія, не печатались сужденія о театрахъ, то для учиненія надлежащаго распоряженія я долженъ имѣть высочайшее о томъ повелѣніе, которымъ бы отмѣнялось прежде данное его величествомъ узаконеніе».

Графъ Бенкендорфъ опять со своей стороны отвѣчалъ: «На отзывъ вашей свѣтлости, въ коемъ вамъ угодно было спросить меня, по высочайшему ли повелѣнію просилъ я васъ запретить издателю «Le Furet» помѣщать въ семъ изданіи статьи объ императорскихъ театрахъ, честь имѣю отвѣтствовать, что помѣщеніе въ журналѣ «Le Furet» статей объ императорскихъ театрахъ воспрещается издателю онаго по высочайшему повелѣнію государя императора, и что въ первомъ отношеніи моемъ по сему предмету къ вашей свѣтлости не употребилъ я высочайшаго имени его величества, бывъ увѣренъ, что само собою разумѣется, что таковыя запрещенія дѣлаются не мною, а государемъ, священное имя коего намъ вообще надлежало бы употреблять гораздо рѣже въ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ».

Этотъ отзывъ, повидимому, сильно взволновалъ князя Ливена, и онъ немедленно, въ тотъ же день, отвѣчалъ: «Изъ отношенія вашего, полученнаго мною сего дня, я съ удивленіемъ увидѣлъ, что вы, милостивый государь, изволите полагать, будто я спрашивалъ васъ, по высочайшему ли повелѣнію вы относитесь о запрещеніи издателю «Le Furet» помѣщать статьи о театрахъ. Прочитавъ вновь прежнее мое отношеніе, я не нашелъ въ ономъ вышеозначеннаго вопроса. Въ немъ я выписалъ параграфъ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, въ силу коего Главное управленіе цензуры не можетъ воспрещать издателямъ журналовъ печатать сужденія о театрахъ, дабы показать, что я не въ правѣ исполнить требованія вашего безъ высочайшаго повелѣнія. Никто, конечно, не благоговѣетъ болѣе меня предъ августѣйшимъ именемъ его величества и не можетъ быть осторожнѣе въ употребленіи онаго. Сей урокъ мнѣ не нуженъ и въ бумагѣ вашей ко мнѣ излишенъ. Но бумага, въ которой требуется противное закону, утвержденному священнымъ именемъ государя императора, не есть обыкновенное отношеніе и не можетъ имѣть никакого дѣйствія безъ объявленія высо-

чайшей на то воли. Въ такомъ случаѣ подразумѣваніе непозволительно, и онаго требовать никто права не имѣетъ. Вслѣдствіе же послѣдняго отношенія вашего о высочайшемъ повелѣніи запретить печатать въ «Furet» статьи о театрахъ, я сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе».

Но, несмотря на всю свою умѣренность и либеральность, князь Ливенъ былъ вмѣстѣ строгимъ исполнителемъ постановленій цензурнаго устава 1828 года и не допускалъ ни въ малѣйшей мѣрѣ ничего, выходившаго за предѣлы дозволеннаго этимъ уставомъ.

Такъ, въ октябрѣ и ноябрѣ того же года запрещены Главнымъ управленіемъ цензуры очень многія статьи: одна, назначенная для «Невскаго альманаха», гдѣ императрица Жозефина поставлялась наравнѣ съ императрицей Елизаветой Алексѣевной и называлась ангеломъ, сѣвшимъ на престолѣ; далѣе стихотвореніе Машкова Русская душа, гдѣ описывается кончина Александра I, вступленіе на престолъ императора Николая I, происшествія 14-го декабря, судъ надъ преступниками, ихъ казнь, наконецъ, коронація. Главное управленіе нашло, что это стихотвореніе, по чрезвычайно слабому изложенію и совершенному ребячеству въ описаніяхъ и изображеніяхъ, представляетъ разительное неприличіе и несоотвѣтственность съ достоинствомъ и важностью изображаемыхъ въ оныхъ предметовъ; потомъ еще, стихотвореніе Ѳ. Глинки «На войну съ турками 1828 года», гдѣ авторъ утвердительно говорилъ, что по взятіи русскими Константинополя, еще прежде истеченія 1828 года, въ минаретахъ этого города будетъ праздноваться Пасха. Главное управленіе нашло неприличнымъ такое утвердительное назначеніе времени для событія, коего совершеніе сокрыто въ неизвѣстности будущаго, но при этомъ примѣчательно, что въ то же самое время Главное управленіе пропустило въ печать другое стихотвореніе, также по поводу войны 1828 г., въ которомъ также предсказывалось паденіе Турецкой имперіи, но въ общихъ выраженіяхъ, и безъ опредѣлительнаго обозначенія времени, когда именно это событіе совершится. Наконецъ, Главное управленіе, находя много непозволительныхъ мѣстъ въ статьѣ, назначенной для Отечественныхъ Записокъ, подъ заглавіемъ Замѣтки на записки Манштейна, гдѣ описывались многія «событія при высочайшемъ дворѣ», дозволило напечатать эту статью не иначе, какъ съ тѣми измѣненіями и смягченіями, которыя сдѣлалъ членъ Главнаго управленія, статсъ-секретарь Д. Н. Блудовъ.

---

*

IV.

Разрѣшеніе книгопродавцамъ продавать не строго запрещенныя книги лицамъ, извѣстнымъ своею благонадежностью.—Увольненіе С. Глинки отъ званія цензора.—Измѣненія въ направленіи цензуры.—Высочайшія повелѣнія: 4-го августа 1830 г. и 28-го іюля 1831 г.—Статья „Сѣвернаго Меркурія".—Распоряженіе о непечатаніи статей безъ подписи авторовъ.—Образованіе Комитета для разрѣшенія вопросовъ о цензурѣ.

Цензурѣ даровано было право дозволять отпускъ, отъ книгопродавцевъ, нѣкоторыхъ изъ числа менѣе строго запрещенныхъ книгъ «лицамъ извѣстнымъ» и «благонадежнымъ». Вслѣдствіе того, Главное управленіе цензуры и министръ народнаго просвѣщенія постоянно были осаждаемы цѣлою тучею писемъ и просьбъ, словесныхъ и письменныхъ, преимущественно со стороны высшихъ должностныхъ лицъ и аристократіи: каждый просилъ исключенія изъ общаго правила, надѣясь на свои отношенія и связи. Нѣкоторыя изъ подобныхъ требованій не оставались безъ удовлетворенія, и эти дозволенія или, наоборотъ, соотвѣтствующіе имъ отказы даютъ поводъ къ любопытнымъ замѣчаніямъ.

Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что, говоря вообще, лица, обращавшіяся съ просьбами объ изъятіяхъ, обыкновенно просили всѣ однѣ и тѣ же книги, точно будто бы по общему уговору. Всѣхъ просителей занимали, казалось, лишь тѣ изъ числа запрещенныхъ книгъ, въ которыхъ сообщались какія-либо мелкія подробности о значительныхъ личностяхъ, русскихъ или иностранныхъ, являвшихся на политической аренѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и т. п. Напротивъ, массу читателей весьма мало привлекали сочиненія болѣе серьезныя, съ какимъ-нибудь дѣйствительно научнымъ интересомъ.

Для заключенія характеристики перваго періода цензурнаго вѣдомства при князѣ Ливенѣ, надо упомянуть еще о слѣдующихъ фактахъ.

Издателю Олину запрещено было перепечатать въ «Карманной книжкѣ 1830 года» высочайшій манифестъ 1743 года о мнимомъ заговорѣ Лопухиныхъ противъ императрицы Елизаветы Петровны, на томъ основаніи, что «неприлично помѣщать такой актъ въ журналѣ, назначенномъ для легкаго чтенія».

Согласно съ мнѣніемъ управляющаго Главнымъ штабомъ, генералъ-адъютанта графа Чернышева, не позволено напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣкоторые листки рукописной газеты, составленной русскими офицерами подъ Варной. А именно, графъ Чернышевъ просилъ: 1) «помѣщенное въ рукописи описаніе заразы, свирѣпствовавшей въ Варнѣ въ 1829 г., вовсе исключить, или по крайней мѣрѣ сколь можно смягчить всѣ тѣ мѣста, гдѣ о ней упоминается. Сіе нужно

какъ потому, что само правительство въ свое время считало излишнимъ обнародовать въ подробности о существованіи заразы, такъ и для того, что обстоятельное описаніе всѣхъ бѣдствій, оною причиненныхъ, легко можетъ произвести на нѣкоторые умы непріятное и даже вредное впечатлѣніе; 2) помѣщенное въ № 9, извѣстіе изъ Шумлы о томъ, что турки во время переговоровъ о мирѣ нечаянно вырѣзали передовой отрядъ корпуса генералъ-лейтенанта Краевскаго (Красовскаго?), изъ 300 человѣкъ состоящій, равномѣрно не дозволять печатать, ибо извѣстіе сіе, изъ уваженія къ обстоятельствамъ дѣла, было также признано ненужнымъ для всеобщаго свѣдѣнія».

Въ 10 № «Московскаго Телеграфа» 1830 г. цензоромъ С. Глинкою была пропущена статья: «Утро въ кабинетѣ знатнаго барина», содержавшая сатиру на извѣстнаго аристократа и богача князя Юсупова. Статья эта произвела сильное впечатлѣніе и тысячи толковъ въ Москвѣ, вслѣдствіе чего московскій попечитель, князь Сергій Голицынъ, находя ее «соблазнительною по дерзкимъ и явнымъ намекамъ на особу, извѣстную по заслугамъ своимъ государству», отнялъ цензированіе «Московскаго Телеграфа» у Глинки и передалъ оное другому, а Глинкѣ назначилъ другой журналъ. Глинка, бывшій когда-то прежде (въ 1812 г.) военнымъ, и человѣкъ горячій, напрасно представлялъ разные доводы въ свое оправданіе и, наконецъ, увлеченный чувствомъ своей правоты и возмущенный аристократическими пристрастіями московскаго попечителя, наговорилъ дерзостей и грозилъ пожаловаться на него министру. Слѣдствіемъ этого былъ докладъ князя Ливена, по которому государь за недостаткомъ со стороны Глинки осторожности при цензированіи поступающихъ на его разсмотрѣніе сочиненій и за живостью характера, увлекавшей его иногда за предѣлы приличій, былъ уволенъ отъ должности цензора [1]).

Событія 1830 года имѣли рѣшительное вліяніе не только вообще на ходъ русскихъ политическихъ дѣлъ, внутри и внѣ государства, но и на цензурное дѣло. Сначала іюльская революція въ Парижѣ, замѣна одной династіи и одной формы правленія другою, а потомъ Бельгійская война за независимость, тревожныя народныя волненія въ разныхъ концахъ Европы и, наконецъ, польское возстаніе—откликнулись какъ громовые удары въ образѣ дѣйствія нашего правительства и вызвали очень крутыя мѣры, какъ предупредительныя, такъ и репрессивныя. Все это вмѣстѣ измѣнило, можно сказать, до самаго основанія перво начальную систему и направленіе князя Ливена и Главнаго управленія цензуры.

---

[1]) Два года спустя, нашлись издатели, которые желали перепечатать эту статью, но Главное управленіе цензуры 7-го іюля 1832 г. это запретило.

Одною изъ первыхъ мѣръ въ новомъ смыслѣ надо считать высочайшее повелѣніе 4-го августа 1830 года, сообщенное министру народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантомъ княземъ Ливеномъ (братомъ министра). Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, сказано было тутъ, чтобы «во всѣ издаваемые въ Россіи журналы и газеты заимствованы были извѣстія о Франціи токмо изъ одной прусской газеты, выходящей подъ заглавіемъ «Preussische Staats Zeitung», и чтобы статьи изъ сей газеты, которыя должны быть помѣщаемы во французскомъ журналѣ «Journal de St.-Pétersbourg», были представляемы мнѣ (т. е. генералъ-адъютанту князю Ливену) на предварительное разсмотрѣніе». Спустя два мѣсяца, 30-го октября, графъ Бенкендорфъ писалъ князю, что въ 61 № «Литературной Газеты» помѣщены «ни къ какой стати» четыре стиха Казиміра Делавиня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля, и потому онъ просилъ сообщить ему, для доклада государю, кто именно прислалъ эти стихи къ напечатанію, и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать, въ русской газетѣ, на французскомъ языкѣ, стихи, которыхъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. Далѣе Бенкендорфъ указывалъ на то, что въ журналѣ «Furet» часто помѣщаются статьи совершенно неумѣстныя, напримѣръ: «Le prince royal de France à l'auberge». Наконецъ, онъ просилъ внушить цензорамъ, чтобъ они не пропускали (какъ это сдѣлалъ цензоръ Семеновъ въ «Литературной Газетѣ») такихъ статей, которыя выставляли бы на свѣтъ ложность извѣстій, печатаемыхъ въ «Сѣверной Пчелѣ», по распоряженію его, графа Бенкендорфа, для успокоенія публики на счетъ иностранныхъ дѣлъ и событій. По послѣднимъ двумъ статьямъ тотчасъ сдѣлано было распоряженіе, а по первому потребовали отъ издателя и цензора объясненій. Издатель «Литературной Газеты», баронъ Дельвигъ, отвѣчалъ, что стихотвореніе Делавиня прислано ему отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости, и напечатано въ газетѣ, какъ многія другія чисто литературныя произведенія, безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ, съ разрѣшенія цензуры. Цензоръ Семеновъ съ своей стороны отозвался, что въ тѣхъ стихахъ онъ по чистой совѣсти не нашелъ ничего противнаго отечественнымъ законамъ и цензурнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникѣ которыхъ предположено сдѣлать надписи, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое признано и Россіею и прочими державами Европы. Онъ, Семеновъ, никакъ не могъ предполагать, чтобъ стихи Делавиня могли сколько-нибудь быть примѣнены къ Россіи, которая блаженствуетъ подъ скипетромъ мудраго монарха и находится

въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція; что же касается напечатанія французскихъ стиховъ въ русскомъ журналѣ, онъ не имѣлъ права не дозволить этого, такъ какъ ни въ одномъ § цензурнаго устава нѣтъ запрещенія подобнаго рода. Князь Ливенъ сообщилъ всѣ эти отзывы графу Бенкендорфу, но тотъ отвѣчалъ, что находитъ объясненіе Дельвига «не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ». «Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ, прибавлялъ графъ Бенкендорфъ, и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи». Тутъ же графъ Бенкендорфъ снова требовалъ сообщенія имени того, кто представилъ стихи для напечатанія. На это требованіе Ливенъ все-таки ничего не отвѣчалъ, а вмѣсто того высказалъ мнѣніе, что дѣйствительно Дельвигу не слѣдовало печатать стиховъ Делавиня въ «Литературной Газетѣ», и что за это нарушеніе правилъ журналъ его подлежитъ запрещенію. Такъ дѣло и было доложено отъ III отдѣленія государю императору, который положилъ высочайшую резолюцію: «Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты». Изданіе «Литературной Газеты» передано, по желанію барона Дельвига, дворянину Оресту Сомову.

Для полноты характеристики нашей цензуры, въ это время, въ отношеніяхъ ея къ Франціи, Іюльской монархіи и Людовику-Филиппу, упомянемъ еще слѣдующее высочайшее повелѣніе, сообщенное секретно князю Ливену 28-го іюля 1831 года управлявшимъ иностранною коллегіею, Дивовымъ: «по высочайшему повелѣнію не дозволяется ни одной изъ нашихъ газетъ вмѣщеніе рѣчи, произнесенной королемъ французовъ при открытіи камеръ».

Въ концѣ 1830 года, и именно 28-го декабря, графъ Бенкендорфъ писалъ опять князю Ливену, что государь императоръ повелѣлъ взыскать со всею строгостью съ цензора, пропустившаго въ «Сѣверномъ Меркуріи» статью: «Общій статистическій взглядъ на Петербургъ» [1]. «Хотя издателю, находящему по сердцу подобныя статьи, какъ онъ самъ признается (замѣчалъ графъ Бенкендорфъ) и слѣдовало бы вовсе запретить изданіе журнала, но его величество, не желая поступить на сей разъ съ должною строгостью, повелѣваетъ

---

[1]) Когда оказалось, что статья эта пропущена въ печать не отдѣльнымъ которымъ-либо цензоромъ, а самимъ Главнымъ управленіемъ цензуры, которое нашло тутъ только общее сатирическое описаніе цѣлаго сословія, безъ примѣненія къ какому-либо лицу въ частности, то государь повелѣлъ: „Сдѣлать выговоръ Главному управленію цензуры, за пропускъ столь неприличной статьи“.

сдѣлать издателю словесное замѣчаніе и внушить ему, что при первомъ подобномъ случаѣ ему будетъ воспрещено издавать журналъ».

Статья, привлекшая вниманіе самого государя императора и напечатанная въ №№ 120 и 121 журнала «Сѣверный Меркурій», издаваемаго Бестужевымъ-Рюминымъ, заключала въ себѣ разные разсказы о положеніи тогдашнихъ русскихъ чиновниковъ. Вотъ нѣсколько главныхъ мѣстъ оттуда: «Предметомъ моихъ заключеній, — говорилъ авторъ,—на этотъ разъ есть исключительно поколѣніе (caste) чиновниковъ. Сюда не относятся ни директоры департаментовъ, входящихъ въ составъ главы о людяхъ государственныхъ, ни дородные секретари, ни повытчики, ни прочіе подъячіе, ниже секретари и приказные прочихъ присутственныхъ мѣстъ, ни квартальные, ни ихъ помощники, и не тѣ члены высшей молодежи нашей, вскормленные стихами Ламартина и знающіе наизусть Чайльдъ-Гарольда, которые разъ или много два въ годъ посѣщаютъ канцелярію или даже не знаютъ, гдѣ она находится, проводятъ жизнь шаркая по паркету гостиныхъ, ожидая открытія мореходства, чтобы ѣхать къ водамъ и лечиться отъ праздности. Нѣтъ... къ сей главѣ принадлежитъ поколѣніе собственно такъ называемыхъ чиновниковъ. Это звенья лѣстницы общей гражданской іерархіи, которая начинается съ начальника отдѣленія y compris, и нисходитъ до канцелярскихъ служителей y compris... Главнѣйшая характеристическая черта сего поколѣнія есть безкорыстіе, можетъ быть не столько изъ добродѣтели, сколько по необходимости; трудолюбіе, также больше изъ принужденія, нежели изъ собственной склонности, и, наконецъ, умѣренность, или еще болѣе, нежели умѣренность, словомъ состояніе, предшествующее нищетѣ»... Далѣе авторъ описывалъ ихъ бѣдную жалкую одежду, употребленіе дня, нравы, и продолжалъ: «Столоначальники и старшіе помощники говорятъ только съ равными себѣ, жмутъ руку только у такихъ же важныхъ особъ, какъ они сами, и Боже сохрани, чтобы они спросили, о чемъ бы то ни было, у служителей нижней степени. Занятія сихъ людей состоятъ въ точномъ приходѣ въ канцелярію и исполненіи, безъ всякаго прекословія, воли начальниковъ, которая состоитъ въ томъ, чтобы они въ бумагахъ, ими сочиняемыхъ, слѣдовали слѣпо прежнимъ образцамъ. Напримѣръ, если въ прежнихъ бумагахъ писалось *лѣкарь*, свѣ*д*еніе, врач*ъ*, прису*д*ствіе, отсу*д*ствіе, Тимо*ѳѣй*, то горе тому либералу, который вздумалъ бы написать: лекарь, свѣдѣніе, врачъ, присутствіе, отсутствіе, Тимофей! Горе тому дерзновенному, который осмѣлился бы употребить: «на отношеніе вашего превосходительства, вмѣсто «въ слѣдствіе отношенія вашего превосходительства», и проч., если такъ дѣлалось прежде. О! священная древность... Не распространяясь далѣе, мы сдѣлаемъ общій обзоръ умственнаго образованія, нра-

вовъ, образа и способовъ жизни сего замѣчательнаго и едва ли не исключительно одному Петербургу принадлежащаго поколѣнія»... «У сына титулярнаго совѣтника слухъ съ самой юности поражается однимъ чтеніемъ бумагъ, которыя производитъ отецъ его по вечерамъ—въ родѣ священнаго обряда индѣйцевъ—чтобы не забыть, гдѣ что должно выскоблить, гдѣ исправить ошибки. Такимъ образомъ, юный чиновникъ, достигнувъ 10 или 11-лѣтняго возраста и весь напитанный духомъ департанизма, вступаетъ въ одно изъ уѣздныхъ училищъ»... «Кругъ мышленія его опредѣленъ; онъ пристращается болѣе и болѣе къ своей службѣ, и никто его не разувѣритъ въ превосходствѣ ея»... «Позже, онъ проводитъ жизнь свою (на Пескахъ) далеко отъ бурь умственныхъ и политическихъ, и достигаетъ лѣтъ маститыхъ въ канцеляріи»... «Разговоръ ихъ ограничивается производствомъ въ первый чинъ, опредѣленіемъ къ мѣсту, наградами за труды ихъ и хорошимъ или худымъ расположеніемъ ихъ начальниковъ. Симъ обществамъ чужды искусство, литература и науки точныя: имъ врожденна одна канцелярія. Къ чести сего племени должно сказать, что имъ чуждо и искусство брать взятки, коимъ снабдилъ сей авторъ книжки своихъ соотечественниковъ, и которое имѣетъ столь большое химическое сродство съ поколѣніемъ секретарей и повытчиковъ, сирѣчь вообще подъячихъ»...

Въ примѣчаніи къ концу статьи издатель приписалъ: «Напрасно авторъ не подписалъ своего имени. Искренно благодарю его за доставленіе сей пьесы: вотъ такихъ-то статеекъ намъ и надо, понеже онѣ зѣло намъ по сердцу».

Для полученія этого замѣчанія, издателю велѣно было явиться къ начальнику III-го отдѣленія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ въ заключеніе графъ Бенкендорфъ: «Его императорскому величеству благоугодно было повелѣть, по сему случаю, принятіе общей мѣры, чтобы никакая статья не могла быть напечатана въ газетахъ и журналахъ безъ подписи сочинителя». Оказалось, однако, что мѣра эта представляла множество неудобствъ и затрудненій на практикѣ, такъ что С.-Петербургскій цензурный комитетъ былъ поставленъ въ необходимость немедленно же высказать Главному управленію цензуры неудобство или даже невозможность точнаго исполненія сказаннаго высочайшаго повелѣнія. Такъ, напримѣръ, спрашивалось, что если всѣ, безъ изъятія, печатаемыя статьи должны носить подпись сочинителя, то какой подписи можно требовать отъ издателей, если ими печатаются статьи, сочиненныя министрами, или начальниками управленій, дабы приготовить публику къ принятію извѣстнаго правительственнаго распоряженія, или разрѣшить ея недоумѣнія и опровергнуть ложные толки? Какой подписи требовать, если печатаются историческіе акты, или записки и разсужденія прежнихъ временъ, коихъ сочинители неизвѣстны? Какой

подписи требовать, если печатаются статьи, присланныя къ издателямъ безъ подписи именъ сочинителей, или извлеченія изъ частныхъ писемъ, коихъ сочинители не всегда могутъ соглашаться на объявленіе ихъ именъ? Какія могутъ быть удостовѣренія, что имя, выставленное подъ статьею, истинное, а не вымышленное?

Между тѣмъ, пока цензурное вѣдомство высказывало всѣ эти сомнѣнія, высшее начальство уже само почувствовало, что вышеизложенное правило слишкомъ неудовлетворительно и затруднительно, и потому III-е отдѣленіе, не дальше какъ черезъ недѣлю послѣ перваго распоряженія, и именно 6-го января 1831 г., сообщило князю Ливену высочайшее повелѣніе объ обсужденіи и постановленіи новыхъ правилъ о прямой отвѣтственности сочинителей и издателей за каждую напечатанную статью. Но Главное управленіе цензуры нашло, что неудобно было бы присоединить такія правила къ уставу о цензурѣ, потому что они прямо противорѣчили бы § 47 этого устава, гдѣ сказано, что отвѣтственность за напечатаніе книги или статьи лежитъ на цензорѣ или цензурномъ комитетѣ, давшемъ пропускъ. Поэтому князь Ливенъ, по порученію Главнаго управленія, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ заключеніи котораго было сказано: «Въ настоящихъ обстоятельствахъ, со стороны правительства можетъ быть потребно обратить особенное вниманіе на образъ мыслей и намѣренія лицъ, предпринимающихъ дѣйствовать на публику чрезъ повременныя изданія: по сему я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли повелѣть сдѣлать секретное предписаніе цензурнымъ комитетамъ о наблюденіи вышеизложенныхъ правилъ. Такимъ образомъ, цѣль сего распоряженія будетъ удобнѣе достигнута оттого, что принятая мѣра не получитъ общей гласности».

Эта докладная записка имѣла слѣдствіемъ назначеніе, по высочайшему повелѣнію, комитета, составленнаго изъ вице-канцлера графа Нессельроде, генералъ-адъютанта Васильчикова, статсъ-секретаря Дашкова и графа Бенкендорфа, для совѣщанія по этому предмету (князь Ливенъ былъ при этомъ обойденъ). Этотъ комитетъ нашелъ, что уставъ 1828 года, безъ сомнѣнія, имѣлъ цѣлію облегчить стѣсненія прежняго устава и потому возложилъ (§ 47) отвѣтственность за изданіе книги или статьи на цензора или членовъ комитета, подписавшихъ опредѣленіе о пропускѣ. «Но такое постановленіе отнюдь не могло освободить и не освобождаетъ отъ законнаго преслѣдованія самихъ сочинителей или переводчиковъ, во всѣхъ случаяхъ, когда они, по существу представленной ими книги или статьи, подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ законовъ. Пропускъ къ напечатанію вредной книги есть собственно вина цензора; но что было преступленіемъ до изданія оной, то не перестаетъ быть преступленіемъ и послѣ, и авторъ безбожнаго или воз-

мутительнаго сочиненія, представившій оное въ цензуру, слѣдовательно, изобличенный въ намѣреніи обнародовать оное, долженъ быть преданъ суду на основаніи общихъ законовъ, несмотря на данное ему отъ цензора одобреніе. Изъ сего слѣдуетъ, что правительство, отнюдь не нарушая цензурнаго устава и оставляя отвѣтственность за изданіе книги исключительно на цензорѣ, имѣетъ однако же полное право требовать объявленія ему имени каждаго сочинителя или переводчика, въ произведеніяхъ коего будетъ усмотрѣно нарушеніе общихъ уголовныхъ законовъ, или стремленіе къ вредной для общаго спокойствія цѣли, для преданія его суду, или же для учрежденія за нимъ полицейскаго надзора. Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой нужды дѣйствовать секретными предписаніями (намекъ на всеподданнѣйшую записку Главнаго управленія цензуры): ибо само собою очевидно, что невинная свобода, даруемая авторамъ, скрывать предъ публикою имена свои, не можетъ ни въ какомъ отношеніи служить имъ ни предлогомъ, ни средствомъ къ укрытію себя отъ заслуженнаго по общимъ законамъ наказанія... Второй случай, т. е. объявленіе имени виновнаго сочинителя или издателя также разрѣшенъ высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25-го апрѣля 1828 года, коимъ предписано включить въ частные наказы цензорамъ, что когда бы представлены были на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрно подданства, то о семъ немедленно извѣщать высшее начальство, для учрежденія за виновнымъ надзора, или же и преданія его суду по законамъ». Поэтому комитетъ находилъ, что въ существующихъ законахъ уже есть достаточныя мѣры для обузданія неблагонамѣренныхъ авторовъ и издателей. Къ исполненію же высочайшей воли, остается только обратить вниманіе на то, чтобы виновные не могли избѣгать заслуженнаго ими наказанія или надзора сокрытіемъ именъ своихъ отъ правительства. Для этого комитетъ считалъ нужнымъ: 1) до составленія наказовъ цензорамъ (которые должны бы быть составлены въ возможной скорости), вмѣнить цензорамъ въ обязанность, хотя частными предписаніями, чтобы они о сочиненіяхъ, показывающихъ духъ неблагонамѣренности, извѣщали высшее начальство; 2) объявить черезъ цензурные комитеты всѣмъ издателямъ журналовъ, что они обязаны имѣть свѣдѣніе о лицахъ, отъ коихъ получаютъ статьи, хотя, впрочемъ, авторамъ дозволено подписываться буквами или псевдонимами; въ случаѣ присылки статьи отъ человѣка вовсе неизвѣстнаго, издателю велѣно объявлять о томъ цензору; при этомъ, отвѣтственность за статью ложится на самого издателя, въ отношеніи всего могущаго имѣть характеръ уголовный, а отвѣтственность за пропускъ статьи—на цензорѣ.

Въ заключеніе, комитетъ прибавлялъ, что, «вникая въ причины нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій въ исполненіи устава, онъ не можетъ не отнести ихъ отчасти къ недостатку въ Главномъ управленіи цензуры свѣдѣній о настоящемъ расположеніи умовъ и о соотношеніяхъ между обстоятельствами времени и стремленіемъ людей неблагонамѣренныхъ. Для отвращенія сего неудобства, комитетъ единогласно полагалъ, что въ Главное управленіе цензуры надлежало бы опредѣлить, сверхъ членовъ отъ министерства иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, еще члена со стороны шефа жандармовъ». Этотъ докладъ былъ высочайше утвержденъ 28-го марта 1831 года. Главное же управленіе, приведя въ исполненіе означенное высочайшее повелѣніе, и съ своей стороны распорядилось сообразно съ новымъ духомъ: оно предписало цензорамъ вести секретный журналъ именамъ авторовъ статей.

Пока шло это дѣло, стали возникать, одно за другимъ, и несравненно чаще прежняго, вопросы, которые восходили до самого государя и вызывали высочайшія резолюціи ограничительнаго свойства. 2-го января 1831 года министръ двора, князь Волконскій писалъ: «государь императоръ, съ крайнимъ неудовольствіемъ усмотрѣвъ, что въ издаваемыхъ здѣсь «С.-Петербургскихъ» академическихъ и разныхъ другихъ вѣдомостяхъ, помѣщаются придворныя извѣстія безъ всякаго на то отъ правительства разрѣшенія, высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить вашей свѣтлости, чтобы вы строжайше предписали всѣмъ редакторамъ публичныхъ вѣдомостей, дабы они ни подъ какимъ видомъ не осмѣливались ничего печатать, касающагося до особы государя императора и всѣхъ членовъ императорской фамиліи, а также о торжествахъ или съѣздахъ, бывающихъ при дворѣ, безъ особаго на то высочайшаго разрѣшенія, которое имѣетъ быть сообщаемо отъ министра императорскаго двора». Но это правило было вскорѣ отчасти измѣнено. 29-го марта тотъ же князь Волконскій сообщилъ Ливену, что государь императоръ, вслѣдствіе доклада упомянутаго выше особаго комитета для дополненія цензурныхъ правилъ, разрѣшаетъ статьи, не касающіяся частной жизни его величества и высочайшей фамиліи, а относящіяся къ «дѣйствіямъ всенароднымъ, какъ-то: извѣстія о прибытіи въ столицу и о выѣздѣ высочайшихъ особъ, о присутствіи ихъ въ общенародныхъ мѣстахъ, объ аудіенціяхъ иностранныхъ посланниковъ и т. п., писать и печатать на прежнемъ основаніи, но съ тѣмъ, чтобы они предварительно присылались на разсмотрѣніе къ министру двора».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.

ТОМЪ СТО СЕДЬМОЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. Викторъ Острогорскій. Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. Спб. 1901 г. Н. П. (На оберткѣ іюльской книги).
2. Д-ръ Ал. Тилле. Упадокъ политическаго и военнаго могущества Англіи. Переводъ и, отчасти, пересказъ А. Рѣдкина. Спб. 1901. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
3. Н. Орловъ. Забайкальцы въ Манчжуріи въ 1900 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. Орлова въ Китаѣ въ 1900 г. Съ картою и планами. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ августовской книжки).
4. Великій князь Николай Михаиловичъ. Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки. Съ 12-ю портретами. Спб. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ сентябрьской книги).

Приложенія.

дило послѣ-обѣда. Вмѣстѣ съ Германомъ провелъ прекрасно время въ Pfauen-Insel [1]). Туда доѣхали въ каретѣ; оттуда я возвратился въ лодкѣ. Прекрасный, простой домъ. Горница великой княгини, нынче Луизы и Александрины; сборная горница, съ гипсовыми картинами, гдѣ король завтракаетъ съ семьею; большая горница, отдѣланная деревомъ; круглый кабинетъ королевы; спальня короля; горница принца Карла; круглая лѣстница. Несравненный видъ съ башни. Садъ розъ. Орлы. Die Schäferei [2]): олени; кабаны; лисицы; тушканчикъ; египетскія козы; волы; буйволы; уродъ теленокъ съ короткою мордою. Die Meierei [3]). Видъ съ мыса. Видъ изъ охотничьяго дома. Два дуба: ландшафтъ для Фридриха [4]). Лебеди. Захожденіе солнца и эхо. Концертъ на рогахъ. Возвратный путь въ лодкѣ и прекрасное захожденіе солнца. Видъ съ мраморной скамейки.

8 (20), пятница. Поутру у в(еликой) к(нягини). У вечерни. Въ Neue Palais. Обѣдалъ дома. У вечерни. Въ Marmor-Palais чай вмѣстѣ съ к(оролемъ). Послѣ гулялъ: Marmor-Palais; Gothischer Thurm; Heilige See.

9 (21), суббота. У обѣдни. К(нязь) Гагаринъ. Обѣдали въ Pfauen-Insel. Игры. Гр(афъ) Шуленбургъ, Моденъ, Шувалова и Ніенштетъ. Послѣ обѣда въ Никольское. Видъ съ свѣтлицы на Гафель: съ одной стороны часть Потсдама, Ruinenberg, Neue Palais, Pfingstberg; съ другой стороны Pfauen-Insel, лодки и лебеди. Заутреня.

10 (22), Свѣтлое Воскресенье. Поутру у развода. Обѣдъ у короля. Нимейеръ [5]) и его разговоры за столомъ со всѣми изъ королевской фамиліи поочередно. Прогулка въ Neue Garten и на Pfingstberg. Спрятанныя яйца. В(еликая) к(нягиня) на площадкѣ. Вечеръ у короля. Разговоръ съ Шильденомъ [6]). Рисованье яицъ.

11 (23). Всталъ до солнца и ходилъ на Браухаусбергъ смотрѣть на его восхожденіе. Утро было прекрасное; востокъ былъ задернутъ полосою облаковъ, и первой минуты появленія солнца я не видѣлъ; но оно взошло прекрасно изъ-за облаковъ; сперва загорѣлись передовыя легкія облака, потомъ края тѣхъ облаковъ, въ которыхъ скрывалось солнце, потомъ оно вышло само. Вечеръ послѣ захожденія солнца и утро передъ его восхожденіемъ одинаковы—но чувствительна разница въ живости

---

[1]) Любимое мѣстопребываніе короля Фридриха-Вильгельма III.

[2]) Т. е. звѣринецъ.

[3]) Т. е. молочная ферма.

[4]) Живописца, о которомъ см. выше, стр. 74, прим. 3-е.

[5]) Вѣроятно, извѣстный богословъ Августъ - Германъ Нимейеръ (р. 1754 † 1828 г.).

[6]) Барономъ Фридрихомъ фонъ Шильденомъ (von Schilden), оберъ-гофмейстеромъ прусскаго королевскаго двора.

самаго чувства; въ первомъ случаѣ чувствуешь усыпленіе природы, отдыхъ; во второмъ пробужденіе! И вечеръ, и утро свѣжи, но свѣжесть разная. Первую чувствуешь, уставши отъ дня, вторую, укрѣпившись отдыхомъ! По настоящему чувствуешь только самого себя и въ физической, и въ нравственной природѣ! Она только то, что̀ мы сами! И въ шумѣ вечернемъ нѣтъ многаго, что находимъ въ шумѣ утреннемъ! Первый есть шумъ утихающій, послѣдній шумъ начинающій. Въ первомъ многіе голоса умолкаютъ, въ послѣднемъ безпрестанно новые прибавляются, такъ, какъ и самые предметы, получающіе новую форму съ прибавленіемъ свѣта. Это всеобщее, смѣшанное жужжаніе (которое такъ живо и плѣнительно весною) кажется всеобщею молитвою. Видъ съ горы прелестный. Весь Потсдамъ; обширная поверхность Гафеля, въ которой часъ отъ часу яснѣе изобр(ажаются) берега; утки, какъ черныя и какъ свѣтлыя точки на водѣ, съ двумя полосами, которыя за ними тянулись; лодки и барка съ парусами; ярко освѣщенный Новый дворецъ, Бельведеръ и много домовъ между зеленью; игра лучей на городскихъ зданіяхъ; обѣ церкви живописно освѣщенныя; яркое солнце, подъ которымъ исчезалъ восточный берегъ и которое ярко горѣло въ водѣ; коегдѣ дымъ и струя легкаго тумана; и съ каждымъ шагомъ перемѣна картины. Я сошелъ съ горы и ходилъ вдоль шоссе до заставы. У шлагбаума видѣлъ приставн(ика), который привѣтствовалъ своею трубкою восхожденіе солнца. Возвратясь, началъ читать Фихте—и заснулъ надъ книгою; но не отъ скуки. Простился съ Гагаринымъ, который поѣхалъ въ Карлсбадъ. Обѣдъ былъ въ Санъ-Суси вмѣстѣ съ кор(олевскою) фамиліею. За столомъ я сидѣлъ подлѣ графа Бранденбурга, и мы пили вмѣстѣ здор(овье) великой княгини... Wahrheit: Grund-Ich. Мы говорили объ ней. Что̀ составляетъ ея прелесть? Правдивость! И что̀ вообще есть сущность красоты? П р а в д а! то-есть тѣсное сродство съ тѣмъ, что составляетъ сущность души человѣческой! не съ тѣмъ, что мы бываемъ въ ту или другую минуту нашей жизни, но съ тѣмъ, что есть основаніе нашего бытія, что во всякую минуту жизни присутственно, что служитъ масштабомъ всѣхъ возможныхъ модификацій нашего бытія! Grund Ich—das Göttliche in dem Menschen! И съ этимъ чисто божественнымъ имѣетъ большое сродство то чувство, которое она въ душѣ пробуждаетъ. Къ ней нельзя имѣть привязанности, не имѣя привязанности къ чисто прекрасному! И нельзя удалиться отъ этой чистоты, не почувствовавъ себя виноватымъ передъ нею!—Послѣ обѣда ходилъ съ Шильденомъ осматривать Фридриховы горницы и мой милый Kavalierhaus. Одно слово кр(он)принца меня тронуло. Онъ, показывая мнѣ видъ съ терассы Санъ-Суси, сказалъ: «это мѣсто мнѣ нравится болѣе всѣхъ». Я сказалъ, что предпочитаю видъ съ Brauhausberg и Pfauen-Insel. Я сужу какъ мимоходящій, а вы, какъ принцъ, благодар-

ный къ тому мѣсту, на которомъ были счастливы.—«Это правда! Und wie glücklich!»—Въ этой семьѣ прошедшее какъ святыня! Но какое прошедшее! Милое, семейное, освѣщенное тихими наслажденіями сердца! Милое вмѣстѣ! Здѣсь изсохшій цвѣтокъ больше значитъ, нежели всѣ богатые перлы, хотя нѣтъ ни малѣйшей изнѣженности чувствъ, ни романизма.—Принцы уѣхали въ Берлинъ, а принцессы остались въ Санъ-Суси. Я отправился на Ruinenberg и сидѣлъ тамъ долго, смотря грустными глазами на заходящее солнце, которое удивительно украшало окрестности, видимыя сквозь деревья и развалины: для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее! По крайней мѣрѣ на эту минуту я не имѣю ничего въ запасѣ. Но я возвратился къ нимъ съ живѣйшимъ расположеніемъ; вечеръ былъ удивительно тихой, благовонный, полный весенней жизни! Послѣ ужина долго ходили вмѣстѣ по площади и любовались звѣзднымъ небомъ. La couronne мое любезнѣйшее созвѣздіе.

12 (24). Маневры въ Гриневальдѣ. Ѣздилъ туда съ M-elle Wildermeth, гр(афинею) Гакъ и гр(афинею) Шуваловой. Прекрасный день и еще болѣе прекрасный вечеръ, которымъ я однако не насладился. Прекрасное захожденіе солнца надъ озеромъ; старинный замокъ и преданіе о зарытой вживѣ дѣвицѣ, любовницѣ герцога Іоахима [1]). Музыка и пѣнье. Гнезенау и принцесса Радзивилъ.

13 (25). Цѣлый день въ Pfauen-Insel. Я былъ въ дурномъ расположеніи, но Сашино письмо его поправило. Долго сидѣлъ одинъ на берегу, смотря на воду, которая прелестно зеленѣла сквозь вѣтви молодыхъ березъ. Послѣ обѣда чтеніе, кегли, катанье съ горы съ в(еликою) к(нягинею). Вечеръ съ Перовскимъ подъ звѣзднымъ небомъ; удивительное зрѣлище! Пріѣздъ Кавелина [2]); письмо.

14 (26), четвергъ. Всталъ до солнца и вмѣстѣ съ кронпринцемъ и Карломъ на Браухаусбергъ смотрѣть восхожденіе солнца. Утро было прекрасное, сначала нѣсколько холодное, но солнце взошло въ полномъ блескѣ, и прогулка наша была прелестная. Она кончилась разговоромъ (къ несчастью, короткимъ) о в(еликой) к(нягинѣ). К(рон)принцъ говорилъ объ ней съ энтузіазмомъ. Онъ уговорилъ меня ѣхать въ Бранденбургъ; самый старинный городъ въ Пруссіи и поэтому достойный при-

---

[1]) Бранденбургскаго курфирста Іоахима II (р. 1505 † 1571), для котораго былъ выстроенъ въ 1542 году замокъ въ Гриневальдѣ.

[2]) Александръ Александровичъ Кавелинъ (р. 1793†1850), въ то время полковникъ Измайловскаго полка и адъютантъ великаго князя Николая Павловича. Впослѣдствіи онъ былъ, по смерти К. К. Мердера, воспитателемъ цесаревича Александра Николаевича, а затѣмъ сенаторомъ, с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

мѣчанія: любопытнѣе всего видъ [на] каѳедральную церковь и особенно церковь св. Екатерины, которой архитектура готическая. Статуя Роланда, которая означаетъ право судить и казнить, уродливая каменная фигура съ мечемъ; время убрало его голову цвѣтами. Дорога отъ Потсдама до Бранденбурга довольно пріятная, несмотря на множество песка; проѣзжаешь мимо озеръ; видишь веселыя деревни; особливо городокъ Вердеръ на острову представляетъ пріятное зрѣлище. Все зеленѣетъ; по обѣимъ сторонамъ шоссе прекрасные тополи, буки, каштаны, шелковицы; кое-гдѣ пышные заливные луга; иногда цѣлыя рощи дикихъ цвѣтущихъ вишенъ. Особливо пріятно было возвращаться: та сторона, которую видѣли поутру сквозь жаръ и пыль, была освѣжена весеннимъ вѣтеркомъ и озарена солнцемъ, близкимъ къ закату; все было благовонно; зелень каштановъ и тополей свѣтло-яркая прелестно отдѣлялась отъ черной зелени соснъ; вода имѣла прелестный темно-голубой цвѣтъ. День кончился въ Санъ-Суси, и, чтобъ кончить его достойнымъ образомъ, мы сходили на куполъ дворца провожать заходящее солнце, которое зашло ярко и великолѣпно. M-elle Wildermeth разсказывала мнѣ кое-что изъ старины. Въ 1814 году жила она одна съ в(еликою) к(нягинею) въ Kavalierhaus. Ныньче дослушаю эту безстраш(ную) и запишу.

15 (27), пятница. Въ Санъ-Суси съ M-elle Wildermeth. Просидѣлъ съ часъ въ Kavalierhaus, сперва въ большой залѣ, которую называютъ Яшмовою залою. Здѣсь была въ 1817 году учебная и сборная горница. Зала огромная; стѣны украшены древними бюстами; полъ мраморной. Великая княгиня провела лѣто 1817 въ (Санъ)-Суси съ принц(ессою) Фридерикою и съ нынѣшнею графинею Бранденбургъ [1]). Эта зала была раздѣлена на нѣсколько департаментовъ; въ одномъ углу стояло нѣсколько столовъ для занятій: тутъ писали, рисовали, читали; въ другомъ углу фортопіано и музыкальная библіотека; въ третьемъ — столъ съ нужнѣйшими книгами; въ четвертомъ для младшихъ дѣтей. Сверхъ другихъ въ это время жили въ Санъ-Суси M-elle Wildermeth и M-e Kameke, воспитательница принц(ессы) Фридерики. Кронпринцъ пріѣзжалъ всегда въ субботу въ вечеру и оставался до понедѣльника вечера. Въ 1814 году в(еликая) к(нягиня) прожила въ Санъ-Суси совершенно одна все лѣто съ M-elle Wildermeth—въ уединеніи и въ занятіяхъ; тогда праздновали день ея рожденія, ей минуло 16 лѣтъ, и вѣнки съ тѣхъ поръ остались на стѣнѣ. Милый анекдотъ о подаркѣ въ Рождество Христово: черта искренняго и глубокаго чувства. Нашъ разговоръ былъ прерванъ, и мы ходили до обѣда въ галлереѣ. Послѣ обѣда разговоръ

---

[1]) Жена графа Бранденбурга (о которомъ см. выше, стр. 110, прим. 2-е), графиня Матильда Бранденбургъ, была рожденная фонъ Массенбахъ.

съ кронпринцемъ: я открылъ ему тайну своего посѣщенія Шарлоттенбурга 10 марта. Ходилъ опять въ галлерею; потомъ пилъ чай на Pfingstberg. Удивительно пріятный вечеръ и забавная французская кадриль на площадкѣ павильона. Я ужиналъ одинъ.

16 (28), суббота. Всталъ до солнца и ходилъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ на Brauhausberg. Обѣд(алъ) въ Санъ-Суси. Ländler-walz(er). Вечеръ въ театрѣ: глупая или, лучше, длинно-скучная піеса Ифландова [1]) Die Hagestolzen. Ужинъ у короля.

17 (29). Мнѣ грустно, потому что я не видалъ нынче в(еликой) к(нягини). Видѣть ее въ этотъ день [2]), въ ея семьѣ, и подѣлиться воспоминаніемъ о прекрасномъ московскомъ днѣ есть удовольствіе, котораго, понятно, ничѣмъ воротить нельзя. Всего, что здѣсь вмѣстѣ дѣлаетъ это воспоминаніе сладостнымъ, ужь вмѣстѣ никогда не будетъ: время несравненное! Воздухъ удивительно животворной! И этотъ день могъ бы быть прелестнымъ,—а я долженъ его провести въ какомъ-то сухомъ одиночествѣ! Я переписывалъ для к(рон)пр(инца) переводъ своихъ стиховъ на этотъ день [3])! Но какъ бы было весело говорить объ немъ! Посмотримъ, какъ онъ кончится..... Обѣдалъ за маршальскимъ столомъ, и съ генераломъ Блокомъ пили здоровье новорожденнаго. Ввечеру гулялъ въ Neue Garten съ Кавелинымъ [4]) и Адлербергомъ. Вечеръ былъ прекрасный. В(еликая) к(нягиня) возвратилась, и я успѣлъ ее поздравить. Только не слишкомъ ли? Какъ все не такъ дѣлается, какъ думается. За ужиномъ сѣлъ подлѣ графини Бранденбургъ, и она разсказывала мнѣ день Пареца [5]). Я прописалъ цѣлое утро для кронпр(инца), а онъ и не подумалъ въ нынѣшній день обо мнѣ. Ребячество; но отъ этой болѣзни не излѣчишься.

18 (30), понедѣльникъ. Всталъ до солнца и съ Перовскимъ на Brauhausberg. Прекрасное утро. Обѣдъ у короля: въ большой мраморной залѣ. Послѣ обѣда милое слово великой княгини. Послѣ обѣда маневры. Перовскій и Шёлеръ [6]). На Pfingstberg: Ländler-walz(er) и God save the king [7]). Ужиналъ дома.

---

[1]) Августъ-Вильгельмъ Ифландъ (Iffland, р. 1759 † 1814), писатель и выдающійся актеръ, съ конца 1796 г. по свою смерть бывшій директоромъ Берлинскаго театра.

[2]) 17 апрѣля—день рожденія великаго князя Александра Николаевича.

[3]) Извѣстнаго посланія къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича.

[4]) См. выше, стр. 115, прим. 2-е.

[5]) Т. е. какъ король проводитъ день въ Паретцѣ. Paretz—небольшой замокъ недалеко отъ Потсдама; въ Паретцѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ III проводилъ весенніе мѣсяцы.

[6]) См. выше, стр. 103, прим. 5-е.

[7]) Т. е. музыка играла Ländler-walzer и гимнъ God save the king.

19 (1 мая), вторникъ. Возвр(атился) въ Берлинъ съ Перовскимъ. Въ ботаническомъ саду: бананы; pandanées [1]); сахарное дерево. Въ банѣ. Обѣд(алъ) у великой княгини. Вечеръ у Перпоншè [2]): три піесы: Les précieuses ridicules [3]), le singe voleur. За ужиномъ съ Брюлемъ. Послѣ ужина Les fureurs de l'amour. M-e Brühl и принцесса Радзивилъ.

20 (2), середа. Поутру въ репетицію Олимпіи [4]). Обѣд(алъ) у Модена. Вечеръ съ Кавелинымъ въ Thiergarten. Ужиналъ дома. Перовскій.

21 (3), четвергъ. Именины в(еликой) княгини. Завтракъ у в(еликой) к(нягини). Поздравленіе. Послѣ обѣда у M-elle Wildermeth и въ Шарлоттенбургѣ.

22 (4). Обѣд(алъ) у Модена. В(еликая) к(нягиня) въ Шарлоттенбургѣ. Донъ Карлосъ [5]).

23 (5), суббота. Поутру въ цейгхаузѣ. Обѣдалъ у графа Брюля. Вечеръ у принц(ессы) Радзивилъ: Humboldt [6]), M-e Humboldt, M-elles Kleist, Stegemann [7]). Рисунки Фауста. Шёлеръ.

24 (6), воскресенье. Обѣд(алъ) у Модена. Вечеръ въ Шарлоттенбургѣ съ Германомъ и Кавелинымъ.

25 (7), понедѣльникъ. Поутру у Гумбольта. У M-e Kleist. Обѣд(алъ) у Алопеуса. Вечеръ пріятнѣйшій у Гуфланда. Анек(дотъ) о самоубійцѣ. О Гумбольтѣ.

26 (8), вторникъ. Вечеръ у M-e Kleist. Музыка. Les distraits. M-e Stegemann.

27 (9), середа. Дома. Боленъ.

28 (10), четвергъ. Поутру у в(еликой) к(нягини). Раухъ. Henschel [8]). Обѣд(алъ) дома. Вечеръ у Радзивилъ. Boucher [9]).

29 (11), пятница. Поутру завтр(акалъ) у Алопеуса; за столомъ съ Гнезенау. Вечеръ у M-elle Kleist. Рожденіе M-e Steg(e)mann. Les vers. Пароль. Les petits jeux.

30 (12), суббота. Вечеръ у Гуфланда. Графиня Штольбергъ.

1 (13 мая), воскресенье. Поутру въ Академіи съ M-e Kleist. Les plâtres d'Elgin [10]). Прекрасный вечеръ у Гнезенау: чтеніе M-e Hohn-

---

[1]) Панданъ—тропическое растеніе.
[2]) См. выше, стр. 88, прим. 1-е.
[3]) Комедія Мольера.
[4]) Опера Спонтини.
[5]) Шиллера.
[6]) См. выше, стр. 109, прим. 6-е.
[7]) См. выше, стр. 100, прим. 9-е.
[8]) Іоганнъ-Вернеръ Геншель (Henschel, p. 1782†1850), скульпторъ.
[9]) Александръ Буше, извѣстный скрипачъ (р. 1770†1861).
[10]) Графъ Томасъ Elgin (р. 1766†1841), англійскій дипломатъ и покрови-

hausen, переводъ Бейрона [1]). Кречманъ. Frau von Arnim [2]). За столомъ подлѣ Савиньи [3]) и M-e Klausewitz [4]).

2 (14), понедѣльникъ. У Hensel [5]). Парадъ. Дома обѣд(алъ). Олимпія.

3 (15), вторникъ. Дома. Jungfrau von Orlean(s).

4 (16), середа. Поутру у M-e Kleist. M-e Marwitz [6]). Вечеръ у Радзивила. Foust [7]). За столомъ съ Вольфомъ [8]) и Цельтеромъ [9]).

5 (17), четвергъ. Дома. Обѣд(алъ) съ Фурманомъ. Вечеръ у M-elle Wildermeth: M-e Kleist, Klausevitz, Truchsess, Marwitz; M-lles Stegmann, Kleist, Marwitz; Kleist, Tieck, Rauch. Лотерея. Моденъ. Въ Потсдамъ. Биваки.

6 (18), пятница. Обѣд(алъ) въ Neue Palais подлѣ M-elle Boguslavsky. Въ театрѣ Figaros Ho(c)hzeit [10]). Скверно. Бѣлая книга. За столомъ подлѣ Кнезебека [11]). Фридриховы сочиненія съ замѣч(аніями) Вольтера.

7 (19), суббота. Обѣд(алъ) въ Neue Palais. Barbier de Séville [12]).

8 (20), воскресенье. Обѣд(алъ) въ Pfauen-Insel, подлѣ M-elle Wildermeth и граф(ини) Шуленбургъ. Вечеръ въ Берлинѣ.

9 (21), понедѣльникъ. Обѣдъ у Брюля. Олимпія.

10 (22), вторникъ. Перовскаго рука. Обѣд(алъ) у Алопеуса. Бруно. Вечеръ дома съ Германомъ.

тель искусствъ, пріобрѣлъ въ Аѳинахъ собраніе мраморныхъ статуй и другихъ произведеній античной скульптуры, впослѣдствіи купленное у него для Британскаго музея. Въ Берлинѣ и Дрезденѣ имѣются гипсовые съ нихъ слѣпки.

[1]) Въ 1820 году вышелъ въ свѣтъ сдѣланный Элизою фонъ Hohenhausen переводъ Байронова „Корсара".

[2]) Вѣроятно, извѣстная писательница Елизавета фонъ Арнимъ (Беттина), р. 1785 † 1859.

[3]) Знаменитаго юриста и изслѣдователя римскаго права (р. 1779 † 1861).

[4]) Вѣроятно, жена прусскаго генерала Карла фонъ Клаузевитца (Clausewitz, р. 1780†1831), рожденная графиня Брюль.

[5]) См. выше стр. 106, прим. 6-е.

[6]) Вѣроятно, жена прусскаго генерала Фридриха-Августа-Лудвига фонъ деръ Марвитца (р. 1777†1837).

[7]) Т. е., вѣроятно, Faust. Князь Антонъ Радзивиллъ написалъ музыку къ сценамъ изъ Гётева „Фауста".

[8]) Актеромъ. См. выше, стр. 83, прим. 2-е.

[9]) Карлъ-Фридрихъ Цельтеръ (Zelter, р. 1758†1832), музыкальный композиторъ, профессоръ музыки, основатель (въ 1819 г.) института церковной музыки въ Берлинѣ.

[10]) Опера Моцарта.

[11]) Карлъ-Фридрихъ фонъ Кнезебекъ (Knesebeck, р. 1768†1848), генералъ-адъютантъ короля Фридриха-Вильгельма III, впослѣдствіи фельдмаршалъ.

[12]) См. выше, стр. 92, прим. 7-е.

11 (23), середа. У M-e Kleist. У Гнезенау. M-e Streckfuss [1]): M-e Neumann [2]).

12 (24), четвергъ. У вел(икой) княгини: съ Шамбо. Завтракъ у Радзивила. За обѣд(омъ) съ Блокомъ и Германомъ. Вечеръ у Радзивила.

13 (25), пятница. У вел(икой) княгини. У граф(ини) Бранденбургъ. У Бруно. Обѣд(алъ) у короля; подлѣ Брюля. Вечеръ у Гуфланда. Мельгуновъ [3]). Дома.

14 (26), суббота.

2 іюня [4]). Дрезденъ. Три дни, какъ я въ дорогѣ; буду писать не о путешест(віи), а о Берлинѣ. Я провелъ послѣднія минуты съ горестнымъ удовольствіемъ прощанья. Въ Берлинѣ были минуты счастія. Я простился съ королемъ въ Потсдамѣ, проводивъ в(еликую) к(нягиню) [5]). Нельзя изобразить чувства пустоты, которое имѣлось во мнѣ. Во дворецъ. Вечеръ провелъ у M-elle Wildermeth. На другой день у кронпринца: прощанье; потомъ у принц(ессы) Алекс(андрины), Луизы и Албрехта. Съ герц(огинею) Кумбер(ландскою) не простился, не смогши ее видѣть. Обѣдалъ у принцессы Радзивилъ: за столомъ пріѣздъ к(рон)п(ринца). Послѣ въ театрѣ. Прискорбная глупость [6]). Вечеръ у M-elle Wildermeth (исторія альбома). На другой день у M-e Kleist. Передъ самымъ отъѣздомъ крестъ [7]). Проѣздъ черезъ Потсдамъ; терасса и померанцы.—

---

[1]) Жена писателя Адольфа-Фридриха-Карла Штрекфуса (р. 1779†1844).

[2]) Быть можетъ, извѣстная вѣнская актриса Амалія Нейманъ (р. 1800 †1884), рожд. Морштадтъ (Morstadt), жена актера Неймана, по смерти мужа бывшая (съ 1827 г.) замужемъ за теноромъ Haitzinger. Она была приглашаема на гастроли въ Берлинъ.

[3]) Вѣроятно, Николай Александровичъ Мельгуновъ, сынъ орловскаго помѣщика, литераторъ (р. 1804†1867); въ 1820—1823 гг. онъ ѣздилъ за границу (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга вторая, Спб. 1889, стр. 105; А. И. Кирпичниковъ, „Между славянофилами и западниками“ (въ „Русской Старинѣ“ 1898 года, ноябрь, стр. 304).

[4]) Новаго стиля.

[5]) Великая княгиня Александра Θеодоровна отправилась для лѣченія въ Эмсъ.

[6]) Какъ видно изъ письма Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ отъ 14 (26)—17 (29) іюня 1821 г., „прискорбная глупость“ заключалась въ томъ, что Жуковскій, бывшій въ театрѣ на представленіи оперы Спонтини „Олимпія“, пошелъ, согласно уговору съ кронпринцемъ, искать его въ театрѣ, но не нашелъ его; кронпринцъ же въ свою очередь безуспѣшно искалъ Жуковскаго.

[7]) Передъ отъѣздомъ изъ Берлина Жуковскій, какъ видно изъ его письма къ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ отъ 20 мая (1 іюня) 1821 года, получилъ пожалованный ему прусскимъ королемъ крестъ Краснаго Орла.

Товарищъ Бруно. Ночевалъ въ Трейенбритценѣ.—30. Въ Пречѣ: замокъ.—Въ Виттенбергѣ: Лютерова комната и картины Кранаха [1].—Вечеръ въ Торгау: мостъ; замокъ; башня.—На другой день (31) въ Мейссенѣ. Domkirch(e): св. Іоанна [2]). Церковь. Der hohe Chor; удивительный видъ съ башни. Дорога отъ Мейссена. Вечеръ въ Дрезденѣ. Олсуфьевъ [3]). Правило [4]). 1 іюня. Путешествіе къ пам(ятнику) Моро [5]); въ Плауенъ и въ Тарантъ. Возвращеніе и Linkische Bad [6]).

Швейцарія.

25-го іюля [7]), середа. Въ Мерзбургѣ провелъ цѣлый день, не выходя изъ горницы. Первый видъ на озеро изъ воротъ города. Время было жаркое. Сѣлъ въ лодку и на остр(овъ) Мейнау. Свѣтло-зеленый цвѣтъ воды, прелестный, особенно въ жаръ. Видъ съ озера: Тирольскія горы, Граубинденскія горы, Hoh Sentis и Каморъ, Appenzel и St.-Gallen. Rohrshach. Констанцъ не виденъ. Прелестное измѣненіе цвѣта воды съ измѣненіемъ неба: свѣтло - бирюзовыя волны, темно-голубыя пятна, на вершинахъ искры и звѣзды;—вдали віолетовыя полосы; на самомъ отдаленіи какъ будто тонкій, неподвижный св(ѣтло) - зеленой пухъ; освѣщенные берега зелены; что въ тѣни, то голубое; горы не ясны, а какъ будто туманны; утесы, и снѣгъ, и лѣса, и свѣтлыя пажи(ти);—то темно-бирюзовыя съ свѣтло-бирюзовымъ отливомъ; часто цвѣтъ облаковъ. Мейнау островокъ въ $1^1/_4$ часа отъ Мерзбурга. Замокъ: видъ съ балкона, на которомъ я просидѣлъ болѣе часа; пустыя горницы, въ которыхъ живетъ женщина съ прелестною дочерью, сирота, дочь

---

[1]) Извѣстнаго нѣмецкаго живописца Луки Кранаха (р. 1472†1553).

[2]) Т. е. Iohanniskapelle (св. Іоанна Крестителя) въ соборѣ.

[3]) Въ Дрезденѣ Жуковскій встрѣтился съ Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ (см. о немъ выше, стр. 96, прим. 5-е).

[4]) Правило—„путешествіе учитъ пользоваться настоящею минутою“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 423).

[5]) Извѣстному французскому генералу, вызванному въ 1813 году императоромъ Александромъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 г. Моро участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20 августа 1813 года. Памятникъ Моро находится въ Рекницѣ (см. тамъ же, стр. 424).

[6]) Увеселительное мѣсто, въ которомъ по вечерамъ сбирались жители Дрездена (см. тамъ же, стр. 425).—Дневника Жуковскаго за время съ 22 мая (3 іюня) по 12 (24) іюля 1821 года въ бумагахъ его, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, не находится. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени восполняется письмами Жуковскаго изъ его заграничнаго путешествія къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (извлеченія изъ нихъ см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 427—449). Въ полномъ видѣ эти письма явятся на страницахъ „Русской Старины“.

[7]) Новаго стиля.

умершаго тому два года духовнаго, Іозефина Деръ. Красоты природы въ нашей душѣ; надобно быть въ ладу съ собою, чтобы ими наслаждаться. Я испортилъ для себя невозвратную минуту и заплатилъ за нее неудовольствіемъ на самого себя. Съ балкона видишь Birnau, Heiligenberg, Neudorf, Nussdorf, Uldingen, Me(e)rsburg, Bregenz, Steinau, Sta(a)d. Берегъ Мейнау, обращенный къ берегу, покрытъ виноградникомъ. Я взялъ проводника и пошелъ въ Констанцъ; 1¼ дороги, лѣсомъ: буки, дубъ, ель, сосны. Прекрасный видъ на поле, освѣщенное заходящимъ солнцемъ. Мостъ черезъ Рейнъ: зелень воды; на покрытомъ мосту мельница. Остановился въ трактирѣ Орла.

26-го іюля, четвергъ. Въ 8 часовъ пошелъ осматривать достопримѣчательности города. Зданіе, гдѣ находится зала вселенскаго Конст(анцскаго) собора, 80 шаг(овъ) въ длину, 40 въ ширину; теперь сарай для складки товаровъ. Окна съ каменными скамейками; каждое было отгорожено на подобіе стойла (видны еще дыры) для епископовъ, которые тутъ жили; особенное отдѣленіе, гдѣ избранъ былъ папа Мартинъ; остались два стула на уступахъ и коверъ; стулъ императора болѣе папскаго; двѣ софы; кузовъ той повозки, на которой отвезенъ былъ Гусъ къ костру! Въ двери скважина, въ которую подавалась пища запертымъ епископамъ во время конклава; въ широкую дверь видъ на пристань и озеро. Надъ дверью надпись и изображеніе Правосудія съ вѣсами и деревянная свѣтлица.—Въ Доминиканскомъ монастырѣ, гдѣ теперь ситцевая фабрика, взятъ былъ Гусъ и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Мщеніе неба обратило этотъ монастырь въ фабрику; гдѣ былъ алтарь, тамъ стойло; прекрасное зданіе; окно, въ которомъ береза. Хоръ за органами, которые стоятъ на сводѣ: видны еще остатки живописи; три ряда столбовъ. Близъ бывшей кухни чуланъ въ три шага, гдѣ сидѣлъ Гусъ; узенькое окно; камень съ кольцомъ, къ которому онъ былъ прикованъ, и впадина въ стѣнѣ, служившая ему стуломъ. Трапеза съ однимъ столбомъ, шкапъ, печь; на стѣнѣ остался рисунокъ французс(скаго) солд(ата) 36 полка съ древомъ вольности.—Domkirche—прекрасное готическое зданіе, изуродованное обновленіемъ. Алтарь не похожъ на остальное: стѣны алебастр(овыя), полъ мраморный; хоръ не передѣланъ, а выкрашенъ, какъ и остатокъ церкви; рѣзныя сидѣлки. Въ ризницѣ: Голбейново Распятіе; разбойники съ перебитыми голенями; одинъ умеръ; раскаявшійся глядитъ на умершаго Спасителя; оно было отворчатое; на дверцахъ св. Пелагій съ мечемъ и пальмою и Конрадъ, строитель церкви, на колѣняхъ графъ Fuguer [1]) von Konstan(z) (1604). На алтарѣ Шенкова [2]) Марія. Гробъ Роберта Hallum гранитный съ мѣдными рѣзными плитами. Каѳедра

---

[1]) Т. е. Fugger.

[2]) Шенкъ, скульпторъ въ Дюссельдорфѣ.

рѣзная, на де(ре)вянномъ изображеніи, которое изуродовано невинно, ибо оно есть не образъ Гуса, а В(етхій) Завѣтъ. Мѣдная доска, гдѣ стоялъ осужденный Гусъ въ то время, когда сожигали его книги. Прекрасные органы съ каменною рѣзьбою. Часовня Ѳомы: Христосъ и Ѳома на черномъ мраморномъ алтарѣ; Константинъ и Елена, Конрадъ и Пелагій. Успеніе Богомат(ер)и, прекрасно вырѣзанное изъ камня; много выраженія во всѣхъ лицахъ. Рѣзная лѣстница на верхъ: Благовѣщеніе, Рождество, Усѣкновеніе г(лавы) І(оанна) Предтечи.—Домъ, гдѣ жилъ Гусъ, съ прекраснымъ его портретомъ, высѣченнымъ изъ камня.—Отъ пристани до Рейнскаго моста прекрасное гульбище по берегу подъ тѣнью тополей.—Обѣдалъ за общимъ столомъ; слышалъ разговоръ о политикѣ. Юристъ обвинялъ грековъ и оправдывалъ турковъ давностію владѣнія; защитникъ грековъ утверждалъ, что турки звѣри, которые давно живутъ между людьми и по привычкѣ уже не кажутся звѣрями. Два путешественника; нѣсколько пансіонеровъ. Прекрасный вечеръ на высотѣ колокольни минстера. Солнце было за тучами; вышло,—небо было въ тучахъ. Островъ Рейхенау, Hohentwiel, Heiligenberg, T(h)urgau, полуостровъ, Lindau, Bregenz. Лодки. Радуга. Видъ воды. Зеленоватый туманъ. Лучи. Второе явленіе солнца. Переходъ изъ сумрака въ темноту и изъ темноты въ сумракъ. Прекрасное положеніе Доминиканскаго монастыря.

27 іюля, пятница. Переѣздъ изъ Констанца въ Цирихъ.—Тагервейлеръ.—Вальди: прекрасный видъ съ горы на Рейхенау, Рейнъ и Констанцское озеро. Вся дорога до Цириха плодовитый садъ; плющъ около елей и дубовъ. Унтервейлеръ. Mühlheim. Pfyn. Крестьянскій домъ у деревни; огороды съ плодов(итыми) деревьями; заборы изъ терновника. Фрауенфельдъ: нищіе; въ Фрауенфельдѣ пилъ кофе; прекрасный трактиръ, въ которомъ со мною останавливался принцъ Вальдзее. Винтертуръ: прекрасный городъ съ четырьмя воротами; предмѣстіе съ садами; большая торговля; здѣсь болѣе негоціантовъ, нежели въ Цирихѣ; совершенство земледашества, навозъ. Обѣдъ за table d'hôte съ Петри [1]). Въ Констанцѣ прекрасныя женщины; но отъ Констанца до Цириха ни одного порядочнаго лица; непріятный нѣмецкій выговоръ; Констанцъ мертвый городъ въ сравненіи съ Винтертуромъ. Цирихъ. Несчастный вечеръ и дурная ночь. Видъ изъ моей горницы; прекрасный подъѣздъ къ Цириху отъ Винтертура.

28 іюля, четвергъ. Поутру къ Тоблеру [2]): неудача. Къ Эшеру [3]):

---

[1]) Быть можетъ, съ извѣстнымъ нѣмецкимъ агрономомъ и овцеводомъ Бернгардомъ Петри (р. 1767 † 1842).

[2]) Или къ Соломону Тоблеру (р. 1794 † 1875), поэту и пастору въ Цюрихѣ, или къ Іоганну-Георгу Тоблеру (р. 1769 † 1844), педагогу, послѣдователю Песталоцци.

[3]) Къ Гансу-Каспару Эшеру (Hans Kaspar Escher, р. 1775†1859), архи-

письма отъ Германа и Перовскаго; къ Криднеру [1]): письмо Малиновскаго [2]); къ Фисли [3]): Гадебушъ [4]), Вецель [5]). Въ библіотеку: бюстъ Лафатеровъ [6]) и рельефъ Швейцаріи. Обѣдъ съ Криднеромъ: кегли. Въ Kunstausstellung: Фогелевъ эскизъ [7]); Робертовы картины [8]): Пилигримъ; Умирающая монахиня; Погребеніе; Вецелевы и Лоріевы [9]) эстампы; Гесснерова [10]) лошадь. Гесснеръ. Ustery [11]). Вечеръ дома.

29 іюля, воскресенье. Ходилъ къ Эбелю [12]) и не засталъ: въ церковь; о солдатахъ, о женщинахъ. Опять къ Эбелю; видѣлъ одного Эшера. Прекрасный видъ изъ загороднаго дома. Обѣдалъ за общ(имъ) столомъ съ депутатами: противъ меня Аппенцель, рядомъ С.-Галленъ; его разсказы о Суворовѣ, о Багратіонѣ и о казакахъ. Прекрасная прогулка на Hökler и Mannek (Tochterschule; экзамены). Сраженіе подъ Цирихомъ; видъ съ Манека: памятникъ, неподвижныя облака надъ горами, ребра горы какъ косы, Силь, озеро, берега и деревни; возвратный путь: о нынѣшней свободѣ Швейцаріи, о туркахъ и грекахъ.

тектору и фабриканту машинъ въ Цюрихѣ. Именно къ этому Эшеру Жуковскій просилъ направлять къ нему письма въ Цюрихъ (см. въ письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ отъ 23 іюня (5 іюля) 1821 года).

[1]) Къ барону Павлу Алексѣевичу Криднеру, нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

[2]) Вѣроятно отвѣтъ А. Ѳ. Малиновскаго на письмо къ нему Жуковскаго изъ Берлина отъ 14 (26) февраля (см. выше, стр. 103).

[3]) Генрихъ Фюссли (Füssli, р. 1755), живописецъ и граверъ; велъ также значительную торговлю художественными произведеніями.

[4]) То же самое лицо ниже въ дневникѣ Жуковскаго, въ записяхъ о пребываніи его въ Цюрихѣ на возвратномъ пути въ Германію, называется Гагебухомъ. Подъ 2 августа фамилія этого же лица написана Гадебухъ.

[5]) Іоганнъ-Іаковъ Wetzel (р. 1781), ландшафтный живописецъ. Въ 1820 г. онъ издалъ въ Цюрихѣ „Voyages pittoresques aux lacs de la Suisse avec tables et texte“; въ этомъ изданіи помѣщено 137 видовъ Швейцаріи и Италіи, исполненныхъ Ветцелемъ.

[6]) Іоганнъ-Каспаръ Лафатеръ (р. 1741†1801 въ Цюрихѣ), извѣстный писатель и физіогномистъ.

[7]) Живописецъ Лудвигъ Фогель (Vogel, р. 1788†1879).

[8]) Леопольдъ Роберъ (Robert, р. 1794 † 1835) былъ жанровый живописецъ.

[9]) Gabriel Lory (р. 1760†1837), живописецъ и граверъ.

[10]) Вѣроятно, сынъ поэта Соломона Гесснера, Конрадъ Гесснеръ (р. 1764 † 1826), живописецъ и граверъ.

[11]) Въ Цюрихѣ въ это время жили два извѣстныхъ Usteri: Іоганнъ-Мартинъ, поэтъ (р. 1763 † 1827), и Павелъ (р. 1768 † 1831), государственный дѣятель и писатель.

[12]) Іоганнъ-Готфридъ Эбель (р. 1764†1830), докторъ и писатель, издавшій нѣсколько трудовъ по географіи Швейцаріи.

30 іюля, понедѣльникъ. У Эбеля. Условіе съ Саломономъ. Въ лавку Фисли: старый Фисли; обѣдъ: Мейеръ [1]), comte Pou(r)tales [2]). Послѣ обѣда Эбель; о путешествіи, о великой княгинѣ, о Ап(п)енцелѣ, Гларусѣ и 4 кантонахъ. Прогулка: Schnitzenplatz; сліяніе Силь съ Лимматъ; Геснеровъ памятникъ [3]); общество въ Цюрихѣ: раздѣленіе мужчинъ и женщинъ; концерты и балы; мужчины въ баняхъ, кегли, solo, трубки; сватовство и свадьбы; развратъ; стѣсненіе въ разсужденіи переѣздовъ; благотворительность; ценсура: Аарау и С.-Галленъ; уголовный судъ; характеръ учености Цириха. Въ Велленбергъ: 3 этажа; пожаръ; двѣ тюрьмы; столбъ съ цѣпью; пытка и ея слѣдствія. Вечеръ дома.

31 іюля, вторникъ. Пріятное утро въ школѣ слѣпыхъ: пѣніе и ноты; счетъ; повѣрка; мое имя; работы: кошельки, снурки, ковры, корзины, соломенныя подѣлки, стулья, типографія; спальни; шкапы. Обѣдъ два блюда; завтракъ; Негели [4]) музыка, Отче нашъ: поэзія. Обѣдалъ за table d'hôte вмѣстѣ съ Криднеромъ. Криднеръ у меня: сравненіе конституціи съ золотомъ. Эбель у меня: интересный разговоръ о колоніяхъ: Европа, потерявъ Америку, имѣетъ Азію, Тунисъ, Египетъ, Варварію; разговоръ о великой княгинѣ, о принцахъ. Прогулка съ Гадебушемъ: свадьба, пляска, пѣніе.

1 августа, середа. Утро. Хоръ слѣпыхъ. Несчастье для того, чтобы чувствовать Бога. Въ Lindenhof: удивительныя липы. Обѣдалъ за общимъ столомъ. Послѣ обѣда въ Lindenhof: стрѣльба изъ арбалета, 120 шаговъ, ящикъ, номера, чередъ, плата. Совѣтникъ Meiss. Къ Эбелю и Эшеру: эксперименты магнетизма; чистое желѣзо; діагональ; полоса желѣзная; кругъ желѣзный. Сравненіе правителей и педантизмъ. Съ Эбелемъ на Katzenwall: удивительный вечеръ; переливы свѣта, ближніе и дальные предметы, полосы на озерѣ; горы, земныя облака, облака небесныя горы; Мейеръ [5]) и Фридрихсъ; la tristesse: теченіе и возобновленіе воды; камористы въ пустынѣ; вз(г)лядъ на звѣзды печальный.

2 августа [6]), четвергъ. Поутру убирался. У Мейера: рисунки. У Криднера: не засталъ. Обѣдалъ вмѣстѣ съ баварскимъ посланникомъ. Гадебухъ: обязательный. Ужасно жаркій день; но вѣтеръ съ сѣвера,

---

[1]) Іоганнъ-Генрихъ Мейеръ (р. 1768 † 1832), живописецъ и историкъ искусствъ.

[2]) Быть можетъ, графъ Лудвигъ Пурталесъ (р. 1773†1848), оберъ-инспекторъ швейцарской артиллеріи.

[3]) Памятникъ Соломону Геснеру (р. 1730 † 1788), извѣстному швейцарскому поэту и пейзажисту.

[4]) Гансъ-Георгъ Негели (Nägeli, р. 1773 † 1836), композиторъ и преподаватель музыки.

[5]) См. выше, прим. 1-е.

[6]) Въ подлинникѣ описка: іюля.

надежда на хорошую погоду. Послѣ обѣда къ Эбелю: геологическій разговоръ. Карта. Воздержаніе.

3 августа, пятница. Въ четыре часа изъ Цириха. Первая остановка въ трактирѣ на Альбисѣ. Видъ изъ оконъ на Цирихъ, Hütli [1]) и окрестности. Корсаковъ [2]); домъ, гдѣ праздникъ. Къ сигналу. Видъ на Цирихское озеро и на Цугское; надъ Цирихскимъ облака; Риги, Пилатъ. Hausen, гдѣ коляска. Каппель, мѣсто, гдѣ убитъ Цвингли [3]). Blickensdorf, мѣсто рожденія Вальдмана [4]). Баръ, большая деревня; Gemeindehaus. Zug. Трактиръ Zum Hirsch; здѣсь нанялъ лодку; въ церковь: готическая хорошая архитектура; Jüngste Gericht—картина. St. Michel: церковь, кладбище; описаніе M-e Genlis; тюльпаны, натыканные цвѣты; Beinhaus [5]); погребеніе головою къ оградѣ, въ кам(нѣ) соотвѣтственное положеніе. Отъ Цуга до Обервиля берегомъ: прелестное озеро, болѣе живописное, нежели Цирихское, 3 холма; слѣва высокій берегъ, покрытый зеленью, узкій проливъ; впереди Риги, покрытый тучей, самъ какъ туча; влѣвѣ Rufiberg; Frohnalp въ перспективѣ; Росбергъ: направленіе слоевъ. Привѣтствіе у Арта; видъ изъ угольной горницы; весь Риги; пожитки съ носильщикомъ въ Швицъ. Въ Артѣ трактиръ Adler. Видъ отъ Dächli: 3 Kiemen, Kamm [6]), Zug, Albis, U(e)tli, Zugerberg освѣщ(енный), заливъ озера, Артъ, Рейсская долина, Goldau, озеро, прелестный Шванау, радуга, Rossberg, Haggen [7]), Mythen, Schwytz. Встрѣча съ богомольцами. Станція. Марія Schnee [8]). Дѣти. Всходъ на Риги; облака, дождь, красныя пятна, голубые просовы; неожиданный видъ; солнце въ Семпахокомъ озерѣ, облако горящее, выходъ, Пилатъ, нѣкоторые освѣщенные пункты, тѣнь Риги.

4 августа, суббота. Риги. Ночь безпокойная. Путешественники, больные. Утро. Выходъ и всходъ на Кульмъ. Коровы спящія и глядящія; позвонки; вѣтеръ, гонящій облака; эстрада; небо туманное; крестъ и овцы; солнце въ облакахъ; Гольдау; Цугское озеро и облака; нѣко-

---

[1]) Т. е. Uetliberg.

[2]) Жуковскому вспомнился генералъ Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ (р. 1753†1840), командовавшій въ 1799 году частью русской арміи въ Швейцаріи; 13-го (25-го) сентября 1799 года генералъ Массена нанесъ ему пораженіе подъ Цюрихомъ.

[3]) 11-го октября 1531 года.

[4]) Гансъ Вальдманъ (Waldmann, р. 1437 † 1489), швейцарскій военный и государственный дѣятель; онъ, между прочимъ, положилъ въ Швейцаріи конецъ завѣщаніямъ въ пользу монастырей.

[5]) Такъ называется небольшой домъ при кладбищахъ, въ которомъ сохраняются выкопанныя кости умершихъ.

[6]) Т. е. Cham.

[7]) Т. е. Hacken.

[8]) Часовня Maria zum Schnee.

торыя свѣтлыя горы; Goldau и слѣдъ развалинъ; козы и коровы и звонки; дыры; Kuhreigen [1]); драка козъ; возвратный путь; Maria Schnee, дары: костыли, картины (Гольдау), толпа молящихся. Видъ Goldau вблизи; съ другой стороны; жители; женщины на камняхъ; путешествіе черезъ Ловерцкое озеро: Шванау и Seewen; видъ на Mu(o)ttathal, Brunnen и 4-Waldstädtersee. Kuhreigen. Въ Швицъ къ обѣду; жаръ въ ногахъ; одиночество. Трактиръ.

5 августа, воскресенье. Всталъ въ 4 часа. Изъ Швица въ Штейненъ: часовня Вальтера Фирста. Томительная дорога въ Моргартенъ [2]). Озеро Эгери. Садъ, гдѣ прежде болото. Часовня у башни съ изображеніями; св. Іаковъ [3]); подъ башнею было войско. Картина сраженія [4]) надъ дверями. Заттель; въ трактирѣ пилъ кофе. До Розентурма усталость и боль въ ногахъ; отъ Розентурма (гдѣ останавливался въ прекрасномъ трактирѣ) до Эйнзидельна мерзкою, утомительною дорогою. Бездна—историкъ; въ $^1/_2$ перваго часа въ Эйнзидельнъ. Отъ усталости ничего почти не видалъ: огромная церковь, часовня Богоматери, богомольцы, процессія; 14 ключей [5]); библіотека съ бюстомъ Парацельса [6]); кабинетъ минеральный; библіотекарь и Mönch; манускриптъ библіи 14 вѣка; молитвенникъ 15 вѣка; сходбище богомольцевъ; веселость на площади и группы. Верхомъ черезъ Альпталь до подошвы Гакена; прекрасная дорога съ пышными Альпами: утесъ Микель, за нимъ Гларускія горы и Прагель; пѣшкомъ до высоты Гакена: прелестный видъ отъ вершины; трудна(я) дорога вверхъ по бревнамъ; еще худшая внизъ мостовая. Видъ: не доходя до вершины видъ пустыннаго величія; одни Mythen во всей огромности, и на обѣихъ кресты; ничего, кромѣ низходящаго лѣса въ глубину, пажитей, нѣсколько снѣжныхъ вершинъ; вдругъ вся прелесть долины Швица, Seewen, Ловерцъ, Шванау, весь Риги, Сурены, Пилатъ, Frohnalp, Rossberg и сады Швица; таинственный западъ за Риги; тучи и молніи приближали ихъ; сходъ чрезвычайно крутой; мостъ, камни, дернъ; громъ, шумъ водопада, запахъ сѣна, темнота, звонки коровъ, молніи, темнота и свѣтъ; ночь, когда возвратился въ Цугъ.

6 а(вгуста), понедѣльникъ. Пѣшкомъ въ Бруннѣнъ. Прекрасный

---

[1]) Т. е. пастушеская пѣсня.

[2]) При Моргартенѣ швейцарцы одержали 16 ноября 1315 года побѣду надъ герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ.

[3]) Мѣстечко, гдѣ находится часовня, построенная въ память моргартенской побѣды.

[4]) Моргартенскаго.

[5]) Въ источникѣ у часовни Богоматери.

[6]) Знаменитаго врача и естествоиспытателя (р. 1493 † 1541), родиною котораго былъ Эйнзидельнъ.

видъ на Haggen [1]), Mythen, Frohnalp, Axenberg, снѣжныя головы Суреновъ, въ самой дали Bristenstock, Seelisberg (Seelisdorf), Grütli, Pilatus, Bürgenstock у подошвы Пилата; Риги и его подошва Murriberg [2]) У Бруннена Sust (для скл(ада) товаровъ) съ изображеніемъ Т(елл)я. Камень въ озерѣ Wittenstein [3]); переѣздъ въ Грютли; попутный вѣтеръ; 3 ключа; видъ съ Грютли (Wittenstein, Seelisberg, Риги, Haggen, Mythen, Frohnalp, Axenberg). Питье за здоровье. Веселость гребцовъ. Переѣздъ къ Тел(левой) часовнѣ: шумъ волнъ и цвѣтъ ихъ; красота озера; видъ отъ часовни: Сурены, Bauen и Seelisberg, Риги, Фрональпъ. Флюэленъ. Пѣшкомъ въ Альторфъ, гроза. Въ Бюргленъ. Триннеръ [4]). Kinzigkulm. Въ садъ Mü(h)lheim'а Waldegg. Его сынъ и Арнолдъ. Relief.

7-е. Въ char à banc(s) до Амштега. Дорога до Андермата: обѣдъ въ вагенѣ; кофе въ Амстегѣ. Переходъ по доскѣ. Pfaffensprung. Встрѣча съ принцемъ Христіаномъ [5]). Разрывы. Gestinen [6]). Schöllenen. Чортовъ мостъ и Урнерлохъ. Видъ на Андерматъ. Туманъ и ознобъ. Еловая роща.

8-е, середа. Всходъ на С.-Готардъ. Чистый воздухъ. Бой юга съ сѣверомъ. Слѣдъ лавины. Источники Рейссы и Тессина. Переходъ къ Айроло. Каскады Стальведро, Каскацція. Пышная долина Левантинская: прелестный вечеръ между Айроло и Файдо. Aldazzio grande [7]): задняя долина освѣщенная, солнце сквозь горы, дымъ, птицы на солнцѣ; измѣненіе вершинъ; ольха; шумъ Тессина; звонки; звѣзды; мѣсяцъ: вдали; переходъ отъ Алдацціо къ Файдо. Мерзкій трактиръ.

9, четвергъ. Отъ Файдо въ Лугано. Прекрасная дорога; видъ на Беллинцону. Изъ Беллинцоны черезъ Monte Cenere въ Лугано; сходъ въ Лугано; живость на улицахъ. Jeu de paume. Мальчишки. Видъ озера. Жара.

10, пятница. Изъ Лугано черезъ Комо въ Миланъ. Переправа въ Мелидѣ. С.-Сальвадоръ. Capo di Lago. Комо: прекрасный сходъ къ городу; теплый дождикъ; видъ на городъ. Дорога до Милана прелестно-однообразная; виллы. Вечеръ лунный. Скорая ѣзда извощика. Въ Миланѣ трактиръ Reichmann. Louis.

---

[1]) Т. е. Hacken.

[2]) Т. е. Urmiberg.

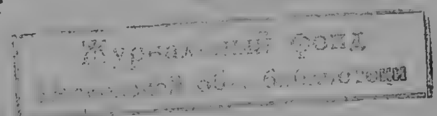
[3]) Вѣроятно, камень Mythenstein.

[4]) Живописецъ Тринеръ (Triner, р. 1760†1824), разсказывавшій Жуковскому о Суворовѣ, какъ очевидецъ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 453).

[5]) Вѣроятно, съ герцогомъ Христіаномъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Августенбургскимъ (р. 1798†1869).

[6]) Т. е. Geschenen.

[7]) Въ дневникѣ описка: granda.

городъ Галацъ, въ которомъ были большіе непріятельскіе магазины; участвовалъ въ дѣлахъ при Турбѣ, Журжевѣ и Браиловѣ, но, потерявъ здоровье главнымъ образомъ вслѣдствіе климатическихъ условій, окончательно вышелъ въ отставку.

Третій очеркъ заключаетъ въ себѣ біографію князя Петра Петровича Долгорукаго, втораго сына генерала П. П. Долгорукаго. Небезъинтересенъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни князя П. П. Долгорукова. Двадцати одного года онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ императора Павла. По пріѣздѣ въ Петербургъ, князю Долгорукову удалось еще болѣе понравиться государю, на котораго произвелъ впечатлѣніе его смѣлый и прямой характеръ. Въ это время былъ сдѣланъ ложный доносъ государю на отца князя, бывшаго тогда начальникомъ Тульскаго оружейнаго завода. Императоръ обратился къ своему генералъ-адъютанту, сказавъ ему, что предоставляетъ его батюшкѣ выборъ наказанія его клеветникамъ.

— Накажите ихъ презрѣніемъ, ваше величество, —отвѣчалъ князь, и Павелъ I, обнявъ его, воскликнулъ:

— Вотъ Долгорукаго кровь!

Участвовалъ ли онъ въ мартовскихъ событіяхъ 1801 г., достовѣрно не извѣстно, но съ воцаренія императора Александра I, князь П. П. сразу выдвигается изъ ряда сотрудниковъ молодаго государя въ первые годы его царствованія. При Аустерлицѣ онъ командовалъ правымъ флангомъ пѣхоты и получилъ за отличіе орденъ Георгія 3-й степени.

Осенью 1806 г. князь Петръ Петровичъ былъ посланъ въ армію генерала Михельсона, предназначенную для дѣйствій противъ турокъ, для осмотра ввѣренныхъ Михельсону войскъ, и выполнилъ это порученіе съ успѣхомъ. Получивъ повелѣніе вернуться, онъ совершилъ обратное путешествіе крайне быстро и прибылъ въ Петербургъ усталый и больной, съ зародышемъ злокачественной лихорадки. Въ самый день своего пріѣзда былъ принятъ государемъ въ продолжительной аудіенціи, которая врядъ ли носила пріятный для него характеръ; въ тотъ же вечеръ онъ, огорченный и изнеможенный, слегъ въ постель, съ которой болѣе и не вставалъ. Онъ умеръ всего 29-ти лѣтъ отъ роду.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи приведены сужденія о князѣ П. П. его современниковъ: графа Ланжерона, князя Ад. Чарторыйскаго и др. Мнѣніе князя Чарторыйскаго особенно интересно потому, что почти въ каждомъ его словѣ чувствуется глубокая, затаенная злоба польскаго магната, замыслы котораго относительно политики Россіи и возстановленія Польши были разбиты, благодаря энергичному вмѣшательству юнаго, но смѣлаго князя Долгорукаго.

Вотъ какъ отзывается о немъ генералъ Беннигсенъ въ своихъ запискахъ: «смерть этого генерала въ цвѣтѣ лѣтъ была большой потерею не только для арміи, но и для самого государя. Онъ обладалъ живымъ и проницательнымъ умомъ и былъ рѣдкой дѣятельности на службѣ».

Послѣдній, четвертый очеркъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности князя Михаила Петровича, младшаго брата кн. П. П. Долгорукова. Въ послужномъ его спискѣ значится: «въ Аустерлицкой баталіи, гдѣ раненъ пулею въ грудь на вылетъ, за что награжденъ золотою шпагою съ надписью: за храбрость». За участіе въ дѣлахъ кампаніи 1805 г. награжденъ Георгіемъ 4-й степени, а за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау — Георгіемъ 3-й степени.

Въ 1808 г., во время войны съ Швеціей, князь Михаилъ Петровичъ былъ назначенъ начальникомъ Сердобольскаго отряда и былъ убитъ при Иденсальми. «Замѣтивъ отступленіе своихъ войскъ, — говоритъ авторъ, — онъ кинулся впередъ, хотѣлъ возстановить порядокъ, но былъ пораженъ ядромъ». Тѣло его было привезено въ Петербургъ и съ великими почестями предано землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской лавры.

Генералъ Беннигсенъ далъ о немъ слѣдующій отзывъ: этотъ молодой человѣкъ имѣлъ всѣ качества, необходимыя для военнаго человѣка. При непрерывныхъ занятіяхъ военными науками, онъ обладалъ большимъ природнымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, обдуманною разсудительностію, положительнымъ, установившимся характеромъ. Онъ былъ серьезенъ при необходимости, а также веселъ и оживленъ, когда слѣдовало ободрять и воодушевлять; онъ былъ предпріимчивъ, но съ осторожностію, и храбръ, безъ слишкомъ большой отваги.

Таково содержаніе интересной книги Его Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, составляющей солидный вкладъ въ нашу историческую литературу. Для изучающихъ исторію Россіи начала XIX столѣтія она представляетъ большую цѣнность.

Н. К-ш-ъ.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

